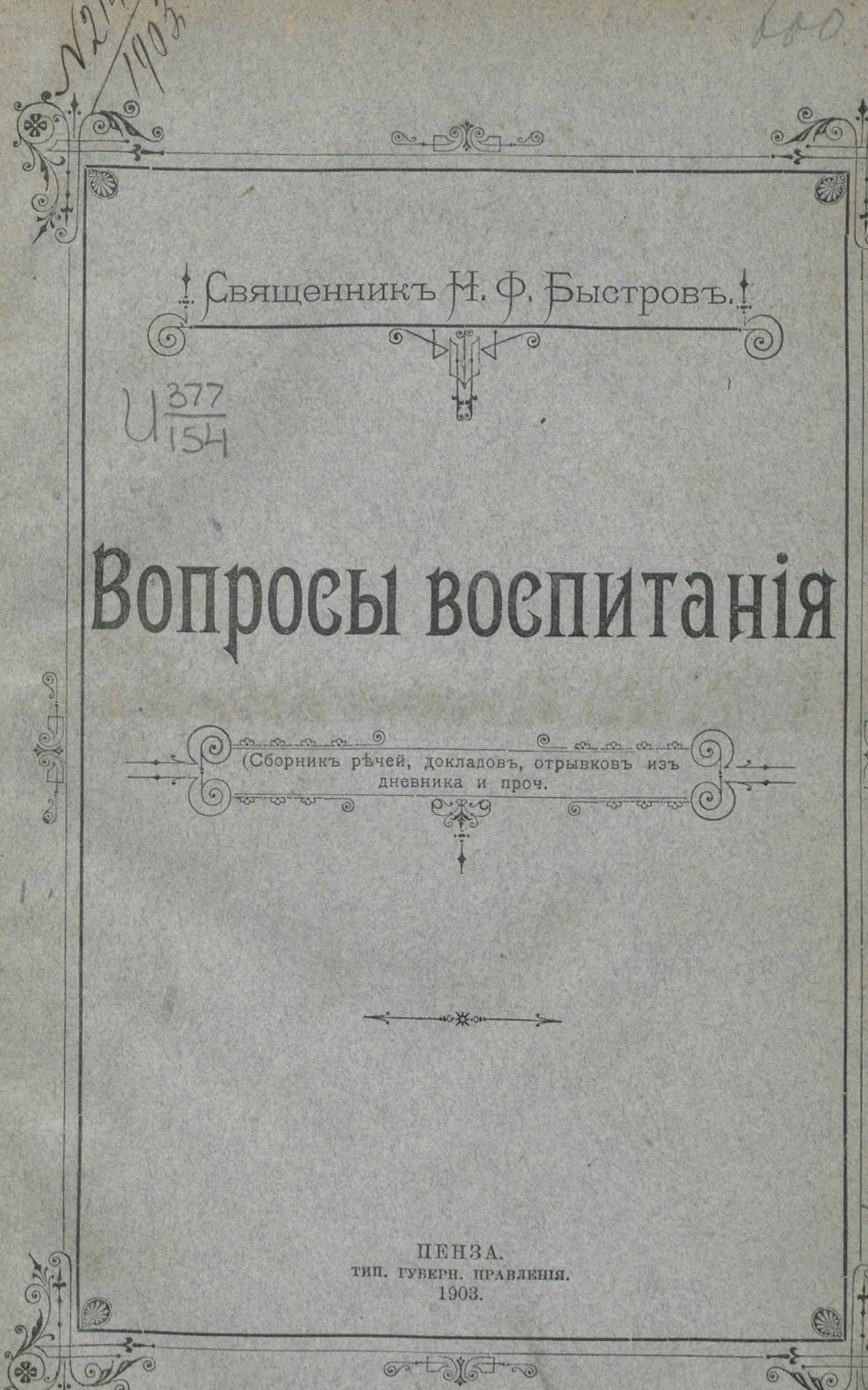

И 377/154

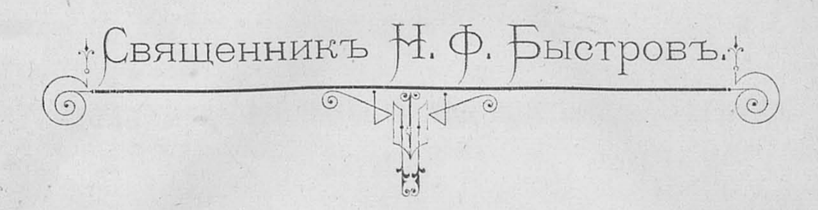

Священникъ Н. Ф. Быстровъ.

Вопросы воспитанія

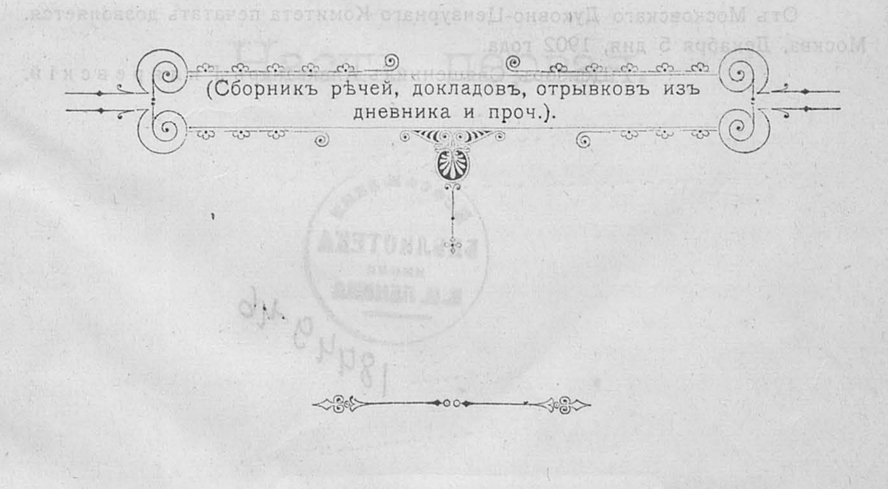
(Сборникъ рѣчей, докладовъ, отрывковъ изъ дневника и проч.

ПЕНЗА.
ТИП. ГУБЕРН. ПРАВЛЕНІЯ.
1903.

Священникъ Н. Ф. Быстровъ.

Вопросы воспитанія.

(Сборникъ рѣчей, докладовъ, отрывковъ изъ дневника и проч.).

ПЕНЗА.

1903.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, Декабря 5 дня, 1902 года.

Цензоръ Священникъ Александръ Гиляревскій.

ТИПОГРАФІЯ ПЕНЗЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ

ТЕЛЕФОНЪ № 138-й.

Часть первая.

I.

Учителя и учительницы церковно-приходскихъ школъ. *)

(Докладъ, читанный **) 9-го Января 1902 г. въ день тридцатилѣтія Петропавловскихъ училищъ, въ собраніи Петропавловскаго церковно-приходскаго Попечительства, завѣдующихъ и учащихъ въ церковныхъ школахъ г. Пензы, представителей городского управленія, дирекціи народныхъ училищъ и пр.)

Дай, добрый товарищъ, мнѣ руку свою
И выйдемъ на берегъ морской;
Тамъ спою я грустную пѣсню
Про жизнь, про людей . . . .
. . . .
Тамъ бьется страдалецъ, какъ рыба объ ледъ,
То явится помощь, то все пропадетъ;
Тамъ мучится бѣдный, въ тоскѣ одинокъ,
И часто онъ тонетъ, какъ тонетъ челнокъ. . . .
. . . .

(Слова покойнаго еписк. Гермогена.)

С. А. Рачинскій, знатокъ, защитникъ, можно сказать, апостолъ церковной школы, всматриваясь и разбирая радости и невзгоды начальной школы, какъ извѣстно, далъ посильную характеристику и учителямъ, работающимъ въ этой школѣ. Онъ раздѣляетъ учителей народныхъ (преимущественно сельскихъ) школъ на три класса: окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій, окончившихъ учительскую семинарію и

*) Статья составлена на основаніи школьныхъ документовъ, учительскихъ дневниковъ и воспоминаній, и личныхъ наблюденій.

**) Въ сокращенномъ видѣ.

учителей, пріобрѣтающихъ это званіе посредствомъ экзамена при гимназіяхъ, духовныхъ и уѣздныхъ училищахъ и т. д. Кромѣ того, мимоходомъ, какъ бы не давая имъ права гражданства, упоминаетъ малограмотныхъ учителей школъ грамоты. Но за всѣмъ тѣмъ, у насъ остаются: учительницы, окончившія епархальныя училища, —гимназистки, прогимназистки, ученики второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, тоже допускающіеся къ учительству, и не только въ школахъ грамоты, но даже и въ одноклассныхъ училищахъ *). Мы будемъ говорить о каждомъ намѣченномъ разрядѣ отдѣльно, а потомъ сдѣлаемъ нѣсколько общихъ выводовъ.

1) „Первый разрядъ, и по времени появленія, и по внутреннему достоинству,—пишетъ Рачинскій,—

*) Интересно прослѣдить, какъ распредѣляются учителя и учительницы церковныхъ школъ по указаннымъ категоріямъ въ разныхъ епархіяхъ. Въ этомъ случаѣ намъ помогутъ оффиціальные отчеты епархіальныхъ наблюдателей и училищныхъ совѣтовъ, по большей части отличающіеся похвальной откровенностію и ясностію. Такъ, во Владимірской епархіи къ 1-му Января 1901 г. одноклассныхъ школъ состояло 466; въ нихъ учителей было всего 521 чел., изъ нихъ: священниковъ—74; діаконовъ—77; псаломщиковъ—15; учителей (свѣтскихъ)—156; учительницъ—199. Образовательный цензъ свѣтскихъ учителей и учительницъ былъ слѣдующій: окончившихъ курсъ дух. семинаріи—71; оконч. учительскую семинарію—4; неоконч. курсъ дух. семинаріи—32; не оконч. курсъ среднихъ свѣтскихъ завед.—2; изъ духовн. училища—8; окончившихъ второклас. школу—13; изъ др. низшихъ учебн. заведеній—13; изъ начальн. школъ и съ домашнимъ образ. —13; изъ нихъ пріобрѣли званіе учителя чрезъ особое испытаніе—44 чел.; учительницъ было, какъ сказано, 199; изъ нихъ окончившихъ курсъ епарх. и дух. ж. училищъ 127; свѣтскихъ учеб. завед.—15; неоконч. курсъ епарх. и дух. ж. училищъ —2; свѣтскихъ среднихъ завед. — 3; изъ прогимназій —26; изъ начальной школы и съ домашн. образ.—26; изъ всѣхъ (неимѣющихъ образ. ценза) право на учительство чрезъ особое испытаніе пріобрѣли 35 чел. (См. Отчетъ Владимірскаго Епарх. Учил. Совѣта за 1900 г.). По Олонецкой епархіи за тотъ-же годъ всѣхъ учителей и учительницъ въ 175 церковно-прих. школахъ было 202 чел., изъ нихъ: окончившихъ курсъ дух. семинаріи—15 чел.; не оконч. семинаріи—4; окончившихъ епарх. училище—115 чел.; окончившихъ женск. гимназію—11; не окончившихъ ж. гимн.—7; окончившихъ учит. семин.— 6 чел.; окончившихъ курсъ ж. прогимназіи—21; получившихъ званіе учителя

составляютъ молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ и готовящіеся къ священническому сану. Наша начальная школа не имѣетъ и долго не будетъ имѣть контингента учителей болѣе солидно и многосторонне подготовленныхъ. Основательность ихъ свѣдѣній, въ особенности по русскому и церковно-славянскому языку и по Закону Божію, вполнѣ вознаграждаетъ нѣкоторую недостаточность въ знакомствѣ съ пріемами элементарнаго обученія. Эта недостаточность, впрочемъ, лишь относительная. Въ духовныхъ семинаріяхъ преподаются педагогика и дидактика; при семинаріяхъ существуетъ „образцовыя школы". На той ступени умственнаго развитія, которая достигается нашими семинаристами, всякій методъ преподаванія усваивается сознательно и легко. Громадное преимущество доставляетъ имъ также полное практическое знакомство съ богослуженіемъ

по экзам.—10; не имѣющихъ правъ на преподаваніе—13 чел. (См. Отчетъ Епарх. наблюдателя). Въ Кіевской еп. за 1899—1900 уч. годъ было 1081 одноклассныхъ школъ, въ нихъ учили 1175 учителей и учительницъ; въ этомъ числѣ правоспособныхъ, т. е. имѣющихъ званіе народнаго учителя по образованію или пріобрѣтшихъ таковое по экзамену, было 485 и неправоспособныхъ—690; по образоват. цензу первые распредѣлялись такъ: окончившихъ дух. академію—2; оконч. дух. семинарію—114; оконч. учительскую семинарію—11; окончившихъ ж. гимназію—12; оконч. ж. институтъ—2; оконч. епарх. училище—187; сдавшихъ экзаменъ на учителя—157; въ числѣ неправоспособныхъ состояло: оконч. курсъ второкл. школъ—49; оконч. курсъ дух. училищъ—87; увол. изъ среднихъ учебныхъ заведеній свѣтскихъ и дух.—36; окончившихъ двухклассныя училища церк. и минист.—293; окончившихъ одноклас. школы—202 и домашн. образов.—23. (Отчетъ Епарх. наблюдателя). По Пензенской еп. за 1899—1900 уч. годъ было 256 одноклассныхъ школъ, учителей и учительницъ—267; въ томъ числѣ: священниковъ—4; діаконовъ—17; псаломщиковъ—39; выбывшій изъ университета—1; окончившихъ курсъ дух. семинаріи—12; окончившихъ учительскую семинарію—2; окончившихъ женское епарх. училище—83; окончившихъ женскую гимназію—6; изъ женской прогимназіи—имѣющихъ учительское званіе 24 и не имѣющихъ—5; окончившихъ второклассную школу—имѣющихъ званіе учителя по экзамену—4 и неимѣющихъ—5; всѣхъ прочихъ—съ званіемъ учителя—42 и не имѣющихъ сего званія—33 чел. (См. Отчетъ Епарх. наблюдателя).

и извѣстный навыкъ къ церковному пѣнію. Тѣ немногіе изъ нихъ, для которыхъ священство есть дѣло призванія, и многіе другіе, въ силу своей умственной зрѣлости, относятся къ своему дѣлу добросовѣстно и серьезно. Привлеченіе ихъ къ дѣятельности въ сельской школѣ, поэтому, весьма желательно. Само собою разумѣется, что... рѣдкому изъ этихъ молодыхъ людей доводится провести въ должности учителя положенные закономъ три года (даже?): они только проходятъ чрезъ сельскую школу и оставляютъ ее, не успѣвъ пріобрѣсти тотъ навыкъ, ту опытность, которые одни могли бы сдѣлать изъ нихъ безукоризненныхъ народныхъ учителей". (Сельская школа, изд. 3-е, стр. 28—29).

Мнѣ кажется, въ приведенныхъ словахъ правда только намѣчена. Что ученики духовныхъ семинарій, какъ кандидаты въ народные учителя, получаютъ болѣе капитальное и разностороннее образованіе и что они имѣютъ довольно солидныя (для народнаго учителя) свѣдѣнія по церковно-славянскому языку и Закону Божію,—это фактъ, стоящій внѣ всякаго спора. Но что, съ другой стороны, учителя изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи—элементъ въ нашей школѣ не только неустойчивый, но прямо таки бѣглый, и что, при солидной подготовкѣ своей, въ большинствѣ случаевъ, они владѣютъ довольно слабыми практическими навыками въ начальномъ преподаваніи и особенно организаціи школьнаго дѣла,—и противъ этого спорить тоже не приходится. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же училищные совѣты нѣкоторыхъ епархій, когда завѣдующіе школами священники обращаются къ нимъ съ просьбами рекомендовать имъ хорошаго учителя, особенно для двухклассныхъ и второклассныхъ школъ, нерѣдко

совѣтуютъ имъ обратиться къ поискамъ ученика учительской семинаріи,—это говоритъ во всякомъ случаѣ не въ пользу воспитанниковъ духовной семинаріи, какъ учителей начальной школы. Мало этого. Нѣкоторые училищные совѣты предпочитаютъ назначать учителями своихъ образцовыхъ школъ при семинаріи, по возможности, учениковъ учительской семинаріи. И если поглубже вдуматься въ это грустное явленіе, то не тяжело найти не мало серьезныхъ причинъ, породившихъ его и его объясняющихъ. Прежде всего, ученикъ духовной семинаріи, какъ учитель церковной школы, дѣйствительно, весьма ненадеженъ: къ школѣ онъ *присталъ* только на время; представилось ему мѣсто священника и школа опять безъ учителя. Самый долгій срокъ пребыванія такого учителя въ народной школѣ, какъ справедливо оговаривается Рачинскій, два—три года. Говоря проще, выходитъ вотъ что: только что пріучился—хотя бы къ практическимъ пріемамъ—одинъ,—глядишь, вы должны уже искать другого учителя, такого же неопытнаго и неподготовленнаго. Я говорю: *неопытнаго и неподготовленнаго* и даже настаиваю на этомъ. Конечно, бываютъ исключенія, но не о нихъ идетъ рѣчь. Дѣло въ томъ, что наши духовныя семинаріи доселѣ не съумѣли еще поставить надлежащимъ образомъ педагогику и дидактику въ ихъ практическомъ примѣненіи къ народной школѣ. И не мудрено. Вѣдь мы въ семинаріи отлично выучиваемся критиковать разные методы и системы и... только. А дальше что? Откуда взять и поучиться практическимъ пріемамъ? Въ образцовой школѣ при семинаріи? Но постановка дѣла въ этихъ школахъ относительно успѣшности преподаванія доселѣ оставляетъ желать много лучшаго; доселѣ ученики этихъ школъ,

ни по общему своему развитію, ни по предметнымъ знаніямъ, не только не стоятъ выше учениковъ городскихъ начальныхъ училищъ, но во многомъ имъ уступаютъ, что особенно бросается въ глаза при вступительныхъ экзаменахъ въ городскія четырехклассныя и церковно-приходскія двухклассныя училища. Говорятъ, что образцовыя школы и не обязаны готовить „образцовыхъ“ учениковъ; ихъ задача, говорятъ, скромнѣе и состоитъ она въ ознакомленіи учениковъ семинаріи, какъ будущихъ учителей и руководителей начальной школы, съ практическими пріемами начальнаго преподаванія, а главное, организаціи и управленія церковной школой. Едва ли можно согласиться съ этимъ. Тогда семинаріи съ образцовыми школами создавали бы и хорошихъ учителей, чего, какъ мы видимъ, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. А съ другой стороны, и называйте тогда школы эти не образцовыми, а какими-нибудь „практическими“, „опытными“, или просто школами (безъ всякихъ аттрибутовъ), да оповѣстите объ этомъ родителей. Вѣдь едва ли кто изъ родителей согласится отдать своего ребенка только для производства надъ нимъ разнаго рода экспериментовъ... Все дѣло, кажется, можно объяснить гораздо проще. Во 1-ыхъ учитель въ образцовой школѣ, по большей части, только что со скамьи, т. е. молодой и неопытный. Во 2-ыхъ руководитель школы, каковымъ всегда бываетъ учитель педагогики и дидактики, тоже рѣдко владѣетъ (говорится о большинствѣ) практическими пріемами преподаванія въ начальной школѣ, такъ какъ и онъ, вѣроятно, прямо со скамьи попалъ въ руководители,—сельской школы (съ тремя отдѣленіями и однимъ учителемъ) не видалъ и не знаетъ, и пр., такъ что вполнѣ возможно, что онъ самъ растерялся

бы, если бъ ему пришлось *самому* провести образцовый практическій урокъ. За всѣмъ тѣмъ, этотъ руководитель обычно преподаетъ тѣ же уроки въ женскомъ епархіальномъ училищѣ и руководитъ состоящей при немъ образцовой школой,—кромѣ того занимаетъ какой нибудь основной урокъ по главнымъ предметамъ семинарскаго образованія, да долженъ изображать секретаря Училищнаго Совѣта (а дѣлопроизводство совѣтовъ въ наше время чрезвычайно разрослось). Конечно, всѣ должности эти платныя, но заваленный почти непосильной работой и не имѣющій, какъ говорится, свободной минуты, чтобъ толкомъ посмотрѣть въ школѣ, руководитель *забѣгаетъ* въ школы случайно и по большей части во время перемѣнъ... Вотъ гдѣ главныя причины ненадлежащей постановки учебнаго дѣла въ образцовыхъ школахъ, отчасти объясняющей и плохую подготовку семинаристовъ, какъ будущихъ учителей народной школы.

Слѣдующія выдержки изъ учительскаго дневника, картинно рисуя намъ ту массу затрудненій, съ которыми приходится бороться *образованному и многосторонне подготовленному* къ своему дѣлу семинаристу-учителю на первыхъ порахъ его учительской дѣятельности, покажутъ, насколько мы справедливы въ своихъ положеніяхъ.

„Курсъ дух. семинаріи я окончилъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 189... г. 26-го Августа я получилъ отъ епарх. учил. совѣта назначеніе учителемъ во 2-й классъ NN церковно-приходской двухклассной школы. Товарищи мои по семинаріи предупреждали меня, что эта школа—безобразная, и по постановкѣ въ ней учебнаго дѣла и отсутствію должной дисциплины, и не нормальная, по несоотвѣтствію въ ней количества учащихся съ размѣрами помѣщенія, а главное,

по дурному подбору учениковъ... Я не обратилъ на это вниманія, а поспѣшилъ представиться попечителю и завѣдующему, познакомился съ учителями школы и, затѣмъ, немедленно приступилъ къ дѣлу. Оказалось, что заниматься я долженъ былъ съ 1-ымъ отд. 2-го класса, которое мы для простоты будемъ называть четвертымъ отдѣленіемъ (въ первомъ классѣ было три отдѣленія); отдѣленіе это помѣщалось не въ училищномъ зданіи, а находилось около церкви, въ пѣвческой комнатѣ. Послѣдняя новость для меня была очень непріятна: какъ неопытному учителю, мнѣ, прежде всего, хотѣлось стать поближе къ школѣ и учителямъ, чего, какъ разъ наоборотъ, мнѣ и не могло дать мое четвертое отдѣленіе... Въ отдѣленіи было 72 ученика!!. Повторяю, я былъ неопытенъ и, потому, такое огромное количество учениковъ для одного учителя не показалось мнѣ черезчуръ большимъ. Я чувствовалъ тогда, руководимый своими идеальными взглядами, что способенъ былъ принять учениковъ еще больше. Я спѣшилъ, какъ можно, скорѣй приняться за дѣло—учить и воспитывать этихъ сидѣвшихъ предо-мною мальчиковъ—*оборванцевъ* (я не могъ иначе назвать ихъ, такъ какъ большинство изъ нихъ были одѣты невозможно неряшливо и грязно). И на первый разъ всѣ мои ученики показались мнѣ невинными, беззащитными, милыми. Конечно, начавши регулярныя занятія въ школѣ и поприсмотрѣвшись поближе, я во многомъ и вскорѣ же долженъ былъ жестоко разочароваться...

Въ томъ году, какъ я поступилъ въ N школу, заканчивалось преобразованіе ея изъ одноклассной въ двухклассную, а именно: съ начала учебнаго года было открыто 2-е отд. 2-го кл., по нашему, пятое отдѣленіе, а прежде было только четыре отдѣленія.

Для образованія пятаго отдѣленія, взяли учениковъ, переведенныхъ изъ третьяго отдѣленія въ четвертое; въ четвертое же пересадили лучшихъ учениковъ средняго отдѣленія (15 чел.) и открыли милостивый пріемъ для желающихъ (окончившихъ начальныя городскія училища, уволенныхъ изъ реальнаго училища, гимназіи, уѣздныхъ и городскихъ училищъ и пр.). Такъ какъ строгаго разбора и экзаменовъ не было, а принимали учениковъ, больше по благоусмотрѣнію старшаго учителя и лицъ, близко стоящихъ къ школѣ или приходской церкви, то и оказались принятыми такіе ученики, отъ которыхъ отказались всѣ учебныя заведенія, въ которыхъ они прежде учились,—и принятыми въ такомъ громадномъ количествѣ! Составъ четвертаго отдѣленія, по моей провѣркѣ, оказался такимъ: 15 учениковъ было переведено изъ средняго отдѣленія, 15 оставлено на повторительный курсъ, и 42 приняты со стороны. И вотъ въ этомъ-то, разнохарактерномъ и, стало быть, самомъ трудномъ отдѣленіи и пришлось заниматься мнѣ. Впрочемъ и въ остальныхъ отдѣленіяхъ учениковъ было не меньше. И къ несчастію для школы насъ—учителей было не пять, какъ бы это должно быть по числу отдѣленій, а только четыре, такъ что одной учительницѣ пришлось заниматься съ двумя отдѣленіями, а въ нихъ было 90 человѣкъ! Вообще школа была переполнена до невозможности и въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ учителю прямо таки шагнуть было некуда. И ни отъ кого-то я не могъ узнать тогда, почему такъ переполнена наша школа. Лишь старшій учитель неувѣренно ссылался на необезпеченность школы и на большое количество учащихся, какъ на единственное средство (изъ взносовъ платы за право обученія) ея существованія. Мое отдѣленіе,

какъ я уже сказалъ, помѣщалось при церкви. Для учителя здѣсь не было даже маленькой каморки, чтобы онъ могъ освѣжиться въ свободное отъ занятій время; для учениковъ тоже ни дворика, ни тѣмъ болѣе садика: имъ приходилось въ перемѣны выбѣгать прямо на базарную площадь, находящуюся предъ церковію. Благодаря этому, поддерживать порядокъ въ своемъ отдѣленіи для меня было затруднительно, даже невозможно,—и не смотря на все мое стараніе очень часто, почти постоянно находились недовольные моими учениками. Помню я, какъ одинъ разъ ученикъ утащилъ доску отъ ящика съ крыльца одной лавочки, намѣреваясь смастерить изъ нея приличную лапту. Вдругъ приходитъ ко мнѣ въ школу городовой и начинаетъ читать нотаціи за распущенность учениковъ. Я сначала очень покойно урезонивалъ его, ссылаясь на неумѣстность его поступка, но попытки мои не имѣли никакого воздѣйствія на блюстителя порядка и онъ продолжалъ поучать меня, какъ обходиться съ ребятами. Въ концѣ концовъ, я попросилъ его оставить школу, а онъ, уходя, обѣщалъ жаловаться высшему начальству. Въ другой разъ, въ мое отсутствіе, ворвался въ школу прикащикъ съ метлой и изувѣчилъ ни въ чемъ неповиннаго, перваго попавшагося мальчугана, за то, что „какіе-то ребята изъ этой училыни подбѣгали къ возу съ сурепкой и хватали ее, полагая, что это макъ"... Часто ворчали на моихъ учениковъ старухи, проходящія мимо „нашей училыни". Боязливо относились къ ребятамъ торговки, опасаясь какъ бы они не разнесли ихъ лотковъ и товаровъ. И не мудрено: торговки занимали около школы всю площадь (по базарнымъ днямъ), такъ что ученикамъ не только поиграть, но и выйти-то изъ школы было невозможно безъ риску

не опрокинуть что либо и не получить за это надлежащій подзатыльникъ, а затѣмъ, если ученикъ былъ неаккуратенъ, слѣдовали еще жалобы. Надо было чинить судъ и расправу, и часто на такіе разборы уходила вся перемѣна, такъ что и отдохнуть не удавалось... Въ числѣ моихъ учениковъ были мальчики испорченные, съ которыми трудно было ладить. Не обращая вниманіе на этотъ фактъ, я допускалъ тогда въ школѣ возможной только внутреннюю дисциплину и слишкомъ недовѣрчиво относился къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Я рѣшилъ запастись терпѣніемъ и обходиться съ испорченными мальчиками также гуманно, какъ и съ прочими, до послѣдней возможности. Этимъ я, конечно, сдѣлалъ еще болѣе тяжелымъ свое положеніе, но иначе поступать я тогда не могъ; объясняю это своей исключительно теоретической подготовкой въ семинаріи къ учительству. Трудность моего положенія увеличивалась еще тѣмъ, что я былъ совершенно одинокъ. Сблизиться съ остальными учителями мнѣ доселѣ еще какъ-то не удалось. И они жили, какъ я замѣтилъ, тоже разрозненно, каждый своими интересами, и другъ къ другу относились, какъ мнѣ казалось, недовѣрчиво... Мнѣ до слезъ дѣлалось больно, что школа, стоящая на виду у всѣхъ, такъ оброшена, что служитъ даже посмѣшищемъ для другихъ. Тѣмъ болѣе мнѣ было обидно за нашу школу: вѣдь она называлась *церковною!* Не стану описывать, почему это такъ было, но скажу одно, что *по идеѣ* я ставилъ церковную школу выше земской. Я считалъ нормальной ту только школу, которая ставитъ для себя главною цѣлью—давать дѣтямъ религіозно-нравственное воспитаніе. Я зналъ массу учителей земскихъ, которые въ общемъ были люди малообразованные, но въ то же

время самоувѣренные и самодовольные; нѣкоторые изъ нихъ были не безупречны съ нравственной стороны и подчасъ легкомысленно относились даже къ требованіямъ религіи, обрядамъ прав. церкви и обычаямъ русскаго простонародья. Все это подтверждало мои теоретическія воззрѣнія и поселяло недовѣріе къ такимъ дѣлателямъ на нивѣ народной. Само собою, что въ большинствѣ случаевъ такіе учителя рѣдко дружили съ священникомъ, а иногда демонстративно поднимали непріятности съ нимъ. Вслѣдствіе этого результаты получались плачевные: священникъ или отдалялся отъ школы, или же вступалъ въ препирательство и ссоры. И думалось мнѣ, что въ церковной школѣ дѣло должно идти лучше. Конечно, я сознавалъ, что и положеніе церковныхъ школъ весьма незавидно, что зависѣло главнымъ образомъ отъ необезпеченности ихъ, иногда отъ небрежнаго отношенія къ нимъ завѣдующихъ. Но вѣдь все это—дѣло поправимое, думалъ я. Надо только, продолжалъ я мечтать въ юной головѣ своей, надо поднять образованіе духовенства, обезпечить школу, вознаградить трудъ учителя и священника... И вотъ послѣ такихъ радужныхъ мечтаній такая холодная дѣйствительность! Будто школа наша никому не была нужна, никого не интересовала! Будто, все такъ и должно было быть... Подобныя мысли наполняли мою голову въ свободное отъ занятій время. Недобрыя это были мысли, тяжелыя!.. Лично самъ я ничего не могъ подѣлать съ неудобствами помѣщенія и вообще съ нежелательными сторонами моей школы. Я могъ только протестовать, заявлять о невыносимости этихъ условій, но нельзя было надѣяться, я не имѣлъ права надѣяться, чтобъ изъ этого вышелъ какой-нибудь толкъ. Къ тому же я былъ молодъ, неопытенъ, не

зналъ даже, съ чего начать свои хлопоты и какъ повести дальше. Могутъ, невольно думалось мнѣ, меня же очернить, въ ничто поставитъ мою службу, мое честное отношеніе къ дѣлу и благіе порывы. Я рѣшилъ молчать и... молчалъ. И чего, чего только не передумалъ я за это время!

Какъ шли у меня уроки и какова была дисциплина во время занятій? Дѣло шло незавидно. Первая причина заключалась, конечно, въ томъ, что семинарія не дала мнѣ надлежащей подготовки. Кончая курсъ, мы имѣли только самыя общія представленія хода обученія въ школѣ. Мы едва-едва успѣли просмотрѣть методики преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ. Мы успѣли только просмотрѣть и не могли, хоть сколько-нибудь, провѣрить на дѣлѣ вычитанное изъ учебниковъ. Теоричны, поверхностны были наши представленія о дисциплинѣ, а въ дѣлѣ обученія даже и теоретическія-то познанія были слабы *). Какъ во внѣклассной, такъ и въ классной дисциплинѣ я допускалъ законной только ту, которая основывается на самомъ веденіи дѣла обученія. Во время урока учитель, говорили мнѣ наши книжки и книжные учителя, долженъ заинтересовать учениковъ своимъ преподаваніемъ,—тогда ученики будутъ внимательны, даже не нужны будутъ не только наказанія (конечно, не физическія), но и окрики, въ родѣ слѣдующихъ: „что не слушаешь?“ „что такъ сидишь?— сядь прямѣе!“ Если жъ учитель въ этомъ не успѣваетъ, значитъ это—плохой учитель,—учитель, который изнуряетъ учениковъ своими схоластическими требованіями, своимъ отвлеченнымъ, безжизненнымъ преподаваніемъ. Такимъ учителемъ я не хотѣлъ быть.

*) Здѣсь опускаются разсужденія о томъ, почему получаются такіе результаты въ семинаріи.

Послѣ я сильно пожалѣлъ о томъ, что долго не хотѣлъ идти на компромиссъ, принявъ во вниманіе, во 1-ыхъ, ненормальныя условія моей школы, во 2-ыхъ, мою неподготовленность къ дѣлу. Только что я приступилъ къ занятіямъ, какъ увидѣлъ, что, не смотря на всѣ мои старанія, не могу провести урокъ такъ, чтобъ всѣ до одного ученики слушали внимательно: у меня не было, вырабатывающихся практикой, пріемовъ, которые такъ помогаютъ и такъ необходимы учителю. Трудность увеличивалась еще тѣмъ, что почти невозможно было подобрать матеріалъ, который можно было бы съ интересомъ проработать съ учениками самой разнообразной подготовки. Однако я хотѣлъ допустить одно изъ двухъ: или вести уроки съ интересомъ для учениковъ и тѣмъ достигнуть дисциплины въ классѣ, или совсѣмъ не быть учителемъ. Я обложилъ себя методиками, думая хоть въ нихъ найти выходъ изъ своего труднаго положенія, но методики, кажется, еще больше сбили меня съ толку и еще болѣе поколебали во мнѣ увѣренность въ себѣ... Отъ этого произошло то, что ученики не пріучились къ дисциплинѣ. На мою бѣду, какъ я уже говорилъ, у меня было не мало испорченныхъ учениковъ, которые не только не исправлялись сами, но заражали даже хорошихъ мальчиковъ. Я даже не зналъ, съ какими учениками мнѣ слѣдуетъ больше возиться, съ дурными или хорошими, хотя долженъ сказать, что дурные ученики невольно отнимали у меня массу времени, они иногда возмущали мою душу, утомляли меня, ослабляли мою энергію. Правда, я замѣчалъ со стороны нѣкоторыхъ учениковъ довѣрчивость ко мнѣ и любовь,— это очень утѣшало меня, но я не могъ не замѣтить въ тоже время, что эти же ученики, чтобъ, вѣроятно, не

отстать отъ товарищей, предъ посторонними лицами даже старались иногда вести себя скверно. Посторонній человѣкъ прямо могъ назвать мое отдѣленіе недисциплинированнымъ, а нѣкоторымъ личностямъ это дало поводъ къ обвиненію меня въ малоспособности къ учительству и распространенію другихъ нежелательныхъ для меня слуховъ... Во время занятія ученики донимали тѣмъ, что они обыкновенно не сядутъ сразу тихо, какъ бы слѣдовало, и затѣмъ сидятъ невнимательно и позволяютъ шалости. Отличались этимъ, конечно, негодные ученики, а ихъ у меня было больше 20. Изъ за нихъ дѣло ужасно тормазилось и страдала дисциплина. Я старался еще болѣе готовиться къ урокамъ, чтобъ интересомъ занятій сосредоточить ихъ вниманіе, но это мнѣ не удавалось. Я, наконецъ, сталъ соглашаться, что единственное средство поправить дѣло состояло въ исключеніи самыхъ негодныхъ учениковъ, но, во 1-ыхъ, такихъ учениковъ было не мало, а во 2-ыхъ, мнѣ все таки страшно не хотѣлось прибѣгать къ такой крутой мѣрѣ. И только послѣ долгой душевной борьбы я рѣшился исключить двухъ-трехъ учениковъ. Но оказалось, что и это сдѣлать не такъ легко, какъ я думалъ. Когда я сталъ совѣтоваться съ законоучителемъ и старшимъ учителемъ, то я узналъ, что въ школѣ былъ такой случай. Одинъ изъ моихъ предшественниковъ уволилъ ученика, съ вѣдома завѣдующаго. Оказалось, однако, что этотъ ученикъ былъ сыномъ дворника одного изъ вліятельныхъ лицъ прихода. Послѣдній просилъ принять мальчика обратно и „отказать было нельзя“... Идти по этому дѣлу въ Училищный Совѣтъ мнѣ тоже не хотѣлось, потому что я опасался, какъ бы тамъ поняли мое горе, какъ бы, напротивъ,

не разобравши дѣла, не возвели на меня новыхъ обвиненій...

Вообще нервы мои были напряжены до послѣдней степени. Я весь ушелъ въ школьныя дѣла. Если я бывалъ среди людей, не интересующихся школьнымъ дѣломъ, то мнѣ становилось скучно, я спѣшилъ уйти оттуда. Удачно проведенные уроки дѣлали меня веселымъ на весь день, неудачи въ школѣ, какія-нибудь гадости учениковъ повергали меня въ отчаяніе и растроивали до безконечности. Я напряженно думалъ: „не виноватъ ли больше я самъ? Все ли я сдѣлалъ для предупрежденія нежелательнаго явленія?“ Мозгъ мой не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, но вѣчно былъ наполненъ вопросами по школьному дѣлу, а поговорить было не съ кѣмъ, поговорить, разумѣется, такъ, чтобъ человѣкъ понялъ меня, посовѣтовалъ что-нибудь....

Работать въ нашей школѣ было тяжело, невыносимо: она своею жалкой дѣйствительностію разрушала всѣ лучшіе порывы души, тянула за душу, могла погубить человѣка, разстроивъ его и морально, и физически....

Къ половинѣ учебнаго года въ нашу школу поступилъ человѣкъ, который и по своему положенію, и по личнымъ качествамъ сразу занялъ первое мѣсто среди корпораціи школы. Онъ горячо принялся за школьныя дѣла и въ воздухѣ повѣяло новымъ духомъ. Дисциплина поднялась, ученики (нѣсколько негодныхъ учениковъ были уволены) подтянулись, учителя сплотились... Явилась надежда на лучшее будущее

. . . .

Прошло два года. Какъ измѣнилась теперь наша школа! Мы учимъ въ прекрасномъ зданіи, вы-

строенномъ на отпущенныя изъ Синода деньги. Въ каждомъ отдѣленіи свой учитель. Учителя обезпечены жалованьемъ весьма удовлетворительно. Имѣется и дѣйствуетъ Педагогическій Совѣтъ. Учреждена библіотека, пріобрѣтенъ фонарь и открыты народныя чтенія. Прежде разрозненные, учителя теперь представляютъ дружную, родную семью. Лично я за это время научился владѣть учениками, пріобрѣлъ навыкъ въ преподаваніи и пр. Перемѣна, однимъ словомъ, полная. И хорошо, еслибъ и впредь такъ шло. Но... носятся упорные слухи, что такъ поставившее школу лицо будетъ взято отъ насъ... А тогда что? Вѣдь школа только вылѣзла было изъ чернаго тѣла въ бѣлое... И меня что ждетъ въ ближайшемъ будущемъ? Неужели все на смарку?!!“...

. . . .

Много говоритъ этотъ дневникъ честнаго учителя..

2) Противъ учителей изъ окончившихъ курсъ учительской семинаріи С. А. Рачинскій очень предубѣжденъ. Вотъ какой рѣзкій отзывъ даетъ онъ о нихъ. „Слѣдующій разрядъ нашихъ сельскихъ учителей составляютъ тѣ учителя ex professo, которые выходятъ изъ нашихъ учительскихъ семинарій... Наши учительскія семинаріи наполняются, съ одной стороны, молодыми крестьянами, окончившими курсъ въ двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, съ другой— юношами изъ всѣхъ прочихъ сословій. Причины, побуждающія ихъ поступать въ эти заведенія—разнообразны, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ между ними играетъ видную роль—сознательное желаніе поступающаго посвятить себя учительскому званію. Преобладающимъ мотивомъ со стороны родителей—крестьянъ является тутъ смутное желаніе вывести своихъ дѣтей въ *господа*; со стороны родителей дру-

гихъ сословій—вполнѣ сознательное желаніе избавить своихъ дѣтей отъ воинской повинности и доставить имъ три года казеннаго содержанія и ученія, а затѣмъ—казенное мѣсто. Эти юноши въ теченіе трехъ лѣтъ проходятъ многосложный курсъ, положенный для учительскихъ семинарій. Самое поверхностное усвоеніе такого курса въ столь краткое время стоитъ не малаго труда. О серьезномъ дѣйствительномъ усвоеніи не можетъ быть и рѣчи. Особенно печально отражается это несоотвѣтствіе между содержаніемъ курса и его продолжительностію на усвоеніи самыхъ основныхъ предметовъ—русскаго языка и математики. Но кромѣ массы отрывочныхъ полузнаній, воспитанники учительской семинарій пріобрѣтаютъ въ ней еще нѣчто другое. Крестьянскаго парня, проведшаго въ ней три года, невозможно узнать. Общество юношей другихъ сословій, нѣмецкое платье, французскіе танцы, быстрое усвоеніе всѣхъ внѣшнихъ признаковъ образованности, столь соблазнительное для впечатлительной, художественно-подражательной русской натуры, неизбѣжно и безповоротно переводятъ его въ разрядъ *господъ*. Онъ вполнѣ отпадаетъ отъ крестьянской среды и поступивши на мѣсто, вдали отъ своей родины, прямо примыкаетъ къ среднему слою сельскаго общества, состоящему изъ духовенства, небогатыхъ помѣщиковъ, кабатчиковъ и деревенскихъ кулаковъ. Въ этомъ кругу онъ является образованнымъ, всюду желаннымъ и приглашаемымъ кавалеромъ, затмѣвающимъ недоучившихся барчуковъ и тяжеловатыхъ, робкихъ воспитанниковъ духовной семинаріи. Его преподаваніе, по новымъ методамъ, имѣющимъ свои достоинства, но мало отношенія къ потребностямъ сельской школы, строгій порядокъ и благообразіе, водворенные имъ въ училищѣ, приво-

дятъ въ восхищеніе мѣстную интеллигенцію, обезпечиваютъ ему одобреніе вѣчно торопящагося учебнаго начальства... Къ сожалѣнію, жалованье его слишкомъ мало; при полубарскомъ его образѣ жизни, оно не даетъ ему возможности откладывать на черный день, не даетъ права разсчитывать на женитьбу въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращается. Отсюда быстро развивающееся недовольство своимъ положеніемъ, желаніе улучшить его, во что бы то ни стало. Первымъ, ближайшимъ выходомъ является поступленіе въ учительскій институтъ, сулящее впереди лучше обезпеченное мѣсто городского учителя, сопричтеніе къ служебному чиноначалію, возможность безграничной карьеры... Но всѣмъ воспитанникамъ учительскихъ семинарій нѣтъ возможности поступать въ учительскіе институты; это удѣлъ немногихъ счастливцевъ. Остальные вынуждены искать иного выхода и рано или поздно его находятъ. Бойкій и грамотный молодой человѣкъ, примкнувшій къ средѣ *господъ* и купцовъ, всегда найдетъ себѣ положеніе менѣе тягостное, чѣмъ положеніе сельскаго учителя, съ вознагражденіемъ не въ примѣръ большимъ. Внѣшній лоскъ, пріобрѣтаемый въ учительскихъ семинаріяхъ, несомнѣнно приноситъ пользу ихъ воспитанникамъ, но не по учебному дѣлу... Конечно, есть исключенія. Есть воспитанники учительскихъ семинарій, съ любовію погружающіеся въ свое дѣло и поэтому довольствующіеся его скромною обстановкою, тщательно пополняющіе собственнымъ трудомъ пробѣлы, оставленные въ ихъ образованіи учительскою семинаріею, вырабатывающіе изъ себя превосходныхъ, прочныхъ сельскихъ учителей. Но такіе молодые люди (т. е. съ призваніемъ) поступаютъ въ семинарію лишь случайно. Дѣти поступаютъ въ

семинаріи 15—16 лѣтъ. А въ эти лѣта угадать призваніе—трудно, да и некому на это обратить вниманіе" (Сельская школа, стр. 31—34).

Съ своей стороны, изъ длиннаго личнаго опыта я вывожу совсѣмъ другое заключеніе. Правда, ученики учительскихъ семинарій не получаютъ такого капитальнаго общаго образованія, какъ ученики духовныхъ семинарій. За то на счетъ практической подготовки къ дѣлу народнаго учительства не остается желать ничего лучшаго. Затѣмъ, учителя изъ воспитанниковъ учительской семинаріи идутъ въ школу съ опредѣленными претензіями и извѣстными взглядами на жизнь; идя въ деревню, они ясно представляютъ, что ихъ ждетъ впереди. Во всякомъ случаѣ, эти учителя,—чтобы намъ не говорилъ Рачинскій,—элементъ для школы не случайный, какъ духовные семинаристы. Если-жъ у многихъ изъ нихъ есть стремленіе пробить себѣ дорогу дальше, если нѣкоторые даже предпочитаютъ подчасъ учительству должности болѣе обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи, то первое (стремленіе) во всякомъ случаѣ только похвально, а второе обстоятельство, съ общечеловѣческой точки, и не особенно ужъ предосудительно: „и рыба ищетъ, гдѣ глубже". Тѣмъ паче послѣдняго упрека никто не посмѣетъ предъявить къ учителямъ этого разряда in corpore. И лично я знаю десятки примѣровъ, когда кончающіе курсъ учительской семинаріи мечтаютъ, ждутъ-не дождутся начала своей учительской дѣятельности, и непремѣнно въ своей крестьянской средѣ. Съ другой стороны, введеніе винной казенной монополіи въ нашей губерніи показало, что вообще пензенскіе учителя, и особенно учителя изъ учительской семинаріи, не бѣжали въ сидѣльцы винныхъ лавокъ, не смотря на

свое, болѣе чѣмъ скромное учительское обезпеченіе. Послѣдній фактъ уже категорически говоритъ объ устойчивости учителя разбираемаго типа и упрекъ Рачинскаго ученикамъ учительской семинаріи въ ихъ подневольномъ, такъ сказать, учительствѣ, повторяемъ, несправедливъ. Можно лишь пожелать, чтобъ учительскія семинаріи не выпускали изъ своихъ стѣнъ своихъ питомцевъ такими юнцами, какъ это дѣлается нынѣ, а для этого или удлиняли бы курсъ, или принимали бы въ первый классъ юношей болѣе возрастныхъ.

Какъ и въ первомъ случаѣ для того, чтобъ представить яснѣе типическія черты характера и нравственной физіогноміи такого учителя, я приведу дальше выписки изъ имѣющагося у меня обширнаго дневника учителя церковной школы изъ окончившихъ курсъ учительской семинаріи.

„По окончаніи курса учительской семинаріи въ 189... году я былъ посланъ учителемъ въ заштатный городъ N. Еще будучи въ семинаріи, мечталъ я о томъ, какъ много сдѣлаю въ селѣ, мечталъ о томъ, что устрою порядочный хоръ и тѣмъ расположу крестьянъ и къ церкви, и къ школѣ, и къ себѣ самому; мечталъ о томъ, чтобъ мои ученики, по выходѣ изъ школы, сдѣлались, насколько возможно, добрыми и порядочными людьми, чтобъ грамота не осталась безслѣдной, но была бы полезной на всю жизнь. О матеріальныхъ благахъ мечтать было нечего, потому что блага эти давно ужъ всѣмъ извѣстны и какъ бы ни былъ хорошъ учитель, а все жъ ему „не до жиру, а лишь бы быть живу“. При вступленіи въ должность, мечты мои стали осуществляться, но далеко не всѣ и совсѣмъ не такъ, какъ я думалъ.

Прежде всего, пріѣхавши въ городъ N и вступивши въ должность, я принялся за устройство хора, что удалось мнѣ, какъ нельзя лучше. Въ короткое время я расположилъ крестьянъ къ себѣ и уже удостоивался поклоновъ при встрѣчѣ съ ними на улицѣ. Все это я приписываю пѣнію: крестьяне очень любятъ церковное пѣніе и ничѣмъ ихъ такъ не расположишь къ себѣ, какъ именно трудами по устройству хора. Съ того времени, какъ сталъ пѣть хоръ, стало, говорятъ, и въ церковь ходить народу больше, да и въ школу,—говорили мнѣ старожилы,—мужички не въ примѣръ охотнѣе отдаютъ ребятъ. „Экой вѣдь ученикъ-то у насъ какой. Парень малый, а шустрый; пѣнье-то въ церкви какое завелъ",—говорили мужички о новомъ учителѣ. Насколько пріятно было для крестьянъ церковное пѣніе, видно изъ того, что они, безъ моего вѣдома, положили мнѣ жалованье—четыре рубля въ мѣсяцъ.

Вскорѣ, при помощи добрыхъ людей и священника, отмѣннаго и энергичнаго человѣка, мнѣ удалось составить въ школѣ библіотеку. Книги читались не только учениками, но и взрослыми.

Думалъ я завести въ школѣ чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, но это мнѣ не удалось въ виду того, что не было средствъ, да и разрѣшеніе было выхлопотать не легко.

Въ первой школѣ я проработалъ,—и думаю, что не безъ пользы,—только годъ. Я былъ переведенъ на другое мѣсто въ с. Ш. и переведенъ безъ всякаго прошенія и даже желанія съ моей стороны. Что за обычай у N училищнаго совѣта помыкать такъ учителями, доселѣ не знаю? А помыканіе ведется тамъ съ давняго времени. Какъ только наступаетъ учебный годъ, и начинается переселеніе учи-

телей изъ села въ село... Какъ ни обидно было такое помыканіе,—которое, кромѣ вреда, школѣ ничего, конечно, не приноситъ,—однако пришлось покориться горькой судьбѣ. Впрочемъ, въ душѣ я затаилъ злобу противъ N училищнаго начальства и сразу безповоротно рѣшилъ, во чтобы то ни стало, бѣжать изъ NN предѣловъ.

Жизнь въ Ш. была впрочемъ гораздо интереснѣе. Прежде всего опишу мои первыя впечатлѣнія. Дорогою въ Ш. меня занимала мысль о томъ, каково село, какая тамъ школа, есть ли при ней квартира и т. п. Съ такими мыслями я незамѣтно подъѣхалъ къ селу. Первое впечатлѣніе было пріятное. Село представляетъ собою длиннѣйшій порядокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго разсажены деревья. Тамъ и сямъ видны воза только что привезеннаго въ снопахъ хлѣба. Въ срединѣ села стоитъ церковь, окруженная цѣлымъ садомъ; неподалеку отъ церкви стоитъ школа. Я подъѣхалъ прямо къ школѣ. Встрѣчаетъ староста: „должно учитель будете?“—„Да“!—отвѣчалъ я.—„Вамъ придется къ трактирщику заѣхать, потому... училью поправляютъ. Земскій тамъ вамъ и квартиру приказалъ снять, потому... вы человѣкъ молодой и всякое удовольствіе тамъ можете сыскать!“ Признаться, такое сужденіе мнѣ очень не понравилось... Я отправился къ батющкѣ. Батюшка, на мое счастье, оказался моимъ хорошимъ знакомымъ; принялъ меня онъ очень радушно, а такъ какъ былъ вдовъ, то даже предложилъ мнѣ остановиться, до переѣзда на квартиру, у него... Занятія въ школѣ еще не начинались. Былъ конецъ Сентября. Ремонтъ школы окончился. Я начиналъ тяготиться бездѣльемъ... Наконецъ, земскій начальникъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ ребята собрались въ

школу 15-го Сентября. Въ назначенный день—въ школѣ никого. Сдѣлано было новое оповѣщеніе и опять ни одинъ не явился. Взволнованный земскій начальникъ приказалъ собрать сходъ. „Отчего не исполнено мое распоряженіе?“—спрашивалъ на этомъ сходѣ земскій начальникъ. „Сидоровъ! почему ты не прислалъ сына своего въ школу? Развѣ ты не знаешь, что нужно обучать дѣтей?“—„Оно, конечно... ваше благородіе, какъ не учить дѣтей... этого нельзя. Да къ примѣру сказать, учебу-то завсегда начинали съ Покрова“...—„А ты, Аблитлевъ, почему не послалъ своего?“—„Помощникъ онъ у меня, парнишка-то... вотъ выпадетъ снѣгъ, безпремѣнно прибѣжитъ, давно троститъ... а теперь никакъ нельзя... овецъ пасетъ“.... Такъ и должны были ученье начать съ 1-го Октября.

Занятія пошли довольно успѣшно. Ученики подобрались способные и прилежные... Съ первыхъ же дней я приступилъ къ устройству хора. По вечерамъ выбранные мальчики собирались въ школу и я занимался съ ними ежедневно. Большихъ трудовъ и усилій стоило мнѣ устройство хора, но я видѣлъ со стороны крестьянъ и сельской интеллигенціи (священника, земскаго начальника и т. д.) полное сочувствіе и посему прилагалъ еще большее усердіе. Къ Рождеству хоръ былъ готовъ. Пропѣли первую обѣдню. Мужичкамъ такъ пришлось это по сердцу, что они, въ первую же сходку, положили мнѣ жалованье,—помнится, три рубля... Половину этихъ денегъ я употребилъ на чай ребятишкамъ. Но черезъ два воскресенья я замѣтилъ, что взрослые пѣвчіе не только перестали ходить на спѣвки, но и не становятся на клиросѣ. Я сталъ доискиваться причинъ этого явленія. Нужно замѣтить, что въ хорѣ у меня

пѣли: сельскій писарь, сынъ старосты, письмоводитель земскаго начальника и одинъ чайный торговецъ; среди нихъ имѣлъ большое вліяніе писарь. Однажды приходитъ ко мнѣ батюшка и сообщаетъ, что сей-то писарь требуетъ съ меня четверть водки, въ противномъ случаѣ и пѣть, молъ, никто не станетъ. Водку требовали за то, что мнѣ положили жалованье. Требованіе довольно подлое, но, чтобъ не разстроить дѣла, я рѣшилъ удовлетворить писаря. Послѣ святокъ пріѣхалъ въ школу инспекторъ народныхъ училищъ и, кажется, остался доволенъ постановкой дѣла...

Въ Ш. школѣ мнѣ не пришлось даже окончить учебнаго года. Черезъ два дня послѣ отъѣзда инспектора пріѣхалъ въ мою школу новый учитель онъ вручилъ мнѣ бумагу, которая гласила о переводѣ моемъ въ г. N, въ двухклассную церковно-приходскую мужскую школу... Признаюсь, я несказанно обрадовался. Дѣло въ томъ, что еще при окончаніи курса семинаріи одинъ мой доброжелатель обѣщался выхлопотать мнѣ учительское мѣсто въ городѣ. И вотъ съ тѣхъ поръ, мысль о томъ, что я, можетъ быть, буду когда нибудь городскимъ учителемъ, крѣпко засѣла въ моей головѣ. Съ особеннымъ вожелѣніемъ мечталъ я о городѣ въ минуты жизни трудныя, какъ напримѣръ: при столкновеніяхъ съ міроѣдами и писарями. Я думалъ въ эти минуты, что взглядъ у общества на городского учителя другой, совершенно иной, чѣмъ на сельскаго; что матеріальное обезпеченіе его—гораздо лучше, что городскія школы во всѣхъ отношеніяхъ несравненно больше благоустроены, что въ городѣ всегда можно и общество подобрать изъ людей интеллигентныхъ,—не такихъ, какъ Ш. писарь и старшина и т. д. и т. д. О, какъ жестоко пришлось мнѣ во многомъ разочароваться!!.

Еще при переводѣ меня изъ N въ Ш. я подалъ прошеніе епархіальному наблюдателю о переводѣ меня въ городъ... По этому прошенію и состоялось мое перемѣщеніе, извѣщеніе о которомъ я получилъ отъ своего преемника... Повторяю, я очень обрадовался. Теперь, думалось мнѣ, и положеніе мое иное, и обезпеченъ я лучше (вызывался я на 25 руб. въ мѣсяцъ, да за регентство обѣщали 10 рублей), а главное, теперь не буду уже имѣть дѣло съ ихъ степенствами: старостами, писарями, старшинами и съ ихъ бутылочными претензіями и интересами... Передъ отъѣздомъ я простился съ учениками. Со слезами на глазахъ, школьники просили меня остаться, хватали за руки и полы семинарской моей шинели... А на воротахъ моей квартиры было написано ихъ руками: „А. И. не уѣзжайте отъ насъ". Затѣмъ я съѣздилъ послѣдній разъ въ уѣздный городъ, чтобъ получить жалованье; возвратившись оттуда, еще разъ взошелъ въ школу и, пожелавъ новому учителю добрыхъ успѣховъ, поѣхалъ на станцію..

„Ну, теперь я городской житель"... сказалъ я самъ себѣ, сѣвши въ вагонъ...

Вступленіе мое въ N школу я думалъ поставить на оффиціальную ногу: т. е. представиться завѣдующему и попечителю, познакомиться съ учителями, а потомъ уже идти въ школу... я ожидалъ, что вступленіе мое въ школу будетъ пріятнымъ для меня событіемъ, а вышло на оборотъ... По пріѣздѣ въ городъ, я отправился къ своему благопріятелю, о которомъ говорилъ выше. Встрѣтилъ меня онъ радушно, но за то сразу и огорошилъ меня. „Вы находитесь теперь на военномъ положеніи", сказалъ мнѣ хозяинъ. Оказалось, что жалованья по школѣ я буду получать пока только 15 р., квартиры нѣтъ. „Вотъ тебѣ го-

родъ“,—подумалъ я; „вотъ тебѣ городской учитель“. Мнѣ стыдно стало и за себя, такъ какъ буду получать жалованья меньше, чѣмъ сторожъ любого присутственнаго мѣста, и за школу, въ которой такъ нищенски обезпеченъ учитель, и за тѣхъ людей, которые вызываютъ на одно жалованье, а даютъ другое. Но дѣлать было нечего, назадъ въ Ш. не поѣдешь!

На слѣдующій день я познакомился съ однимъ изъ учителей школы. Съ перваго же раза онъ расположилъ меня къ себѣ привѣтливостію и добротою. Тутъ же онъ предложилъ мнѣ стать на квартиру вмѣстѣ съ нимъ къ его брату—священнику, на что я, конечно, съ великой охотой согласился и не зналъ даже, какъ благодарить своего коллегу. Познакомились мы съ нимъ въ церковной сторожкѣ, которая была собственно „пѣвческой“; временно она служила помѣщеніемъ для четвертаго отдѣленія нашей школы. Я былъ просто пораженъ обстановкой этого сарая, или какъ угодно назовите, только не школы... Очевидно, учениковъ была масса, потому что много столовъ было сдвинуто вмѣстѣ, и около столовъ было даже негдѣ повернуться; кругомъ грязь и пыль, свѣта почти нѣтъ, ибо окна маленькія, *съ желѣзными рѣшетками*; классная доска маленькая-премаленькая и едва стояла на ногахъ, того и гляди—разсыпется; чувствовался „какой-то невозможный специфическій запахъ“... „Ну,—подумалъ я,—Ш. школа куда лучше!“.. Вечеромъ того же дня покровитель мой предложилъ мнѣ идти съ нимъ на чтенія въ туже сторожку. „Тамъ я познакомлю васъ съ училищной корпораціей“..

Когда мы пришли, чтеніе уже началось. Въ классѣ было темно. Народу было—яблоку упасть некуда. Ученики и посторонняя публика сидѣли чинно и слушали. Въ темнотѣ, около волшебнаго фонаря,

мелькали какія-то тѣни, которымъ, очевидно, до меня не было никакого дѣла... Наконецъ, чтеніе прервалось, начался антрактъ. Благожелатель мой началъ знакомить меня съ находящимися здѣсь учителями. Лица учителей были усталыя, неоживленные; такъ и хотѣли они, казалось, крикнуть: „ну, зачѣмъ ты пріѣхалъ, и безъ тебя, братъ, тошно!“ Да, сурово встрѣтила меня N школа... Возвращаясь въ этотъ вечеръ домой. я вспомнилъ свои мечты о городѣ и... въ душѣ горько смѣялся... надъ собой же! На другой день я явился въ школу. При входѣ въ нее, меня поразила, какъ это было и вчера въ сторожкѣ, жалкая обстановка школы. Сначала я вошелъ въ какую-то калѣтушечку, потомъ попалъ въ корридоръ узенькій-преузенькій, показалось мнѣ, такъ что двумъ пожившимъ и разжирѣвшимъ господамъ, кажется, и не разойтись: такъ бы и завязли въ немъ. Сдѣлавъ пять шаговъ по корридору, я попалъ въ классъ. Учениковъ въ классѣ было много; всѣ они показались мнѣ, противъ моихъ деревенскихъ, грубыми и шаловливыми, хотя при занятіяхъ оказалось, что они были мальчиками довольно развитыми. Начался мой урокъ. Въ классѣ (въ одной комнатѣ) сидѣло два отдѣленія—старшее и среднее (1-го класса); я долженъ былъ заниматься со старшимъ отдѣленіемъ; а въ среднемъ занималась учительница. Выходилъ хаосъ невообразимый, просто столпотвореніе вавилонское. Съ непривычки у меня съ перваго же урока страшно заболѣла голова; отъ непрерывнаго гула иногда трудно было разобрать, что говорилъ ученикъ. Первый урокъ, помнится, былъ по ариѳметикѣ. Урокъ прошелъ пожалуй даже сносно, хотя ученики, надо полагать, интересовались не столько урокомъ, сколько моей персоной...

Потянулись однообразные дни занятій моихъ въ N школѣ. Откровенно сказать, занятія были тяжелыя, подчасъ почти невыносимыя... Бывало, потомъ обливаешься, какъ въ банѣ, отъ недостатка воздуха и переполненности школы, голова кружится, того и гляди, такъ и хлопнешься на полъ... И вдругъ послѣ такой температуры, на смѣну приходилось идти черезъ дворъ, въ квартиру учителя, такъ какъ учительской комнаты въ школѣ не было,—идти иногда при страшномъ вѣтрѣ, или при 30⁰ мороза!.. Къ тяжелымъ занятіямъ всегда присоединялись мысли о матеріальномъ обезпеченіи. Жить въ городѣ на 25 р! Но и эти деньги доставались мнѣ двойнымъ трудомъ. Утромъ я занимался въ школѣ, а вечеромъ (ежедневно)—въ хорѣ. Къ концу года получилъ впрочемъ благодарность училищнаго совѣта, но не за занятія, такъ какъ особенныхъ успѣховъ не достигъ, а скорѣе, вѣроятно, за доблестное служеніе при болѣе чѣмъ скромномъ содержаніи. Оставалось больше жить надеждами на будущее. И я жилъ всецѣло такими надеждами! Будущимъ очень успѣшно умѣлъ меня утѣшать и ободрять незадолго до меня поступившій въ школу, помощникъ завѣдующаго, которому я долженъ всегда говорить искреннее, русское спасибо! Это былъ человѣкъ энергичный, дѣятельный, душевно любящій школу, преданный благу ея... „Подождите, не вѣшайте головы... Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ"... И я ждалъ...

На второй годъ мнѣ пришлось заниматься въ церковной сторожкѣ, гдѣ предъидущимъ годомъ помѣщалось четвертое отдѣленіе. Какъ я писалъ выше, трудно было въ этой памятной для учителей, которымъ пришлось съ ней познакомиться,—*пѣвческой* заниматься и одному отдѣленію, а теперь усадили

тамъ два отдѣленія, что было уже совсѣмъ плохо. Завѣдующій предложилъ мнѣ описать неудобства помѣщенія, такъ какъ въ это время готовился докладъ въ Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ объ отпускѣ средствъ на постройку новаго училищнаго зданія. Сдѣлалъ я это, разумѣется, съ большимъ удовольствіемъ. Я писалъ въ видѣ представленія въ Педагогическій Совѣтъ своей школы: „Помѣщеніе, въ которомъ происходятъ занятія со 2 и 3 отд. 1-го класса, не есть школьное, а *пѣвческая*, спеціально предназначенная для спѣвокъ приходскаго хора; въ пѣвческой иногда назначаются спѣвки вовремя занятій, что очень мѣшаетъ учебному дѣлу, такъ какъ занятія въ школѣ приходится въ такихъ случаяхъ кончать раньше. Это первое неудобство. Во 2-ыхъ, помѣщеніе не соотвѣтствуетъ гигіеническимъ требованіямъ: рядомъ съ классной комнатой находится ретирадъ, изъ котораго иногда подымается во время уроковъ такое зловоніе, которое потомъ ничѣмъ не удалишь даже во время перемѣнъ. Въ 3-ихъ, въ классной комнатѣ помѣщается теперь больше 100 учениковъ, между тѣмъ тамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя помѣстить больше 60-ти. Въ 4-ыхъ, 2 и 3 отд. другъ отъ друга ничѣмъ не отдѣлены, а потому занятія одного мѣшаютъ занятіямъ другого. Въ 5-ыхъ, въ помѣщеніи не имѣется достаточнаго количества классныхъ столовъ (негдѣ поставить), а потому во время письма со стороны прижатыхъ учениковъ слышатся постоянныя жалобы на то, что тѣсно, „толкаются“. Въ 6-ыхъ, на послѣднемъ урокѣ отъ спертаго, негоднаго воздуха ученики дѣлаются вялыми, апатичными, разсѣянными, невнимательными. Въ 7-ыхъ, расположено школьное помѣщеніе на базарной площади, что приноситъ не-

выразимый вредъ въ дѣлѣ воспитанія. Въ 8-ыхъ, гдѣ отдохнуть несчастному учителю, утомленному не столько занятіями, сколько удушливой атмосферой и нравственными огорченіями и т. д. и т. д.".

Даже уѣздный наблюдатель, просидѣвши часъ въ моемъ „городскомъ" помѣщеніи, не могъ перенести убійственной обстановки и сдѣлалъ въ своей книгѣ такую надпись: „просилъ передать, кому слѣдуетъ, заложить, если можно, кирпичемъ наглухо дверь съ восточной стороны, ибо изъ нея распространяется въ классную комнату невозможное зловоніе".

Истинно *военное* положеніе!

Лѣтомъ слѣдующаго года начали строить новое школьное помѣщеніе. Стройка шла быстро. Къ первымъ числамъ Ноября школа была уже готова, мы перетащились въ нее и, послѣ освященія, начали занятія. Въ воздухѣ окончательно повѣяло новымъ духомъ, все старое отошло въ область преданій...

Да, пріятно войти въ новую, чистую, просторную, „хорошую" школу, послѣ „старыхъ" школъ и разныхъ „пѣвческихъ". Самый видъ школы—настоящей школы невольно заставляетъ и учителя и учениковъ быть опрятными, аккуратными и т. д. Радовалось сердце, когда всѣ ученики собрались вмѣстѣ (въ одномъ зданіи), и свободно размѣстились по классамъ, (а у насъ было ихъ 330 чел.). Занятія пошли одушевленнѣе, веселѣе. Каждый день, водворитель порядка—звонокъ показывалъ точное распредѣленіе времени для занятій: и это для насъ, бывшихъ на военномъ положеніи, имѣло громадное значеніе.

Съ переходомъ въ новую школу я получилъ и новыхъ учениковъ, такъ какъ въ этотъ годъ мнѣ пришлось заниматься—еще въ первый разъ въ N

школѣ—съ младшимъ отдѣленіемъ. Сердце радовалось, видя въ большомъ свѣтломъ классѣ 75 невинныхъ мальчиковъ, не знающихъ ни горя ни заботъ взрослаго человѣка. Хорошая, счастливая пора дѣтства! Какъ милы и хороши бываютъ дѣти въ этомъ возрастѣ! Сколько чудныхъ минутъ могутъ они дать, каждому изъ насъ, кто съ любовію повозится съ ними. Въ дневникъ свой я заношу нѣсколько такихъ свѣтлыхъ впечатлѣній, записанныхъ мною въ памятную книжку, когда я не велъ еще этой постоянной записи. „Дорогой читатель! Если вы сколько нибудь любите дѣтей, интересуетесь воспитаніемъ и обученіемъ, и не будете смотрѣть на мои записки, какъ на рисовку и хвальбу, то надѣюсь вы не отнесетесь къ этимъ строкамъ критически... Приходилось ли вамъ быть въ школѣ въ то время, когда туда собираются малыши въ первый еще разъ? Малютка смущается. Ему незнакома обстановка, страшны даже стѣны зданія. И вотъ вы—учитель входите въ классъ... Чудная минута! Вы видите цѣлую группу добрыхъ, наивныхъ личекъ! Вы обращаетесь съ вопросомъ къ одной крошкѣ! Крошка потупляетъ глаза, краснѣетъ и... ни слова. Очевидно, ей страшно... Но вы ободряете малютку, ласкаете ее. Ребенокъ тутъ же оживаетъ, довѣрчиво смотритъ на васъ, ввѣряется вамъ, охотно отвѣчаетъ вамъ и т. д. Съ этой минуты вы замѣняете ему отца, мать, всю семью... Вотъ вы перезнакомились съ ребятками! Вотъ вы уже серьезно работаете съ ними. Дѣти произносятъ фразы, разбиваютъ ихъ на слова, слова дѣлятъ на слоги, а слоги на звуки, *начинаютъ понимать, что слова состоятъ изъ звуковъ*. Остановитесь и полюбуйтесь этой минутой. Такой больше у васъ уже не будетъ! Посмотрите на эту картину: дѣти сосредоточены, шеве-

лятъ губенками, считаютъ по пальцамъ. Въ классѣ—тишина, но чувствуется напряженная работа. Что же такое заняло ребятъ? *Они считаютъ звуки!..* Вотъ онъ, милый ребенокъ вытягиваетъ головку, желая чтобъ его спросили. Очевидно, онъ справился съ задачей, сосчиталъ звуки... Вотъ онъ отвѣчаетъ, правильно отвѣчаетъ. Сколько радости, дѣтской невинной радости и у ребенка, и у учителя!.. Но это что такое? Дѣти начинаютъ скучать.. Учитель хочетъ оживить и развеселить ихъ и гимнастикой и любопытнымъ разсказцемъ. Ничто не помогаетъ... Не печальтесь! Дѣло поправимое! Попросту говоря, дѣтямъ надоѣла одна и таже работа, они требуютъ чего-нибудь новаго. И разъ вы во время смекнули и перемѣнили работу, снова въ классѣ оживленная, упорная работа! Не все же выдѣлять звуки. Будемъ-ка писать... И вотъ учитель обращается къ дѣтямъ: „знаемъ мы звукъ *у*. Теперь я покажу вамъ, какъ обозначается этотъ звукъ и т. д. Ну, пишите"... Посмотрите теперь на дѣтей. Какъ муравьи, зашевелились они. Съ какимъ интересомъ началась опять работа! Смотрите, они уже выводятъ каракули! Съ какимъ стараніемъ соединяютъ они элементы буквы! „А. И. такъ я написалъ?"—слышится съ одного конца.—„А. И. посмотрите у меня,—раздается сбоку,—я строчку написалъ". А вотъ этотъ мальчикъ несмѣло тянетъ меня за рукавъ и съ смущеніемъ шепчетъ: „я не умѣю, покажите мнѣ"... Какъ хорошо все это!"..

....Вмѣстѣ съ переходомъ въ новое зданіе, учителямъ былъ опредѣленъ и окладъ жалованья болѣе лучшій. Этимъ школа была обязана своему почетному попечителю. Черновая же работа всецѣло была исполнена помощникомъ нашего завѣдующаго.

Я слышалъ, онъ готовилъ разные доклады даже во время отдыха на дачѣ у своихъ знакомыхъ...

Нечего говорить, что, съ переходомъ въ новую школу и увеличеніемъ жалованья, я сталъ чувствовать себя отмѣнно: мнѣ дали еще мѣсто учителя пѣнія въ нашей же школѣ. Вознагражденіе небольшое, но если его прибавить къ учительскому жалованью, да сложить съ платой за регентство въ церковномъ хорѣ, то, слава Богу, существовать, да еще холостому человѣку, вполнѣ можно. Сильнаго желанія къ пріобрѣтенію большаго у меня какъ-то никогда не было,—я отъ малыхъ лѣтъ привыкъ довольствоваться, что имѣю. Правда, сбиваютъ иногда посторонніе разговоры, что будто бы трудно жить при такомъ скудномъ обезпеченіи. А я думаю: неужели для того, чтобъ *жить*, непремѣнно нужно ѣхать въ институтъ, или на бухгалтерскіе курсы, а то добиваться должностей съ тысячными окладами... Нѣтъ, по моему, вездѣ и при всякомъ положеніи можно *жить*. Надо только одно: никогда не падать духомъ и честно трудиться!"

3) Третьему разряду учителей, получающихъ это званіе по экзамену при гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ и т. д., С. А. Рачинскій даетъ слѣдующую характеристику. „Экзаменъ на учительство,—пишетъ Рачинскій,—относительно легкій, даетъ доступъ къ учительской должности всякому, кто способенъ ее исполнить въ предѣлахъ, начертанныхъ офиціальною программою начальныхъ училищъ. Молодые люди, сдающіе его, по большей части, окончили курсъ въ уѣздномъ или духовномъ училищѣ, или не окончили его въ какомъ либо среднемъ учебномъ заведеніи. Какъ весьма рѣдкія исключенія, появляются между ними крестьяне, обучавшіеся въ

сельскихъ школахъ и потомъ нашедшіе случай пополнить свои свѣдѣнія до уровня, требуемаго программою учительскаго испытанія *). Само собою, разумѣется, что общая характеристика этого разряда учителей невозможна: между ними встрѣчаются учителя отличные, посредственные и изъ рукъ вонъ плохіе, смотря по ихъ личнымъ свойствамъ, по той школѣ, которую они прошли до экзамена. Лишенные всякой теоретической педагогической подготовки, они вынуждены пользоваться пріемами той школы, изъ которой они вышли, подражать пріемамъ учителей, болѣе опытныхъ, или ощупью создавать себѣ собственные пріемы, сообразно своимъ умственнымъ силамъ и матеріальнымъ средствамъ школы, въ которой они учатъ. Инспектора народныхъ училищъ (и наблюдатели церковныхъ школъ), по несоразмѣрной обширности своего круга дѣйствій, по множеству возложенныхъ на нихъ канцелярскихъ трудовъ, не имѣютъ физической возможности направить дѣятельности этихъ учителей, придать ей какое-либо методическое единство. Между тѣмъ, этотъ разрядъ учителей, постоянно возрастающій въ числѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это пока единственно полноправные учителя, которые по карману нашимъ крестьянскимъ обществамъ, нашимъ волостямъ, нашимъ приходамъ. Это люди, сознательно выбравшіе себѣ учительскую должность (такъ ли?!), иногда за неимѣніемъ лучшей, иногда по дѣйствительной склонности или призванію, напередъ знакомые съ ея болѣе чѣмъ скромною обстановкою, дорожащіе этою

*) Исключенія совсѣмъ нерѣдкія. Такъ, въ Кіевской епархіи изъ общаго числа—485 правоспособныхъ учителей значится получившихъ учительство по экзамену—157 чел. Во Владимірской епархіи изъ 521 учит. на окончившихъ только начальную школу падаетъ 65 человѣкъ!....

должностью, по меньшей мѣрѣ какъ своимъ единственнымъ окончательнымъ ремесломъ, или какъ замѣною обязательной воинской повинности. Размноженіе этихъ учителей—плодъ дѣйствительной потребности, и притязанія ихъ нейдутъ далѣе дѣйствительно достижимаго". (Сельская школа, стр. 29--30).

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ разрядъ учителей стоитъ безусловно ниже первыхъ двухъ. Отсутствіе общаго образованія (хотя бы такого, какое даютъ своимъ питомцамъ учительскія семинаріи) всегда скажется въ дѣятельности такого учителя, какъ бы онъ ни былъ прилеженъ. Впрочемъ, въ личной своей практикѣ, я имѣлъ только нѣсколько случаевъ знакомства съ учителями этого типа и, сказать правду, они никогда не удовлетворяли тѣмъ требованіямъ, которыя я привыкъ предъявлять къ народному учителю. Грѣшный человѣкъ! Я даже думаю, что ужъ не эти ли учителя устремились въ сидѣльцы винныхъ казенныхъ лавокъ и тѣмъ навлекли упрекъ въ непостоянствѣ и недостаткѣ апостольскаго призванія и терпѣнія по адресу начальнаго учителя in corpore... Во всякомъ случаѣ, названный типъ народнаго учителя оставляетъ желать очень многаго. Педагогическіе курсы, съѣзды учителей, командировки съ научно-спеціальными цѣлями, лекціи педагогическаго характера и т. д. должны принести этимъ учителямъ существенную пользу,—все это положительно необходимо для такихъ дѣятелей народной нивы.

4) Учительницы изъ окончившихъ курсъ епархіальнаго училища достойно несутъ свое учительское знамя и представляютъ, наравнѣ съ учителями второй категоріи, самый надежный и желанный контингентъ учителей народной школы, особенно школы женской. Все это должно быть понятно само собою,

понятно, мнѣ кажется, даже съ перваго взгляда. Прежде всего, наши епархіалки образованіе получаютъ вполнѣ достаточное для ихъ будущей дѣятельности въ качествѣ учительницъ начальныхъ училищъ. Затѣмъ, хотя образцовыя школы при епархіальныхъ училищахъ стоятъ въ такихъ же (если не худшихъ) условіяхъ, какъ и при духовныхъ семинаріяхъ, тѣмъ не менѣе долгъ справедливости требуетъ признать, что епархіалки выходятъ изъ училища съ большими знаніями практическихъ пріемовъ, чѣмъ ихъ братья —изъ духовной семинаріи. Помогаетъ дѣвицамъ въ этомъ случаѣ, конечно, ихъ собственное прилежаніе, отчасти нужда (такъ какъ многія изъ нихъ непремѣнно должны быть учительницами), а больше всего (женская) аккуратность къ своимъ обязанностямъ и боязнь сконфузиться при случаѣ, а также (женская) наклонность къ практическимъ занятіямъ и вознѣ съ ребятами. За всѣмъ тѣмъ, учительницы изъ епархіалокъ не курятъ, водки не пьютъ, умѣютъ сдѣлать все своими руками, даже выстирать бѣлье и вымыть полъ своего угла. Поэтому, онѣ,—болѣе скромныя уже отъ самой природы, какъ женщины,—благодаря указаннымъ статьямъ всегда умѣютъ довольствоваться такимъ вознагражденіемъ, какого никогда не хватитъ учителю. И такъ какъ, съ другой стороны, кромѣ учительства, имъ впереди почти никакихъ жизненныхъ перспективъ не представляется, то онѣ,—можетъ быть отчасти и по прирожденнымъ инстинктамъ къ домоводству и осѣдлости,—очень крѣпко прирастаютъ къ своему первому мѣсту... Вообще народъ это для школы желанный, полезный, трудолюбивый устойчивый...

На счетъ учительницъ изъ епархіальнаго училища меня судьба, такъ сказать, очень побаловала.

Всѣ, съ которыми мнѣ пришлось работать въ начальной школѣ, были дѣвушки скромныя, трудолюбивыя, согласныя на всякій трудъ, какъ бы онъ тяжелъ ни былъ, лишь бы былъ полезенъ для дорогой имъ школы, или шелъ на просвѣщеніе темной среды; двѣ же учительницы были прямо талантливо-даровитыя. У меня подъ руками есть нѣсколько дневниковъ и записокъ нѣкоторыхъ изъ этихъ труженицъ. Къ сожалѣнію, я не могу въ достаточно полномъ объемѣ познакомить читателя съ этими дневниками. Дѣло въ томъ, что въ нихъ учительницы не только забываютъ себя, но даже ни слова не говорятъ ни объ обстановкѣ школы, ни объ отношеніи къ ней начальства и общества. Все вниманіе учительницъ сосредоточено на ученикахъ и ученицахъ, такъ что ихъ дневники являются прекраснымъ матеріаломъ для составленія реферата объ ученикахъ церковныхъ школъ. Впрочемъ, одна уже эта черта довольно краснорѣчиво говоритъ въ ихъ пользу.

Въ силу вышесказаннаго, приходится ограничиться слѣдующими, самыми краткими выдержками (безъ помѣтокъ времени) изъ дневника только одной учительницы.

„Въ первый годъ моего поступленія въ (сельскую) школу, мнѣ пришлось имѣть дѣло только съ учениками; ученицъ совсѣмъ не было. Кромѣ положенныхъ уроковъ, я должна была вести вечернія занятія съ болѣе взрослыми, кончившими курсъ раньше; этихъ учениковъ мы—учащіе хотѣли помѣстить въ сельско-хозяйственную школу. Ихъ было шесть человѣкъ; трое изъ нихъ были очень способные, одинъ учился изъ самолюбія, остальные дарованій особенныхъ не имѣли. Проучившись зиму, двое

поступили въ сельско-хозяйственную школу, остальнымъ отказали за неимѣніемъ мѣстъ. Впослѣдствіи, года черезъ 3—4, а поступившіе въ школу прямо по окончаніи курса, всѣ попали въ услуженіе въ разныя экономіи; ни одинъ не остался хозяйствовать въ своемъ обществѣ. Всѣ вышли дѣльными служащими, но съ замашкой на барскій тонъ.

... Со втораго года у меня стали учиться и дѣвочки. Ихъ пришлось брать почти насильно отъ матерей,—каждую послѣ продолжительныхъ уговоровъ и убѣжденій. Сами дѣвочки шли всегда охотно и даже со слезами упрашивали матерей отпустить „бѣгать въ училищу". Впослѣдствіи, матери, видя, что школа, кромѣ хорошаго, ничего не приноситъ, стали сами охотно приводить дѣтей (дѣвочекъ) въ училище съ просьбою непремѣнно „довести ихъ до дѣла", т. е. до окончанія курса. Впрочемъ по нуждѣ часто мать должна была брать дѣвочку изъ школы раньше срока, такъ какъ въ домѣ безъ нея, какъ единственной помощницы матери, становилось все женское хозяйство. Пришлось, поэтому, принимать въ школу очень маленькихъ дѣвочекъ, даже шестилѣтнихъ, которыя, конечно, не могутъ быть цѣнными помощницами матерей по домоводству...

... Каждый годъ дѣтямъ въ моей школѣ на счетъ попечительницы устроивалась рождественская елка. Лишь въ голодный (1891 г.) дѣти предпочли елкѣ выдачу хлѣба. Какую роль играетъ елка въ жизни дѣтей, можно судить потому, что у малышей елками и экзаменами опредѣляются времена и событія. „Это было до елки, а это вотъ послѣ елки". Съ начала учебнаго года начинается ожиданіе елки; послѣ елки—приготовленія и ожиданія къ экзамену. „Какъ хорошо,—говорятъ дѣти,—только начинается

ученье, а мы ужъ говоримъ о елкѣ, и долго-долго готовимся къ ней. Послѣ елки разговариваемъ и подготовляемся къ экзаменамъ". Экзамены ожидаются въ моей школѣ не въ смыслѣ окончанія курса, о чемъ всегда очень жалѣютъ, а какъ особые необычайно торжественные дни. Едва-ли гдѣ, кромѣ хорошей сельской школы, такъ ждутъ экзаменовъ.

.... Школа, прежде всего, должна воспитывать,— воспитывать безъ наказаній, безъ угрозъ и безъ поощреній, въ видѣ наградъ и подарковъ благонравнымъ или выдающимся ученикамъ. Ни похвальныхъ листовъ, ни наградныхъ книгъ окончившимъ курсъ въ моей школѣ никогда не выдавалось Каждый кончившій курсъ получалъ лишь св. евангеліе, но не какъ награду, а въ память о школѣ и какъ благословеніе на будущую жизнь. Конечно, нельзя на все смотрѣть спустя рукава, за все гладить по головкѣ. Дѣти—всегда дѣти и нельзя, чтобъ они не шалили. Но провинности ихъ всегда дѣтскія; достаточно одного выговора или взгляда, чтобъ ребенокъ раскаялся въ шалости, если она выходила изъ дозволительныхъ рамокъ.

..... Только при человѣческомъ обращеніи можно достигнуть полной откровенности учениковъ. Бывали такіе случаи, что ученикъ не выполнялъ заданнаго урока прямо по лѣни, и дѣти,—что меня несказанно радовало,—чистосердечно всегда признавались въ этомъ, не прибѣгая къ вымышленнымъ причинамъ. Воспитателю остается благодарная и благородная задача пробудить въ эту минуту совѣсть ученика къ неукоснительному исполненію на будущее время его маленькаго долга.

.... Чему я особенно рада, въ школѣ доселѣ еще не было ни разу воровства, этого страшнаго нрав-

ственнаго бича вообще и нетерпимаго училищнаго порока въ частности. Былъ разъ такой случай. Два ученика соблазнившись ягодами, хотѣли пробраться въ барскій садъ. Къ счастію, я застала ихъ около калитки въ размышленіи: лѣзть или нѣтъ? Видя ихъ смущеніе, я постаралась распросить ихъ о томъ, что они надумали дѣлать? Ученики чистосердечно во всемъ признались мнѣ и послѣ этого цѣлый мѣсяцъ избѣгали отдѣльной встрѣчи со мною и всякій разъ, какъ только заходила рѣчь о воровствѣ, краснѣли, хотя я ни наказаній, ни указаній на нихъ никому ни разу не сдѣлала.

....Съ какой охотой мальчики идутъ въ школу и какъ дорога она для нихъ, можно судить потому, что ни сильный морозъ, ни мятель не могутъ остановить ихъ дома; въ страшные холода бѣгутъ они съ своими холщевыми сумками, въ старенькихъ поддевкахъ, годныхъ подчасъ только на воронье гнѣздо (шуба не у всякаго есть). Случалось нѣсколько разъ не дѣлать уроковъ по какимъ либо важнымъ причинамъ и надо было видѣть при этомъ неподдѣльное огорченіе дѣтей. „Да развѣ не ученье? Ахъ ты, Господи! значитъ домой идти?“.., слышится со всѣхъ сторонъ. Случаевъ непосѣщенія школы по лѣности никогда не бываетъ. Дома ихъ удерживаетъ нужда въ ихъ помощи. Прежде были даже случаи (единичные), что учениковъ брали изъ школы раньше окончанія курса, „потому что никакъ нельзя обойтись безъ нихъ по хозяйству“... За послѣднее время такихъ случаевъ въ нашей школѣ уже не бываетъ.

.... При школѣ ведутся систематическія народныя чтенія, до двухъ разъ въ недѣлю. Чтенія обычно состоятъ изъ двухъ отдѣловъ: религіозно-нравственнаго, который ведется всегда священникомъ, и

литературнаго, который лежитъ всецѣло уже на моей обязанности. Кромѣ того, по зимамъ ведутся вечернія занятія съ окончившими курсъ, а также съ взрослыми крестьянами. Вечернія занятія ученики и взрослые очень любятъ и охотно посѣщаютъ; они у насъ бываютъ болѣе похожи на собесѣдованія, чѣмъ на правильныя занятія.

.... Очень жаль, что, благодаря отхожимъ промысламъ (портняжничество), многіе изъ учениковъ уходятъ на всю зиму, на сторону, домой же приходятъ только къ весеннимъ работамъ, когда дома крестьянина тоже почти не бываетъ, такъ какъ съ утра до ночи ему приходится возиться въ полѣ. Правда, какъ я провѣряла, грамота не забывается на промыслахъ; иногда даже, напротивъ,—ученики перечитываютъ тамъ массу книгъ! Но бѣда въ томъ, что связь со школой нарушается, юноша лишается нравственнаго руководства и часто, благодаря этому, „сбивается съ пути"....

Называя учительницъ изъ окончившихъ курсъ епархіальнаго училища желательнымъ учительскимъ элементомъ для церковной школы, я прибавилъ: особенно женской. Въ объясненіе этого долженъ сказать, что лично я всегда въ принципѣ стою за учителя для мужской школы и учительницу—для женской.

5) Теперь рѣчь объ учительницахъ церковной школы изъ гимназистокъ. Не смотря на то, что по предметамъ общаго образованія гимназистки стоятъ, въ большинствѣ случаевъ, выше воспитанницъ епархіальныхъ училищъ, я никогда не рѣшился бы поставить первыхъ, какъ учительницъ церковныхъ школъ, выше послѣднихъ. Какъ дѣти превиллегированныхъ, или хорошо обезпеченныхъ родителей, гимназистки, какъ мнѣ не разъ приходилось убѣ-

ждаться въ томъ, идутъ въ учительницы церковныхъ школъ, особенно сельскихъ, только случайно, или въ силу болѣзненно натасканной народнической идеи, или—въ школы, хорошо обезпеченныя, содержащіяся, напримѣръ, на средства попечителей и под. Въ первомъ (отчасти и во второмъ) случаѣ такую учительницу, привыкшую къ болѣе или менѣе обезпеченной обстановкѣ и разнымъ городскимъ утѣхамъ, ждетъ скорое разочарованіе отъ черноты труда и *идіотизма* деревенской жизни, по излюбленному выраженію нашихъ нерасцвѣтшихъ и, кажется, уже отцвѣтшихъ доморощенныхъ марксистовъ. Что касается учительницъ второго разряда (т. е. попавшихъ на тепленькія мѣста, даже прямо иногда въ помѣщичьи семьи), то,—странно,—онѣ какъ то совершенно не приростаютъ къ школѣ и не сродняются съ ней. Такъ и выйдетъ, въ концѣ концевъ, что школа и деревня—сами по себѣ, а городъ и учительница—тоже сами по себѣ. Затѣмъ, въ учительницахъ-гимназисткахъ меня всегда поражало очень плохое знаніе Закона Божія,—даже въ предѣлахъ программы начальной школы (особенно на счетъ отдѣла о богослуженіи) и какое то... нехорошее, чтобъ не сказать большаго, отношеніе ихъ къ этому предмету. Не буду касаться втораго вопроса, хотя у меня имѣется интересный матеріалъ для него, а приведу лишь нѣсколько примѣровъ слабаго знанія Закона Божія учительницами-гимназистками. Идетъ урокъ славянскаго чтенія въ старшемъ отдѣленіи. Съ разрѣшенія учительницы, на урокѣ присутствуютъ 2—3 крестьянина, родители учениковъ, зараженные идеями молоканства. Читается 12 гл. *отъ Іоанна*. Уже одинъ выборъ чтенія, какъ видите, говоритъ о плохой освѣдомленности учительницы на счетъ содержанія

каждой главы евангелія. Но... ягодки впереди. По окончаніи урока одинъ изъ мужичковъ подходитъ къ учительницѣ и проситъ ее попроще объяснить слова Спасителя: *нынѣ судъ есть міру сему: нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ* (31 ст.). Учительница, какъ провинившаяся школьница, съ великимъ смущеніемъ объясняетъ: „нынѣ будутъ судить Іисуса Христа и убьютъ его"... Когда пріѣхалъ въ школу законоучитель и учительница убѣдилась, что она сильно ошиблась въ своемъ объясненіи, то, съ общаго согласія, дѣло рѣшено было поправить такъ: учительница позвала крестьянина и сказала ему: „вы застали меня врасплохъ и я дала объясненіе неправильное. Вотъ какъ надо понимать эти слова"... и т. д.—„Что жъ? батюшка вамъ объяснилъ?"—не то спросилъ, не то отвѣтилъ совопросникъ. Эту же учительницу другой старецъ-простецъ донялъ просьбой объяснить ему, что такое „мамонъ" и „веельзевулъ"? Для церковныхъ школъ учительница безъ точныхъ, хотя бы элементарныхъ, знаній по Закону Божію—находка плохая, пусть бы она кончила не только гимназію, но даже модный институтъ или высшіе курсы...

Я надѣюсь, что слова мои ясны и понятны. Я говорю про учительницъ-гимназистокъ *въ церковной* школѣ и при томъ въ такой школѣ, гдѣ преподаваніе не ограничивается только урокомъ, по пословицѣ: „отзвонилъ и съ колокольни долой", а требуетъ еще чего-то, самого важнаго и существеннаго. Общей характеристики учительницъ-гимназистокъ въ народныхъ школахъ на этотъ разъ я не имѣлъ въ виду. Даже могу сказать больше. Я знаю многихъ учительницъ-гимназистокъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ и знаю съ самой хорошей стороны. Но не нужно забывать, что требованія и запросы отъ учи-

тельницъ въ городѣ немного отличаются отъ тѣхъ, какія предъявляются къ сельскимъ, церковнымъ учителямъ и учительницамъ...

6) Съ прогимназистками, какъ учительницами церковныхъ школъ, работать мнѣ не приходилось. Поэтому, я воздержусь отъ болѣе или менѣе положительныхъ сужденій о нихъ. Тѣмъ болѣе, я опасаюсь даже, какъ бы недостаточное сравнительно съ гимназистками образованіе еще болѣе не усилило тѣхъ отрицательныхъ выводовъ, къ которымъ невольно приходишь въ сужденіяхъ объ учительницахъ-гимназисткахъ. Хотя, съ другой стороны, это же полуобразованіе и та бѣдная среда, которая невольно отвлекаетъ дѣтей отъ гимназіи къ прогимназіи, должны были бы давать прогимназисткѣ даже нѣкоторое преимущество предъ ученицей гимназіи въ смыслѣ устойчивости и довольства своимъ положеніемъ,

7) Перехожу къ учителямъ изъ окончившихъ курсъ второклассныхъ школъ. Я не сталъ бы говорить о нихъ отдѣльно отъ учителей школъ грамоты, если бъ они, благодаря какой то печальной и непонятной случайности, не попадали иногда въ училища одноклассныя. Мнѣ кажется, появленіемъ своимъ на свѣтъ Божій эти двигатели народнаго просвѣщенія всецѣло обязаны безмѣрному увлеченію идеей дешеваго учителя и скораго, легкаго обученія. Какъ работники въ народной школѣ, они не могутъ выдержать даже самой снисходительной критики. Вѣдь для того, чтобъ воспитывать, надо быть самому воспитаннымъ; для того, чтобъ имѣть право учить и умѣть учить, надо, прежде всего, самому быть грамотнымъ. Но можетъ ли крестьянскій подростокъ, прошедшій сельскую школу, такъ радикально перевоспитаться, чтобъ тутъ же, по окончаніи курса,

сдѣлаться хотя бы только терпимымъ учителемъ? Едва ли. Воспитываетъ больше всего обстановка, среда, традиціи. А въ сельской школѣ и обстановка сельская, крестьянская. И повѣрьте, что за 2—3 года, даже за 5—6 лѣтъ ученія въ сельской школѣ, вы не отъучите крестьянскаго мальчика даже отъ грубостей мѣстнаго жаргона; повѣрьте, что, явившись въ роли учителя, онъ, ничтоже сумняся, будетъ и при васъ, и при наблюдателѣ,—тѣмъ паче, слѣд., наединѣ,—поучать учениковъ такими выраженіями: свитатъ, вм. свѣтаетъ; чиво вм. чего; на лошадѣ, вм. на лошади; хвататъ, вм. хватаетъ; пожалуй—баитъ, вм. говоритъ и т. д. Судите теперь, какъ онъ будетъ учить малышей правописанію, когда въ начальной школѣ послѣднее прежде всего покоится на правильномъ произношеніи учителя. Пишутъ такіе учителя иногда прямо невозможно. У меня имѣется цѣлая коллекція писемъ учителей этого типа и одно изъ нихъ, принадлежащее впрочемъ учителю, уже лишенному, кажется, учительскаго мѣста (м. б. за неспособность?), я приведу сейчасъ съ сохраненіемъ орфографіи. „Зраствуйте, батюшка! извените пожалусто я васъ безпокоилъ, совсѣмъ, какъ-то, не могу выразить свою мысль по степенно, но клонясь къ дѣлу. Покорнѣйше прошу васъ не найдете ли возможнымъ и не возьмете ли на себя трудъ найти мнѣ въ Пензѣ писарскую должность я такъ думаю есть подходящая работа—въ писарскихъ отдѣленіяхъ, которую я могу править, но только какъ поступить, безъ помощи: „трудно", не поступишъ, а вотъ я и думаю, не поможете ли вы мнѣ въ этомъ, „Прощайте".

Конечно, въ смыслѣ общаго образованія недалеко уходятъ отъ такого учителя недоучки гимназій, духовныхъ училищъ, окончившіе уѣздныя училища,—

вообще всѣ учителя, пріобрѣтающіе право учительства по экзамену, о которыхъ сдѣлалъ такую лестную аттестацію (вѣроятно, въ силу пословицы: „на безлюдьѣ и Ѳома дворянинъ") С. А. Рачинскій. Но, во 1-ыхъ, кто же считаетъ такихъ учителей за образцовыхъ и идеальныхъ? Во 2-ыхъ, нужно сказать, что на сторонѣ этихъ учителей все таки преимущества среды, городской жизни и учебныхъ заведеній, съ которыми считаться второкласснымъ школамъ, по меньшей мѣрѣ, трудновато.

8) „Всѣмъ извѣстно,—пишетъ С. А. Рачинскій,—что кромѣ нашихъ оффиціальныхъ училищъ у насъ существуетъ еще школа грамоты. Эта чисто деревенская школа заключается въ наймѣ жителями какой-либо деревни грамотея, переходящаго изъ дома въ домъ и обучающаго дѣтей этой деревни *). Школы этого рода, на которыя до сихъ поръ смотрѣли съ пренебреженіемъ, почти враждебно, наши ревнители просвѣщенія, начинаютъ обращать на себя то вниманіе, котораго онѣ вполнѣ заслуживаютъ... Школы эти, что бы ни говорили наши записные педагоги, составляютъ могучее подспорье правильной школы... Онѣ составляютъ нѣчто въ родѣ параллельныхъ классовъ низшихъ отдѣленій этой школы, подчасъ и старшихъ. Лишь этимъ путемъ можетъ быть достигнуто... поголовное обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Мысль эта—не новая. Она была уже выражена, съ полною отчетливостію и ясностію, гр. Л. Н. Толстымъ, въ его замѣчательной брошюрѣ о народномъ образованіи. Туже мысль, не въ столь опредѣленной формѣ, высказывалъ и покойный Ѳ. М. Достоевскій. Но и въ теперешнемъ ихъ состояніи,

*) За послѣднее время школы эти значительно упорядочились въ своей постановкѣ и съ 1890 г. подчинены правильному надзору духовенства.

эти деревенскія школки заслуживаютъ сочувствія и поощренія. Ихъ, часто весьма плохіе, учителя, имѣя дѣло съ небольшимъ числомъ учениковъ, вынужденные постояннымъ контролемъ родителей къ усиленной дѣятельности, по этому самому достигаютъ результатовъ замѣчательныхъ, по какому бы методу они не вели свое преподаваніе *). Встрѣчаются между ними и люди весьма умные и талантливые, доведенные пьянствомъ и распутствомъ до скитальческой жизни. Само собою разумѣется, что примѣръ ихъ не полезенъ дѣтямъ, неспособенъ внушить родителямъ высокаго мнѣнія о благахъ образованія. Но за то

*) Какъ занимаются учителя школъ грамоты и какъ они сами грамотно пишутъ, видно изъ нижеслѣдующаго.

Епархіальный наблюдатель разсказываетъ: „пришлось мнѣ недавно быть (въ первый разъ) въ школѣ грамоты въ деревнѣ *N*, отстоящей въ 15-ти верстахъ отъ всякаго другого селенія. Учитъ крестьянинъ уже девятый годъ. Учащихся 13 чел. (въ деревнѣ 127 душъ).—„Чѣмъ занимаетесь?“—„У старшихъ евангельское чтеніе, у среднихъ диктовочка“.

Диктуетъ: „умилосердись надо мною.—шэпотомъ сказалъ старикъ“.—„Послѣ старикъ чего ставить? Извѣстно ли, что дальше сказалъ старикъ? А когда неизвѣстно чего, такъ чего ставится?“..

Теперь въ младшемъ будетъ сложеніе, ариѳметика которая называемая, слаживать будемъ“.

За неимѣніемъ книгъ для внѣкласснаго чтенія, ученики штудируютъ случайно добытую латинскую грамматику и самостоятельно осилили алфавитъ“....

Учитель школы грамоты, желающій перевестись въ земскую школу, пишетъ въ Уфимскую Земскую Управу такое прошеніе.

„Имѣя свидѣтельство на званіе учителя начальнаго народнаго училища, осмѣлюсь покорнѣйше просить Уфимской губернской земской управы не найдетъ ли она возможнымъ опредѣлить меня на должность на имѣющуюся вакансію земскаго училища министерства народнаго просвѣщенія сей губерніи. Образованіе получилъ въ ц—скомъ уѣздномъ училищѣ и выдержалъ экзаменъ на учителя онаго уже училища. Требуемые документы могу представить по назначенію меня на должность изъ уѣзднаго отдѣленія Казанскаго епархіальнаго училищнаго совѣта; при чемъ прошу меня увѣдомить по назначеніи меня годоваго оклада, т. е. оказываемаго жалованья. Къ сему прошенію руку приложилъ учитель ч—ской школы грамоты, пользующійся по отбыванію воинской повинности, какъ учитель Н. В—скій“. (Русское Слово, 1902 г.) Да, двигатели!.. Каковы же ученики у такихъ учителей?

всякое опасеніе какой-либо неблагонадежности, политической или религіозной,—тутъ невозможно: контроль имѣется полный, единственный, дѣйствительно существующій въ Россіи". (Сельская школа, стр. 34—36).

Мы не будемъ долго останавливаться на этихъ или неграмотныхъ, или „пьяныхъ и распутныхъ" учителяхъ. Хвалить ихъ хотя бы и за политическую благонадежность, по меньшей мѣрѣ, не слѣдуетъ. Интересно собственно вотъ что: почему это объ учителяхъ этого типа съ такимъ интересомъ говорятъ такіе авторитеты, какъ С. А Рачинскій, даже гр. Л. Н. Толстой и Ѳ. М. Достоевскій. Если не ошибаюсь, если не измѣняетъ мнѣ память, то у гр. Л. Н. Толстого вышло это такимъ образомъ. Въ ту еще пору давнюю, когда „великій писатель земли русской" увлекался педагогическими теоріями и вопросами народнаго образованія, и съ усердіемъ изучалъ начальное образованіе въ другихъ странахъ, его поразило слѣдующее обстоятельство: тогда какъ наши подростки, бывшіе, ученики низшихъ училищъ къ 20 лѣтамъ основательно забываютъ то, чему учились въ школѣ, даже не могутъ иногда подписать свою фамилію,—ученики начальныхъ французскихъ школъ, въ которыхъ учатъ не лучше, чѣмъ у насъ, въ этомъ возрастѣ высматриваютъ вполнѣ развитыми, даже интеллигентными гражданами своей родины. Въ чемъ же тутъ секретъ?—допытывался нашъ писатель. И съ присущею ему рѣшительностію, отвѣчаетъ, что образованіе во Франціи виситъ въ самомъ воздухѣ. И пусть мальчикъ-подростокъ въ начальной школѣ получаетъ одну грамотность и кое-какое умѣнье писать. Но разъ у него подъ руками и дешевая газетка, и доступный театръ, и приличный кабачекъ

съ публичными дебатами, и семейные клубы съ развивающими развлеченіями и т. под., дальнѣйшее образованіе его обезпечено.

Все это, можетъ быть, и такъ, тѣмъ не менѣе къ нашему русскому народу это не подходитъ. Въ воздухѣ у насъ доселѣ слышится чаще всего площадная брань, да сивушный запахъ. Вспомогательно-образовательныхъ средствъ въ русской деревнѣ, да и въ городахъ такъ еще мало, что лучше пока совсѣмъ не говорить о нихъ. Во всякомъ случаѣ они —явленіе еще исключительное. А если такъ, къ чему же безъ мѣры воспѣвать школы грамоты, зачѣмъ сулить имъ какую-то сказочную будущность? Тѣмъ болѣе страннымъ является существованіе школы грамоты рядомъ съ хорошо оборудованными одноклассными училищами. Представьте такую картину: въ извѣстномъ районѣ дѣйствуетъ хорошая школа и рядомъ съ нею, ею же вызванныя къ жизни, на прочной почвѣ стоятъ внѣшкольныя средства образованія (библіотеки, народныя чтенія и т. под.) И вотъ, гдѣ то въ углу притаилась не по заслугамъ расхваленная Рачинскимъ школка грамоты... Можно ли одну сравнивать съ другой? Стоитъ ли даже говорить о послѣдней? Нѣтъ, лучше одна хорошая школа, чѣмъ десять плохихъ и необезпеченныхъ!...

Все, конечно, зависитъ отъ разныхъ точекъ зрѣнія. Если крестьянину, по нашему мнѣнію, нужна другая цивилизація, болѣе легкая, чѣмъ наша,—если мы не считаемъ его достойнымъ участвовать въ наслѣдіяхъ и благахъ общей культуры, тогда что и говорить!... Мнѣ невольно вспоминается интересный въ бытовомъ отношеніи инцидентъ съ докладомъ епархіальнаго наблюдателя о вспомоществованіи церковнымъ школамъ, имѣвшій мѣсто въ Саратовскомъ

губернскомъ земствѣ, на собраніи очередной сессіи 1901 года. Предсѣдатель собранія, поддерживая ходатайство наблюдателя, говорилъ: „грамота—это умѣнье читать и писать. Въ былыя времена этому учили священники и дьячки. И они учили сотни тысячъ человѣкъ. Лучшаго типа желать не приходится. Конечно, гимназія и университетъ лучше, но это не для заброшенной маленькой деревни“ (Новое Время, № 9295).... Весьма поучительно! Тогда, дѣйствительно, зачѣмъ и школы открывать?!.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько выводовъ.

„Типъ сельскаго учителя еще далеко не выработался“,—говоритъ Рачинскій. Въ отношеніи внѣшней стороны, это совершенно справедливо. Что же касается духовной физіогноміи, то съ именемъ народнаго учителя въ нашемъ воображеніи рисуется идейный работникъ, вѣрящій въ свое дѣло и душу свою за него полагающій,—къ какой бы изъ перечисленныхъ категорій онъ не принадлежалъ *). Къ великому несчастію земли русской, начальный учитель нашъ въ своей просвѣтительной работѣ поставленъ въ весьма неблагопріятныя условія. Прежде всего, онъ, несущій великую культурную миссію, отъ которой зависитъ въ извѣстной мѣрѣ, будущее благо страны, прямо таки понищенски обезпеченъ. Въ теченіе 1901 года мы слышали изъ газетъ, что одна учительница, получая цѣлыхъ 50 р. въ годъ, умерла отъ истощенія; что другой учитель съ малыми дѣтишками живетъ въ какой-то „собачьей конурѣ“ и т. д. И что всего обиднѣе, нерѣдко случается, что

*) Я разумѣю легальныхъ учителей и рѣшительно исключаю безграмотныхъ учителей школъ грамоты.

наши просвѣщенные земскіе печальники и поборники просвѣщенія, сами получающіе, конечно тысячные годовые оклады, если заходитъ рѣчь о прибавкѣ учителю за двадцатилѣтнюю примѣрную службу пяти р. въ мѣсяцъ, говорятъ: „зачѣмъ это? Двадцать рублей! Куда это дѣвать ихъ учителю и особенно учительницѣ!“ Забываютъ эти господа, что ихъ швейцары и лакеи получаютъ тѣже 15—20 р., не считая готоваго содержанія и разнаго рода подарковъ!.. Впрочемъ, не въ этомъ главная бѣда начальнаго учителя. Къ чести послѣдняго, всякій безпристрастный человѣкъ долженъ сказать, что начальные учителя, на счетъ матеріальныхъ благъ,—воистину рыцари безъ страха и упрека. Главная бѣда учителя—въ безправіи и обездоленности его въ общественномъ отношеніи. Вѣдь всѣ благія начинанія учителя въ сущности зависятъ отъ тысячи посторонних причинъ, къ задачамъ народнаго образованія иногда рѣшительно никакого касательства неимѣющихъ. Мы укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ. Сельскій учитель въ своемъ положеніи зависитъ отъ цѣлой фаланги низшаго начальствующаго люда. Въ самомъ дѣлѣ, если вы знаете деревню, то знаете и то, кто изъ представителей этой сельской власти не считаетъ себя прикосновеннымъ къ школѣ? И писарь, и староста, и старшина, и попечитель, и сотскій, и урядникъ, и т. д. Иногда на почвѣ отношеній этихъ лицъ къ учителю, получаются положительные курьезы. Есть пьеса Крылова и Островскаго—„На порогѣ къ дѣлу“, ком. въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Въ этой пьескѣ прекрасно обрисованы отношенія къ молодой учительницѣ отставного старшины и влюбленнаго писаря. Пьеска эта, вѣроятно, извѣстна каждому изъ насъ. Я ограничусь, поэтому, только передачей 6-го явл. 1-го дѣйствія, въ

которомъ разсказывается о первомъ знакомствѣ старшины съ учительницей.

Лонина (учительница), (входя изъ школы къ Буровину—старшинѣ). Что вамъ угодно?

Буровинъ (слегка выпивши). Не знаете, кто я?

Лонина. Не знаю.

Буровинъ (встаетъ). Волостной старшина, значитъ, начальникъ всей волости буду!.. То-есть, оно хоша мы въ настоящее время и въ увольненіи находимся, а сила и власть при насъ состоитъ, и завсегда мы первые люди въ волости.

Лонина. Вамъ что же отъ меня нужно?

Буровинъ (садится). А желательно намъ экзаментъ этотъ вамъ сдѣлать.

Лонина (удивляясь). Какой экзаменъ?

Буровинъ. А вотъ будетъ по пунктамъ произведено.

Лонина. Пункты... Какіе пункты?

Буровинъ Спервоначально, изъ какихъ вы будете?

Лонина. Какъ изъ какихъ?

Буровинъ. Ну, то есть: изъ духовныхъ, аль изъ разночинцевъ происходите?

Лонина. Я дочь отставного офицера морской службы.

Буровинъ. Ага, стало быть, изъ военныхъ, что по морю! Такъ... Ну, во вторыхъ: какой вѣры?

Лонина. Такой же, какъ и вы, какъ всѣ...

Буровинъ. Тверды ли въ упованіи?

Лонина. Гм... Какъ это?

Буровинъ. Есть ли т. е. упованіе, что всѣ мы помереть должны?

Лонина. Ха, ха, ха!.. Конечно. я знаю, что умремъ всѣ когда-нибудь.

Буровинъ. Смѣяться тутъ нечего, не шутка это... И не „когда-нибудь“, а должны памятовать это ежечасно!.. Теперь, въ третьихъ будетъ: заблужденьевъ нѣтъ ли какихъ?

Лонина. Какія заблужденія? Я васъ не понимаю.

Буровинъ. Неуваженіе къ начальству тамъ, или фордыбачить какъ-нибудь...

Лонина. Ничего я не знаю. Знаю только, что вотъ дана мнѣ школа, я должна трудиться и приносить пользу...

Буровинъ. А какъ будете учить, т. е. внушеніе это, къ примѣру, дѣлать?

Лонина. По звуковому методу.

Буровинъ. Какой тамъ... метотъ... Съ голоса зачинать прямо?

Лонина (съ улыбкой). Такъ и будетъ.

Буровинъ. Нѣтъ, не такъ, а вотъ я поучу какъ: прямо пѣть хоромъ, сперва духовное, а потомъ и пѣсни разныя, а дальше ужъ разборка азамъ пойдетъ по разрядамъ.

Лонина. Ха, ха, ха!.. Но я удержаться не могу: вы такъ смѣшно говорите!..

Буровинъ. А-а-а!.. смѣшно!.. вотъ оно что!.. Вотъ какъ вы предъ начальствомъ отвѣчаете!.. (встаетъ) какъ же это вы смѣете такъ?

Лонина. Ха, ха, ха!.. Извините, глядя на васъ, просто мертвый расхохочется...

Буровинъ. Ловко!.. Вотъ такъ отвѣтъ!.. гм .. Видимъ мы теперь, что вы за птица! Н-да... Нѣтъ мы васъ живо выведемъ на свѣжую воду... насъ, братъ, не проведешь... сразу можемъ видѣть человѣка и постигать, потому пронзительность имѣемъ. Н-да!.. А ты бы вотъ какъ по настоящему встрѣчу сдѣлала: отвѣтъ должна давать съ почтеніемъ, а не „хи-хи“, да „ха-ха“; акромя того, коли къ тебѣ такіе люди зашли, окажи всякое уваженіе, на столъ что нибудь поставь, что бы не пустой онъ былъ!

Лонина. Это еще что же? „Что нибудь на столъ“.

Буровинъ. Не знаешь? Въ графинѣ что ставятъ? и закуску при этомъ! Еслибъ ты путная-то была. Намъ угощенья твоего не нужно, а значитъ—честь отдай!

Лонина. Ну, этого у меня не будетъ.

Буровинъ. Не будетъ! Такъ и мы съ тобой будемъ!

Лонина. Послушайте, а вотъ нѣтъ ли у васъ дровъ, не можете ли вы распорядиться, чтобы было чѣмъ топить школу, я замерзаю, и дѣти зябнутъ!

Буровинъ. Дровъ? Это не наша часть: мы свыше наблюдаемъ и смотримъ за всѣмъ и судимъ! А дрова... на то есть сельское общество!...

Лонина. Такъ прощайте! Я занята, у меня классъ.

Буровинъ (за ней). Глянемъ и мы, да поучимъ васъ! (идетъ).

Лонина. Нѣтъ, я васъ въ классъ хозяйничать не пущу!

Буровинъ (подпирая бока). Какъ?.. Меня? Начальство? почему и отъ чего? Какая причина?

Лонина. Вы не педагогъ!

Буровинъ. Ого, какое слово!.. слово подозрительное довольно. И ежели это слово. .я такъ думаю... подъ судъ отдать. О-оо! Тутъ твоего и духу не останется. А знаешь куда? туда, вдаль...

Лонина. Ну, уходите, вы мнѣ надоѣли!

Буровинъ (одинъ). Нѣтъ, не уйду, братъ, дознаюсь, доподлинно, дознаюсь, какое такое поученіе отъ тебя будетъ! (идетъ за ней; отворяя дверь) ребята! знаете, кто я? (уходитъ; раздается гвалтъ ребятъ).

Лонина (пробѣгая чрезъ комнату). Сторожъ, сторожъ!...

Это литературная картинка, вполнѣ жизненная и правдивая. А вотъ вамъ дѣйствительный уже фактъ, имѣвшій мѣсто среди людей, которыхъ я хорошо знаю.

Въ школу (земскую) поступаетъ молодой учитель, смышленый и дѣлу преданный. Со рвеніемъ отдается юноша своему дѣлу, но... черезъ нѣсколько времени замѣтнымъ образомъ охладѣваетъ къ школѣ. Спустя нѣсколько недѣль, онъ приходитъ къ священнику-законоучителю и рѣшительно заявляетъ, что онъ бѣжитъ изъ своей школы. „Почему?"—спрашиваетъ тотъ въ недоумѣніи. „Да попечитель замучилъ"... Попечителемъ школы состоялъ бывшій волостной старшина Иванъ Ивановъ Свиноуховъ. „Помилуйте, чуть не каждый день вламывается въ школу, торчитъ на урокахъ, да поучать еще лѣзетъ"... „Не печалься, другъ",—успокоилъ батюшка: „мы его ограничимъ. Какъ только придетъ еще разъ, пришлите поскорѣе за мной, но такъ, чтобъ было не замѣтно"... Ив. Ив. на слѣдующее утро опять пожаловалъ въ школу. Учитель за священникомъ. Священникъ немедленно явился и прямо входитъ въ классъ. Ив. Ив. этого не ожидалъ и... растерялся. „А... Иванъ, и ты здѣсь",—сказалъ батюшка. „Зачѣмъ пожаловалъ?"—„Да.. значитъ... по настоящей должности... потому.. должонъ знать"... подходя подъ благословеніе, мямлилъ смущенный попечитель. „Э!.. сказалъ священникъ. Значитъ ты не знаешь, въ чемъ твоя должность. Твое дѣло вотъ: учителю жалованье не платятъ, ступай, похлопочи, попроси, а то и своихъ на время выдай. Дровъ нѣтъ въ училищѣ, распорядись, чтобъ привезли. А ходить по классамъ—дѣло не твое. Пожалуй не вытерпишь, скажешь слово и дѣло спутаешь. Не ходи, Иванъ... Иначе, братъ, я поступлю по своему".

Иванъ Ивановичъ—простой мужикъ, для котораго священникъ—власть и авторитетъ. Но представьте въ лицѣ попечителя настоящаго г. Разуваева (бываютъ и такіе), у котораго „рупь стоитъ пять

четвертаковъ" и „который коли ежели онъ въ капиталѣ, то все могетъ сдѣлать", особливо „съ какимъ-то учителишкой, у котораго въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается"... „завсегда такого раздавить сможемъ"...

За сельскимъ начальствомъ тянется, тоже длинной вереницей, начальство чиновное, городское: и засѣдатели, и предсѣдатели и т. п. Каждый изъ нихъ, не дѣлая подъ часъ ровно ничего въ пользу школы, при случаѣ можетъ спросить, взыскать, пробрать и накричать на бѣднягу-учителя. А попробуй учитель кого-либо изъ нихъ попросить о своей нуждѣ, никто пальцемъ не пошевелитъ и скажетъ, что это не его дѣло. И посмотрите, поприслушайтесь, какою болью душевною звучатъ эти невольно вырвавшіяся строки изъ дневника учителя: „идти въ училищный совѣтъ по этому дѣлу не хотѣлось: я зналъ, что меня встрѣтятъ тамъ нѣкоторыя лица и, не разобравши дѣла, взвалятъ вину на меня же".

Хорошо, если священникъ извѣстнаго прихода стоитъ на высотѣ своего призванія и составляетъ душу школьной жизни. Но представьте, если и священникъ будетъ ихъ поля ягода, т. е. не только совмѣстной работой не будетъ облегчать участь учителя, но станетъ придираться къ учителю и тормозить его благія начинанія,--что тогда? Самъ Рачинскій признаетъ „отчасти справедливыми" упреки нашему сельскому духовенству за его „яко бы полное равнодушіе къ дѣлу сельской школы". Мы ничуть не хотимъ обобщать фактовъ; пусть даже факты, ниже приводимые, будутъ единичными и весьма рѣдко случающимися. Тѣмъ не менѣе, они все же встрѣчаются на тернистомъ пути учителя,—такъ зачѣмъ же замалчивать ихъ, не считаться съ ними? Вѣдь

факты эти иногда положительно кричащіе. Вотъ два примѣра. Печать прошлаго (1901 г.) года сообщала намъ объ одномъ священникѣ-законоучителѣ, который не дозволялъ читать народу „Сигналъ" Гаршина. „Въ этомъ разсказѣ,—поучалъ батюшка,—Семенъ, представляя ужасы неминуемаго крушенія поѣзда, говоритъ: „а тамъ, въ *третьемъ* классѣ народу битком набито, дѣти малыя... Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ"... А пассажиры 1-го и 2-го класса? Туда, молъ, имъ и дорога?!... Одна учительница недавно разсказывала: „бѣда съ нашимъ батюшкой".—„Чтожъ? въ классъ не ходитъ?"—„Ходить-то ходитъ... бѣда не въ этомъ. А вотъ пришелъ на дняхъ въ школу, да и говоритъ ребятамъ: „у васъ, молъ, учительница, да что въ ней толку-то?.. Я—здѣсь главное лицо. Хочу, примѣрно, отъ этого шкафа (библіотека) дать ей ключъ, дамъ, а не захочу, такъ не прогнѣвайся... Вы на нее, ребята, не смотрите"... Такъ вотъ если съ такими дѣятелями придется работать учителю или учительницѣ (особенно учительницѣ), такъ это будетъ ужъ сущее наказаніе. Прощай, мечты, прощайте, планы!

Я никогда не забуду урока, даннаго авторомъ извѣстныхъ „писемъ изъ Америки" (печатались въ „Вѣстникѣ Европы") дѣятелямъ одной начальной школы, прекрасно работающей въ одномъ изъ культурныхъ уголковъ Пензенской губерніи. Все было у этой школы: и народныя чтенія, и чайная, и столовыя, и хорошая библіотека, и ясли. „Театръ, скорѣе народный театръ!"—мечтали работники. Но гдѣ взять денегъ на постройку лѣтней сцены? „Давайте, напишемъ Тверскому, въ Америку"! Написали. Тверской денегъ не прислалъ, но отвѣтилъ любезнымъ письмомъ. Смыслъ письма такой: „на пользу родины

я посильно работаю, но денегъ на театръ вамъ не вышлю и вотъ почему. У насъ, на Руси всѣ благія начинанія по народному образованію не имѣютъ еще постоянной, устойчивой, строго опредѣленной почвы, а скорѣе зависятъ отъ иниціативы и энергіи частныхъ лицъ. Хорошо: вы нынѣ тамъ, а завтра васъ нѣтъ. Что станется тогда съ вашей затѣей?"... Да, все зависитъ отъ инициіативы частныхъ лицъ, да отъ окружающихъ обстоятельствъ. Обстановка благопріятствуетъ, работай учитель,—одинокъ учитель, нѣтъ ему лицъ сочувствующихъ, замѣчаетъ онъ, напротивъ, противодѣйствіе добрымъ своимъ начинаніямъ, тогда „сиди у моря, да жди погоды" или уходи совсѣмъ отсюда... Вотъ почему я и поставилъ въ началѣ статьи прекрасныя слова покойнаго епископа Гермогена! Дѣйствительно, учитель школы въ своихъ идейныхъ начинаніяхъ (если только онъ, не „школьныхъ дѣлъ мастеръ") при неблагопріятствующихъ обстоятельствахъ, есть воистину пловецъ, рѣшившійся на утлой лодочкѣ переплыть бурное море житейской суеты, зависти и треволненій...

Но чтобы ни случилось съ тобою, дерзай, труженикъ народной нивы! Помни, что Первообразъ твой —Небесный Учитель даже главы не имѣлъ гдѣ подклонити. Твоя работа созидающая, культурная; въ ней будущность нашей милой, дорогой родины. Вотъ въ идейности своей работы и находи смыслъ твоей жизни. Ты поколебался? Тебя одолѣваютъ невзгоды? Но развѣ ты не знаешь, что въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ въ наше время на нивѣ родной работаютъ уже десятки тысячъ такихъ же, какъ и ты, тружениковъ честныхъ! Не унывайте же, друзья, работайте честно, дружно, не покладая рукъ. На народное образованіе обращено вниманіе съ высоты Престола.

Вѣрьте же, что не всегда будутъ мрачныя тучи на вашемъ горизонтѣ,—вѣрьте въ свое свѣтлое будущее!

Учи, мой другъ! Трудись съ дѣтьми безъ
укоризны.
Ты знай: твоя работа даромъ не пройдетъ,—
Она къ Христу, Царю и дорогой отчизнѣ
Нашъ темный людъ съ любовью приведетъ.

***

Не бойся клеветы, глумленья надъ собою.
За твердый плугъ взялся и не гляди назадъ.
Работай смѣло ты надъ нивою родною.
Твой трудъ полезный наградится во сто кратъ.

***

Ты Слово Божіе по царскому велѣнью
Сѣй горстью полною на нивѣ намъ родной,
Чтобы сердца крестьянъ младаго поколѣнья
Любовью ко Христу горѣли неземной

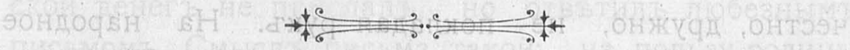
***

Сбирай птенцовъ вокругъ Христа и трона,
Въ нихъ воспитай любовь горячую къ Царю;
И въ сердце ихъ вдохни духъ Божьяго закона,
Чтобъ просвѣщенья имъ въ себѣ узрѣть зарю.

***

Тогда враговъ найдетъ народъ въ своемъ
сознаньи,
Что плевелъ среди нихъ бросаютъ сѣмена.
Тогда блеснетъ и солнце истиннаго знанья
И отразится отъ него невѣрія волна.

(Изъ журн. „Странникъ" 1902 г.).

II.

Завѣты св. Кирилла и Меѳодія современнымъ учителямъ церковной школы.

(Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ церковныхъ школъ г. Пензы, 11-го Мая 1902 г.).

Достопочтенное Собраніе!

Церковно-приходскія школы царственною волею въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III-го были воззваны къ жизни 13-го Іюня 1884 г., т. е. восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время въ г. Пензѣ было только два церковно-приходскихъ училища: Петропавловское мужское и Петропавловское женское (открыты 9-го Января 1872 г.). Въ настоящее время нашъ городъ имѣетъ уже шесть церковныхъ школъ,—изъ нихъ одна съ 1889 г. преобразована даже въ двухклассную,—съ 23-ю учащими и болѣе чѣмъ съ 600 учащимися. Этотъ внѣшній успѣхъ говоритъ, конечно, и о внутреннемъ ростѣ школы. Тѣмъ болѣе, дѣло здѣсь идетъ не о захолустномъ селѣ, гдѣ нѣтъ другихъ школъ и гдѣ, слѣд., волей-неволей приходится отдавать дѣтей въ ту школу, которая имѣется на лицо,—но о губернскомъ городѣ, который на дѣло образованія тратитъ четвертую часть своего годового бюджета (болѣе 50000 р.) и имѣетъ полное право гордиться своими начальными городскими училищами. Впрочемъ я не беру на себя смѣлости судить, какъ жило и развивалось церковно-приходское училищное дѣло въ г. Пензѣ за *все* ука-

занное время, такъ какъ не былъ лично свидѣтелемъ и соучастникомъ этого роста; я видѣлъ и присматривался къ жизни училищъ лишь послѣднія четыре года, когда самъ работалъ, какъ законоучитель одного изъ нихъ,—тѣмъ не менѣе, я, по моему искреннему убѣжденію, имѣю полное право говорить о томъ быстромъ внутреннемъ ростѣ пензенскихъ церковныхъ училищъ, которому, само собою разумѣется, нужно только радоваться. Два года тому назадъ, именно при переходѣ Петропавловской мужской двухклассной школы изъ стараго помѣщенія въ новое, мы,—какъ помнятъ это присутствующіе на томъ торжествѣ,—только мечтали о томъ, какъ хорошо было бы объединить въ одну семью всѣхъ учащихъ и учащихся въ церковныхъ школахъ г. Пензы чрезъ устройство общихъ учительскихъ собраній и ученическихъ праздниковъ во вновь отстроенномъ зданіи... Одинъ нынѣшній годъ превзошелъ наши даже самыя смѣлыя ожиданія. Въ смыслѣ сближенія и, отсюда нравственнаго роста онъ далъ много такого, чего мы, два года назадъ, и ожидать еще не могли. Празднованіе 30-тилѣтія Петропавловскихъ училищъ (9-го Января 1902 г.), гоголевскій юбилей (21-го Февраля), совмѣстное празднованіе высокоторжественнаго дня рожденія Государя Императора всѣми училищами въ Петропавловской церкви (6-го Мая), проведены школами въ такомъ тѣсномъ братскомъ единеніи, при такомъ воодушевленіи лицъ начальствующихъ, инспекціи, а главное-попечителей и учащихъ, что можно съ положительностію сказать, что церковныя школы г. Пензы съ текущаго года выступили на новую, хотя и непрототоренную еще, но живую и дѣйственную дорогу совмѣстнаго труда и общей работы на нивѣ учительской. Нынѣшній праздникъ, и самъ

по себѣ полный великаго значенія, невольно, такъ сказать, закончилъ и закрѣпилъ наши объединительныя стремленія. Какъ въ день имянинъ собираются изъ разныхъ сторонъ любящія дѣти къ безцѣнной матери, чтобъ поздравить ее съ великимъ днемъ и пожелать всего лучшаго, такъ и пензенскія городскія церковныя школы пришли нынѣ въ одно мѣсто, какъ одна родная семья, чтобъ спраздновать здѣсь, въ этой старѣйшей изъ нихъ школѣ духовно-нравственнаго просвѣщенія, свой и школьный, и всероссійскій, и даже всеславянскій праздникъ,—который отселѣ вся церковно-школьная юная Россія уже обязана праздновать въ силу указа Свят. Синода отъ 20 Марта / 4 Апрѣля 1901 г. И въ эту торжественную минуту, какъ-то невольно хочется одинъ день—маленькій и скромный, какъ наше торжество, поставить въ подчиненную связь съ такимъ великимъ для русскаго и славянскаго міра днемъ, какъ 11-е Мая; хотѣлось бы, проще и ближе говоря, посмотрѣть, какіе завѣты дали намъ, современнымъ скромнымъ дѣятелямъ школы, наши великіе первоучители и свѣточи церковной школы, равноапостольные Кириллъ и Меѳодій. Вѣдь только идя путемъ, ими указаннымъ, мы можемъ дать этимъ дѣтямъ то „разумное, доброе, вѣчное", котораго въ правѣ ждать и требовать отъ насъ и русское общество и нашъ Богомъ хранимый Государь Императоръ Николай II-й, идущій въ вопросахъ народнаго, школьнаго учительства по стопамъ своего незабвеннаго Родителя,—какъ это мы видимъ изъ многочисленныхъ рескриптовъ на имя выдающихся дѣятелей церковно-приходской школы, и особенно изъ рескрипта, даннаго на имя недавно скончавшагося великаго борца и защитника церковной школы, С. А. Рачинскаго.

Изъ жизнеописанія первоучителей видно, что дѣлу просвѣщенія славянскаго міра св. братья отдавали всѣ свои силы; даже умирая, Кириллъ убѣждаетъ Меѳодія не покидать славянской земли, прибавляя, что онъ тамъ скорѣе, чѣмъ въ монастырѣ, найдетъ спасеніе. Съ другой стороны, просвѣщая славянъ, св. братья, говоря языкомъ современной педагогіи, примѣняли систему воспитывающаго обученія: научая славянъ грамотѣ, братья даютъ имъ и священное Писаніе на ихъ родномъ языкѣ, и доступное богослуженіе, т. е. заботятся не только объ умственномъ развитіи своихъ учениковъ, но стараются выработать изъ славянъ новыхъ уже людей, дать этимъ людямъ новыя жизненныя основы, новый жизненный укладъ. И каждый безпристрастный изслѣдователь долженъ всецѣло согласиться съ тѣмъ, что только благодаря такой системѣ св. братья такъ скоро и дѣлали изъ дикаго язычника—славянина добраго христіанина-церковника и богоносца. За всѣмъ тѣмъ, апостольское дѣло свое св. братья хотѣли вести и вели въ высшей степени *національно* для славянскаго міра, поставивъ его на твердыя основы народнаго духа и подчинивъ могучему вліянію церкви и христіанскаго богослуженія.

Намѣченныя черты, мнѣ кажется, можно смѣло считать самыми характерными въ жизни и дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія. Не имѣя возможности, за краткостію времени, дать полный очеркъ великаго дѣла славянскихъ первоучителей, я и останавливаюсь только на этихъ трехъ, особо выдающихся пунктахъ учительства св. братьевъ, и именно съ той стороны, насколько они приложимы къ дѣятельности современнаго народнаго учителя.

1.

На народное учительство у насъ, въ нашемъ современномъ обществѣ, сложилось довольно опредѣленное представленіе. Всѣ согласны въ томъ, что занятіе это въ высшей степени благородное и идейное, но, съ другой стороны, страшно отвѣтственное и неблагодарное,—неблагодарное, какъ потому, что оно беретъ отъ учителя такъ много и не даетъ ему (почти) ничего—ни въ смыслѣ признанія его работы, ни въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія, особенно на случай дряхлости и инвалидности учителя. Благодаря этому взгляду, наша молодежь, со школьной скамьи, можно сказать, рвется въ учителя народной школы, а затѣмъ, иногда съ такою же поспѣшностію, начинаетъ изыскивать пути обратнаго отступленія, хватаясь, какъ за якорь спасенія, за такія болѣе обезпеченныя и *покойныя* должности, каковы: мѣста прикащиковъ и управляющихъ въ барскихъ экономіяхъ, и даже сидѣльцевъ винныхъ лавокъ. Обидное недоразумѣніе въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, кроется въ узкости и односторонности взгляда самихъ кандидатовъ на учительство, а именно многіе молодые люди стремятся въ учительство, не взвѣсивъ своего призванія и силъ,—непродуманно и непрочувствовано; они насильно заставили себя признать въ себѣ невѣдомые и невидимые для другихъ, но желательные для нихъ самихъ таланты учителя и воспитателя народной школы... И вотъ, не имѣя въ себѣ искренняго призванія къ дѣлу и даже будучи неспособны къ нему, они скоро разочаровываются въ дѣлѣ, которое,—думали они,—будетъ призваніемъ всей ихъ жизни, но, разочаровываясь, долго не соглашаются открыть настоящую причину своего нравственнаго недомоганія, а съ настойчивостію, достой-

ною лучшаго дѣла, сначала искусственно подогрѣваютъ себя, а затѣмъ, опускаясь мало помалу и незамѣтно для себя привыкая къ формѣ и рутинѣ, начинаютъ оправдывать себя разной казуистикой и ссылками на страшную отвѣтственность ихъ дѣла, на равнодушіе общества, на нищенское обезпеченіе и т. д. Очевидно, учительство никогда и не было дѣломъ призванія для такихъ людей, никогда не захватывало ихъ, а было чѣмъ-то натасканнымъ, вымученнымъ... Изъ своей, почти двадцатилѣтней учительской практики я могъ бы привести массу примѣровъ, иллюстрирующихъ сказанное. Можно было бы сказать объ учителяхъ и учительницахъ, которые какъ-то *не сростаются* со школой и ждутъ не дождутся, когда имъ можно будетъ уѣхать изъ училища; эти педагоги не останутся около ребятъ ни на пасху, ни на святки, ни тѣмъ болѣе на лѣтніе каникулы, а однѣ (учительницы) поѣдутъ подъ крыло своей матушки, а другіе (учителя) предпочтутъ прозябаніе на скучнѣйшихъ дачахъ съ уроками, или безцѣльныя поѣздки съ мнимо-научными цѣлями. Забываютъ эти люди, что они пропускаютъ въ такихъ случаяхъ самые чудные моменты школьной жизни ребенка, каковы: елки, катанье съ горъ, школьное христосованье, весна съ огородомъ, полями и лѣсными экскурсіями; а учительницы, сверхъ всего этого, лишаютъ себя возможности поработать въ свободное отъ учебныхъ занятій время въ такихъ симпатичныхъ учрежденіяхъ, какъ „ясли", пріюты и т. под. Можно было бы дальше указать на учителей, до страсти увлекающихся охотой, или—еще характернѣй для нашего времени—на такихъ молодыхъ педагоговъ, которые, имѣя отъ роду съ небольшимъ двадцать, уже ворчатъ, какъ старики, о своей не-

обезпеченности и даже о томъ, что будетъ съ ними чрезъ 25 лѣтъ... Не нужно забывать одного: учительство—и особенно при современныхъ условіяхъ русской школы—есть своего рода подвигъ, а каждый подвигъ непремѣнно требуетъ самоотреченія,—въ извѣстной степени, конечно. И если учитель не способенъ дать послѣдняго, то, безъ сомнѣнія, онъ лучше сдѣлаетъ, если найдетъ другую работу, болѣе для него подходящую.

Св. Кириллъ и Меѳодій даютъ намъ въ этомъ отношеніи урокъ, весьма поучительный. Прочтите всю ихъ святую біографію и вы никогда не найдете ни тѣни колебаній, ни ропота, ни даже огорченій. Вся ихъ жизнь—безусловное подчиненіе своему долгу, идейное служеніе дѣлу. „Мы были, какъ два вола, тянувшихъ одну борозду,—говорилъ умирающій Кириллъ своему старшему брату,—и я падаю на своей чертѣ; день мой кончился, но ты не покидай славянскаго дѣла"... Сколько великой, священной поэзіи въ этихъ словахъ умирающаго трудника и печальника странъ славянскихъ,—поэзіи, способной поддержать и современнаго работника на нивѣ народной, влить въ него не одну каплю новыхъ силъ, новой энергіи *).

2.

Не нужно, да и нельзя скрывать того, что положеніе учителя народной школы, дѣйствительно, въ

*) Къ этому слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что современнаго учителя съ раздвоенной душей, портретъ котораго мы рисовали сейчасъ, можно утѣшить не одними ссылками на идейныя перспективы. За послѣднее время судьба народнаго учителя обратила на себя серьезное вниманіе со стороны правительственныхъ учрежденій и, какъ извѣстно, уже начался усиленный отпускъ казенныхъ средствъ на улучшеніе быта учителя. А недавно опубликованное положеніе о второклассныхъ школахъ, на счетъ обезпеченія учащаго персонала, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

высшей степени отвѣтственное. Главная бѣда нашей школы въ томъ, что мы съумѣли какъ-то ухитриться учительство отдѣлить отъ воспитанія, что особенно замѣтно для посторонняго наблюдателя на нашей средней школѣ, гдѣ у насъ есть учителя или преподаватели (названіе довольно характерное) и инспекція и воспитатели. И попробуйте настоящаго „преподавателя" назвать воспитателемъ; это будетъ пожалуй такою же дерзостью, какъ стариннаго помѣщика кто-либо осмѣлился бы назвать „человѣкомъ"... Между тѣмъ, при оцѣнкѣ извѣстной школы, извѣстной школьной системы кардинальнымъ пунктомъ, казалось бы, долженъ быть слѣдующій вопросъ: образуетъ ли человѣка, воспитываетъ ли извѣстная школа, или извѣстная школьная система?.. и зачѣмъ намъ какое-то преподавательство, если намъ говорятъ, что школа только учитъ, а воспитаніе—дѣло семьи, а если „семья не умѣетъ сдѣлать это, пусть приглашаетъ тутора или гувернера". И вѣроятно, мы долго еще будемъ въ этомъ отношеніи хромать на оба колѣна. Въ самомъ дѣлѣ, если въ хорошихъ даже школахъ законоучителей не приглашаютъ на учительскія собранія, даже не интересуются постановкой Закона Божія, а все вниманіе обращаютъ на „учебу и учебу",—долго не перейдемъ мы на систему воспитывающаго обученія. Съ другой стороны, если лучшіе педагоги и школьные дѣятели уже дѣлаютъ попытки прилагать воспитывающую систему на практикѣ, то это приложеніе ограничивается лишь областью ума и отчасти сердца, но ничуть не затрогиваетъ области воли. Между тѣмъ, англійская, напримѣръ, школа справилась уже съ этимъ вопросомъ и, стремясь сдѣлать изъ своего питомца просвѣщеннаго человѣка-христіанина, въ одинаковой степени желаетъ воспи-

тать въ немъ жизненнаго борца, человѣка съ закаленнымъ характеромъ, чтобъ не потерялся этотъ человѣкъ, въ какомъ бы положенiи не очутился онъ впослѣдствiи. Нельзя безъ наслажденiя читать поучительную съ этой стороны и вообще замѣчательную по затронутымъ вопросамъ и способу ихъ обсужденiя книгу „Новое воспитанiе“ Э. Демолена, къ которой мы и отсылаемъ интересующихся затронутымъ предметомъ *).

Вотъ если бъ учителя нашихъ народныхъ школъ прониклись всецѣло тою мыслiю, что главная цѣль ихъ дѣятельности не въ множествѣ сообщаемыхъ свѣдѣнiй, а въ томъ, что они должны воспитывать человѣка-христiанина, съ просвѣщеннымъ умомъ, добрымъ сердцемъ и твердою волею—характеромъ,— о, какъ прояснился бы ихъ горизонтъ, какъ упростились бы ихъ задачи и все дѣло. Тогда не придется потрясать оружiемъ при обсужденiи вопроса о томъ, насколько приложимы въ начальной школѣ разныя подсобныя занятiя и можетъ ли „пчелка съѣсть школку“; не нужно было бы учителю теряться при рѣшенiи такихъ „головоломныхъ“ вопросовъ: что важнѣе—диктанты или пересказы? или: зачѣмъ это три года учить, гдѣ пишется *ѣ* или *е*, и пр. *безумные* глаголы... Была бы одна главная, захватывающая цѣль, а всѣ остальные вопросы сами собою распредѣлятся по своимъ подчиненнымъ мѣстамъ.

Св. Кириллъ и Меѳодiй служатъ намъ и въ этомъ отношенiи путеводными руководителями. Они

*) Русская начальная школа (а отчасти и средняя) начала впрочемъ выходить въ этомъ вопросѣ на истинный путь, о чемъ говоритъ весьма опредѣленно взглядъ законодателя на задачи церковно-приходскихъ школъ, а именно: „онѣ (школы) имѣютъ цѣлiю утверждать въ народѣ православное ученiе вѣры и нравственности христiанской (т. е. сказала воспитывать и воспитывать) и (затѣмъ уже) сообщать первоначальныя полезныя знанiя“.—а также и современная реформа средней школы.

не только *выучили* славянъ читать на родномъ языкѣ, но и старались перевоспитать ихъ чрезъ посредство свящ. Писанія и понятнаго, роднаго богослуженія. И смотрите, съ какимъ дивнымъ педагогическимъ тактомъ и настойчивостію св. братья дѣлаютъ это! Они не ограничиваются тѣмъ, что бросили лучъ знанія и вѣры въ народную массу; они не оставили додѣлать остальное (самое-то главное) времени, какъ это обычно дѣлаетъ доселѣ наша школа, но, какъ истинные педагоги руководятъ своими учениками, до конца своей жизни, въ тѣхъ новыхъ жизненныхъ условіяхъ, которыя сами же дали славянскому міру чрезъ грамоту, св. вѣру и богослуженіе!.. Этого, воистину божественнаго примѣра не слѣдуетъ забывать ни одному педагогу, какъ бы онъ ни былъ образованъ!

3.

Жизнь св. Кирилла и Меѳодія такъ наполнена избраннымъ и излюбленнымъ, великимъ дѣломъ просвѣщенія, что за этимъ дѣломъ положительно нѣтъ никакой возможности разсмотрѣть ихъ личныхъ, хотя бы самыхъ скромнѣйшихъ интересовъ. Это самоотреченіе простирается до такой степени, что забываются даже племенныя, какъ извѣстно, чрезвычайно живучія и, кажется, ничему другому, кромѣ вдохновеннаго служенія идеѣ, неподдающіяся особенности. Въ самомъ дѣлѣ, прочитайте біографію св. Кирилла и Меѳодія, закрывши первую страницу, или, другими словами, забывши на время о греческомъ происхожденіи св. братьевъ. Что покажетъ тогда ихъ жизнеописаніе? Можно съ увѣренностію сказать, что оно никогда не дало бы ни одного намека на то, что славянскіе первоучители были людьми не славянской національности. Напротивъ, глубокое про-

никновеніе жизненными идеалами славянскаго племени, беззавѣтное служеніе интересамъ послѣдняго, полное отрѣшеніе отъ интересовъ родины, особенно за послѣдніе годы жизни того и другаго брата, будутъ говорить намъ не о различіи національностей учителей и учениковъ, а о чемъ-то другомъ, совершенно противоположномъ. Идея апостольства среди славянскаго міра настолько глубоко захватила св. братьевъ, что они одною ею только и дышатъ; они готовы даже поступиться какими угодно: и историческими, и политическими и др. традиціями и соображеніями, лишь бы цвѣло и развивалось ихъ дѣло. Поэтому, когда начинаетъ грозить опасность ихъ проповѣди, они, въ духѣ полной евангельской простоты, идутъ на судъ не въ Константинополь, какъ слѣдовало бы ожидать, а въ Римъ, къ папѣ, который почему-то предъявлялъ свои права на славянскія земли, хотя права эти были весьма сомнительнаго характера. Имъ, т. е. братьямъ, предъ кѣмъ-бы не отчитаться, лишь бы спасти св. дѣло!.. Успѣхъ проповѣди былъ громадный и несомнѣнно, что одно изъ главныхъ условій этого успѣха заключалось въ національномъ, всецѣло славянскомъ духѣ и направленіи этой проповѣди...

И каждая школа, если она желаетъ дѣлать настоящее дѣло вѣрой и правдой служить родинѣ, непремѣнно должна вести воспитаніе и образованіе въ строго національномъ духѣ. Утвержденіе, что нельзя ариѳметику преподавать въ какомъ-то русскомъ или нѣмецкомъ духѣ, есть ничто иное, какъ плохая еврейская выдумка! Дѣло не въ словахъ, не въ частностяхъ, а въ общемъ тонѣ. Позвольте учить еврею и вы увидите, что не только при изученіи ариѳметики, но даже проходя такую науку, какъ русская

исторія, для юркаго человѣка всегда возможно будетъ въ сознаніе учениковъ проводить какія-нибудь сіонистскія или иныя подозрительныя идеи воинствующаго іудаизма...

Итакъ, образованіе должно быть національно. Въ русской школѣ оно должно быть основано на трехъ краеугольныхъ камняхъ: *вѣра, царь и отечество.*

Русскій народъ усвоилъ христіанство, какъ его понимаетъ православіе,—усвоилъ не умомъ, какъ протестантъ, или новѣйшій русскій сектантъ, и не чрезъ авторитетъ, какъ „бѣдный римлянинъ“ (А. Хомяковъ), а принялъ Христа по выраженію Ѳ. М. Достоевскаго, въ свою суть, въ свою душу. „Я утверждаю,—съ свойственною ему страстностію пишетъ Достоевскій,—что нашъ народъ просвѣтился уже давно принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: онъ ученія Христова не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ, но это возраженіе пустое: все знаетъ, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержитъ экзамена изъ катихизиса. Научился же въ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которые лучше проповѣдей. Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашествіе еще, можетъ быть, пѣлъ: „Господи силъ съ нами буди!“ и тогда-то, можетъ быть, и заучилъ этотъ гимнъ, потому что, кромѣ Христа, у него тогда ничего не оставалось, а въ немъ, въ этомъ гимнѣ, уже въ одномъ вся правда Христова. И что въ томъ, что народу мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочутъ неразборчиво,—самое колоссальное обвиненіе на нашу церковь, придуманное либералами, вмѣстѣ съ неудобствомъ церковно-славянскаго языка, будто-бы непонятнаго простолюдину, (а старообрядцы-то?). За то выйдетъ попъ и

прочтетъ: „Господи и Владыко живота моего“,—а въ этой молитвѣ вся суть христіанства, весь его катихизисъ, и народъ знаетъ эту молитву наизустъ. Знаетъ тоже онъ наизустъ многія изъ житій святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ. Главная же школа христіанства, которую прошелъ онъ,—это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій, имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ, оставленный всѣми, попранный всѣми, работающій на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ-Утѣшителемъ, Котораго и принялъ тогда въ свою душу на вѣки и Который за то спасъ отъ отчаянія его душу“. (Изъ „Дневника писателя“). Вотъ почему, усвоенное всѣмъ существомъ его, православіе и было всегда и будетъ впредь кореннымъ устоемъ жизни русскаго человѣка; по той же причинѣ оно спасало Русь и отъ ужасовъ татарщины, и отъ лихолѣтья самозванщины и отъ другихъ невзгодъ и чөрныхъ годинъ, на которыя такъ щедра была русская исторія.

Вѣра въ царя, какъ избранника и помазанника Божія, какъ проводника въ жизнь народную законовъ правды, добра и милости, точно также близка и дорога сердцу русскаго человѣка,—такъ близка, что даетъ рѣзкій колоритъ всей политической жизни нашего отечества. Лозунгъ: „за вѣру, *царя* и отечество“—надолго будетъ въ состояніи поднимать съ мѣста нашъ многомилліонный народъ, какъ одного человѣка!

А родина.... о, кто же не любитъ своей родины, нашихъ раздольныхъ полей, раздольнаго житья-бытья русскаго!.. Въ какую чудную, но чуждую обстановку не посадили бы вы русскаго человѣка, соскучится онъ о родинѣ, готовъ будетъ цѣловать землю, когда снова увидитъ свою родину-мать!

Та школа, которая не умѣетъ воспитать въ своемъ ученикѣ любви къ православной вѣрѣ и св. церкви, къ православному царю и родинѣ, недостойна даже имени школы; великую отвѣтственность берутъ на себя ея руководители за свое *не руское* дѣло...

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь безплодную?
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? Слабъ ли ты силами?

Взгляни на свѣточей церковной школы и смѣло иди въ твоемъ дѣлѣ по стопамъ, ими указаннымъ. Пусть завѣты ихъ, оставленные намъ, будутъ руководящими принципами твоей учительской дѣятельности. А завѣты эти слѣдующіе: сильна только воспитывающая система обученія, покоящаяся на христіанскихъ основахъ, животворящая себя подъ кровомъ св. православной церкви, проведенная въ духѣ русской національности. Исполняя эти завѣты, будемъ, братья, энергичны и постоянны въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ; не будемъ обращаться назадъ, но послушно потянемъ учительское ярмо, пока не упадемъ на бороздѣ своей: упадемъ мы,—потянутъ другіе. А главное, будемъ всегда единодушны, потому что въ единодушіи да въ любви къ своему дѣлу главный залогъ нашего успѣха!

Пусть же ростутъ и цвѣтутъ на русской почвѣ завѣты св. братьевъ просвѣтителей! Пусть крѣпнетъ и развивается церковная школа во славу Имени Божія и на благо русскаго царства подъ скипетромъ Бѣлаго, Православнаго Царя!

III.

Напутственныя пожеланія

учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ Пензенской епархіи, по окончаніи педагогическихъ курсовъ, бывшихъ въ городѣ Пензѣ въ Іюнѣ-Юлѣ 1902 года.

Нынѣшнимъ днемъ кончаются тяжелые труды ваши, гг. учителя и учительницы, по слушанію разнаго рода лекцій и практическихъ уроковъ по предметамъ, преподающимся въ начальной школѣ. Работая около 20 лѣтъ въ народныхъ училищахъ, я желалъ бы въ настоящую минуту подѣлиться съ вами своимъ опытомъ, своими взглядами и наблюденіями, но не относительно вашей спеціально школьной работы, а главнымъ образомъ вашего положенія въ деревнѣ, какъ учителей и воспитателей,—вашего отношенія, какъ таковыхъ, и къ своему дѣлу, и окружающему васъ обществу; другими словами, я желалъ бы коснуться тѣхъ условій, которыя, по моему крайнему убѣжденію, вынесенному изъ непосредственнаго опыта, составляютъ краеугольный камень вашей работы,—которыя безусловно необходимы для того, чтобъ ваша работа была продуктивна и вполнѣ отвѣчала добрымъ надеждамъ, возлагаемымъ на васъ русскимъ обществомъ. При этомъ, гдѣ нужно, я буду свои мысли подкрѣплять словами общепризнанныхъ знатоковъ русскаго быта... Дѣлясь съ Вами этими наблюденіями, смѣю думать, я тѣмъ самымъ выражу большую часть благожеланій большинства вашихъ руководителей.

Въ дѣлѣ народнаго образованія, съ перваго же взгляда, замѣчается рѣзкая аномалія. Съ одной стороны мы видимъ, что народная школа шагаетъ впередъ крупными шагами, такъ что если и на счетъ всей русской пореформенной жизни справедливо выраженіе поэта *): „какъ посравнить вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ",—то тѣмъ болѣе приложима такая рѣчь именно къ народному образованію. Въ самомъ дѣлѣ, число школъ за послѣдніе годы увеличивается у насъ въ геометрической прогрессіи. Достаточно вспомнить каждому, сколько на его памяти открыто новыхъ училищъ, чтобъ согласиться съ этимъ. Впрочемъ лучше всего въ пользу количественнаго роста русской начальной школы скажетъ намъ слѣдующая историческая справка. Церковно-приходскія школы державною волею Царя-Миротворца, въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III-го, призваны къ жизни 13 Іюня 1884 года, т. е. только восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Между тѣмъ, церковныя школы въ настоящее время считаются уже тысячами съ милліонами учащихся **). За всѣмъ тѣмъ школы начальныя дѣлаютъ громадные успѣхи и въ смыслѣ качественномъ: вспомните только, какъ учились мы сами, и какъ учатъ теперь въ начальной школѣ,—не говоримъ уже про старую буквосочетальную систему!.. Все это въ высшей степени отрадно и какъ то невольно вливаетъ въ душу теплую увѣренность въ великой будущности нашей родной, начальной школы. Но посмотримъ теперь на дѣло съ другой стороны. Картина круто измѣняется.

*) Хотя оно было сказано задолго до этой реформы.

**) Къ концу 1901 г. церковно-приходскихъ школъ разныхъ наименованій было уже свыше 50 тысячъ. См. „Церковно-приходская школа". 1902 г. Іюль, стр. 402.

Правда, школа учитъ успѣшно, но, скажите по совѣсти, улучшается ли отъ этого матеріальный бытъ простолюдина, проясняется ли его религіозно-нравственный кругозоръ, развиваются ли, облагораживаются ли его гражданскіе и семейные нравы? Другими словами, по мѣрѣ развитія школьнаго дѣла, дѣлается ли русскій простолюдинъ культурнѣе, нравственнѣе? Къ великому сожалѣнію,—и какъ бы мы рады были ошибиться въ этомъ,—общій голосъ общества и печати, а также факты народной жизни говорятъ о чемъ-то другомъ. Присмотритесь поближе къ народной жизни и что же увидите: не тоже ли старообрядчество, что и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не тѣ же расколы и шатанія, что и прежде? Не подчеркиваютъ ли близкіе къ народу лица, не замѣчаемъ ли мы сами, какъ годъ отъ году уменьшается старинное русское благочестіе и патріархальность, и какъ, напротивъ, усиливается охлажденіе и нерадѣніе къ церкви, къ церковнымъ обрядамъ и таинствамъ? А штундизмъ и др. новѣйшія секты раціоналистическаго характера? А толстовство, съ которымъ, къ несчастію, тоже знакомится наше крестьянство? Короче, положеніе нашего общества настолько ненадежно въ религіозномъ отношеніи, что въ наше время въ помощь пастырямъ церкви потребовалась и создана уже цѣлая армія спеціальныхъ борцовъ со врагами церкви—миссіонеровъ!.. Какъ,—далѣе,—падаютъ общественные и семейные нравы простонародья, едва ли нужно говорить, ибо вы, какъ жители деревни, сами отлично это знаете. Недавно я познакомился съ одной пословицей, которая рисуетъ нашу деревню съ этой стороны въ ужасающемъ видѣ. Да не оскорбится слухъ вашъ вульгарностію рѣчи, но положеніе дѣла требуетъ сказать ее: „нынѣ стариковъ мѣняютъ

на быковъ, за хорошаго быка даютъ два старика". Про сознаніе гражданскихъ обязанностей нашимъ простонародьемъ печально свидѣтельствуютъ послѣднія прискорбныя событія въ полтавской и харьковской губ.... Что же все это значитъ?—невольно вырывается изъ наболѣвшей души горькій, спазмами захватывающій горло, вопль?.. Кто тутъ больше всего виноватъ? Виновата вся наша исторія, вся жизнь,—скажете вы? Ну, а мы-то? мы, народные учители и руководители, ни въ чемъ неповинны тутъ? Нѣтъ, виноваты и мы, не безпричинна тутъ и наша любимая школа... Взглянемъ на наше дѣло и на самихъ себя глазами строгаго, неподкупнаго судіи. Да, мы—учителя законные, и Богомъ, и церковію, и Царемъ, и обществомъ призванные къ дѣлу учительства и воспитанія; мы—спеціалисты своего дѣла, ибо владѣемъ цѣлой системой самыхъ усовершенствованныхъ методовъ, согрѣты, можетъ быть, самымъ благороднымъ воодушевленіемъ. Да, мы владѣемъ всѣмъ этимъ, но... умѣемъ ли мы, друзья, учить и воспитывать, какъ должно, какъ требуетъ того самъ народъ, его психологія, его исторія?—Это еще вопросъ; для этого, очевидно, нужно и еще что-то, кромѣ умѣнья учитъ грамотѣ... Чего же еще долженъ дать намъ народный учитель? А вотъ что. Учитель долженъ точно знать: 1) кто онъ такой, какъ учитель народной школы, и каково положеніе его въ современной деревнѣ; 2) кого онъ собирается учить; 3) съ какими чувствованіями и расположеніями онъ долженъ подходить къ своему всенародному дѣлу; и 4) не налагаетъ ли на него какихъ либо особенныхъ обязанностей званіе учителя церковно-приходской школы.

1) Одна изъ обидныхъ сторонъ нашего народно-школьнаго учительства состоитъ въ томъ, что ученики

наши иногда очень скоро забываютъ, чему ихъ учили въ школѣ; бывали случаи, что къ отбыванію воинской повинности имѣющіе льготныя свидѣтельства не умѣли подписать своей фамиліи. Фактъ прискорбный и самъ по себѣ, но еще болѣе тягостный по тому, что является отличнымъ показателемъ безрезультатной (сравнительно) дѣятельности учителя, полагающаго свое дѣло только въ стѣнахъ школы. Не забывайте, друзья, что учитель—свѣточъ добра, истины, чести и долга не для одной дѣтворы, ему на время ввѣряемой, но безусловно для всего общества, въ которомъ онъ живетъ. Свѣтильникъ не ставятъ подъ спудомъ, но на подсвѣчникѣ, чтобъ онъ свѣтилъ всѣмъ въ домѣ (Мѳ. 5, 15). Учитель, только свою школу знающій, есть или ремесленныхъ дѣлъ мастеръ, или,—что еще хуже,—торговецъ своими знаніями. Но если учитель всю жизнь свою отдаетъ на просвѣщеніе темной деревни, если онъ съ жителями ея завяжетъ крѣпкія духовныя связи, если простолюдинъ привыкнетъ къ нему, будетъ обращаться къ нему за совѣтами, какъ своему человѣку, полюбитъ его, понесетъ къ нему свои муки и огорченія, тутъ только онъ и займетъ свое мѣсто въ деревнѣ, какъ лицо авторитетное, уважаемое, любимое,—тогда только онъ будетъ въ состояніи достигать главной цѣли своей дѣятельности, именно: будетъ не только учить, но и воспитывать, и воспитывать не этихъ только ребятъ, но братьевъ и сестеръ ихъ, отцовъ и матерей,—однимъ словомъ все окружающее общество. Не думайте, что я слишкомъ расширяю рамки вашихъ обязанностей. Правда, полнота учительства и руководства въ нравственной жизни христіанина принадлежитъ пастырю церкви. Но кто же въ существѣ дѣла и вы, народные учи-

тели, какъ не сотрудники и не соработники пастыря церкви. Ваши обязанности и обязанности пастырей церкви, въ смыслѣ учительства, весьма соприкасаются другъ съ другомъ и даже совпадаютъ по своей цѣли, различаясь лишь въ средствахъ и характерѣ.

2) Учите вы и должны будете учить *русскій народъ*, частнѣе, русское простонародье. А знаемъ ли мы, друзья, что такое русское простонародье, чувствуемъ ли его душу, постигаемъ ли его завѣтные идеалы? Покойный Ѳ. М. Достоевскій, этотъ глубокій знатокъ народной психологіи, еще въ шестидесятыхъ годахъ бросалъ русскому интеллигентному обществу упрекъ за то, что она, интеллигенція, совершенно не знаетъ того народа, который собирается учить. Онъ пишетъ: „тѣ, которые дѣйствительно изучали народную жизнь, даже *жили* съ народомъ, т. е. жили съ нимъ не въ особой помѣщичьей усадьбѣ, а рядомъ съ нимъ, въ ихъ избахъ жили, *смотрѣли* на его нужды, видѣли всѣ его особенности, прочувствовали его желанія, узнали его воззрѣнія, даже складъ его мыслей. Они ѣли, вмѣстѣ съ народомъ, его же пищу; другіе даже *пили* съ нимъ. Наконецъ, есть и такіе, которые вмѣстѣ съ нимъ даже и работали, т. е. работали его же простонародную работу. Хоть мало такихъ, да есть. И чтожь? Эти люди вполнѣ убѣждены, что они знаютъ народъ? Они даже засмѣются, если мы будемъ имъ противорѣчить и скажемъ имъ: вы, господа, знаете одну внѣшность; вы очень умны, вы много замѣтили, но настоящей жизни, сущности жизни, сердцевины ея вы не знаете. Простолюдинъ будетъ говорить съ вами, разсказывать вамъ о себѣ, смѣяться вмѣстѣ съ вами; будетъ пожалуй плакать предъ вами (хоть и не съ вами), но никогда не сочтетъ васъ за своего. Онъ никогда не сочтетъ васъ за сво-

его родного, за своего брата, за своего настоящаго *посконнаго* земляка. И никогда, никогда не будетъ онъ съ вами довѣрчивъ. Пусть сами вы одѣнетесь во все посконное, пусть вы будете даже работать вмѣстѣ съ нимъ и нести всѣ труды его, онъ и этому не повѣритъ *). Безсознательно не повѣритъ, т. е. не повѣритъ, если-бъ и хотѣлъ повѣрить, п. ч. эта недовѣрчивость вошла въ плоть и кровь его. Разумѣется, причина тому, во первыхъ, вся предъидущая наша исторія, во вторыхъ, взаимная слишкомъ долголѣтняя отвычка другъ отъ друга, основанная на разности интересовъ нашихъ. Довѣренность народа теперь надо заслужить; надо его полюбить, надо пострадать, надо преобразиться въ него вполнѣ. Умѣемъ ли мы это? Можемъ ли это сдѣлать, доросли ли до этого? Нашъ отвѣтъ,—продолжаетъ съ убѣжденностію Достоевскій: доростаемъ и доростемъ. Мы оптимисты, мы вѣримъ. Русское общество должно соединиться съ народною почвой и принять въ себя народный элементъ. Это необходимое условіе его существованія; а когда что-нибудь стало его необходимостію, то, разумѣется, сдѣлается". (Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, изд. 4-е, т. 10, стр. 87—88).

Полагаю, что къ вамъ, здѣсь присутствующимъ, упрекъ этотъ, во всей полнотѣ своей, не относится. Вы всѣ, или почти всѣ происходите изъ духовнаго сословія, которое, чтобы ни говорили поборники всесословнаго начала для русскаго духовенства, какъ бы не издѣвались они надъ „замкнутостію духовной касты", длинными рукавами и волосами православнаго священника, все же ближе къ русскому народу, чѣмъ его просвѣщенные печальники изъ порвавшей

*) Какъ не повѣрилъ и даже осмѣялъ,—прибавили бы мы отъ себя,—барскія затѣи интеллигентныхъ толстовцевъ въ ихъ рабочихъ колоніяхъ...

связи съ народной почвой и потому безплодной въ своихъ даже благихъ начинаніяхъ русской интеллигенціи. Вы, и по происхожденію и по многимъ условіямъ вашей жизни,—плоть отъ плоти народа и кость отъ кости его. Вы, слѣдовательно. должны знать душу народа, его идеалы, завѣтныя мечты и стремленія. Идите же, друзья, учить его, но подходите къ своему дѣлу съ сознаніемъ величайшей отвѣтственности вашей миссіи, съ крайней осторожностію, бережливостію, любовію. „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ",—говоритъ самъ народъ. Одна любовь увѣнчаетъ ваше дѣло успѣхомъ, низведетъ на васъ и трудъ вашъ небесное благословеніе!.. Изъ любви къ народу, не забывайте, что „въ русскомъ человѣкѣ изъ простонародья нужно умѣть отличать красоту его отъ наноснаго варварства. Обстоятельствами всей почти русской исторіи народъ нашъ до того былъ преданъ разврату, и до того былъ развращаемъ, соблазняемъ и постоянно мучимъ, что еще удивительно, какъ онъ дожилъ, сохранивъ человѣческій образъ, а не то, что сохранивъ красоту его. Но онъ сохранилъ и красоту своего образа. Кто истинный другъ человѣчества, у кого хоть разъ билось сердце по страданіямъ народа, тотъ пойметъ и извинитъ всю непроходимую наносную грязь, въ которую погруженъ народъ нашъ, и съумѣетъ отыскать въ этой грязи бриліанты. Повторяю: судите русскій народъ не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ такъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и святымъ вещамъ, по которымъ онъ и въ самой мерзости своей постоянно воздыхаетъ". (Достоевскій, т. 10, стр. 49—50). Изъ той же любви никогда не показывайте народу своего учительскаго тона, не подчеркивайте своего умственнаго превосходства надъ нимъ, а главное,—отъ чего сохрани

васъ, Боже! — никогда и ни подъ какимъ видомъ не позволяйте себѣ смѣяться и оскорблять народныя вѣрованія и обычаи, но дѣйствуйте тутъ съ любовію (главное дѣло—съ любовію) и крайнею осторожностію. Иначе народъ никогда не проститъ вамъ и отвернется отъ васъ. Помните одно: какъ бы ни былъ, по вашему, невѣжественъ и мерзокъ извѣстный предразсудокъ въ народѣ, но все же онъ „покамѣстъ дорогъ для народа; мало того, что низокъ былъ бы народъ, недостоинъ ни малѣйшаго уваженія, еслибъ онъ слишкомъ легко, слишкомъ *по научному*. слишкомъ *вдругъ* способенъ бы былъ отказаться отъ дорогого и чтимаго имъ предмета. „Ты, баринъ, не смѣйся и не плюй, скажутъ мужики, вѣдь это намъ отъ отцовъ и дѣдовъ досталось; это мы любимъ и чтимъ". (Онъ же т. 9, стр. 113)... Однимъ словомъ, любите народъ въ его цѣлокупности, такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Это единственный путь научить его добру и развить лежащія въ глубинѣ его существа благородныя черты человѣка-христоносца.

3) Чему же вы будете учить этотъ народъ? Характеръ и содержаніе вашей учебы естественно вытекаетъ изъ понятія о народѣ и его сокровенныхъ идеалахъ. Нашъ народъ—глубоко-религіозный народъ. „Говорятъ,—пишетъ Ѳ. М. Достоевскій,—русскій народъ плохо знаетъ евангеліе, не знаетъ основныхъ правилъ вѣры. Конечно, такъ, но Христа онъ знаетъ и носитъ его въ своемъ сердцѣ искони. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какъ возможно истинное представленіе Христа безъ ученія о вѣрѣ?—Это другой вопросъ. Но сердечное знаніе Христа и истинное представленіе о немъ существуетъ вполнѣ. Оно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и слилось

съ сердцами людей. Можетъ быть, единственная любовь народа русскаго есть Христосъ и онъ любитъ образъ Его по своему, именно до страданія.... Названіемъ же православнаго, то есть истиннѣе всѣхъ исповѣдующаго Христа, онъ гордится болѣе всего. Повторю, можно очень много знать безсознательно". (Полное собр. сочин. т. 9, стр. 204). Русскій народъ, далѣе,—по преимуществу народъ церковный, соборно-мірской, православный народъ. Но при склонности своей къ помѣстной общинной жизни, онъ, искони вѣковъ, былъ народомъ, если можно такъ сказать, въ высшей степени самодержавнымъ. Въ идеяхъ православно-русскаго самодержавія онъ воспитывался въ теченіе всей своей исторической жизни. „Въ то время, какъ развитіе западныхъ народовъ совершалось во многихъ отношеніяхъ не только независимо отъ монархическаго начала, но даже наперекоръ ему,—въ Россіи самодержавіе наложило печать на всѣ важнѣйшія явленія русской жизни: мы приняли христіанство отъ Владиміра, государственное единство—отъ Іоанна, образованіе отъ Петра, политическое значеніе въ Европѣ отъ его преемниковъ. Самодержавіе есть корень, изъ котораго выросла наша государственная жизнь, наше политическое могущество". (Слова Грановскаго). Какъ будто прирожденнымъ инстинктомъ чувствовалъ все это русскій народъ и, чувствуя, всегда благоговѣлъ предъ Царями своими, считая ихъ Помазанниками Божіими и безусловными носителями высшей правды... Наконецъ, русскій человѣкъ такъ глубоко любитъ свою родину, что на защиту ея несъ и несетъ, безъ всякихъ колебаній, и свое имѣніе, и свою побѣдную голову. „Умремъ за вѣру православную и св. Русь, продадимъ имущество, заложимъ женъ и дѣтей!"... Это

воистину русскій кличъ; онъ далъ намъ незабвенныя годины подъема народнаго духа въ 1612 г., въ 1812 г., въ 1877—78 гг.; онъ несомнѣнно будетъ спасать Русь и отъ будущихъ бѣдъ и испытаній, потому что въ немъ выразилась вся душа, вся жизнь народа... Итакъ, православіе, церковь, Царь и Отечество да будутъ краеугольными камнями вашей работы—народнаго воспитанія, если желаете, чтобъ ваша школа, ваше воспитаніе, ваше образованіе были многоплодны и высокоцѣнны.

4) Учитель, сказали мы, соработникъ пастырю на нивѣ народной. И отсюда открываются великія обязанности сего званія. Прежде всего, учитель обязанъ, учить, слѣд., не однимъ словомъ, но паче всего дѣломъ всей жизни своей, всего поведенія. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобъ они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили Отца вашего небеснаго (Мѳ. 5, 16). Съ другой стороны, только въ союзѣ съ пастыремъ церкви и подъ охраною церкви можетъ быть благоплодна ваша работа. Посему, не отказывайтесь помогать пастырю ни въ одномъ его благомъ начинаніи, клонящемся на пользу темнаго люда, никогда не ходите съ нимъ въ разрѣзъ въ своемъ дѣлѣ; повторяю, учитель, только въ союзѣ съ священникомъ, или, вѣрнѣе, только какъ близкій помощникъ его, можетъ быть великою культурною силою деревни,—силою здоровою, честною для народа желанною!

За всѣмъ тѣмъ, какъ законные учители народа, вы обязываетесь хранить народъ отъ незваннаго учительства. Одинъ почтенный органъ, разбирая вопросъ, почему это крестьянство, при наличности своихъ прекрасныхъ душевныхъ задатковъ, не всегда

идетъ по пути религіозно-нравственнаго преуспѣянія, говоритъ, что коренная причина этого явленія, изъ которой остальныя вытекаютъ уже какъ послѣдствія ея, состоитъ въ томъ, что *у него слишкомъ много учителей*. Мысль, въ корнѣ своемъ парадоксальная, тѣмъ не менѣе, въ ней много и справедливаго содержанія. Не будемъ говорить про законныхъ учителей нашего крестьянства. Пойдемъ дальше и спросимъ: кто нынѣ не учитъ крестьянина? Его учитъ и прасолъ, и купецъ, и запасный солдатъ-бахарь, и самозванный странникъ—проходимецъ, собирающій „на аѳонскія горы" его трудовую копѣйку и относящій ее въ первый же шинокъ; его учитъ и новомодная акушерка, и стародавняя знахарка, и высланный изъ университета барчукъ, и всюду шныряющій земскій статистикъ; его учитъ и старообрядческій начетчикъ и новомодный сектантъ—духоборецъ; его учитъ толстовствующій баринъ (полякъ или нѣмецъ), и „уподобившійся стертой монетѣ" разорившійся дворянинъ, стаховичъ-безпочвенникъ; въ числѣ его учителей, и при томъ главныхъ, даже писатели—отъ Льва Толстого до Потапенко, отъ разныхъ нелегальныхъ до самыхъ легальныхъ Горькихъ; и редакторы газетъ—его же учители и даже попечители и руководители. Они о немъ слезы льютъ ежедневно, требуя и учить меньшаго собрата, и слѣдить за нимъ, и кормить, и поить, и не обременять ни трудомъ, ни церковностію. Но сильнѣе всего и плодовитѣе учатъ его фабрики и заводы, города и торговыя мѣста, во главѣ съ интеллигенціей, пропагандирующей свободу отъ совѣсти и вѣры, свободу отъ народныхъ преданій и отъ законной власти... „Крестьянинъ даже растерялся отъ множества этихъ каѳедръ и лекцій,—говоритъ газета,—и не знаетъ, къ кому идти,

кого слушать, что запомнить и что забыть, по чьимъ правиламъ жить, по чьимъ указаніямъ дѣйствовать съ пользой для себя, семьи, общества, правительства, Бога".

Строго и ревниво охраняйте знамя вашего законнаго учительства; не уступайте своего мѣста незваннымъ и нежеланнымъ гостямъ, будь то кто-либо изъ перечисленныхъ выше „попечителей" народныхъ, или какая либо изъ ихъ тенденціозныхъ, преступныхъ книгъ и брошюръ! Давайте народу здоровую пищу, не томите его голодомъ: онъ пойметъ васъ и не отойдетъ отъ васъ, какъ ласково не говорили бы съ нимъ всѣ его благородные, тоскующіе и вѣчно ищущіе чего-то печальники!

Сѣятели нивы народной! Возведите очи ваши, и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли, и поспѣли къ жатвѣ (Іоан. 4, 35). Жатвы много, а дѣлателей (все таки) мало; итакъ молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣлателей на жатву свою (Лк. 10, 2).

IV.

Завѣщаніе законоучителя ученикамъ, окончившимъ начальную школу.

(Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Петропавловской церковно-приходской двухклассной мужской школы въ г. Пензѣ, по окончаніи учебнаго года, 20-го Мая 1901 года).

У православно-русскаго человѣка есть такой благочестивый обычай: если кто изъ семьи ѣдетъ въ дальній путь, то, предъ отъѣздомъ, всѣ молча и чинно разсаживаются по лавкамъ и стульямъ, чтобъ нѣсколько поуспокоиться и собраться съ мыслями; затѣмъ молятся Богу и уже прощаются, при этомъ высказываются послѣднія, самыя сердечныя взаимныя пожеланія... Дѣти! ученье ваше въ школѣ окончилось и мы, учителя, собрались въ одну семью съ вами, своими учениками, уже въ послѣдній разъ. Разойдемся мы съ этого праздника и многіе, можетъ быть, даже и не увидятся потомъ другъ съ другомъ. Хотѣлось бы и отъ себя, и отъ лица вашихъ учителей, высказать вамъ въ эту важную для васъ минуту нѣсколько напутственныхъ пожеланій.

Только немногіе изъ васъ пойдутъ учиться дальше; большинство же вступятъ въ семьи, а потомъ, по достиженіи возраста, въ самостоятельную жизнь. Жизнь, дѣти, тоже школа, только учитъ она нѣсколько иному и иначе, чѣмъ та школа, въ которой вы пробыли по три года.—Въ школѣ васъ учили только доброму, честному, а жизнь часто будетъ

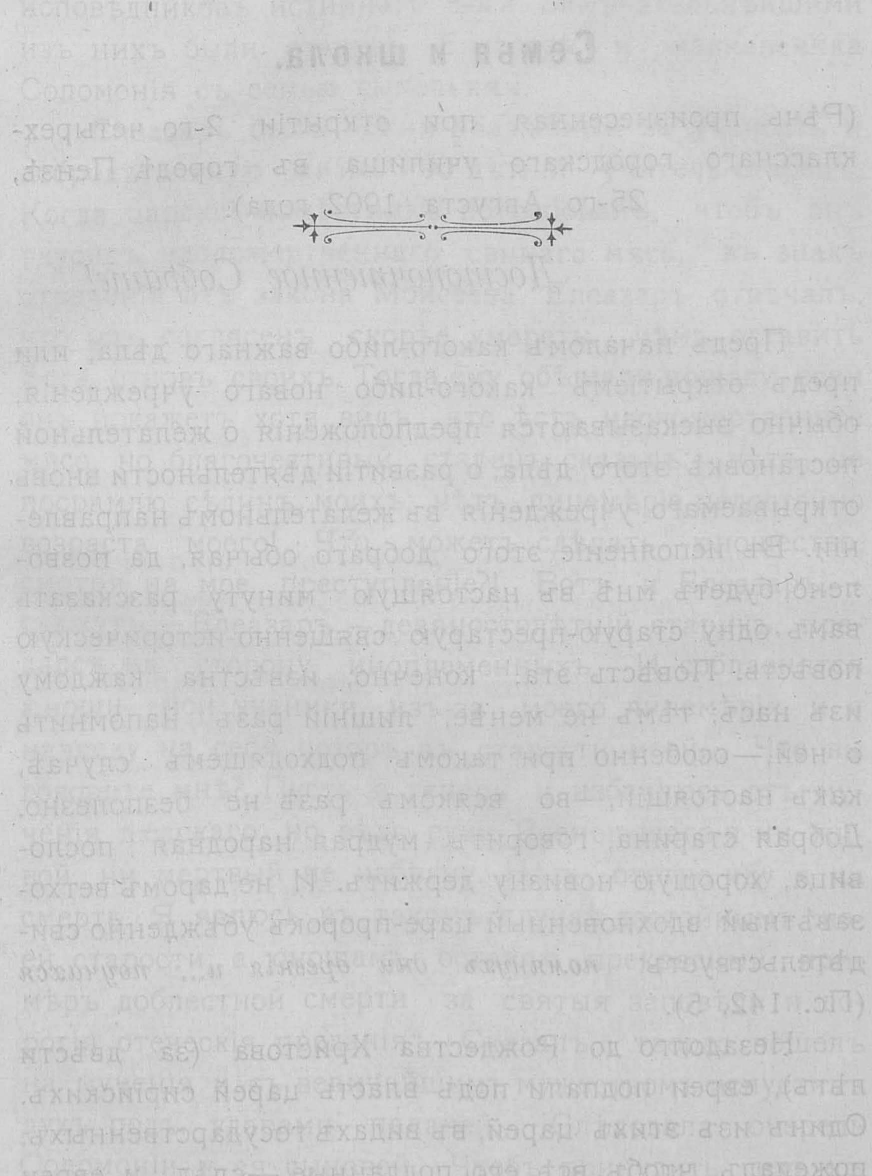
толкать васъ и на худое. Въ школѣ около васъ были люди искренно вамъ преданные и желающіе вамъ добра: учителя и учительницы возились съ вами, какъ любящіе отцы и матери возятся съ своими крошками-дѣтьми; въ жизни вы разныхъ людей встрѣтите,—и добрыхъ, конечно, но не мало будетъ и злыхъ. И что прискорбнѣй всего, часто эти злые люди будутъ притворяться вашими благожелателями. Не даромъ Слово Божіе называетъ ихъ хищными, лютыми волками въ овечьей шкурѣ... Бойтесь, дѣти, такихъ незванныхъ благожелателей и учителей. О нихъ Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, такъ говорилъ ученикамъ: „не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ". (Мѳ. 10, 28)... Даже въ книжкахъ будетъ разница: школа давала вамъ только полезныя книжки, а въ жизни вамъ предложатъ и такія книжки, которымъ мѣсто только въ печкѣ. Наконецъ, кромѣ радостей и невинныхъ, здоровыхъ удовольствій, школа вамъ ничего не давала,—а въ жизни и несчастія вамъ встрѣтятся и, можетъ быть, не одного изъ васъ изломаютъ, искалѣчатъ...

Такъ вотъ, дѣти, чтобъ не потеряться вамъ въ жизни, не сбиться съ того честнаго пути, на который съ такою любовію и настойчивостію указывала вамъ школа, чаще прибѣгайте къ св. евангелію и по нему устрояйте жизнь свою. Сдѣлайте евангеліе настольною книгою, положите за правило прочитывать ежедневно хотя бы по главѣ или даже по нѣсколько десятковъ стиховъ.... и посмотрите, какъ легко покатится тогда ваша телѣжка жизни. Помните, что св. евангеліе—всѣмъ книгамъ книга. И если-бъ всѣ книги, которыя существуютъ на бѣломъ свѣтѣ, со-

брать въ одну сокровищницу, да оцѣнить ихъ,—и тогда св. евангеліе одно будетъ безконечно цѣннѣе ихъ. А почему?—потому что только въ немъ одномъ открыта вѣчная истина, въ немъ одномъ заключено наше спасеніе... Дальше... если въ жизни посѣтитъ васъ несчастіе или невзгода житейская, читайте св. псалтирь: это тоже великая книга и никакая другая книга такъ не утѣшитъ въ скорби, какъ псалтирь. Не даромъ св. церковь употребляетъ св. псалмы при каждомъ богослуженіи и совѣтуетъ христіанамъ читать ихъ при тяжелыхъ жизненныхъ несчастіяхъ (напримѣръ, при потерѣ близкихъ родныхъ и пр.)... Но можно, дѣти, знать св. евангеліе, да неправильно толковать его. Сохрани васъ Богъ отъ этого! Чтобъ не заблуждаться при чтеніи св. евангелія, ходите чаще въ храмъ Божій, освящайте себя спасительными таинствами; станьте ближе къ своему духовному отцу, пастырю церкви, со всякими недоумѣніями и сомнѣніями сердечно и открыто обращайтесь къ нему. Св. церковь и духовный отецъ вашъ, смиренный служитель ея, спасутъ васъ отъ заблужденій. Любите же, дѣти, церковь. Помните мудрую народную пословицу: „кому церковь не мать, тому и Богъ не отецъ". А затѣмъ, дѣти, любите, всѣмъ существомъ своимъ, любите мать-родину, а паче всего молитесь за Царя православнаго. Молитесь Господу Богу, чтобъ Онъ, Милостивый, даровалъ Ему силы успѣшно нести царственные труды на благо и счастіе великой Россіи...

Итакъ, дѣти, Бога бойтеся, Царя чтите, св. церковь любите, къ службамъ Божіимъ ходите, св. таинствами освящайтесь; пастырей слушайтесь, родителей почитайте, ближнихъ любите, а насъ, вашихъ учителей, въ молитвахъ не забывайте. А мы... мы будемъ

просить нашего Пастыреначальника и Великаго Небеснаго Учителя, Господа Іисуса, чтобъ Онъ сохранилъ ваши души и помогъ вамъ безпорочно пройти предлежащій вамъ жизненный путь...

V.

Семья и школа.

(Рѣчь, произнесенная при открытіи 2-го четырехкласснаго городскаго училища въ городѣ Пензѣ, 25-го Августа 1902 года).

Достопочтенное Собраніе!

Предъ началомъ какого-либо важнаго дѣла, или предъ открытіемъ какого-либо новаго учрежденія, обычно высказываются предположенія о желательной постановкѣ этого дѣла, о развитіи дѣятельности вновь открываемаго учрежденія въ желательномъ направленіи. Въ исполненіе этого добраго обычая, да позволено будетъ мнѣ въ настоящую минуту разсказать вамъ одну старую-престарую священно-историческую повѣсть. Повѣсть эта, конечно, извѣстна каждому изъ насъ; тѣмъ не менѣе, лишній разъ напомнить о ней,—особенно при такомъ подходящемъ случаѣ, какъ настоящій,—во всякомъ разѣ не безполезно. Добрая старина, говоритъ мудрая народная пословица, хорошую новизну держитъ. И не даромъ ветхозавѣтный вдохновенный царе-пророкъ убѣжденно свидѣтельствуетъ: *помянухъ дни древнія и... поучахся* (Пс. 142, 5).

Незадолго до Рождества Христова (за двѣсти лѣтъ), евреи подпали подъ власть царей сирійскихъ. Одинъ изъ этихъ царей, въ видахъ государственныхъ, пожелалъ, чтобъ всѣ его подданные,—слѣд. и евреи въ томъ числѣ,—исповѣдывали одну религію, именно

греческую, языческую. Такъ какъ многіе изъ евреевъ отказывались исполнить царское желаніе, то царь открылъ жестокое гоненіе на евреевъ. Во время этого гоненія между евреями явилось не мало доблестныхъ исповѣдниковъ истиннаго Бога. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были старецъ Елеазаръ и маккавеянка Соломонія съ семью сыновьями.

Елеазаръ былъ всѣми уважаемый за ученость и добродѣтельную жизнь 90-лѣтній учитель-старецъ. Когда царскій намѣстникъ потребовалъ, чтобъ онъ вкусилъ идоложертвеннаго свинаго мяса, въ знакъ отреченія отъ закона Моисеева, Елеазаръ отвѣчалъ, что онъ согласенъ скорѣе умереть, чѣмъ оставить Бога отцовъ своихъ. Тогда ему обѣщали пощаду, если онъ покажетъ хотя видъ, что ѣстъ идоложертвенное мясо, но благочестивый старецъ сказалъ: „нѣтъ, не посрамлю сѣдинъ моихъ; нѣтъ, лицемѣріе недостойно возраста моего! Что можетъ сдѣлать юношество, смотря на мое преступленіе?! Вотъ и Елеазаръ,— скажутъ,—Елеазаръ,—девяностолѣтній старикъ, предался на сторону иноплеменныхъ. И соблазнятся юноши—мои ученики изъ-за моего лицемѣрія, и я навлеку на себя позоръ въ старости моей... Что вы говорите мнѣ? Пусть я теперь и избавлюсь отъ мученія людскаго, но вѣдь руки Всемогущаго я ни живой, ни мертвый не избѣгну. Нѣтъ, охотно иду я на смерть. Я явлюсь въ такомъ случаѣ достойнымъ своей старости, а юношамъ оставлю прекрасный примѣръ доблестной смерти за святыя заповѣди и дорогія отеческія преданія“. Сказалъ... твердо пошелъ на мученія и съ величайшимъ мужествомъ испустилъ духъ подъ ударами палачей... Слѣдовала очередь Соломоніи и ея сыновей. Чтобъ принудить ихъ къ принятію язычества, царь (ибо ихъ мучилъ уже самъ

царь) приказалъ сѣчь братьевъ бичами и воловьими жилами. Но, не смотря на жестокія удары бичей, старшій изъ сыновей Соломоніи съ твердостію сказалъ царю: „мы скорѣе умремъ, чѣмъ преступимъ отеческіе законы". Царь воспламенился гнѣвомъ и повелѣлъ отрѣзать ему языкъ, отрубить пальцы на рукахъ и ногахъ, содрать съ головы кожу, и потомъ живого еще жарить на сковородѣ. Прочіе братья и мать должны были смотрѣть на его мученія. Послѣ него такимъ же образомъ мучимы были и другіе пять братьевъ. Всѣ они умерли мужественно, безъ тѣни колебаній. Оставался седьмой, самый младшій братъ. Царь ласками и обѣщаніями старался склонить его къ отреченію отъ вѣры, но напрасно. Не теряя еще надежды, царь приказалъ матери уговорить отрока и тѣмъ сохранить для себя хоть одного изъ семи сыновей. Мать подошла къ сыну и сказала ему: „сынъ мой! пощади меня, твою мать, которая девять мѣсяцевъ носила тебя во чревѣ своемъ, которая сама кормила тебя своею грудью, которая воспитала тебя и довела до настоящаго возраста, перенося всѣ трудности этого воспитанія Сынъ мой! Умоляю тебя, взгляни на небо и на землю,—на все, что на нихъ. Смотри: все это, равно какъ и родъ человѣческій, Господь сотворилъ изъ ничего. Не убойся же этого плототерзателя, но умри, какъ братья твои, чтобы мнѣ встрѣтить тебя съ ними въ блаженной жизни!" Выслушавъ свою мать, отрокъ обратился къ мучителямъ и сказалъ: „чего же вы еще ожидаете? Не думайте, что я послушаю васъ и нарушу законы, данные намъ чрезъ Моисея. А ты, царь, не избѣжишь суда Божія. Придетъ время, и ты, среди жесточайшихъ мученій, признаешь, наконецъ, что Богъ Израилевъ есть единый Богъ для всей вселенной!"

„На лютѣйшія его мученія!“—воскликнулъ, задыхаясь отъ гнѣва, царь. Но мученія не сломили отрока, онъ перенесъ ихъ съ такимъ же мужествомъ, какъ и старшіе братья, и скончался съ миромъ!.. Теперь осталась одна мать. Когда она увидѣла, что и послѣдній сынъ ея оправдалъ ея надежды, тогда со свѣтлымъ взоромъ подняла голову и, подобно олимпійскому побѣдителю, съ бодрымъ духомъ воздѣвши руки, громко и торжественно сказала: „благодарю Тебя, Отче Святый! Благодарю тебя, наставникъ нашъ законъ! Благодарю тебя, нашъ учитель Елеазаръ! Благодарю, что принятъ плодъ болѣзней моихъ, и я содѣлалась матерію, священнѣйшею изъ матерей. Какая великая для меня почесть! Какъ прекрасно обезпечена моя старость! Теперь я вознаграждена за воспитаніе ваше, дѣти,—видѣла, какъ вы подвизались за добродѣтель, сподобилась узрѣть всѣхъ васъ увѣнчанными вѣнцами мученическими... Что же еще? Присоедини и меня къ дѣтямъ, мучитель, чтобы кровь моя смѣшалась съ ихъ кровію и старческая плоть—съ ихъ плотію!“ Высказавъ все это, дивная женщина, эта воистину „благія памяти достойная мать“, какъ на брачное ложе, сама взошла на костеръ, на который была осуждена, и предала духъ свой Богу...

Вопросы воспитанія заняли въ наше время первенствующіе положеніе въ общественномъ сознаніи. Воспитаніемъ интересуется не только спеціально-педагогическая литература, но и общая печать; интересуются не только люди, ведущіе дѣло воспитанія русскаго юношества, но и сама молодежь наша; больше всего занимаютъ эти вопросы современныхъ родителей и тѣхъ людей, для которыхъ—хотя бы они

и не имѣли своихъ дѣтей—вообще дороги судьбы нашей родины. Какъ пастырь церкви, могу свидѣтельствовать, что никогда еще и никакіе другіе вопросы не захватывали и не волновали такъ сильно русское общество, какъ вопросы воспитанія. Свои недоумѣнія, свои ошибки и разочарованія, и иногда только слабыя надежды по этимъ вопросамъ родители несутъ даже „на духъ", —каются въ своихъ ошибкахъ, какъ въ самыхъ тяжелыхъ прегрѣшеніяхъ.

Въ высшей степени прискорбно, что, не смотря на этотъ глубокій интересъ общества къ вопросамъ воспитанія и на ту страстность и поспѣшность, съ которою послѣдніе разработываются и въ печати, и въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, мы далеко не разобрались въ интересующемъ насъ дѣлѣ; напротивъ, бросается въ глаза, не можетъ не поражать какая-то общая сумятица, потерянность, неустойчивость даже въ основныхъ вопросахъ. Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь попристальнѣе къ общему хору голосовъ по поводу постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ нашихъ школахъ (особенно среднихъ) и васъ, прежде всего, поразитъ, —и повторяю, не можетъ даже не поразить, —эта растерянность и общая безтолочь. Родители винятъ школу и учителей: „наши школы не воспитываютъ, говорятъ они, а только забиваютъ ребенка, обезличиваютъ его, дѣлаютъ формалистомъ, рутинеромъ и т. д., и т. д. Съ своей стороны и школа въ долгу не остается, и учителя часто во многомъ винятъ семью и родителей. И дѣйствительно, учителя и особенно законоучителя по горькому опыту знаютъ, насколько бываютъ неподготовлены дѣти, напримѣръ по Закону Божію, при поступленіи въ начальную школу! Сплошь да рядомъ ребенокъ, имѣющій отъ роду 10—11 лѣтъ,

не знаетъ ни одной молитвы, не имѣетъ ни одного, разумно усвоеннаго религіознаго навыка! Легко только сказать, но страшно подумать: вѣдь цѣлыхъ десять лѣтъ золотого дѣтства безвозвратно потеряны для воспитанія,—и какихъ лѣтъ?—Когда закладывается фундаментъ воспитанія, когда прививаются навыки, опредѣляющіе нравственную физіогномію (иногда) на цѣлую жизнь. Затѣмъ, и по пріемѣ въ школу, семья не всегда тянетъ ребенка туда, куда хочетъ вести его школа. Такъ, школа требуетъ отъ ребенка искренности, правды, добросердечія, нравственной порядочности и чистоплотности,—преслѣдуетъ ложь, грубость, сквернословіе и т. д. А всегда ли она находитъ, особенно дорогую въ этомъ отношеніи, поддержку въ семьѣ? О, если бы всегда!..

Вотъ эта-то сумятица, вотъ этотъ-то, самый нежеланный и убійственный для живаго дѣла воспитанія, антагонизмъ, это преступное и какое-то фатальное непониманіе другъ друга... не говорятъ ли они краснорѣчиво о томъ, какъ еще мало у насъ проникли въ сознаніе общества самыя элементарныя требованія разумной педагогіи. Да, долго еще мы будемъ хромать въ вопросахъ воспитанія, если не усвоили еще, не приняли въ плоть и кровь той св. истины, что *никакое самое раціональное образованіе немыслимо безъ воспитанія*, что основа воспитанія, особенно религіозно-нравственнаго, есть семья, что школа только должна продолжать дѣло семьи и что, наконецъ, только въ тѣсномъ союзѣ семьи и школы залогъ здороваго воспитанія современнаго юношества.

Но это далеко еще не все; это только формальная сторона дѣла. Нужно рѣшить главный вопросъ: въ чемъ состоитъ, чѣмъ созидается разумное, здоровое воспитаніе? Лучшими педагогами сознано, что

воспитаніе въ смыслѣ одного лишь непосредственнаго воздѣйствія воспитателя на воспитанника—не только дѣло трудное, но даже невозможное, во всякомъ случаѣ, крайне нежелательное. Воспитатель, безспорно, можетъ не только *воздѣйствовать*, но иногда, при наличности усердія не по разуму, и подавляетъ личность воспитанника силою своего вліянія, такъ какъ личность его, безъ сомнѣнія, сильнѣе личности ребенка, который, къ тому же, имѣетъ, можетъ быть, нѣжную, хрупкую натуру. Но не въ этомъ цѣль воспитанія. Воспитаніе должно стремиться къ тому, чтобъ создать человѣка цѣлостнаго, т. е. развить равномѣрно и планомѣрно всѣ способности воспитанника, *да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 17). Говоря другими словами, главная цѣль воспитанія состоитъ въ томъ, чтобъ создать человѣка сильнаго, *съ характеромъ*, чтобъ сдѣлать изъ питомцевъ людей способныхъ устроить свою судьбу безъ посторонней помощи, а не теряться при первой неудачѣ, при первыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Отсюда, воспитаніе должно заключаться, говоримъ, не въ одномъ непосредственномъ воздѣйствіи на дѣтей, а въ разумномъ предоставленіи имъ свободы и возможности развиваться естественно, при незамѣтномъ и крайне осторожномъ направленіи ихъ по пути истинному, для чего *необходимо прежде всего и главнѣе всего создать для нихъ подходящую обстановку, окружить извѣстною атмосферою, въ которой они будутъ жить и воспитываться.* Поэтому, *при воспитаніи самое важное*—это *работа родителей и воспитателей надъ самими собой:* нужно создать и прочно установить извѣстныя традиціи семьи, которыхъ строго и держаться. Традиціи семьи—эта сила, предъ которой трудно устоять и не ребенку. Эта сила, соз-

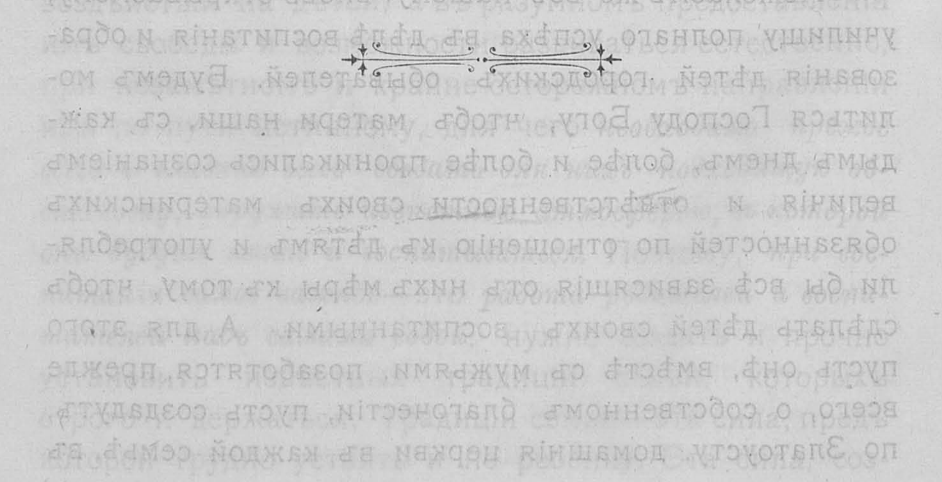
давая свою, такъ сказать, атмосферу, окутываетъ ею человѣка и заставляетъ его, каковъ бы онъ ни былъ, приспособиться къ средѣ, въ которой онъ живетъ, усвоить себѣ ея взгляды, понятія, обычаи,—однимъ словомъ, воспитываетъ человѣка, даже взрослаго, а тѣмъ болѣе ребенка... Школа есть продолжатель дѣла семьи. Слѣдовательно, и для школы также важна атмосфера, важны воспитывающія традиціи. Пусть только и эта атмосфера и эти традиціи будутъ солидарны съ семейными, пусть и тѣ и другія тянутъ въ одну сторону, поютъ одну и ту же пѣсню, дѣлаютъ одно, а не два дѣла!

Разсказъ о мученикахъ маккавеяхъ имѣетъ глубокій смыслъ и для современнаго родителя, и для современнаго учителя, и для семьи, и для школы, и для всего общества, и для всего дѣла воспитанія. Какимъ это образомъ и почему, это, полагаю, съ достаточной ясностію разъяснено выше...

Пожелаемъ же всѣ нашему, вновь открываемому, училищу полнаго успѣха въ дѣлѣ воспитанія и образованія дѣтей городскихъ обывателей. Будемъ молиться Господу Богу, чтобъ матери наши, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе проникались сознаніемъ величія и отвѣтственности своихъ материнскихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ и употребляли бы всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобъ сдѣлать дѣтей своихъ воспитанными. А для этого пусть онѣ, вмѣстѣ съ мужьями, позаботятся, прежде всего, о собственномъ благочестіи, пусть создадутъ, по Златоусту, домашнія церкви въ каждой семьѣ, въ

которыхъ вѣяла бы постоянно христіанская атмосфера, царила бы религіозно-православная настроенность. Вслѣдъ за родителями, учителя и воспитатели наши должны помнить, что не въ сообщеніи только полезныхъ знаній ихъ главная обязанность; нѣтъ, пусть они, главнымъ образомъ, учатъ добру и правдѣ Христовымъ,—и учатъ не словомъ только, но паче всего дѣломъ; и дай Богъ, чтобъ жизнь ихъ и дѣла никогда не шли въ разрѣзъ съ ихъ доброй наукой и хорошими рѣчами! Пусть, наконецъ, семья и школа убѣжденно проникнутся сознаніемъ общности и нераздѣльности ихъ работы и пойдутъ въ дѣлѣ воспитанія, рука объ руку, по той единственно-спасительной дорогѣ, которая указана нашимъ Непогрѣшимымъ небеснымъ Учителемъ въ Его св. евангеліи...

Если бъ всѣ наставники наши были такими, какъ Елеазаръ, а родители (особенно матери)—такими, какъ Соломонія, такъ и дѣти наши были бы, безъ сомнѣнія, такими же чудными дѣтьми, какъ незабвенные мученики-маккавеи!

VI.

Сочиненія М. Н. Загоскина въ народной школѣ.

(Рѣчь, произнесенная предъ панихидой, въ день пятидесятилѣтія со дня смерти М. Н. Загоскина, въ залѣ Пензенской городской управы, 24 Іюня 1902 г.).

Достопочтенное Собраніе!

23-го Іюня 1902 года исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго русскаго писателя, М. Н. Загоскина Въ настоящую минуту мы собрались такою дружною, большою семьею, чтобъ молитвенно почтить память нашего земляка-писателя. Обращаясь къ вамъ съ рѣчью, я не беру на себя смѣлости говорить о литературныхъ заслугахъ покойнаго Загоскина и о томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ исторіи русской литературы,—это сдѣлаютъ другія, болѣе компетентныя лица; какъ служитель церкви, я желалъ бы представить вамъ краткую характеристику автора „Юрія Милославскаго", какъ человѣка и писателя, съ христіанской точки зрѣнія, или говоря еще точнѣе, со стороны православно-русской, церковно-бытовой.

Если вы перечитаете біографическіе очерки и воспоминанія, посвященныя памяти покойнаго Загоскина, то увидите сами, что чрезъ всю жизнь М. Н. красною нитью проходятъ слѣдующія основныя стороны его духовнаго уклада: 1) Загоскинъ былъ всегда религіозно-настроеннымъ человѣкомъ и убѣжденнымъ христіаниномъ; во 2-хъ, какъ глубокій патріотъ,

онъ горячо, до самозабвенія любилъ свою родину; въ 3-ихъ, какъ истинный гражданинъ земли русской, Загоскинъ съ особеннымъ почтеніемъ и благоговѣніемъ относился къ Священной Особѣ Царя Православнаго.

1) Воспитанный въ благочестивой дворянской семьѣ, подъ сѣнью и охраной бѣднаго сельскаго храма (въ с. Рамзаѣ, Пензенскаго уѣзда), М. Н. съ юныхъ лѣтъ усвоилъ всѣ навыки Христовой вѣры,—усвоилъ именно такъ, какъ она понимается православіемъ, т. е. онъ не принялъ христіанства за такой авторитетъ, который не нуждался бы въ жизненной провѣркѣ (подобно католику-римлянину); съ другой стороны, не считалъ онъ евангельскаго ученія и лучшей, философски-моральной системой и только (какъ протестантъ-раціоналистъ, или нашъ русскій сектантъ послѣдней формаціи)—нѣтъ, онъ принялъ Христа, по приснопамятному, глубокотехническому выраженію Достоевскаго, въ самую суть, въ нутро своего существованія; благодаря этому, евангеліе съ юныхъ лѣтъ сдѣлалось для него навсегда руководящимъ принципомъ его жизни и дѣятельности. За всѣмъ тѣмъ, онъ принялъ христіанство во всей его полнотѣ, начиная съ глубоко-таинственнаго внутренняго содержанія и кончая самыми послѣдними,—по мнѣнію большинства современныхъ русскихъ интеллигентовъ, разорвавшихъ свои связи съ коренными основами русской жизни и исторіи, уже не имѣющими большаго значенія,—обрядами и навыками православно-русскаго человѣка. Въ жизни Загоскина было много случаевъ, которые съ особенною ясностью и убѣдительностію свидѣтельствуютъ о справедливости сказаннаго. Но я не буду перечислять ихъ, потому что боюсь злоупотребить вашимъ вниманіемъ и, от-

сылая любопытствующихъ къ интереснымъ воспоминаніямъ С. М. Загоскина (сына покойнаго писателя), помѣщ. въ „Истор. Вѣстникѣ“ за 1900-й годъ, гдѣ эти случаи разсказываются подробно, остановлюсь только на двухъ, особо выдающихся.

Первый случай, картинно свидѣтельствующій о глубокой вѣрѣ писателя, имѣлъ мѣсто въ 1841 году. У Загоскиныхъ захворалъ къ смерти меньшой и, какъ видится, самый любимый сынъ ихъ, Сережа, тогда восьмилѣтній ребенокъ. Болѣзнь была серьезная и продолжительная. Цѣлыхъ шесть недѣль мать и няня безотлучно, днемъ и ночью, находились около больного, а отецъ, занятый службою, посвящалъ страдающему сыну всѣ свободныя минуты и часто засиживался у его кроватки далеко за полночь. Болѣзнь ухудшалась; наконецъ, собранный консиліумъ призналъ безнадежность положенія и высказалъ даже сомнѣніе въ продленіи жизни ребенка до слѣдующаго дня. По удаленіи врачей, М. Н., перекрестивъ и крѣпко поцѣловавъ ребенка, сказалъ своей женѣ: „я иду къ себѣ въ кабинетъ и лягу спать, прошу не тревожить меня и не будить до утра,—если бы даже что и случилось съ Сережею, то и тогда не будить меня“. Слова эти до крайности удивили мать ребенка, которая никакъ не могла представить себѣ, чтобы отецъ, нѣжно любившій своего ребенка и нерѣдко проводившій при немъ цѣлыя ночи, вдругъ, когда часы его жизни сочтены, могъ спокойно идти спать. Впрочемъ она не промолвила ни слова и М. Н. удалился. Ночью въ болѣзни ребенка произошелъ кризисъ и, утромъ, домашній врачъ придя взглянуть на больного, по тщательномъ осмотрѣ объявилъ, что опасность миновала и явилась надежда на выздоровленіе. Мать, не помня себя отъ радости и позабывъ

приказаніе мужа не тревожить его, побѣжала объявить ему о великой милости Божіей. Войдя въ кабинетъ, она не нашла тамъ мужа и, подумавъ, что онъ ушелъ заниматься въ свой рабочій кабинетъ, находившійся въ антресоляхъ дома, поднялась на верхъ и нашла его, но не тамъ, а рядомъ, въ маленькой комнаткѣ, въ моленной, стоящаго на колѣняхъ предъ иконами. Сообщивъ радостную вѣсть, они оба усердно возблагодарили Господа Бога, и только тогда счастливая мать и жена поняла причину заставившую М. Н. удалиться къ себѣ съ просьбою не тревожить его: *онъ всю ночь провелъ въ молитвѣ.* За эту ночь у Загоскина, по свидѣтельству воспоминаній, явилась первая сѣдина въ волосахъ.

Второй случай показываетъ намъ, какъ Загоскинъ относился къ христіанской обязанности благотворенія нищимъ. На помощь бѣднымъ шла весьма значительная часть *собственныхъ* (такъ называемыхъ карманныхъ) доходовъ писателя. По свидѣтельству біографовъ, каждую субботу дворъ Загоскиныхъ (въ Москвѣ) наполнялся нищими, которымъ камердинеръ М. Н. раздавалъ мѣдныя деньги, по пятаку каждому, а передъ большими праздниками М. Н. самъ, лично, раздавалъ милостыню всѣмъ нищимъ и убогимъ, попадавшимся ему на улицахъ, или во множествѣ всегда стоявшимъ у папертей кремлевскихъ соборовъ и приходскихъ церквей. Раздача эта происходила совершенно особымъ, необычнымъ образомъ. Выходя изъ дома, М. Н., бралъ порядочную сумму денегъ, размѣненную на разную серебряную монету, начиная съ пятачка и кончая полтинникомъ, и перемѣшавъ ее съ нѣсколькими золотыми, клалъ въ разные карманы по горсточкѣ смѣшанныхъ монетъ. Встрѣчая нищаго, онъ вынималъ первую попавшуюся мо-

нету и отдавалъ ее. И такъ продолжалъ онъ свою выдачу до послѣдней копѣйки. Оказываемую такимъ образомъ помощь онъ тщательно скрывалъ даже отъ домашнихъ. И когда, случайно узнавшій о томъ сынъ М. Н., спросилъ отца, почему онъ раздаетъ милостыню, не зная, кому достанется пятачекъ, а кому золотой, то отецъ отвѣтилъ сыну: „я хочу помочь бѣднымъ, но не знаю, кто нуждается въ большей или меньшей помощи, и потому, перемѣшавъ всѣ монеты вмѣстѣ, предоставляю самой судьбѣ распредѣлить ихъ, какъ ей заблагоразсудится, въ полной увѣренности, что Богъ подастъ всякому, сколько слѣдуетъ.

2) М. Н. Загоскинъ былъ, сказали мы дальше, величайшимъ патріотомъ, о чемъ, свидѣтельствуютъ слѣдующіе случаи изъ его жизни. Отечественная война 1812 г. вызвала, какъ извѣстно, страшный подъемъ народнаго духа въ русскомъ обществѣ. Люди служилые и свободные, даже тѣ, кто не имѣлъ понятія о бранномъ дѣлѣ, спѣшили записываться въ ополченіе. Молодой, пылкій, увлекающійся Загоскинъ, истинный русакъ. и по воспитанію и по характеру, какъ говоритъ С. Т. Аксаковъ, тоже „горѣлъ нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью своею горячую любовь къ отчизнѣ“ и, бросивъ штатскую службу, 9 Августа 1812 года записался въ петербургское ополченіе офицеромъ, затѣмъ былъ раненъ въ ногу, но по выздоровленіи, снова вернулся въ свой полкъ и выдержалъ всю компанію до самой сдачи Данцига...

Москву любилъ М. Н. до самозабвенія. Однажды онъ повезъ на Воробьевы горы И. И. Панаева, чтобы показать ему оттуда Москву во всей ея красотѣ. При въѣздѣ на Воробьевы горы, Панаевъ оглянулся. „Нѣтъ, нѣтъ, не оглядывайтесь!—вскрикнулъ Заго-

скинъ мы сейчасъ доѣдемъ до того мѣста, съ котораго надо смотрѣть на Москву"... „Ложитесь подъ это дерево,—сказалъ онъ Панаеву и смотрите теперь, смотрите! отсюда лучшій видъ"... „Я повиновался, говоритъ Панаевъ,—и началъ смотрѣть". Дѣйствительно, картина была великолѣпная. Вся разметавшаяся Москва, со своими безчисленными колокольнями и садами, представлялась отсюда озаренною вечернимъ солнцемъ. Загоскинъ легъ возлѣ меня, протеръ свои очки и долго смотрѣлъ на свой родной городъ съ умиленіемъ, доходившимъ до слезъ... „Ну, что... что скажете, милый,—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—какова наша Бѣлокаменная-то съ золотыми маковками? Вѣдь нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такого вида. Шевыревъ говоритъ, что Римъ походитъ немного на Москву; можетъ быть, но это все не то!.. Смотри, смотри!.. Ну, Бога ради, какъ же настоящему-то русскому человѣку не любить Москвы?.. Иванъ-то Великій какъ высится, Господи!".. Загоскинъ снялъ очки, вытеръ слезы, навернувшіяся у него на глазахъ, схватилъ меня за руку,—продолжаетъ Панаевъ,—и сказалъ: „ну, что? бьется ли твое русское сердце при этой картинѣ?" Въ экстазѣ онъ, началъ говорить Панаеву *ты*. Чудный лѣтній вечеръ, энтузіазмъ Загоскина, великолѣпная картина, которая была предъ моими глазами, заунывная русская пѣсня, раздавшаяся подъ горою,—все это сильно подѣйствовало на меня,—заключаетъ Панаевъ. „Благодарю васъ,—сказалъ онъ Загоскину,—это лучшій вечеръ въ моей жизни; я его никогда не забуду". Загоскинъ обнялъ Панаева, поцѣловалъ его и сказалъ: „ты—настоящій русскій, ты—нашъ; только ты пожалуйста не увлекайся этими завиральными идеями, которыя начинаютъ быть въ ходу".

Пламенно любя Россію и особенно сердце ея— Москву, Загоскинъ всякое слово, направленное противъ нашего отечества, или первопрестольной столицы, не пропускалъ безъ надлежащаго отпора, напротивъ, оно вызывало подчасъ цѣлую бурю негодованій съ его стороны. Такъ однажды М. Н. былъ на званномъ вечерѣ у сенатора М. М. Бакунина. Шла оживленная бесѣда и М. Н. былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Вдругъ входитъ новая гостья, природная москвичка, недавно пріѣхавшая изъ заграницы, гдѣ она была еще въ первый разъ. По русскому обыкновенію, дама была въ восторгѣ отъ заграничной поѣздки и доказывала невозможность порядочнымъ людямъ жить въ Россіи, и особенно въ такой большой деревнѣ, которую зовутъ Москвой. Хозяинъ слабо возражалъ, а гостья пользуясь этимъ, продолжаетъ осыпать бранью Россію и Москву, а самихъ москвичей чуть не сравняла съ грязью. Загоскинъ наконецъ не выдержалъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и, вскрикнувъ: „какъ вамъ не стыдно, М. М., принимать у себя такихъ невоспитанныхъ госпожъ!“ схватилъ фуражку и, не смотря на просьбы хозяина, сію-же минуту уѣхалъ домой.

3) Наконецъ, Загоскинъ всѣмъ существомъ своимъ былъ проникнутъ любовію и благоговѣніемъ къ Священной Особѣ Русскаго Царя. Правда, онъ стоялъ въ исключительныхъ отношеніяхъ къ покойному Государю Императору Николаю Павловичу. Но это ничуть не умаляетъ силы его вѣрноподданническихъ чувствъ, а какъ кажется еще болѣе усиливаетъ и подчеркиваетъ ихъ. Для Загоскина Царь есть Избранникъ и Помазанникъ Божій; Особа Его Священна и неприкосновенна. Онъ проводникъ правды, добра и милости; Онъ первый Сынъ своей родины, пер-

вый ея работникъ и печальникъ, но Онъ же и полновластный распорядитель ея и Отецъ своихъ подданныхъ, обязанный заботиться о нихъ, а затѣмъ дать отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ, но только Одному Небесному Судіи—Владыкѣ!

Личность автора въ извѣстной мѣрѣ всегда отражается въ его произведеніяхъ. Это—литературный фактъ и если онъ приложимъ къ каждому писателю, то къ Загоскину въ особенности. Въ произведеніяхъ Загоскина вы найдете всегда столько теплоты религіознаго чувства, столько любви къ русскимъ людямъ и русской природѣ, столько здравыхъ, освѣжающихъ, любыхъ русскому сердцу взглядовъ на задачи русскаго самодержавія, что невольно и сами вздохнете полною грудью и добромъ помянете ветерана-писателя, вызвавшаго у васъ этотъ вздохъ!

Гг. учителя и учительницы *)! Я съ особою цѣлью остановился на выясненіи характера покойнаго Загоскина и его произведеній, имѣя въ виду ваше присутствіе и участіе въ печально-радостномъ торжествѣ нынѣшняго дня. Вы знаете по личному опыту, какъ дорога, скажу больше: безцѣнна для народной школы каждая честная книга, убѣжденно и краснорѣчиво говорящая о высшихъ нравственныхъ обязанностяхъ человѣка, особенно въ наши дни литературной и общественной смуты. Повѣсти Загоскина вполнѣ могутъ назваться такими хорошими честными книгами. Правда сочиненія Загоскина за послѣднее время начали терять свое обаяніе. Но виноватъ въ этомъ не Загоскинъ, а надо полагать, современное литературное безвременье, потеря современнымъ обществомъ изящныхъ литературныхъ

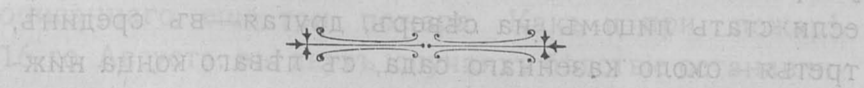
*) На панихидѣ присутствовали учителя и учительницы, слушающіе педагогическіе курсы Пензенскаго губернскаго земства 1902 года.

вкусовъ и здоровыхъ общественныхъ идеаловъ. А вѣдь было время, когда Загоскинымъ зачитывалась вся грамотная Россія, начиная съ Царскихъ чертоговъ и кончая скромной хатой простолюдина. Самъ Государь, познакомившись съ „Юріемъ Милославскимъ", пріѣхавши въ 1830 г. въ Москву, пожелалъ видѣть автора и, когда тотъ явился на аудіенцію, сказалъ Загоскину: „будучи въ Москвѣ, Я никогда не простилъ бы Себѣ, если бы не познакомился съ авторомъ „Юрія Милославскаго".—„Я встрѣчалъ простолюдиновъ, писалъ впослѣдствіи С. Т. Аксаковъ, которые знаютъ не одного только „Юрія Милославскаго", но и выходившіе послѣ романы и повѣсти Загоскина". Самое появленіе „Юрія Милославскаго", какъ крупнаго литературнаго событія, привѣтствовали такіе корифеи русской литературы, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Шаховской, Дмитріевъ и др. Мало этого. Талантливое произведеніе встрѣчено было живымъ сочувствіемъ и заграницей. Знаменитый романистъ Вальтеръ-Скоттъ и др. извѣстные иностранные писатели того времени, въ лестныхъ письмахъ къ Загоскину, привѣтствовали торжество новаго таланта. „Юрій Милославскій", вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ, переводится почти на всѣ европейскіе языки, а на своемъ родномъ, въ короткое время выдерживаетъ болѣе десяти изданій. Самъ Бѣлинскій, отецъ русской критики, отдалъ должное роману Загоскина, назвавъ его „первымъ хорошимъ русскимъ романомъ". Конечно, есть не мало и недостатковъ въ романахъ Загоскина, но недостатки эти касаются больше внѣшней стороны, какъ это совершенно справедливо указывалъ еще самому Загоскину его пріятель и благожелатель, В. А. Жуковскій. Эти недостатки, конечно, болѣе извинительны, чѣмъ про-

махи и недочеты многихъ произведенiй современной беллетристики, въ которыхъ, при блестящей формѣ, вы иной разъ не отыщете никакого содержанiя,—или найдете содержанiе тенденцiозное, однобокое, декадентское, босяцкое. Впрочемъ, пусть рьяные критики указываютъ у Загоскина и др. недостатки противъ требованiй искусства и т. п. Все же патрiотизмъ и глубокое религiозное чувство автора и его произведенiй отъ того отнюдь не тускнѣютъ, но будутъ жить дотолѣ, пока жива Русь православная, пока живы хорошiе русскiе люди. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте прочитать, безъ всякихъ заднихъ мыслей какой-либо романъ или повѣсть Загоскина и, повѣрьте, вы всякiй разъ отъ Загоскина получите самое свѣжее, честное впечатлѣнiе. Сужу въ данномъ случаѣ по личному опыту. Прошлымъ лѣтомъ я провелъ нѣсколько дней въ деревнѣ, на родинѣ; тамъ въ тиши сельскаго уединенiя, на лонѣ матери-природы, какъ говорили герои романовъ—современниковъ „Бѣдной Лизы", я случайно перечиталъ Загоскина и, долженъ признаться, не говоря уже объ общемъ отличномъ настроенiи, нѣкоторыя мѣста его „Юрiя Милославскаго" (напримѣръ: Мининъ на нижегородской ярмаркѣ, похожденiя батьки Еремѣя, освобожденiе Москвы нижегородскимъ ополченiемъ и др.) произвели на меня весьма сильное впечатлѣнiе. Чѣмъ-то роднымъ, дорогимъ, завѣтнымъ повѣяло на меня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилось сознанiе, что и я русскiй человѣкъ, и во мнѣ бьется русское сердце...

Пусть же нынѣшнее торжество дастъ нашему обществу урокъ исправить свое неблагодарное отношенiе къ памяти Загоскина, а насъ, дѣятелей нивы народной, сверхъ того расположитъ, не только самимъ поближе познакомиться съ лучшими произве-

деніями пензяка-писателя, но и ввести эти произведенія по возможности въ постоянное употребленіе въ народныхъ ученическихъ библіотекахъ. Не нужно забывать одного, что, пуская въ широкое обращеніе среди народа произведенія Загоскина, мы, въ существѣ дѣла, выполняемъ лишь свою просвѣтительную миссію въ дѣлѣ развитія и оздоровленія русскаго самосознанія. Мы уже видѣли, что Загоскинъ всегда рисуетъ лишь здоровые устои и основы русскаго быта. Слѣдовательно, знакомя съ ними юную Россію и начинающаго читателя, мы, кромѣ того, будемъ въ значительной мѣрѣ облегчать лежащую на насъ, учителяхъ, тяжелую задачу народнаго воспитанія, состоящую въ томъ, чтобъ готовить изъ каждаго своего питомца совершеннаго человѣка, т. е добраго христіанина, вѣрнаго сына православной церкви и истиннаго патріота, беззавѣтно любящаго свою родину и благоговѣющаго предъ Священной Особой Царя-Помазанника!

VII.

Деревья, какъ противопожарное средство, и чѣмъ можетъ помочь сельскій священникъ въ дѣлѣ насажденія деревьевъ.

(Изъ дневника священника).

16-го Августа 1901 года мнѣ пришлось быть въ дер. Веселовкѣ (въ 3-хъ верстахъ отъ г. Пензы), во время случившагося тамъ въ этотъ день пожара, и на дѣлѣ убѣдиться въ томъ громадномъ значеніи, какое имѣютъ древесныя насажденія въ противопожарномъ отношеніи. Надобно замѣтить, что два большіе (нижніе) порядка деревни идутъ отъ востока на западъ и къ нимъ съ сѣверной стороны примыкаютъ уже остальныя три улицы, причемъ одна изъ нихъ упирается въ нижній порядокъ съ правой стороны, если стать лицомъ на сѣверъ, другая—въ срединѣ, третья – около казеннаго сада, съ лѣваго конца нижнихъ порядковъ. Пожаръ 16-го Августа начался, на нижней сторонѣ; вѣтеръ былъ южный, слѣдовательно, огонь не могъ идти вдоль нижняго порядка. И дѣйствительно, площадь огня ограничилась тѣми пятью усадьбами, которыя были охвачены сразу. Но за то страшная опасность угрожала двумъ порядкамъ той улицы, которая примыкала къ нижней улицѣ по направленію къ сѣверу, съ правой стороны: они лежали положительно подъ вѣтромъ и огнемъ; вѣтеръ же къ концу пожара достигъ страшной силы. Порядки эти имѣютъ около ста домовъ: достаточно было съ горы

бросить на Веселовку бѣглый взглядъ, чтобъ сказать съ положительностію, что участь ихъ рѣшена. Но вотъ здѣсь-то и сыграли свою роль древесныя насажденія. Нижняя часть деревни Веселовки расположена на томъ оврагѣ, на которомъ раскинулся и казенный садъ. Порядки стоятъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, а между ними, на овражномъ ключикѣ, привольно пріютились крестьянскіе огороды со всякою деревенскою „овощью". Огороды эти густо обсажены ветлами, осинами и проч. Мѣсто подъ огородами сырое, поэтому деревья, посаженныя на огородахъ, особенно тѣ, что закрывали примыкающую къ пожарищу верхнюю улицу, смотрятъ великанами. Эти-то великаны, такъ сказать, и укрыли отъ огня верхнюю улицу, такъ что пожаръ не смотря на страшную силу вѣтра, ограничился только тѣми пятью несчастными домами, которые были охвачены огнемъ сразу, но дальше не пошелъ. Что спасеніе произошло отъ деревьевъ, въ этомъ согласны были и сами крестьяне.

Въ д. Веселовкѣ лѣтомъ 1901 года было, кромѣ описаннаго, еще три пожара. Какъ и при пожарѣ 16-го Августа, въ двухъ случаяхъ бѣдствіе останавливали тѣ же ветлы, и огонь ограничивался 2—5 дворами... Вотъ какое большое значеніе имѣютъ древесныя насажденія при деревенскихъ пожарахъ *).

Лѣтомъ 1901 года отъ огня русскій народъ понесъ громадные убытки. Общество, наученное горькимъ опытомъ, конечно, позаботится о томъ, чтобы, хотя на будущее время, не давать такой свободы огненной стихіи,—этому ужасному бичу народнаго благосостоянія. Правительство уже сдѣлало въ этомъ

*) Говорятъ, что одинъ изъ іюльскихъ пожаровъ 1901 года въ городѣ Пензѣ (на Лѣкарской улицѣ) остановился тоже благодаря деревьямъ.

отношенiи крупный шагъ. Какъ извѣстно изъ газетъ, въ томъ же году въ Петербургѣ была учреждена, подъ предсѣдательствомъ г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ, особая комиссiя по вопросу о средствахъ для борьбы съ пожарами (Новое Время № 9184). Но мы, обыватели городовъ, селъ и деревень, не должны, въ ожиданiи правительственныхъ и общественныхъ мѣропрiятiй, сидѣть, какъ говорится, сложа руки, въ безпечной увѣренности, что дѣло и безъ насъ сдѣлается. И вотъ въ числѣ другихъ противожарныхъ мѣръ, которыя зависятъ уже отъ насъ самихъ, на первомъ планѣ мы должны поставить древесныя насажденiя. Въ особенности должны обратить на это вниманiе сельскiе жители, такъ какъ деревенскiе пожары, въ большинствѣ случаевъ, останавливаются лишь естественными преградами (большими пустырями, оврагами, садами и т. п.). Правда, за послѣднiя два—три десятилѣтiя на древесныя насажденiя по деревнямъ въ Пензенской губ. обращено должное вниманiе мѣстной администрацiи; но къ сожалѣнiю, насажденiя, произведенныя и почти ежегодно возобновляемыя по распоряженiю полицiи, принялись лишь по немногимъ селенiямъ, имѣющимъ наиболѣе благопрiятныя естественныя условiя для того (низменное мѣстоположенiе и т. под.). Въ большинствѣ же селъ или вовсе нѣтъ насажденiй или остались они теперь въ такомъ жалкомъ видѣ, что могутъ только напоминать о древесныхъ насажденiяхъ и свидѣтельствовать о томъ, какъ туго прививаются въ крестьянской средѣ даже самыя благiя начинанiя администрацiи, разъ сельское населенiе, по малокультурности своей, не сознаетъ и не убѣждено въ пользѣ этихъ начинанiй.

Сельское духовенство, намъ кажется, могло бы оказать великую помощь въ дѣлѣ посадки деревьевъ

по деревенскимъ улицамъ, такъ какъ въ рукахъ его, въ настоящее время, имѣются такія могучія средства, какихъ нѣтъ ни у сельскаго начальства, ни у деревенской полиціи. Средства эти слѣдующія: доброе слово пастыря, подтверждаемое собственнымъ примѣромъ, внѣбогослужебныя бесѣды и школа,—школа въ особенности, какъ могучій и самый надежный проводникъ въ среду народную всякихъ благихъ идей и начинаній.

Всѣмъ извѣстно, какъ скоро нашъ смышленый крестьянинъ перенимаетъ у своего культурнаго сосѣда добрыя новинки, такъ или иначе приложимыя въ его несложной жизненной обстановкѣ,—особенно если практическая польза этихъ новинокъ очевидна и скоро осуществима. Правда, нашего крестьянина вошло въ обычай порицать и обвинять въ какой-то стихійной лѣни, въ вѣчной неряшливости, въ какомъ-то нерасположеніи ко всякаго рода новшествамъ. Но справедливость требуетъ признать, что простолюдинъ съ подозрѣніемъ относится лишь къ нововведеніямъ такого рода, въ полезности которыхъ онъ не убѣжденъ. Напротивъ, разъ крестьянинъ присмотрѣлся къ новой затѣѣ и видитъ, что изъ нея толкъ выйдетъ,—онъ всегда и охотно заведетъ эту вещь и у себя, лишь бы научили его, какъ это сдѣлать и скорѣе, и дешевле, и попроще. Въ Мокшанскомъ уѣздѣ мы знаемъ одну деревню, насчитывающую 80—90 крестьянскихъ дворовъ. Въ этой деревнѣ, по крайней мѣрѣ у 8—10 домохозяевъ имѣются двухконные крестьянскіе плуги и почти у каждаго—собственные катки для прикатыванія весеннихъ полевыхъ всходовъ. Откуда-же явилось и какъ привилось такое коренное усовершенствованіе крестьянскаго хозяйства въ деревушкѣ, ничѣмъ особеннымъ

отъ другихъ степныхъ селъ нашей губерніи не отличающейся? Въ эту деревню, лѣтъ 20 тому назадъ, поселился новый помѣщикъ, который шагъ за шагомъ улучшаетъ свое хозяйство, постепенно и разумно переходя отъ натуральнаго веденія его къ болѣе усовершенствованному. Вскорѣ крестьяне стали замѣчать, что барская земля и ихъ общественная—по качеству будто бы одинаковая, а урожаи стали получаться разные: на крестьянской десятинѣ при среднемъ урожаѣ родится ржи 40—50 пудовъ, а на барской—70—80 пудовъ, да и засуха не такъ губитъ помѣщичьи поля, какъ надѣльныя крестьянскія. Крестьяне поняли, что все это дѣлаетъ плугъ и поспѣшили сами обзавестись небольшими, подручными для нихъ плугами въ одну или двѣ лошади. Точно такая же исторія повторяется у насъ на глазахъ съ глиносоломенными крышами. Пониженная страховая премія и безусловное превосходство такихъ крышъ предъ простой соломой, какъ на счетъ прочности, такъ, главнымъ образомъ, въ противопожарномъ отношеніи, легко и скоро привели къ тому, что за послѣднее время цѣлыя села кроются такими крышами. Тѣмъ болѣе дѣло выигрываетъ, если добрый починъ выходитъ отъ мѣстнаго священника. Извѣстно, напримѣръ, какъ высоко ставитъ для себя крестьянинъ примѣръ своего батюшки, если послѣдній—хорошій сельскій хозяинъ. Есть села, въ которыхъ крестьянинъ выжидаетъ, когда батюшка тронется въ поле для весенняго сѣва или для перваго снопа, чтобъ вслѣдъ за нимъ, предварительно помолясь Господу Богу, безъ всякихъ сомнѣній тронуться и ему самому для того же... Не убѣждаютъ ли насъ эти примѣры въ томъ, что и въ дѣлѣ насажденія деревьевъ по деревнямъ

добрый примѣръ и починъ священника принесутъ большую пользу.

Прежде всего священникъ долженъ взять на себя трудъ, какъ слѣдуетъ, разъяснить сельчанину ту пользу, которую имѣютъ деревья для нашего жизненнаго обихода въ дѣлѣ очищенія и уравновѣшенія составныхъ частей воздуха, въ отношеніи болѣе правильнаго распредѣленія и сохраненія влаги, а главное, какъ противопожарное средство, и, затѣмъ, познакомить съ разумной посадкой деревьевъ. Мы глубоко убѣждены, что отъ одного этого дѣло не мало уже выиграетъ. Для образца бесѣдъ такого рода приведемъ выдержку изъ журнала „Пожарное Дѣло“ (1896 г. № 8) *).

„Лучше всего сажать деревья по длинѣ улицы, прямо передъ домами, — затѣмъ въ переулкахъ, между гнѣздами отдѣльныхъ домовъ. Затѣмъ, полезно и даже необходимо сажать деревья прямо противъ сосѣда, въ одинъ рядъ, и въ два-то ряда деревья такую стѣнку дадутъ, что при пожарѣ защита плотная будетъ. Не только по улицѣ надо сажать деревья, но и въ прогалахъ, словомъ вездѣ, гдѣ нѣтъ проѣзда.

„Деревья надо выбирать скоро растущія. Всякое дерево хорошо, но лучше, конечно тѣ, у которыхъ много листьевъ: ветла, тополь, осина, береза и др.

„Пересаживать деревья надо умѣло. Деревья надо сажать или осенью и притомъ въ ту именно пору, когда пошелъ листопадъ, или раннею весною, когда на деревьяхъ только почки и листьевъ пока нѣтъ. Ветлы лучше сажать ранней весной. Деревья

*) Кромѣ того, хорошимъ руководствомъ могутъ служить труды о. Іоанна Наумовича, также очень распространенная брошюра подъ заглавіемъ: „Бесѣды Ѳомы Максимовича о садѣ“, и мн. др.

изъ лѣса надо брать молодыя, не ниже 3-хъ арш. и не выше 4-хъ. Дерево должно быть прямое, съ вѣтками, но чтобы ихъ много не было; кора дерева должна быть чистая, не попорченная.

„Яму для каждаго дерева надо заранѣе приготовить и притомъ широкую и глубокую, примѣрно, до $1^1/_2$ арш. ширины и до 3 четв. глубины.

„Самое дерево надо взять изъ лѣса умѣло: дерево кругомъ обкопать, корни верхніе (боковые) подрѣзать, а нижніе самые мягкіе и слабые—по возможности сохранить. Землю съ корней руками не сдирать, а просто дерево отряхнуть и земля сама отвалится; еще лучше дерево съ землей притащить,—трудненько, да за то для дерева лучше! Чтобы корни не засохли, надо ихъ или сырой, мокрой землей засыпать, или мокрой рогожей, или мхомъ закрыть. Въ приготовленную яму на дно насыпать на нѣсколько вершковъ хорошей, рыхлой земли, вершка на 4—6 предварительно вбить въ яму колъ. Посадивъ дерево, необходимо ровно обсыпать его землею и слегка обдавить землю ногами. Когда яма будетъ засыпана, то деревцо привязать къ колу, но такъ чтобъ въ мѣстѣ перевязки непремѣнно былъ пучекъ или соломы, или мха, или войлока, или просто тряпка. Это затѣмъ, чтобъ дерево при вѣтрѣ не терлось и не производило себѣ пораненія.

„Послѣ посадки дерево надо хорошо полить; вылить, по крайней мѣрѣ, ведра два на каждое дерево. Земля осядетъ и плотно обляжетъ вокругъ корней и, стало быть, самое дерево станетъ въ землѣ такъ, какъ оно было въ лѣсу. Хорошо при этомъ внизу, вокругъ дерева наложить мха, или просто гнилой соломы, дабы вода не быстро высыхала.

„Для того, чтобъ дерево хорошо пошло, необходимо не только знать, какъ его посадить, но и смотрѣть за нимъ, а главное, поливать; полезнѣе—полить хоть разъ, но много, чѣмъ часто, да мало. На второй годъ дерево возможно поливать не такъ часто, а года четыре спустя можно и совсѣмъ не поливать; въ первое же время поливка необходима, и безъ нея дерево засохнетъ“.

Что касается вопроса, гдѣ и когда священникъ можетъ знакомить прихожанъ съ разумнымъ древонасажденіемъ, можно такъ отвѣтить: вездѣ и всегда—при всякомъ удобномъ случаѣ, т. е. и чрезъ внѣбогослужебныя собесѣдованія, и при частныхъ разговорахъ съ прихожанами. Больше всего желательно, конечно, чтобъ священникъ воспользовался школой. Сдѣлать это, напримѣръ, можно такъ. Если школьникъ будетъ при каждомъ удобномъ случаѣ слышать и отъ священника и отъ учителя, какой великій даръ Творецъ послалъ человѣку въ деревѣ, какое великое значеніе имѣетъ этотъ даръ въ жизни міра и человѣка; если, кромѣ того, мальчикъ видитъ, что батюшка и учитель не только одни хорошія слова говорятъ, но и на дѣлѣ любятъ деревья, сажаютъ ихъ и ухаживаютъ за ними; если наконецъ, законоучитель или учитель позоветъ дѣтей въ садъ—училищный, церковный или собственный, да повозится тамъ съ ними, да подаритъ каждому кустикъ или саженецъ для посадки въ его огородѣ,—школа исполняетъ при этомъ высокую культурную миссію и въ результатѣ такой работы получится то, что большая половина этихъ мальчугановъ окажется въ качествѣ союзниковъ и добрыхъ помощниковъ въ дѣлѣ насажденія и охраненія деревьевъ... Нельзя, поэтому, не порадоваться, когда, проѣзжая по селу, видишь

школьное зданіе и домъ священника окруженными зелеными деревьями. Напротивъ, грустью какою-то вѣетъ и отъ школы, и отъ „церковныхъ домовъ“, если около нихъ ни кустика, ни загородки, а такая же пустыня, какъ на всемъ деревенскомъ выгонѣ...

Кромѣ указанныхъ способовъ къ проведенію въ крестьянскую среду разумныхъ свѣдѣній и знаній по древонасажденію, у современной школы есть еще одна мѣра, это—праздники древонасажденія. Въ чемъ состоятъ эти праздники, полагаемъ, извѣстно каждому сельскому священнику. Вопросы могутъ возникнуть лишь по слѣдующимъ пунктамъ: 1) гдѣ сажать деревья; 2) какъ примѣнить праздникъ древонасажденія къ сельской школѣ и 3) откуда брать саженцы?

1) Гдѣ сажать деревья?

Прежде всего, начиная съ перваго праздника древонасажденія, должны обсаживаться деревенскія улицы—въ томъ порядкѣ, какой указанъ выше. Только уже послѣ того, какъ засажены будутъ всѣ улицы и переулки, можно мѣста насажденій выбирать въ другихъ пунктахъ крестьянскихъ надѣловъ *).

*) Послѣ улицы, въ слѣдующіе годы, должны быть обсажены, напримѣръ, кладбища. Не нужно говорить, какой грустный видъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ наши сельскія кладбища. Между тѣмъ, одинъ или два школьныхъ праздника древонасажденія разумно организованныхъ,—и кладбища сразу зазеленѣли бы. Кустикамъ на кладбищахъ не грозитъ опасности отъ скотины, какъ кустикамъ на улицѣ, такъ какъ кладбища почти всегда бываютъ обрыты глубокими канавами, и скотъ по нимъ совсѣмъ не ходитъ. И поливка, можно поручиться, будетъ тоже обезпечена: ни одна крестьянка не откажется кое-когда принести ведро воды на могилку родную; надо только сумѣть сдать каждый кустикъ на храненіе въ надежныя руки... Затѣмъ можно приступить къ насажденіямъ и по полямъ крестьянскимъ. Овраги и неудобныя трясины должны быть здѣсь предпочтительными мѣстами посадокъ и въ виду того соображенія, кромѣ всѣхъ прочихъ, что на поливку насажденій въ такихъ едва-ли можно расчитывать. Мѣста посадокъ должны быть обязательно окопаны канавами... Желательно, наконецъ, въ такихъ мѣстахъ деревья сажать небольшими кустами. Впослѣдствіи эти разросшіяся купы

Надо выбирать при этомъ земли неудобныя и неприносящія доходовъ, дабы крестьяне не могли отказать священнику въ отводѣ участка для посадокъ. Во всякомъ случаѣ, священникъ и учитель должны дѣйствовать здѣсь съ крайнею осторожностію и полагаться всецѣло на желанія и указанія самихъ крестьянъ; ни пререканій, ни какихъ бы то ни было недоразумѣній не должно быть даже тѣни.

2) Какъ примѣнить и организовать праздникъ древонасажденія въ сельской школѣ?

Всякую осень, лишь начнется ученье, изъ каждаго дома пусть будетъ назначенъ ученикъ, а если таковаго въ домѣ нѣтъ, учитель приглашаетъ необучающихся мальчика или дѣвочку; дѣти собираются въ школу, гдѣ, — въ свободное, конечно, отъ занятій время, — объясняютъ будущимъ участникамъ праздника ихъ обязанности по случаю торжества, состоящія въ томъ, что ребенокъ долженъ попросить родителей вырыть предъ домомъ въ извѣстномъ порядкѣ и извѣстной мѣры ямки для саженцевъ, попросить потщательнѣе огородить эти ямки, такъ чтобъ скотина не доставала и не могла глодать впослѣдствіи кустиковъ, приготовить ко дню посадки лопатку, колья, мочалъ, воды и пр. Очень было бы хорошо послѣдить за этими подготовительными работами самому священнику или учителю. Затѣмъ, въ назначенный день, дѣти, празднично одѣтыя, собираются въ школу, а оттуда послѣ молебна отправляются въ садъ и получаютъ саженцы, послѣ чего въ извѣстномъ порядкѣ отправляются вдоль улицы.

могли бы быть хорошими мѣстами для пчельниковъ. За послѣднее время крестьянинъ охотно сѣлъ бы на пчельникъ, но дѣло останавливается за неимѣніемъ подходящихъ помѣщеній, такъ какъ рощи и старые пчельники вырублены, а новыхъ намъ еще никто не насадилъ.

Когда дѣти размѣстятся по своимъ мѣстамъ, по знаку распорядителя, начинается посадка. Посадка должна производиться неторопливо и подъ руководствомъ свѣдущихъ лицъ. По окончанiи посадки, ученики собираются въ одно мѣсто и въ прежнемъ порядкѣ возвращаются въ школу. Здѣсь батюшка или учитель должны сказать дѣтямъ, что посаженныя деревья сданы теперь на ихъ руки и попеченiе; слѣдовательно, никто, кромѣ дѣтей, не будетъ виноватъ, если деревца засохнутъ отъ неухода или будутъ поломаны и объѣдены. Полезно даже прибавить, что по временамъ будутъ производиться осмотры насажденiй, и лѣнивые въ уходѣ и охранѣ дерева не будутъ приглашены на слѣдующiй праздникъ.

3) Откуда брать саженцы?

Лучше всего, разумѣется, имѣть питомники въ саду священника, въ церковной оградѣ, или при училищѣ. Конечно, разведенiе и содержанiе питомника требуетъ не малаго труда и нѣкоторыхъ знанiй. Но чего не сдѣлаютъ энергiя, трудъ и терпѣнiе? Затѣмъ, въ виду благой цѣли, думается, не откажутъ и мѣстные помѣщики давать саженцы изъ своихъ садовъ и рощей. Наконецъ, священники имѣютъ право брать—на сумму до 10 руб.—саженцы изъ мѣстныхъ лѣстничествъ казеннаго вѣдомства. Послѣднимъ правомъ мы особенно рекомендовали бы воспользоваться, потому что,—какъ это извѣстно, напримѣръ, о Пензенскомъ Засурскомъ лѣсничествѣ,—саженцы изъ нихъ отпускаются священникамъ очень охотно; саженцы всегда хорошо подготовлены для пересадки, хорошихъ породъ и пр. Но если нѣтъ ни питомниковъ, ни владѣльческихъ лѣсовъ, ни казенныхъ лѣсничествъ по близости, можно тогда обратиться къ посадкѣ ветляныхъ кольевъ. Лучше ветла, чѣмъ ничего!..

Кому покажутся наши разсужденія о школьныхъ праздникахъ древонасажденія пустыми мечтами, можно указать на примѣры многихъ городовъ, гдѣ насажденія такого рода получили уже право гражданства. Въ слѣдующей главѣ мы разскажемъ, какъ прошелъ состоявшійся 5-го Мая 1902 года школьный праздникъ древонасажденія въ г. Пензѣ. А теперь, считаемъ не лишнимъ привести, въ заключеніе, одинъ поучительный примѣръ того, что можетъ добраго сдѣлать энергичный и преданный своему дѣлу сельскій священникъ, хотя бы жилъ онъ гдѣ-нибудь въ самомъ глухомъ углу, вдали отъ городовъ и культурныхъ центровъ.

На самой окраинѣ Волыни, въ Старо-Константиновскомъ уѣздѣ, есть мѣстечко Теофиполь. Теофипольскій батюшка, о. Антоній Олесницкій, садоводъ-любитель, нерѣдко ведетъ собесѣдованія съ прихожанами о садоводствѣ. Для поученія же ихъ дѣломъ, онъ отгородилъ часть церковнаго погоста и отгородилъ въ ней образцовый питомникъ плодовыхъ и хвойныхъ деревьевъ. Приходя въ церковь, народъ заходитъ прежде въ питомникъ, любуется имъ и поучается. Результаты налицо: 20 лѣтъ тому назадъ въ усадьбахъ крестьянъ не видно было деревца, рѣдко гдѣ виднѣлась верба,—теперь почти у каждой крестьянской хаты отгорожено небольшое пространство, гдѣ густо растутъ вишни, яблони, груши, даже елки, которыя раньше представляли здѣсь величайшую рѣдкость. Не говоря уже о подспорьѣ, каковымъ явилось въ крестьянскомъ хозяйствѣ садоводство, это и въ пожарномъ отношеніи имѣетъ большое значеніе.

Громадное кладбище, находящееся при въѣздѣ въ мѣстечко, обращено батюшкой въ прекрасный

садъ. Возлѣ него находится пріютъ-богадѣльня (для бѣдныхъ и больныхъ), устроенный имъ же на пріобрѣтенной землѣ (десятина), на которой тоже разведенъ садъ.

Чрезвычайно любопытенъ и поучителенъ поводъ, который послужилъ для устройства этого пріюта-богадѣльни.

Однажды батюшку потребовали исповѣдывать больную, привезли въ одну усадьбу и просили зайти не въ домъ, а въ старый сарай. Батюшка вошелъ въ него и былъ пораженъ слѣдующею картиной: кучка старой грязной соломы, похожей на навозъ, на соломѣ этой рваное лохмотье, а подъ нимъ что-то похожее на человѣка, у котораго лицо и руки въ грязи и свѣтится только потухающій огонь въ глазахъ. На вопросъ, что это значитъ?—батюшкѣ объяснили сдѣдующее: эта больная дѣвочка—круглая сирота, ни родныхъ ни близкихъ у нея нѣтъ. Добрые люди пріютили ее. Но, по случаю теплаго времени и ея долгой болѣзни, ее вынесли въ сарай и скоро о ней забыли. Несчастная цѣлые дни лежала здѣсь безъ пищи и воды, не могла двинуть ни однимъ членомъ. Никто ее никогда не умывалъ, никто не давалъ чистаго бѣлья для перемѣны...

Изъ кучи навоза, на которой лежала несчастная страдалица, разносилось страшное зловоніе. Въ довершеніе всего, ночью забрались въ сарай собаки и искусали у нея руки. Она кричала, звала на помощь, но никто не услыхалъ.

Батюшка пришелъ въ ужасъ. Нанявъ тотчасъ же двухъ женщинъ, онъ приказалъ омыть больную, надѣть на нее чистое бѣлье и перенести въ домъ. Утромъ батюшка посѣтилъ несчастную уже въ домѣ, напутствовалъ св. Тайнами и совершилъ таинство св. елеосвященія.

Послѣ этого батюшка убѣдилъ прихожанъ учредить при церкви попечительство о бѣдныхъ и собралъ капиталъ для устройства пріюта-богадѣльни для безпріютныхъ и безродныхъ больныхъ и убогихъ. Скоро на пріобрѣтенной для сего землѣ былъ построенъ домъ о 5 комнатахъ, гдѣ и содержатся теперь больные странники и прочіе неимущіе. Призрѣваемые получаютъ пищу и погребаются на счетъ „попечительства о бѣдныхъ", во главѣ котораго стоитъ батюшка о. Антоній.

Каждый праздникъ имъ ведутся въ церкви внѣбогослужебныя бесѣды съ крестьянами, плодомъ которыхъ, между прочимъ, является величественный каменный храмъ, украсившій недавно Теофиполь, вмѣсто деревянной церкви, смотрѣвшей особенно убого въ виду величественнаго каменнаго костела. Въ церкви поетъ прекрасный хоръ, пріобрѣтена дорогая утварь и большой колоколъ. (около 100 пудовъ вѣсомъ). („Современная лѣтопись", 1902 года № 35).

Примѣръ, дѣйствительно, поучительный, и не для одного священника, но для каждаго интеллигентнаго работника современной деревни, особенно для народнаго учителя!

VIII.

Школьный праздникъ древонасажденія въ г. Пензѣ (5-го Мая 1902 г.).

(Изъ дневника священника).

5-го Мая 1902 г. въ г. Пензѣ состоялся праздникъ древонасажденія для учениковъ и ученицъ городскихъ начальныхъ училищъ.

Мѣсто для посадки деревьевъ, равно какъ и расходы по устройству праздника (какъ-то: музыка, чай и гостинцы для дѣтей) любезно предложены были дирекціей драматическаго кружка; деревца же были отпущены (безплатно) изъ пенз. училища садоводства; вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ этого училища г. Храповицкій взялъ на себя трудъ общаго руководства при посадкѣ деревьевъ, пригласивъ на помощь себѣ учениковъ своего училища.

Въ первомъ часу дня на территорію народнаго театра (на верхнемъ гуляньѣ), гдѣ и должна была состояться посадка деревьевъ, стали собираться ученики и ученицы городскихъ училищъ, подъ начальствомъ своихъ учителей и учительницъ; каждое училище имѣло свое знамя и значки. Многіе изъ дѣтей запаслись лейками, ведерками и лопатками. За дѣтьми потянулись ихъ родители и др. посторонніе посѣтители. Затѣмъ, стали являться попечители городскихъ училищъ, приглашенные почетные гости, члены городского самоуправленія, во главѣ съ Н. Т. Евстифѣевымъ. Ровно въ часъ прибыли: г. Начальникъ губерніи, графъ А. В. Адлербергъ съ супругой и

г. Вице-Губернаторъ. По пріѣздѣ ихъ начался молебенъ, совершенный законоучителемъ 5-го городского женскаго училища, свящ. Н. Ф. Быстровымъ, въ сослуженіи законоучителей—свящ. К. П. Уранова и діакона П. И. Богородицкаго; пѣлъ хоръ учителей городскихъ училищъ. Предъ началомъ молебна о. Быстровъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

„Въ настоящую, жизнерадостную и полную глубокаго внутренняго смысла и значенія, минуту, невольно припоминается слѣдующій случай изъ жизни великаго ветхозавѣтнаго мужа, св. пророка Іоны. Какъ извѣстно, Іона былъ вѣстникомъ воли Божіей не евреямъ, какъ большинство пророковъ, а язычникамъ. Господь послалъ его съ проповѣдію о покаяніи въ знаменитый и многолюдный городъ Ниневію. Іона, хотя и былъ избранникомъ Божіимъ, но, какъ человѣкъ, не былъ совершенно свободенъ человѣческихъ слабостей; какъ еврей, онъ думалъ, что спасеніе принадлежитъ одному израилю. Поэтому, въ глубинѣ души своей, онъ, какъ видно, не сочувствовалъ своему посланничеству. И вотъ, въ первый разъ онъ садится на корабль и ѣдетъ не въ Ниневію, а совершенно въ другую сторону. Наказанный страхомъ вѣрной смерти и, по раскаяніи, помилованный, Іона получаетъ вторичное повелѣніе идти въ Ниневію и проповѣдывать язычникамъ о покаяніи. На этотъ разъ Іона исполняетъ волю Господню и среди языческаго города раздается вдохновенная рѣчь пророка о грядущемъ гнѣвѣ Господнемъ и необходимости обращенія отъ злыхъ дѣлъ на путь добрый. Проповѣдь пророка произвела огромное впечатлѣніе. Жители покаялись и Господь снялъ гнѣвъ Свой, т. е. помиловалъ ихъ. Но Іона и на этотъ разъ думалъ,

что помиловалъ Господь Ниневію только на время и что гибель Ниневіи все же неизбѣжна. Чтобъ видѣть, какъ Господь накажетъ городъ, Іона вышелъ изъ города и поставилъ на горѣ, съ которой видна была Ниневія, палатку и поселился въ ней. Господь и на этотъ разъ вразумилъ Іону. Предъ палаткою, въ которой онъ жилъ, въ одну ночь выросло тѣнистое дерево. Это очень обрадовало Іону. Но Господь устроилъ такъ, что на другой день, при появленіи зари, червь подточилъ растеніе и оно засохло. Когда же взошло солнце, то поднялся знойный восточный вѣтеръ и солнце нещадно палило голову Іоны. Іона положительно изнемогалъ отъ жары и, съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминая о деревцѣ, впалъ въ такое малодушіе, что сталъ просить у Бога для себя смерти, и сказалъ: „лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить“. Тогда Господь сказалъ Іонѣ: „если ты сожалѣешь и грустишь такъ о растеніи, котораго ты не сажалъ и за которымъ не ухаживалъ, Мнѣ ли не жалѣть Ниневіи, великаго города, въ которомъ болѣе 120 тысячъ дѣтей, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой“.

Приведенный разсказъ представляетъ поучительный примѣръ того, какъ люди, особенно жители жаркихъ странъ, гдѣ при страшномъ солнцепекѣ и жгучихъ, какъ огонь, вѣтрахъ, въ высшей степени цѣнна прохлада и гдѣ, слѣд., человѣкъ самою природою научается дорожить деревьями,—грустятъ о гибели дерева. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не любить дерева и какъ, съ другой стороны, не грустить о гибели его (особенно безразсудной, безцѣльной гибели), когда деревья приносятъ для насъ громаднѣйшую пользу и, сверхъ того, представляютъ изъ себя неистощимый источникъ благородныхъ и здоровыхъ удовольствій для человѣка, умѣющаго разумно поль-

зоваться великимъ даромъ Творца, дорожить имъ, хранить его и ухаживать за нимъ.

Дѣти! Учителя и учительницы достаточно выяснили вамъ великую пользу для насъ дерева. Поэтому, намъ нѣтъ надобности снова и подробно говорить вамъ объ этомъ. Я повторю лишь кратко то, что вамъ подробно объяснено наставниками.

И отдѣльное дерево приноситъ человѣку не малую пользу: и дрова мы отъ него получаемъ, и жилища строимъ, и домашнее хозяйство оборудываемъ; отъ фруктоваго дерева разнообразными плодами наслаждаемся; прохладная тѣнь стараго дуба, пережившаго нѣсколько поколѣній семьи, свидѣтеля радостей и горя этихъ поколѣній, какъ-то невольно располагаетъ пожившаго человѣка къ мирной бесѣдѣ и дорогимъ воспоминаніямъ о дняхъ минувшихъ; этотъ же дубъ съ любовію и покровительственно смотритъ на собравшуюся около него жизнерадостную дѣтвору, какъ будто вспоминая свои молодые годы... Еще больше приноситъ пользы человѣку лѣсъ. Лѣсъ, задерживая таяніе снѣга, хранитъ и равномѣрно распредѣляетъ влагу, — слѣд., лѣсъ есть одна изъ главныхъ причинъ плодородія нашихъ полей. Лѣсъ (по той же причинѣ) защищаетъ насъ отъ разрушительныхъ весеннихъ наводненій; лѣсъ защищаетъ насъ отъ холодныхъ вѣтровъ ледовитыхъ морей или горячихъ вѣтровъ раскаленной пустыни; лѣсъ предохраняетъ многія мѣстности (наприм. въ Швейцаріи) отъ горныхъ обваловъ, и т. д. Вообще трудно даже перечислить все то добро, которое получаетъ человѣкъ отъ дерева...

Для русскаго человѣка въ особенности должна быть ясна польза отъ дерева. Постройки у насъ почти всѣ деревянныя. Сидимъ мы за деревянными

столами, на деревянныхъ скамьяхъ и стульяхъ, ѣдимъ (въ простыхъ семьяхъ) изъ деревянной чашки, деревянными ложками. Въ русскихъ сказкахъ крестьянство называется лапотнымъ царствомъ... почему? потому что сельскій обыватель обувался и доселѣ еще (въ большинствѣ) обувается въ лапти, что изъ лыка ковыряются, а лыко, какъ извѣстно, берется съ дерева. Телѣга у насъ деревянная, на деревянной оси и деревянныхъ колесахъ. На рынокъ ли спѣшитъ горожанка—въ рукахъ у нея кулечекъ,—или туда же ѣдетъ съ сельскими продуктами поселянинъ, возъ свой закрываетъ рогожей: кулекъ и рогожа изъ мочалы дѣлаются, которую отъ той же липы получаютъ... Наконецъ, умретъ человѣкъ, и здѣсь не обойтись ему безъ дерева: ему гробъ нуженъ, надъ его могилой крестъ поставятъ, а все это опять изъ дерева дѣлается...

Вотъ почему, милыя дѣти, всѣ воспитанные и истинно просвѣщенные люди, сознавая пользу дерева, никогда не позволяютъ себѣ безъ нужды рубить принадлежащіе имъ лѣса; жалѣютъ, когда рубятъ деревья по необходимости, когда разсказываютъ или описываютъ рубку лѣса, они словно про смерть близкихъ людей повѣствуютъ. Прочитайте для примѣра чудныя описанія лѣса и разсказы объ его рубкѣ нашихъ знаменитыхъ писателей: С. Т. Аксакова, который былъ страстнымъ любителемъ лѣса и говорилъ, что „лѣсъ и вода есть краса природы“, и который,—замѣтимъ кстати,—былъ уроженцемъ Пензенской губ. и, поэтому, во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній описывалъ наши пензенскіе родные лѣса,—И. С. Тургенева и др., и вы поймите справедливость сказаннаго.

Впрочемъ польза деревьевъ въ настоящее время сознается не только отдѣльными лицами, но и цѣ-

лыми народами. Всѣ просвѣщенные народы Западной Европы не только хранятъ старые лѣса, дѣлая ихъ заповѣдными, но стараются разводить, особенно по пустыннымъ мѣстамъ, новыя рощи. По описанію путешественниковъ, во многихъ странахъ западной Европы трудно найти самую бѣдную лачужку поселянина, чтобъ около этого домика не было цвѣтника и даже плодоваго,—хотя бы просто съ ладонку,—садика. Про города и говорить нечего. Въ Голландіи, Германіи, Франціи иногда обсаживаются плодовыми деревьями (грушами, яблонями, вишнями) не только городскія улицы, но даже проѣзжія дороги отъ одного города къ другому. И что замѣчательно и для насъ, русскихъ, въ высшей степени поучительно: ни одинъ прохожій въ тѣхъ мѣстахъ не позволитъ себѣ коснуться къ чужому дереву, хотя не видно около него ни крѣпкой загороди, ни сторожевыхъ псовъ, ни караульщиковъ. А на востокъ отъ Европы есть страна, называющаяся Японіей. Тамъ даже есть законъ, по которому срубить дерево имѣетъ право лишь тотъ, кто посадилъ въ замѣнъ его новое!..

Какъ относится къ дереву русскій человѣкъ? Съ грустью нужно сказать, что русскій человѣкъ совершенно не цѣнитъ этого величайшаго дара Господня и съ какою-то безпощадною жестокостью истребляетъ не только лѣса, но даже и мелкія насажденія по улицамъ городовъ и селъ. За примѣрами ходить недалеко, даже не нужно и о лѣсѣ говорить; достаточно взглянуть на нашъ городъ. Вотъ уже четыре года хочетъ онъ обсадить свои улицы деревьями, но-увы! что бы ни посадилъ весною хозяинъ предъ своимъ домомъ, къ осени все это будетъ уничтожено невѣжествомъ грубаго человѣка, да такъ, что и слѣда не останется отъ разумныхъ начинаній домовладѣльца.

И что всего грустнѣе, часто въ этой ломкѣ проявляютъ свое усердіе даже такіе люди, которые, казалось бы, совсѣмъ не должны дѣлать этого.

Но время, время русскому человѣку научиться дорожить деревомъ. Иначе лѣса будутъ истреблены, рѣки и озера пересохнутъ и страна наша можетъ обратиться въ пустыню. Благоразумные люди, чтобъ воспитать въ русскомъ обществѣ любовь къ дереву, задумали начать это дѣло со школы. Явились праздники древонасажденія. Государю Императору благоугодно было одобрить и поддержать это благое начинаніе. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Черниговской губ., за 1899 г., по поводу указанія, что въ г. Черниговѣ, а также во всѣхъ уѣздныхъ и нѣкоторыхъ заштатныхъ городахъ были устроены для учениковъ весенніе праздники древонасажденія, и что дѣти съ удовольствіемъ насаждаютъ деревья, а затѣмъ съ любовью ухаживаютъ за своими посадками,— послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: *„Желательно, чтобы этотъ добрый обычай прочно у насъ привился"*... И вотъ отселѣ праздники древонасажденія стали устраиваться по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ,—и не только по городамъ, но и по селамъ, гдѣ деревья необходимы, сверхъ того, и какъ единственно надежное средство борьбы съ пожарами. Пришли, дѣти, и мы на праздникъ древонасажденія. Сейчасъ мы помолимся Господу Богу, окропимъ св. водою мѣста посадки и самыя деревца, а затѣмъ вы будете сажать. Зачѣмъ же мы сажаемъ деревья? Конечно, не потому, что у насъ мало деревьевъ: нашъ городъ окруженъ лѣсами, да и мы стоимъ теперь около вѣковыхъ дубовъ и развѣсистыхъ кудрявыхъ березъ... Нѣтъ ваши учителя хотятъ воспитать въ васъ любовь къ дереву, жела-

ютъ, чтобы вы, впослѣдствіи, не только не ломали деревьевъ, но, по мѣрѣ возможности, сами разсаживали ихъ и ухаживали за ними. Мало этого. Деревья сейчасъ будутъ сажать только тѣ изъ васъ, которые уже кончаютъ курсъ школы. Скоро вы разойдетесь по своимъ семьямъ: такъ разнесите же съ собою и наши завѣты о любви къ дереву своимъ домашнимъ; скажите своимъ братьямъ и сестрамъ, а гдѣ нужно, отцамъ и матерямъ, что разводить сады и съ любовію ухаживать за ними есть заповѣдь Господня, данная человѣку еще въ раю; а ломать деревья, съ другой стороны, есть тяжелый грѣхъ, п. ч мы не имѣемъ права брать жизнь дерева, разъ не нами дана жизнь этому дереву,—не даромъ, скажите имъ, въ нѣкоторыхъ странахъ, страдающихъ отъ горныхъ обваловъ, были законы, карающіе смертію за поломку дерева, какъ за убійство человѣка (Швейцарія). Пусть посаженныя вами деревца будутъ, такъ сказать, вашими росписками, что вы наши завѣты исполните... Этого, впрочемъ, желаемъ и ждемъ отъ васъ не мы одни... Этого ждутъ отъ васъ и начальство ваше, и всѣ истинно-просвѣщенные русскіе люди, любящіе свою родину и заботящіеся о будущихъ ея судьбахъ,—а паче всего, этого ждетъ и требуетъ отъ васъ нашъ Богомъ хранимый Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Взгляните, дѣти, на окружающій васъ лѣсъ: какъ чудно и мощно, по силѣ Господней, воскресаетъ онъ къ жизни послѣ холодной зимы! Пусть же вмѣстѣ съ этой оживающей весенней природой, настоящій праздникъ древонасажденія оживитъ и укрѣпитъ вложенное Творцомъ въ душу каждаго человѣка зерно любви къ природѣ. Дай Богъ, чтобъ, хотя впослѣдствіи, онъ помогъ вамъ самымъ дѣломъ убѣдиться

въ истинѣ слѣдующихъ изреченій, выработанныхъ мудростію разныхъ народовъ: 1) *плохо, если человѣкъ за всю свою жизнь не посадитъ и не выходитъ ни одного дерева*; 2) *разбойникъ тотъ, кто безъ нужды ломаетъ деревья*; 3) *всякаго, кто безъ толку сгубитъ дерево, проклянутъ внуки*; 4) *всякаго, кто посадитъ дерево, благословятъ дѣти!*"

По окончаніи молебствія и возглашенія установленнаго многолѣтія, ямки и приготовленные около нихъ саженцы были окроплены св. водою. Затѣмъ инспекторъ П. Ѳ. Орелкинъ сказалъ дѣтямъ: „вы слышали, дѣти, отъ батюшки, какому важному дѣлу полагается начало сегодня въ этомъ саду. Вы теперь посадите немного ясеней, но это будутъ первыя деревья въ Пензѣ, посаженныя руками учащихся въ начальныхъ училищахъ на общую пользу и радость въ такомъ мѣстѣ, куда стекаются отдыхать послѣ трудовъ и поучаться (со сцены народнаго театра) сотни народа. Мы надѣемся, что, при участіи городского управленія, вашими же руками будутъ въ скоромъ времени посажены тысячи деревьевъ для украшенія города и для пользы жителей Эти ясени и тѣ деревья, которыя будутъ посажены послѣ, будутъ напоминать вамъ постоянно о лучшихъ дняхъ вашей жизни, дняхъ дѣтства и юности, и вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ служить живыми памятниками мудрой отеческой заботливости о своемъ народѣ нашего Государя Императора. Его Величеству благоугодно было выразить волю свою, чтобъ добрый обычай насажденія деревьевъ прочно у насъ привился, — и вотъ нынѣшней весной во всѣхъ концахъ нашего отечества руками дѣтей посажены уже тысячи деревьевъ! Деревья эти выростутъ, образуютъ великолѣпные парки, аллеи, скверы, рощи. Пустынныя и заброшен-

ныя теперь мѣста оживятся, украсятся, сдѣлаются болѣе здоровыми...

Пусть же растутъ эти деревья и разростаются въ пышные живые памятники во славу нашего Государя Императора Николая Александровича на многіе вѣка!"...
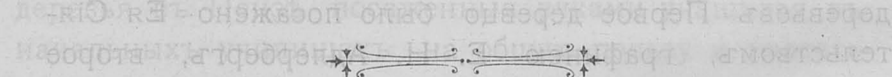
Хоръ учениковъ и ученицъ исполнилъ народный гимнъ, послѣдовало громогласное „ура", военный оркестръ тоже заигралъ „Боже, Царя храни!"... Директоръ училища садоводства В. П. Храповицкій высказалъ дѣтямъ нѣсколько практическихъ наставленій о посадкѣ деревьевъ; военный оркестръ заигралъ маршъ и дѣти въ стройномъ порядкѣ отправились къ своимъ ямкамъ и приступили къ посадкѣ деревьевъ. Первое деревцо было посажено Ея Сіятельствомъ, графинею Е. Н. Адлербергъ, второе г. начальникомъ губерніи; посадили деревца г. городской голова и г. директоръ училищъ.

Послѣ посадки дѣти и родители были приглашены въ помѣщеніе народнаго театра и здѣсь состоялось литературное утро, посвященное лѣсу и дереву.

Читались лучшими учениками и ученицами стихотворенія, пѣлись разныя кантаты, причемъ ученическій хоръ чередовался съ учительскимъ; все было дружно закончено народнымъ гимномъ, исполненнымъ на этотъ разъ соединенными учительскимъ и ученическимъ хорами.

Въ заключеніе дѣтямъ отъ дирекціи драматическаго кружка были предложены чай и гостинцы, на каковой предметъ отзывчивые наши жертвователи прислали достаточныя пожертвованія.

Праздникъ удался на славу... Этому много способствовали и ликующая весенняя природа, и разряженныя толпы праздничнаго люда, и общее сочувствіе администраціи и городского самоуправленія этому доброму почину, и тѣсное единеніе учащихъ и учащихся, и невольное воодушевленіе всѣхъ участвующихъ и присутствующихъ. Какъ то невольно думалось въ эти минуты: „Господи! хоть бы они (дѣти), когда будутъ взрослыми, не обращались такъ жестоко и безпощадно съ деревьями, какъ это дѣлается нынѣ!“. А внутри какой-то голосъ твердилъ: „такъ это и будетъ, такъ это и должно быть!“.. О, еслибы!

IX.

Школьныя елки.

(Изъ дневника священника).

19.. года Января 3-го дня. Завтра конецъ шумнымъ святкамъ. Да, пора и честь знать, пора успокоиться!.. Былъ на пяти елкахъ. Что же можно и должно сказать по поводу рождественскаго праздника вообще и нашихъ елокъ въ частности?

„Рождество Христово—дѣтскій праздникъ", говорятъ у насъ и это вполнѣ справедливо и психологически вѣрно,—вѣрно и справедливо по одному уже тому, что дѣти любятъ этотъ праздникъ и ждутъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Да, Рождество Христово дѣтскій праздникъ. „Принявъ *зракъ раба*, Сынъ Божій на землѣ вмѣняется прежде всего съ дѣтьми: „Богъ воплотися и *Младенецъ* бысть. Насъ ради родися *Отроча* младо. Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ!" Вотъ почему въ день Рождества дѣти первенствуютъ предъ взрослыми въ праздничномъ ликованіи". (Школьный рождественскій праздникъ, изданіе редакціи журнала „Народное Образованіе" 1898 г. стр. 3). И эта великая тайна воплощенія Сына Божія открылась на землѣ въ наглядныхъ образахъ, и вслѣдствіе этого стала доступною дѣтскому разуму, который мыслитъ не отвлеченными понятіями, а живыми представленіями. Для дѣтскаго ума и для дѣтскаго воображенія какъ много привлекательнаго въ разсказѣ о Рождествѣ Христовомъ (тамъ же, стр. 4). „Тихая ночь надъ полями пале-

стинскими; уединенный вертепъ, ясли, обставленныя тѣми домашними животными, которыя знакомы ребенку по первымъ впечатлѣніямъ памяти; въ ясляхъ повитый Младенецъ и надъ Нимъ кроткая, любящая Мать съ задумчивымъ взоромъ и съ ясною улыбкою материнскаго счастія; три великолѣпныхъ царя; идущихъ за звѣздою къ убогому вертепу съ дарами, и вдали на полѣ пастухи около своего стада, внимающіе радостной вѣсти ангела и таинственному хору силъ небесныхъ. Потомъ злодѣй Иродъ, преслѣдующій невиннаго Младенца; избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ; потомъ путешествіе Святого семейства въ Египетъ. Сколько во всемъ этомъ жизни и дѣйствія, сколько интереса для ребенка! Старая и никогда нестарѣющая повѣсть"! (Праздники Господни. Изд. К. П. Побѣдоносцева, стр. 25—26). За всѣмъ тѣмъ, съ праздникомъ Рождества Христова у дѣтей связана масса пріятныхъ воспоминаній и впечатлѣній, такъ сказать, внѣшняго характера. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ насъ самихъ, уже взрослыхъ и для собственныхъ дѣтей, устроивающихъ рождественскія празднества, не хранитъ въ душѣ воспоминаній о чудныхъ дняхъ рождественскихъ во время нашей далекой, золотой молодости. Прибавьте къ этому рождественскія дѣтскія забавы, игры, увеселенія, а главное *елку*, нарядную елку, и вы поймете, почему такъ любъ дѣтямъ рождественскій праздникъ, почему такое глубокое мѣсто занимаетъ онъ у взрослаго человѣка въ его дѣтскихъ воспоминаніяхъ. А насколько глубоки эти впечатлѣнія можете судить сами по себѣ. У меня въ душѣ доселѣ ясно стоитъ образъ дьячка „Тимофѣича", какъ онъ приходилъ въ нашъ домъ или „со славой", или „со св. водой"—въ мѣдномъ чайникѣ, какъ онъ, въ ожиданіи священника (моего

отца), разсказывалъ матери, какая давка была сейчасъ въ церкви, какой „дюжій морозъ на дворѣ и какъ то завтра пойдутъ на іордань"! И знаете, какъ живой стоитъ предо мною этотъ дьячекъ, съ его вѣчной косичкой, въ простомъ бѣдномъ подрясникѣ, съ кушакомъ вмѣсто пояса и пр. Года два назадъ, я читалъ „Забытый пономарь" И. Потапенко. Знакомый мнѣ этотъ пономарь, да и только! Видѣлъ я его гдѣ-то... Гдѣ? Ба! Да вѣдь это ты, милый Тимофѣичъ, другъ и дядька моего дѣтства! Говорятъ, что впечатлѣнія дѣтства не всегда сознательны. И пусть... „Радуются дѣти. Пусть вспомнитъ, кто былъ ребенкомъ,—зналъ ли онъ чему радовался? Но эта радость легла у взрослаго на душѣ основаніемъ всякой земной радости: она—первое звено всѣхъ праздниковъ его жизни... Иногда, послѣ многихъ лѣтъ сна душевнаго, забвенія, невѣдѣнія, страсти, вдругъ поднимается въ усталой душѣ потухшая заря дѣтскаго праздника и озаритъ ее, сгонитъ тѣни, разобьетъ крѣпкіе узлы сомнѣнія и поставитъ человѣка предъ Богомъ въ новомъ чувствѣ праздничнаго веселія" (праздники Господни, стр. 83—84).

Громадное значеніе рождественскаго праздника возлагаетъ на всѣхъ насъ отвѣтственную задачу организовывать праздничныя занятія и удовольствія дѣтей, какъ можно, разумнѣе и цѣлесообразнѣе. На нынѣшній разъ я буду говорить только объ елкѣ, которая служитъ, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ рождественскихъ дѣтскихъ удовольствій.

Нынѣшній годъ, повторяю, мнѣ пришлось быть на нѣсколькихъ елкахъ. Видѣлъ елки школьныя, семейныя,—знаю елку кружка родителей, составившагося съ цѣлью выработать разумныя основанія первоначальнаго воспитанія и обученія ребенка,—

былъ на елкѣ, устроенной городскими учительницами для нашихъ „воскресницъ" и пр. Общіе у нихъ недостатки, почти однѣ и тѣ же хорошія стороны. А въ общемъ... въ деревенскихъ хорошихъ школахъ елки ставятся разумнѣе.

Что елка относительно декоративнаго устройства должна быть *изящна*, что она должна вліять на дѣтей въ смыслѣ развитія ихъ эстетическихъ вкусовъ, въ этомъ всѣ городскіе устроители общественныхъ, школьныхъ, семейныхъ и пр. елокъ вполнѣ согласны между собою. И посмотришь, елки, начиная съ дерева и до гостинцевъ и подарковъ включительно, не оставляютъ желать ничего лучшаго. За то въ отношеніи осмысленности обычая ставить и украшать елки, городскія елки положительно не выдерживаютъ критики.

Мнѣ кажется, рождественская елка только тогда пріобрѣтетъ свое настоящее значеніе, какъ разумная, праздничная дѣтская забава, когда происхожденіе ея и весь смыслъ будутъ объяснены и тѣсно соединены съ рождественскими церковными воспоминаніями. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ставятъ и украшаютъ *елку*, а не другое дерево? Зачѣмъ елку дѣлаютъ на Рождество, а почему не на масленицу, на Троицу, или въ чистый понедѣльникъ? Увѣряю васъ, что не только дѣти не знаютъ этого, но, въ большинствѣ случаевъ, не объяснятъ и сами устроители. Мало этого. На елку, мнѣ думается, смотрятъ ужъ очень по модному, по свѣтскому. Странно: разъ этотъ обычай не грѣховный, но вполнѣ дозволенный, важный въ воспитательномъ отношеніи, даже связанный именно съ праздникомъ Рождества Христова, такъ почему бы не осмыслить и не освятить его общей молитвой и воспроизведеніемъ въ памяти дѣ-

тей и присутствующихъ исторіи праздничныхъ событій? Въ сборникѣ „Школьный рождественскій праздникъ“, который я уже цитировалъ, на религіозную сторону елки обращено должное вниманіе. Вотъ что читаемъ мы тамъ. „Общій недостатокъ елокъ заключается въ томъ, что слишкомъ много вниманія удѣляется *елкѣ*, т. е. деревцу, и мало церковной сторонѣ праздника. Между тѣмъ, не слѣдовало бы забывать, что елка есть праздникъ *рождественскій*, а потому празднованіе ея въ значительной части должно быть отзвукомъ церковнаго торжества, совершаемаго въ память Рождества Христова. Не бѣда, если этотъ дѣтскій праздникъ останется, по какому либо случаю, безъ украшеній деревца. Но бѣда, если онъ будетъ безсмысленнымъ чествованіемъ зажженной елки, и если при взглядѣ на нее и при воспоминаніи о ней дѣти не будутъ приводить на память чудную повѣсть о рожденіи Спасителя. Поэтому весьма желательно, чтобы дѣтскій рождественскій праздникъ состоялъ изъ двухъ частей: въ назначенное число днемъ устраивается для учениковъ и для родителей ихъ *рождественская бесѣда* подъ руководствомъ законоучителя школы; вечеромъ зажигается „школьная елка“. (Стр. 15—16).

Мысль прекрасная! Лучше, по моему, совсѣмъ не дѣлать школьной елки, чѣмъ не связать ее съ рождественскими благочестивыми воспоминаніями. Но предварительная бесѣда для пополненія пробѣла, которую рекомендуетъ составитель „Школьнаго рождественскаго праздника“, едва ли удобна и даже осуществима въ день елки. Во 1-хъ, елку желательно сдѣлать на первые дни праздника, а въ это время у законоучителя, какъ извѣстно, днемъ и безъ того дѣла по горло. Во 2-хъ, не понимаю я, что мо-

жетъ стѣснять и мѣшать все празднество раздѣлить на три отдѣла, какъ это будетъ показано ниже, посвятивши первый изъ нихъ именно этой бесѣдѣ. Какимъ содержаніемъ заполнять каждое изъ этихъ отдѣленій, я буду подробно говорить въ своемъ мѣстѣ. А теперь снова повторяю: во всѣхъ начинаніяхъ, имѣющихъ воспитательное значеніе, а особенно на Рождественскій праздникъ, какъ праздникъ дѣтскій по преимуществу, больше, какъ можно больше слѣдуетъ обращать вниманія на элементъ религіозно-нравственный, по части котораго мы всѣ доселѣ еще вообще очень крѣпко хромаемъ. Вѣдь не даромъ же у насъ на глазахъ такіе прискорбные факты: учимъ, напр., и хорошо учимъ современное юношество грамотѣ и начальнымъ наукамъ, просвѣщаемъ взрослый людъ и проповѣдями, и чтеніями, и литературными вечерами, и библіотеками,—а смотришь: сельскіе храмы, годъ отъ году, пустѣютъ болѣе и болѣе, благочестивые обычаи слабѣютъ или совсѣмъ уничтожаются, сектантство растетъ и пр. Устраиваемъ для крестьянскихъ дѣтей даже спеціальныя школы, напримѣръ сельско-хозяйственныя низшаго разряда, а оттуда выходятъ уже не крестьяне, желающіе жить по Божьи и трудиться по-крестьянски, а прямо Богъ знаетъ, что выходитъ... я боюсь назвать настоящимъ именемъ этихъ „народныхъ алистократовъ“,—иногда ни во что невѣрующихъ и ничего не признающихъ. Заводимъ на христіанскихъ началахъ основанныя трудовыя братства, въ родѣ „Воздвиженки“ г. Неплюева, а изъ нихъ тоже одна грусть получается *) и пр. и

*) Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за дневникъ, я прочиталъ въ 1 и 2-мъ №№ „Недѣли“ за 1900 годъ статью Меньшикова, „въ чемъ братство“, гдѣ описываются недостатки „Неплюевскаго братства“ (въ мѣст. Янполь, Черниг. губ.), о которомъ самъ основатель, г. Неплюевъ, прокричалъ на весь свѣтъ..

пр. Помните это, гг. попечители, устроители, просвѣтители и tutti quanti. Вы говорите, что елка и др. рождественскія забавы имѣютъ въ воспитательномъ отношеніи громадное значеніе? Вѣрно. Онѣ, говорите, развиваютъ эстетическое чувство? И противъ этого не споримъ. Итакъ, въ добрый часъ! Устроивайте елки. Но дѣлайте ихъ разумными, цѣлесообразными. Не выгоняйте религіознаго отдѣла, не говорите, что на елкѣ нѣтъ для него мѣста... Вѣдь было—и еще недавно было печальное время, да и теперь раздаются такіе голоса (напримѣръ въ Петерб. Вѣдом.), когда недальнозорскіе радѣтели блага народнаго и

Особенно поразили меня слѣдующія строки: „заглянулъ я (Меньшиковъ) и въ казармы незаводскихъ рабочихъ... Посрединѣ стѣны, недалеко отъ жестяной керосиновой лампочки, я замѣтилъ небольшую старую доску, повѣшенную въ наклонномъ положеніи. Что бы это могло быть? Зачѣмъ эта голая доска виситъ на стѣнѣ?—„Это образъ",—сказалъ проводникъ. Я сначала не повѣрилъ. Я всталъ на скамью и тщательно разглядѣлъ доску вблизи: ни тѣни намека на какой-нибудь рисунокъ,—простая сосновая доска съ прожилками, мѣстами лишь видны истершіеся слѣды грунта. Въ одномъ мѣстѣ доска подпалена, очевидно, наклонившейся восковой свѣчкой. „Неужели это, не шутя, образъ?"—переспросилъ я. „Да, да! отвѣчалъ проводникъ:—что дѣлать, какой есть".—Эта мелочь, продолжаетъ г. Меньшиковъ. показалась мнѣ чрезвычайно характерной. Православные рабочіе, въ главномъ центрѣ милліоннаго хозяйства, молятся голой доскѣ изъ подъ образа, до такой степени они нищи и заброшены. Я просилъ подарить мнѣ или продать эту доску,—я пожертвовалъ бы ее въ историческій музей, какъ краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, какъ обнищать можетъ народъ" и какъ, отъ себя добавимъ мы, русскіе просвѣтители и радѣтели простого народа понимаютъ нужды послѣдняго. „Проводникъ не посмѣлъ сдѣлать этого",—добавилъ г. Меньшиковъ... Итакъ, въ такомъ огромномъ имѣніи (21,000 дес.), гдѣ собираются тысячи рабочихъ, гдѣ люди, власть, силу и богатство имущіе, не довольствуясь современною жизнію общества, желаютъ выработать иную организацію,—забыта маленькая вещица—въ рабочей казармѣ не поставлена надлежаще украшенная икона, предъ которой привыкъ съ благоговѣніемъ молиться русскій человѣкъ. И что же? По одному этому, не въ правѣ ли каждый изъ насъ, вслѣдъ за г. Меньшиковымъ, сказать, что если г. Неплюевъ просматриваетъ такія маленькія вещицы, какъ св. иконы, то не пойдетъ все дѣло его, какъ основанное не на началахъ православія и народности, а иныхъ (или барскихъ, или какихъ то самодовлѣющихъ, неплюевскихъ), для русскаго народа непонятныхъ и чуждыхъ.

слѣпые поклонники западныхъ реформъ хотѣли изгнать изъ школъ даже законъ Божій... Иначе, ваши елки никогда не будутъ имѣть того воспитывающаго значенія, которое онѣ, по всей справедливости, должны имѣть...

„Но какъ же слѣдуетъ устроивать рождественскія елки?“—спросятъ меня. Постараюсь дать посильный отвѣтъ. Но предварительно спѣшу оговориться: я не буду писать подробныхъ программъ, какъ потому, что выработка и удачное исполненіе ихъ много зависитъ отъ самого устроителя, тѣмъ болѣе, можно рекомендовать прочитать или пропѣть то, чего въ деревнѣ совсѣмъ не имѣется подъ руками, такъ и потому, что такихъ программъ не мало было въ печати, ими и могутъ пользоваться устроители елокъ въ предѣлахъ пригодности и приложимости къ даннымъ условіямъ. Взамѣнъ этого разскажу, какъ я дѣлалъ елки въ своихъ деревенскихъ церковныхъ школахъ.

Торжество дня начиналось часовъ въ 5—6 вечера. Къ этому времени около училища всегда гудѣла большая толпа женщинъ и мужчинъ. Школьники и часть кончившихъ курсъ размѣщались въ теплыхъ комнатахъ училищнаго зданія. Та комната, гдѣ стояла елка, до поры до времени запиралась. Когда елка была готова,—зажигались огни, двери растворялись, чтобъ впустить публику. Сперва входили ученики школы и становились по мѣстамъ, указаннымъ учащими. Затѣмъ шли кончившіе курсъ школы и тоже занимали *свое* мѣсто. Наконецъ, впускалась посторонняя публика. Зданія школьныя въ моемъ приходѣ были довольно помѣстительныя. Но народу обыкновенно набивалось столько, что положительно яблоку упасть было некуда. По размѣще-

ніи учениковъ и публики, и водвореніи надлежащей тишины, начиналось торжество. Я опишу Маровскую елку 1890 года.

Елка состояла, по обыкновенію, изъ трехъ отдѣленій. Первое отдѣленіе началось пѣніемъ тропаря: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ"... Пѣли всѣ: и дѣти и взрослые. Затѣмъ законоучитель поздравилъ присутствующихъ съ праздникомъ и сказалъ приблизительно слѣдующее.

„Праздникъ у православныхъ христіанъ нынѣ великій и радостный. Величіе праздника требуетъ, чтобъ мы, христіане, проводили его разумно и свято. Не даромъ св. церковь называетъ текущіе дни святыми. А чтобъ празднованіе вышло разумнымъ, сознательнымъ, надо знать, прежде всего, исторію и смыслъ праздника. Вотъ ученикъ N пусть и разскажетъ намъ, что за праздникъ нынѣ у православнаго христіанина". Названный ученикъ разсказываетъ подробную исторію Рождества Христова и послѣдующихъ событій до возвращенія св. семейства изъ Египта и поселенія въ Назаретѣ включительно. Послѣ разсказа законоучитель предлагалъ ученикамъ вопросы, а ученики давали подходящіе отвѣты, касающіеся праздника Рождества Христова и значенія пришествія въ міръ Спасителя. Разсказъ и послѣдующая бесѣда имѣли въ виду, какъ можно яснѣе, въ самой доступной, простой формѣ выяснить не только для учениковъ, но и для присутствующей публики христіанскій смыслъ ученія евангельскаго о воплощеніи Сына Божія, его необходимости и великой важности въ дѣлѣ домостроительства человѣческаго спасенія. Само собою разумѣется, ученики должны быть подготовлены къ разсказу и предлагаемымъ вопросамъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Нуж-

но помнить, что елка—не урокъ. Поэтому отвѣты должны быть, какъ говорится, безъ сучка и задоринки. Въ противномъ случаѣ, лучше провести эту бесѣду одному законоучителю.

Послѣ этого, я обратился къ присутствующимъ съ такими приблизительно словами. „Рождество Христово—дѣтскій праздникъ. Христосъ Спаситель былъ Младенцемъ и Отрокомъ; во дни общественнаго Своего служенія Онъ любилъ дѣтей, ласкалъ и благословлялъ ихъ, говорилъ, что имъ принадлежитъ небесное царство. Добрые родители стараются въ теченіе святокъ, какъ времени, посвященнаго воспоминанію Рождества Спасителя, занять дѣтей разумными, доступными удовольствіями. Первое мѣсто между ними занимаетъ *елка*. Бѣдные родители не могутъ, конечно, сдѣлать для своихъ дѣтокъ елки, хотя бы всей душой желали того: средства не позволяютъ. Къ счастію, находятся добрые люди, которые собираютъ дѣтей, не имѣющихъ своей елки, и устроиваютъ для нихъ общую елку. Вотъ и наша попечительница, Е. А. сдѣлала нашу елку; по ея желанію, на елку приглашены не только школьники, но и дѣти всей деревни. Но, друзья, елки мы дѣлаемъ, или, по крайней мѣрѣ, бываемъ на нихъ. А знаемъ ли мы, что это за елка, къ чему она, что она собою означаетъ и зачѣмъ дѣлаютъ елку именно на праздникъ Рождества Христова? Слушайте, я разскажу вамъ это.

Вся наша сѣверная природа покрыта теперь бѣлымъ, снѣжнымъ саваномъ. Морозъ сковалъ рѣки, разогналъ птицъ по теплымъ странамъ, лишилъ деревья зеленыхъ листьевъ; однимъ словомъ, все заковалъ, все заморозилъ. Человѣкъ, смотришь, залѣзъ въ теплую избу, или тяжелую шубу, звѣрь (оставшійся) въ берлогу, а птица (неулетѣвшая)—подъ за-

стрѣху, поближе къ человѣку. Въ полѣ теперь лишь морозъ да вѣтеръ гуляютъ: завернутъ они,—и въ полѣ нѣтъ жизни, кругомъ одна смерть. Одна сосна утѣшаетъ нашъ взоръ въ эту пору. Эта красавица-чародѣйка „и зимой и лѣтомъ все одна цвѣтомъ". Гляжу я на нее и радостно думаю: какъ ни злится морозъ, какъ ни бушуютъ вьюги, а не побороть имъ жизни, которую далъ всещедрый Творецъ природѣ. Придетъ весна и опять все воскреснетъ и оживетъ, чтобъ снова запѣть вѣчную пѣсню непрестанной хвалы Создателю. Порукой тому, что это будетъ такъ,—эта милая елка, этотъ дремучій сосновый лѣсъ. Онъ и зимою живетъ, и бываетъ въ эту пору еще зеленѣй, чѣмъ лѣтомъ; постоянно, вѣчно живетъ онъ. А если живетъ онъ, то зачѣмъ же умираетъ остальная природа? Да полно, умираетъ ли она? А красная весна? а теплое лѣто? Какъ живетъ и цвѣтетъ тогда все. Итакъ, остальная природа тоже живетъ, замирая лишь на студеную зиму. Въ этомъ увѣряетъ и убѣждаетъ меня вѣчно юная, вѣчно зеленая елка.— Тоже и въ духовной жизни. Еслибъ не пришелъ на землю Христосъ Спаситель, то человѣчество погибло бы, воцарилась бы вѣчная смерть. Но Господь Іисусъ Христосъ пришелъ на землю и Своею жизнію, страданіями, смертію и славнымъ воскресеніемъ спасъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, и даровалъ намъ вѣчную жизнь. Итакъ, друзья, смотрите на елку и поучайтесь. Что говоритъ она намъ? Она говоритъ, что природа (внѣшняя) не умираетъ, но вѣчно живетъ, хотя и забираютъ ее, по временамъ, въ свои ледяныя объятія жестокія зимы, хотя бушуютъ, по временамъ, жестокіе морозы и бури. А отсюда: еще чему поучаетъ насъ елка? Она говоритъ намъ, что, подобно тому, какъ не умираетъ (внѣшняя) природа,

такъ и намъ дана Господомъ вѣчная жизнь, вѣчное спасеніе. Начало этого спасенія—Рождество Спасителя: не будь Рождества, не было бы Смерти Его, не было бы Воскресенія. И наконецъ, елка зимой лучше и яснѣе говоритъ о вѣчной жизни,—и праздникъ Рождества Христова—начала нашего спасенія бываетъ зимой. Вотъ почему мы и ставимъ елку и зажигаемъ ее на праздникъ Рождества Христова. И елка, и праздникъ говорятъ, въ сущности, объ одномъ: о вѣчной жизни человѣка!"...

Чтобъ основательнѣе закрѣпить сказанное въ памяти слушателей, я предлагалъ ученикамъ повторные вопросы.

„Елку употребляютъ у насъ, прибавлю я къ словамъ законоучителя,—сказалъ попечитель школы,—еще въ двухъ случаяхъ. Во-1-хъ, когда человѣкъ умираетъ... кустиками убираютъ тогда дорогу, по которой понесутъ покойника къ церкви, а потомъ къ могилѣ. Что означаетъ здѣсь елка, не трудно догадаться. Она напоминаетъ здѣсь, какъ и стоящая предъ нами елка, вѣчную жизнь, въ которую отошелъ теперь умершій... Къ сожалѣнію, за послѣднее время, елку вывѣшиваютъ, во-2-хъ, на вновь открытыхъ трактирахъ и винныхъ лавкахъ. Что она тутъ обозначаетъ,—не знаю. Ужъ не вѣчное ли веселье зеленаго вина?! Не мѣсто тамъ елкѣ, а вамъ, дѣти, дай Богъ, совсѣмъ не знать тѣхъ злачныхъ мѣстъ, куда зоветъ эта елка. Отъ души радуюсь, что зажженная наша елка какъ разъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ возвышалась другая елка, зовущая туда, гдѣ пропивается и стыдъ, и совѣсть, и послѣднее достояніе" *). Пропѣли опять „тропарь и

*) Маровская школа выстроена на томъ мѣстѣ, гдѣ прежній, крѣпостной владѣлецъ деревни содержалъ питейное заведеніе.

кондакъ праздника. Отдѣленіе было закончено чтеніемъ легенды о Рождественской елкѣ. Читала учительница. Легенда помѣщена въ книгѣ А. Радонежскаго „Солнышко" и затѣмъ перепечатана въ „Рождественскомъ школьномъ праздникѣ". Считаю не лишнимъ дословно передать этотъ чудный и очень подходящій къ рождественскому школьному празднику разсказъ.

„Святая, торжественная ночь тихо спустилась на землю, принесла съ собой великую радость людямъ. Въ Виѳлеемѣ, въ убогой пещерѣ, родился Спаситель міра! Внимая пѣснопѣнію ангеловъ, пастухи славятъ и благодарятъ Бога; вслѣдъ за путеводной звѣздой волхвы спѣшатъ съ далекаго востока на поклоненіе Младенцу. И не только люди, но и деревья, осѣняющія пещеру, и луговые цвѣты, пестрѣющіе кругомъ, всѣ, посвоему, принимаютъ участіе въ великомъ торжествѣ. Радостно колышатся они, какъ бы поклоняясь Божественному Младенцу, и въ ликующемъ шелестѣ листвы, въ шопотѣ травъ, какъ бы слышится выраженіе благоговѣнія къ совершившемуся чуду. Всѣмъ хочется видѣть родившагося Спасителя: деревья и кусты простираютъ свои вѣтки, цвѣты приподнимаютъ головки, стараясь заглянуть во внутрь пещеры, обратившейся теперь въ священный храмъ.

Счастливѣе другихъ три дерева, стоящія у самаго входа въ пещеру: имъ хорошо видны и ясли, и покоящійся въ нихъ Младенецъ, окруженный сонмомъ ангеловъ. Это—стройная пальма, прекрасная пахучая маслина и скромная зеленая елка. Все радостнѣе, все оживленнѣе становится шелестъ ихъ вѣтвей, и вдругъ въ немъ явственно слышатся слова:

— „Пойдемъ и мы поклониться Божественному Младенцу и поднесемъ Ему наши дары",—говорила, обращаясь къ маслинѣ, пальма.

— „Возьмите и меня съ собой!"—робко промолвила скромная елка.

— „Куда тебѣ съ нами!"—окинувъ елку презрительнымъ взглядомъ, гордо отвѣтила пальма.

— „И какіе дары можешь ты поднести Божественному Младенцу?"—прибавила маслина. „Что у тебя есть? Только колючія иглы, да противная, липкая смола!"

Промолчала бѣдная елка, и смиренно отошла назадъ, не осмѣливаясь войдти въ пещеру, сіявшую небеснымъ свѣтомъ.

Но ангелъ слышалъ разговоръ деревьевъ, видѣлъ гордость пальмы и маслины и скромность елки; ему жаль стало ея, и, по своей ангельской добротѣ, онъ захотѣлъ помочь ей.

Великолѣпная пальма склонилась предъ Младенцемъ и повергла передъ Нимъ лучшій листъ своей роскошной кроны.

„Пусть онъ навѣваетъ на Тебя прохладу въ жаркій день"—сказала она. Маслина наклонила свои вѣтви. Съ нихъ закапало душистое масло, и вся пещера наполнилась благоуханіемъ.

Съ грустію, но безъ зависти смотрѣла на это елка.

— „Онѣ правы",—думала она. „Гдѣ мнѣ съ ними сравниться? Я такая бѣдная, ничтожная, достойна ли я приблизиться къ Божественному Младенцу?"

Но ангелъ сказалъ ей:

— „Въ своей скромности ты унижаешь себя, милая елка, но я возвеличу тебя и разукрашу лучше твоихъ сестеръ!"

И ангелъ взглянулъ на небо. А темное небо было усѣяно сверкающими звѣздами. Ангелъ сдѣлалъ знакъ, и одна звѣздочка за другой стали скатываться на землю, прямо на зеленыя вѣтки елки, и скоро вся она засіяла блестящими огоньками. И когда Божественный Младенецъ проснулся, то не благоуханіе въ пещерѣ, не роскошный вѣеръ пальмы привлекли его вниманіе, но сіяющая елка. На нее взглянулъ Онъ, и улыбнулся ей, и протянулъ къ ней ручки. Возрадовалась елка, но не загордилась, и своимъ сіяніемъ старалась освѣтить пристыженныхъ, стоявшихъ въ тѣни, маслину и пальму. За зло она платила добромъ и ангелъ видѣлъ это и сказалъ:

— „Ты доброе деревцо, милая елка, и за это ты будешь вознаграждена. Съ этихъ поръ, когда люди будутъ вспоминать Рождество Спасителя, и ты не будешь забыта. Каждый годъ въ это время ты, какъ теперь, будешь красоваться въ сіяніи множества огней, и маленькія дѣти будутъ, глядя на тебя, радоваться и веселиться. Будутъ радоваться и взрослые, вспоминая, при видѣ тебя, золотые дни дѣтства, и ты, скромная, зеленая елка, сдѣлаешься знаменьемъ веселаго Рождественскаго праздника“.

Еще разъ тропарь праздника.

Второе отдѣленіе началось пѣніемъ народнаго гимна и состояло изъ чтенія учениками стихотвореній. Послѣднія были подобраны такъ, чтобъ они подходили къ празднику. Чтеніе нѣсколько разъ прерывалось пѣніемъ. Пропѣли: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“... „Славься, славься, нашъ русскій царь“, „Ахъ ты воля“... и пр.

Изъ множества стихотворенiй, которыя можно читать въ этомъ отдѣлѣ, укажу слѣдующiя *).

Христославы.

(Стих. А. Коринѳскаго).

Подъ покровомъ ночи звѣздной
Дремлетъ русское село;
Всю дорогу, всѣ тропинки
Бѣлымъ снѣгомъ замело...
Кое-гдѣ огни по окнамъ,
Словно звѣздочки горятъ;
На огонь бѣжитъ сугробомъ,
„Со звѣздой“ толпа ребятъ...
Подъ оконцами стучатся,
„Рождество Твое“ поютъ.
„Христославы, христославы!“
Раздается тамъ и тутъ...
И въ нестройномъ дѣтскомъ хорѣ
Такъ таинственна чиста,
Такъ отрадна вѣсть святая
О рожденiи Христа!

Елка.

(Стих. А. Плещеева).

Въ школѣ шумно раздается
Бѣготня и смѣхъ дѣтей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня въ ней?
Нѣтъ, рождественская елка
Въ ней сегодня зажжена,—

*) Такъ какъ елка, какъ школьный праздникъ, явленiе еще недавнее, то подходящихъ стихотворенiй лучше всего искать въ иллюстрированныхъ журналахъ за послѣднiе годы.

Пестротой своей нарядной
Дѣтокъ радуетъ она.
Дѣтскій взоръ игрушки манятъ...
Здѣсь лошадка, тамъ волчокъ,
Вотъ желѣзная дорога,
Вотъ охотничій рожокъ.
А фонарики... а звѣзды,
Что алмазами горятъ!
А орѣхи золотые,
А прозрачный виноградъ!
Будь же вы благословенны,
Вы,—чья добрая рука
Убирала эту елку
Для малютокъ бѣдняка.

Конецъ елки.

Елочка горѣла
Массою огней!
Громко раздавались
Голоса дѣтей...

Елка догорѣла,
Елку унесли,
И для елки бѣдной
Дни ея прошли.

Зналъ лишь дѣдъ, что польза
Въ елочкѣ была,
И мутовку сдѣлалъ
Изъ ея ствола.
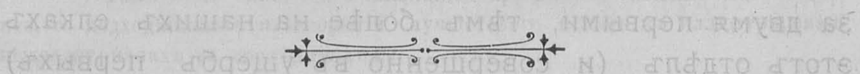
Въ третьемъ отдѣленіи были поставлены игры учениковъ и пѣніе пѣсенъ („Ахъ, попалась,птичка... „Тихо, одиноко сонное село... „Ужъ я золото хороню“... и т. под.); во время пѣнія раздавались гостинцы.

На счетъ игръ ученическихъ, равно пѣнія и пѣсенъ я распространяться не буду, потому что не признаю за этимъ отдѣломъ въ составѣ рождественскаго праздника такого существеннаго значенія, какъ за двумя первыми, тѣмъ болѣе на нашихъ елкахъ этотъ отдѣлъ (и совершенно въ ущербъ первыхъ)

очень хорошо разработанъ и даже излишне расширенъ, такъ что требуетъ сокращеній. Хорошо, конечно, еслибъ выборъ пѣсенъ и игръ подгонялся и согласовался съ главной идеей рождественскаго школьнаго праздника. Въ этомъ случаѣ устроителямъ нѣсколько поможетъ опять „Рождественскій школьный праздникъ“, куда я отсылаю особо интересующихся этимъ отдѣломъ. Что касается гостинцевъ, то лучше всего раздавать именно *гостинцы*. У крестьянскихъ дѣтей слишкомъ сурова жизненная обстановка и, право, не грѣхъ полакомить ихъ на школьномъ праздникѣ. Ничего нельзя, конечно, возразить противъ того, если, кромѣ гостинцевъ, на елкѣ будутъ выдаваться книжки, письменныя принадлежности и пр. У насъ, на ту елку, что я описываю, попечитель выдавалъ каждому ученику по картинѣ Рожденія Спасителя. Картины—Сытинскаго изданія, довольно сноснаго исполненія, раскрашенныя; при покупкѣ въ Москвѣ онѣ обошлись по 3 к. за экземпляръ. Радости учениковъ и родителей отъ этого подарка не было границъ. Впослѣдствіи я провѣрилъ, куда дѣвались эти картины. Почти всѣ онѣ были вставлены въ рамки и повѣшены около иконъ.

Праздникъ закончился пѣніемъ тропаря и кондака.

Въ заключеніе, еще нѣсколько повтореній. Безъ религіознаго элемента елка не имѣетъ надлежащаго, воспитывающаго значенія. Это будетъ просто литературный вечеръ. Что-нибудь одно, гг. устроители: или дайте елкѣ осмысленный христіанскій характеръ, или совсѣмъ откажитесь отъ елокъ и устраивайте литературныя вечеринки!

X.

Деревенскія ясли.

(Изъ дневника священника).

... Въ числѣ могучихъ средствъ сближенія современнаго интеллигентнаго человѣка съ простолюдиномъ, довольно видное мѣсто занимаютъ „деревенскія ясли“, открывающіяся въ большинствѣ случаевъ, какъ показываетъ практика, только на время страдной поры.

Ясли—учрежденіе новое и въ высшей степени симпатичное; при разумной постановкѣ они приносятъ сельскому населенію огромную пользу. Въ подтвержденіе этихъ словъ, позвольте мнѣ разсказать исторію „Маровскихъ яслей“. Въ деревнѣ Маровкѣ, принадлежащей къ моему прежнему приходу, „ясли“ были открыты въ 1891 году, на средства мѣстной землевладѣлицы Е. А. Рошковской.

Когда, послѣ предварительныхъ изысканій и должной подготовки, было объявлено крестьянамъ, что дѣтей ихъ будутъ брать на рабочую пору въ „ясли“ для ухода за ними („на кормежку“,—такъ говорили потомъ крестьяне), то отцы и матери были очень удивлены, и никакъ не могли взять въ толкъ, что сей сонъ значитъ. Когда стали переписывать дѣтей (на тотъ конецъ, чтобы приблизительно опредѣлить цифру ребятъ, которыхъ нужно было взять въ „ясли“), то многія матери, впослѣдствіи помѣстившія таки дѣтей въ „ясли“, сначала наотрѣзъ отказались записаться; больше всего ихъ, какъ от-

крылось потомъ, смущали обычныя для деревни нелѣпыя басни и сплетни. Иныя изъ матерей поспѣли уже слышать „отъ добраго человѣка“, а другія во снѣ стали видѣть, что дѣтей ихъ будутъ мучить въ „ясляхъ“ разными муками,—сажать, напримѣръ, въ подполье, отвозить въ Турцію, а то посадятъ въ темную карету, да и поминай, какъ звали. Впрочемъ, ребятишекъ, послѣ усиленныхъ разъясненій и убѣжденій, въ концѣ-концовъ, кое-какъ переписали.

30-го Іюля, въ присутствіи устроительницы, завѣдующей (учительница церковно-приходской школы) и др. лицъ, мѣстный священникъ отслужилъ молебенъ, на который пришли матери съ дѣтьми и очень много крестьянъ, которыхъ тоже, должно быть, нѣсколько волновали „бабьи опаски“. Какъ бы то ни было „ясли“ были открыты. Всѣ ждали, какъ пойдетъ дѣло.

На другой день, часа въ 3—4 утра матери начали приносить и приводить дѣтей. Это былъ собственно первый день жизни „яслей“. По неопытности, устроители на первый разъ допустили серьезную ошибку: дѣтей, какъ только ушли матери, повели къ корытамъ мыть. Боже мой! Какой поднялся крикъ и гамъ! Каждый ребенокъ видѣлъ, что мать отдаетъ его какой-то незнакомой женщинѣ (завѣдующей „яслями“) и сама уходитъ, а та, чужая, ведетъ его, вмѣстѣ съ другими, тоже чужими людьми (старухи-няньки) къ корыту и начинаетъ мыть. Нобычайность обстановки, отчасти водобоязнь, такъ обычная для деревенскаго ребенка,—все это положительно сбивало съ толку будущихъ обитателей „яслей“ и они, въ концѣ-концовъ, подняли невообразимый ревъ. Впрочемъ, несмотря на суматоху, дѣтей все-таки вымыли, надѣли на нихъ чистое бѣлье, заранѣе приготовлен-

ное, и усадили завтракать (молоко съ хлѣбомъ). За завтракомъ дѣти будто поуспокоились, но... не надолго. Опять поднимается ревъ: это уже грудные забушевали. Они заскучали по матерямъ и орали теперь, насколько силъ хватитъ, тѣмъ болѣе и унять ихъ было нечѣмъ: вмѣсто сосокъ въ „ясляхъ" были введены рожки, къ которымъ крестьянскія дѣти не привычны и которыхъ не хотѣли брать, такъ что приходилось на первыхъ порахъ поить ихъ съ ложечки.

Итакъ, крикъ и крикъ на весь день. Успокоились дѣти лишь за обѣдомъ, и совсѣмъ притихли къ вечеру, когда за ними стали приходить матери и бабушки, чтобъ на ночь разобрать по домамъ. Вообще впечатлѣніе перваго дня было довольно тяжелое. Къ тому же, старухи-няни стали разсказывать возвращающимся съ поля матерямъ (конечно, подъ сурдинку), будто въ „ясляхъ" идетъ кутерьма—уму непостижимо, будто дѣтямъ тамъ голодно („соски, соски не даютъ даже!" охъ эта несчастная соска!) и ребята „ну, видитъ Богъ,—перемрутъ отъ одного крику". Неудачные шаги перваго дня и разсказы старушекъ возымѣли свое дѣйствіе. На другой день дѣтей принесли на десять человѣкъ меньше, чѣмъ было ихъ на первый день.

Второй день прошелъ значительно тише, чѣмъ первый. Зависѣло это, между прочимъ, отъ того, что дѣтей приносили спящими и прямо клали въ постели, такъ что малыши и не видѣли, и не слышали, какъ уходили ихъ матери. А такъ какъ крику на первый день было больше всего при разставаньи съ матерями, то миръ и спокойствіе „яслей", благодаря этой мѣрѣ, очень выиграли на этотъ разъ. Да и къ купанью дѣти приступали уже не съ вчерашнимъ враждебнымъ настроеніемъ. Вообще дѣти на этотъ разъ

были настолько спокойны, что когда всѣхъ ихъ перемыли, обрядили въ чистое и накормили, они принялись даже за игры.

На третій день явились всѣ, которые были въ первый день (т.-е. и тѣ десять, матери которыхъ смутились розсказнями старухъ). Мало этого. Привели своихъ дѣтей даже тѣ, которымъ страшные сны видѣлись и которыя „отъ вѣрныхъ людей“ слышали про „ясли“ „разныя ужасти“. Двухдневный опытъ произвелъ свое дѣйствіе; даже предубѣжденныя матери удостовѣрялись, что „ясли“ на то и открыты, чтобы беречь и кормить дѣтей. Что касается болѣе довѣрчивыхъ и добродушныхъ крестьянокъ, то не трудно было замѣтить, въ какомъ были восторгѣ матери, видя своихъ дѣтей сытыми, чистыми и въ бѣлыхъ рубашечкахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ съ радостію разсказывали, какъ онѣ, разыскивая своего ребенка, проходили мимо его и не узнавали. За соски тоже не осмѣлились поднимать голоса, хотя въ душѣ не совсѣмъ, конечно, были согласны, и на вопросъ: что лучше,—соска или рожокъ?—съ заминкой говорили: „рожокъ, надо полагать, лучше“...

Такимъ образомъ, мало-по-малу, жизнь въ „ясляхъ“ принимала опредѣленный порядокъ. Каждый день, рано утромъ, матери приносятъ дѣтей и сдаютъ ихъ нянькамъ (дѣвочки-подростки; старухъ выбирать не совѣтую, потому что онѣ—первые тормазы въ вашей борьбѣ съ сосками и грязью); няньки укладываютъ спящихъ по постелькамъ, а за остальными присматриваютъ. Часовъ въ семь дѣтей моютъ; въ 8 завтракъ изъ молока съ хлѣбомъ, въ 11 часовъ обѣдъ изъ одного блюда: щи съ мясомъ, супъ, каша пшенная или гречневая; въ среду и пятницу—горохъ или чече-

вица; въ 8 ч. вечера ужинъ, тоже изъ одного блюда,— по большей части, кашица пшенная, или гречневая. Кромѣ того, въ продолженіе всего дня, на столѣ стоитъ свѣже-испеченный хлѣбъ (ржаной) для желающихъ, а для 2—3-лѣтнихъ дѣтей варится ежедневно каша, которую даютъ до обѣда и послѣ. Груднымъ дѣтямъ дается кипяченое молоко. Кто побольше, того подкармливаютъ раза два въ день кашей манной или гречневой, или тюрькой изъ бѣлаго хлѣба, и яйцами. Матери, если онѣ работаютъ отъ „яслей" не особенно далеко, приходятъ къ груднымъ разъ или два въ день, по большей части „на обѣдѣ", такъ что нерѣдко и сами обѣдаютъ въ „ясляхъ". Если приходится уѣзжать далеко, являются за дѣтьми только вечеромъ... Къ вечеру „ясли" начинаютъ пустѣть. Дѣтей разбираютъ не вдругъ, а по мѣрѣ возвращенія крестьянъ съ поля. Домой дѣти отправляются въ своихъ рубашкахъ, которыя днемъ въ „ясляхъ" вымыли и высушили. Няньки (дѣвочки-подростки въ 12—13 л.) убираютъ „ясли", подметаютъ соръ и пр., и тоже уходятъ домой, чтобъ на слѣдующій день явиться опять и начать жизнь протекшаго дня. Послѣдними изъ „яслей" уходятъ двѣ (нанятыя) женщины, присутствіе которыхъ въ „ясляхъ" необходимо, такъ какъ одна изъ нихъ стряпаетъ, а другая стираетъ бѣлье и купаетъ дѣтей.

Приблизительно такою жизнію „ясли" жили всю страду, продолжавшуюся въ 1891 году до 1 Августа. Дѣтей за это время перебывало среднимъ числомъ ежедневно 55 чел. до 7-ми лѣтъ, 10 грудныхъ и 10 нянекъ. Выкинувъ изъ 31 дня существованія „яслей" шесть праздниковъ, во время которыхъ „ясли" закрываются, и переведя разсчетъ на одинъ день, мы получимъ, что въ Маровскихъ „ясляхъ"

нашли себѣ пріютъ въ 1891 года 1625 дѣтей, да 250 нянекъ, не считая стряпухи и прачки.

На второй годъ „ясли“ открывались безъ всякихъ приключеній, тихо, скромно и какъ-то сразу вошли въ обычную колею. Нѣкоторые смѣльчаки изъ прошлогоднихъ ребятъ чувствовали себя, съ первой же минуты, хозяевами положенія и первымъ дѣломъ требовали барскую рубашку, чашку съ ложкой и каши. Матери несли дѣтей уже съ боязнію, какъ бы не отказали имъ въ пріемѣ за многолюдствомъ. Прежнихъ сомнѣній не было тѣни. Отдавали даже такихъ дѣтей, которыя могли бы остаться дома съ бабушками. Дѣтей мыли, кормили, поили и ухаживали за ними такъ же, какъ въ первый годъ. Въ 1892 г. „ясли“ дѣйствовали тотъ же періодъ времени, какъ и въ 1891 г., но дѣтей было больше, а именно: среднимъ числомъ ежедневно 60 дѣтей подростковъ, 12 грудныхъ, 13 нянекъ, всего 85 человѣкъ.

Въ послѣдующіе годы, при сохраненіи разъ заведеннаго режима, „ясли“ пріютили: въ 1893 г. (считаемъ грудныхъ, подростковъ и нянекъ) 80 человѣкъ ежедневно, въ 1895 г. меньше, потому что въ Маровкѣ свирѣпствовалъ дифтеритъ и изъ подозрительныхъ домовъ не брали,—ежедневно по 47 человѣкъ.

За всѣ первыя пять лѣтъ, переведя на одинъ день, получаемъ громадную цифру въ 9275 человѣкъ!

Дѣйствуя описаннымъ образомъ, Маровскія „ясли“ вступили уже во второе десятилѣтіе. Въ настоящее время „ясли“ являются учрежденіемъ, можно сказать, окрѣпшимъ и заслуживающимъ довѣрія даже тѣхъ лицъ, которыя прежде положительно были предубѣждены противъ „яслей“, какъ противъ пустой затѣи, и готовы были каждое непонятное имъ обстоятельство толковать не въ пользу „яслей“...

Деревенскія „ясли“ имѣютъ для деревни громадное значеніе. И очень жаль, что сельскіе священники пока стоятъ (въ большинствѣ случаевъ) въ сторонѣ отъ этого симпатичнаго учрежденія. Чрезъ „ясли“ можно достигнуть много пользы для своихъ прихожанъ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ смыслѣ сближенія съ прихожанами и т. д.

Прежде всего, ясли пріучаютъ крестьянскихъ дѣтей, а что еще болѣе важно, даже и самихъ матерей къ чистотѣ. Какъ грязно живетъ нашъ крестьянинъ, объ этомъ, кажется, говорить нечего. Возьмите захолустную деревню, гдѣ печки топятъ еще по старому, „по черному“, на ноги надѣваютъ черныя онучи и лапти, (а то и ступни), на голову малахай—зимой, домашнюю шляпу (намазанную сверху галчиными яйцами, чтобъ отъ дождя не мокла)—лѣтомъ и пр., и взгляните въ избу неряшливой хозяйки. Столъ, на которомъ обѣдаютъ, не чище лавки, на которой спятъ: лавку можно, видите ли, вымыть, а столъ послѣ ѣды только „смахиваютъ“ тряпкой, а поскоблить ножомъ—грѣхъ, хотя бы на немъ жиру и грязи было на вершокъ; и тряпки тоже не моются чисто, а лишь „споласкиваются“. Всюду копоть, грязь, нечистоты отъ скотины, загоняющейся, по зимнимъ холоднымъ днямъ и ночамъ, тоже въ избу. Дѣти у такой матушки подстригаются очень рѣдко, грязны, какъ арабы, и дики, какъ звѣрки. Не лучше дѣтей и родители. Если правда, что по количеству потребляемаго въ странѣ мыла можно судить о степени цивилизаціи народа, то о какой же культурѣ въ деревнѣ можно говорить въ настоящее время, если она (деревня) только начинаетъ еще вводить въ употребленіе мыло? Положимъ, крестьянинъ непремѣнно вымоетъ руки нѣсколько разъ ежедневно:

и утромъ, и каждый разъ предъ принятіемъ пищи, но дѣлается это, кажется, не для чистоты, а больше въ исполненіе дѣдовскаго обычая не садиться за столъ съ немытыми руками... И что же достигается такимъ мытьемъ? Плеснетъ разъ—другой на свои грязныя, можетъ быть даже растрескавшіяся руки, вернувшійся съ поля крестьянинъ, да и вытретъ ихъ... иногда прямо о подолъ своей грязной, пропотѣвшей рубахи,—и дѣло съ концомъ. Вотъ онъ и руки вымылъ! Что я ничуть не усилилъ краски, вотъ вамъ фактъ изъ моей практики. Въ первомъ моемъ приходѣ,—селѣ глухомъ, во многомъ живущемъ еще по гостомысловскимъ традиціямъ, во время хожденія съ пасхальными молебнами, мнѣ предложили „присѣсть" у церковнаго старосты, чтобъ поздравить его съ праздникомъ и „провоженіемъ Божьей Матери". Сѣли; хозяинъ суетится у стола, хозяйка возится у печки. „Хозяйка,—обращается староста къ своей старухѣ,—ты бы порѣзала харчу-то"... „У меня руки не мыты",—слышится изъ за перегородки.—„А ты помой!".. И хозяйка (разсказываю голый фактъ) подходитъ къ лаханкѣ съ помоями, поплескала въ ней руками, вытерла ихъ подоломъ своего сарафана, перекрестилась и шагнула къ столу, чтобъ взять ножъ и говядину. Мы были поражены... „Стой!"—крикнулъ мой дьячекъ, „я самъ буду рѣзать!"

Въ „ясляхъ" дѣти пріучатся себя мыть, ходить въ чистомъ бѣльѣ, ѣсть изъ чистой посуды. Въ Маровскихъ „ясляхъ" наблюдалось, что первое время завѣдующей приходилось неослабно слѣдить и постоянно напоминать и нянькамъ, и дѣтямъ подросткамъ, что лицо и руки мы должны мыть, какъ можно, чаще, именно всякій разъ, какъ они начинаютъ

загрязняться, а не однажды въ день (поутру); что предъ обѣдомъ и ужиномъ непремѣнно нужно тщательно промыть руки, хотя бы онѣ на видъ и были чистыми. На второй годъ няньки относительно чистоты держали ухо остро. Былъ такой случай. Во время обѣда одна нянька поднимаетъ руку (она была годъ въ школѣ и, слѣд., знала смыслъ поднятія руки) „Тебѣ что?“—спрашиваетъ завѣдующая.—„Позвольте выйти—„носъ выбить“,—былъ простодушный отвѣтъ. А ребятишки, какъ только начинаютъ, бывало, раскладывать хлѣбъ, всѣ бѣгутъ къ водѣ мыть руки и умываться; да и среди дня то и дѣло видишь, какъ дѣти или сами умываются, или просятъ другихъ, чтобъ ихъ вымыли, да не только лицо, но и руки, и ноги даже. Сюда же нужно прибавить, что „ясли“ почти уничтожили пресловутую соску.

Во-вторыхъ „ясли“ служатъ хорошимъ средствомъ сближенія завѣдующихъ съ крестьянскими дѣтьми и ихъ матерями. Крестьянская женщина туже мужчины поддается разумному вліянію; свои предразсудки и привычки она держитъ крѣпко. А „ясли“, волей-неволей, приблизятъ деревенскую женщину и къ образованнымъ лицамъ деревни, и къ школѣ, и къ священнику. Легче всего это достигается, если въ лицѣ завѣдующей „яслями“ является учительница мѣстной церковно-приходской школы, какъ, напримѣръ, въ Маровскихъ „ясляхъ“. Учительница чрезъ „ясли“ узнаетъ крестьянокъ, ихъ быть, повѣрья, воззрѣнія, и чрезъ это пріобрѣтаетъ широкое поле для нравственнаго воздѣйствія на женскую половину деревни. Замѣтно, напримѣръ, что въ сельскихъ школахъ дѣвочекъ всегда учится меньше, чѣмъ мальчиковъ и если въ этомъ грустномъ явленіи имѣетъ значеніе нерасположенность къ грамотѣ ма-

терей-крестьянокъ, то учительница, благодаря „яслямъ“, ближе познакомившись съ крестьянскими женщинами, можетъ во многомъ разубѣдить ихъ и доказать необходимость обученія грамотѣ дѣвочекъ, наравнѣ съ мальчиками. Затѣмъ, всѣ мальчики и дѣвочки, побывшіе только годъ или два въ „ясляхъ“, явятся въ школу чистенькими, подстриженными, небоящимися учительницы, такъ какъ знаютъ ее уже не первый годъ. И вотъ сравните теперь такого мальчика съ сидящимъ на той же партѣ пришельцемъ изъ сосѣдней деревни, нечесаннымъ, лохматымъ, какъ дикобразъ. Сколько трудовъ нужно приложить, чтобъ пріучить послѣдняго къ тому, къ чему первый привыкъ еще въ „ясляхъ“. Какъ священникъ, я могу сказать, что „ясли“ очень помогаютъ сближенію самого священника съ „малымъ людомъ“ его прихода. Приведутъ ли въ церковь для пріобщенія святыхъ таинъ 4—5-лѣтняго ребенка, всегда сразу узнаешь: былъ ли онъ въ „ясляхъ“, или нѣтъ? Мальчикъ изъ „яслей“ подходитъ къ св. чашѣ охотно, смѣло, безъ слезъ и крику. А вотъ этотъ непричесанный и неумытый ребенокъ (изъ сосѣдней деревни) оретъ, что есть силы, и бодается, и глаза закрываетъ руками, очевидно, онъ не видалъ такъ часто священника, какъ бывшіе въ „ясляхъ“ его сверстники, а можетъ быть, усердная матушка не разъ и застращивала его, говоря, что, если онъ будетъ плакать и шалить, „придутъ попы—въ мѣшокъ посадятъ, или ухо отрѣжутъ“....

Въ-третьихъ, „ясли“ имѣютъ громадное вліяніе на здоровье дѣтей и значительно понижаютъ процентъ дѣтской смертности, доходящей иногда, во время страдной поры до ужасающихъ размѣровъ. Замѣчено и провѣрено, что въ продолженіе первыхъ

пяти лѣтъ, благодаря „яслямъ", въ д. Маровкѣ понизился общій процентъ дѣтской смертности сравнительно съ другими частями прихода. Другихъ причинъ этого отраднаго явленія я не знаю. Думаю, поэтому, что не погрѣшу, если это отнесу именно къ „яслямъ".

Наконецъ, сколько физическаго и нравственнаго спокойствія даютъ „ясли" и дѣтямъ, и матерямъ, и вообще всему взрослому населенію деревни! Отцы и матери отправляются на работу безъ всякой тревоги и боли сердечной; они знаютъ, что дѣти ихъ сыты, одѣты, подъ надлежащимъ надзоромъ,—что въ ихъ отсутствіе ребята ничего не набѣдокурятъ (не подожгутъ, не перебьются и т. под.). Вѣдь, говоря правду, получается удивительный результатъ изъ слѣдующаго сопоставленія. За время моего священства въ с. Степановкѣ (къ приходу которой принадлежитъ деревня Маровка), во время страдной поры, въ самомъ селѣ и по деревнямъ были слѣдующіе несчастные случаи: одна дѣвочка двухъ лѣтъ упала въ квашню съ тѣстомъ и задохлась; другая тоже двухлѣтняя дѣвочка, забрела на огородъ, упала въ родникъ и утонула; 3—4 мальчика—подростка вздумали варить картофель, развели огонь подъ сараемъ и спалили 80 дворовъ; лѣтомъ 1895 г. 9-лѣтній мальчикъ столкнулъ въ колодезь 7-лѣтнюю дѣвочку. Въ Маровкѣ же, за все время существованія „яслей", благодаря Бога, не было ни одного несчастнаго случая... Скажутъ: это простая случайность? Но указать на случай не значитъ объяснить дѣло. Безпристрастіе же требуетъ сознаться, что „ясли" имѣютъ здѣсь замѣтную долю вліянія. Кромѣ того, по признанію самихъ крестьянъ, и полевая работа-то идетъ безъ ребятъ спорѣе: никто не кричитъ, не мѣшаетъ,

душа спокойна. Крестьянамъ приходилось иногда работать по праздникамъ, когда „ясли" не дѣйствуютъ, такъ что жницы должны были брать съ собою и дѣтей. И что же? Разсказывали послѣ, что трудно и представить теперь, какъ прежде съ дѣтьми-то работали! До работы ли тутъ, когда ребятишки надрываются отъ крику, когда жара нестерпимая, а покормить нечѣмъ, да и не до того: работать надо! „Сердце надрывается вѣдь мать: подойдешь, утѣшишь съ трудомъ, потомъ ты за работу, а онъ опять за крикъ. Да утѣшить-то не легко,—кричатъ больше отъ жары, а куда отъ нея дѣваться?" Хорошо еще семейнымъ. А каково работать одинокому человѣку съ грудой малолѣтнихъ—это сущее наказаніе. У одной матери о жнивье ребенокъ избился въ кровь и бѣдная женщина должна была или сама жать, а мужа сажать съ ребенкомъ, или мужа посылать на загонъ, а самой оставаться съ ребенкомъ.

Повторяю: очень жаль, что сельскіе священники (въ большинствѣ случаевъ) стоятъ пока въ сторонѣ отъ этого, въ высшей степени симпатичнаго дѣла. Мнѣ кажется тутъ все дѣло не въ несочувствіи, а въ маломъ знакомствѣ съ нимъ, а главное—въ боязни предъ новизною дѣла. Между тѣмъ, открытіе „яслей"—дѣло для священника совсѣмъ нетрудное, лишь было бы у него желаніе помочь бѣдной матери, до конца изнемогающей, въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба, въ лѣтнюю пору, и принуждаемой иногда жертвовать желѣзной силѣ вещей даже инстинктами материнства.

Священникъ, какъ душа приходской жизни, и учительница мѣстной церковно-приходской школы, какъ ближайшая помощница во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ, могутъ сдѣлать, повторяю, очень мно-

гое. Священникъ можетъ обратиться къ помѣщику, или другимъ вліятельнымъ и образованнымъ прихожанамъ съ просьбою отвести для „яслей“ подходящее помѣщеніе *) и вообще помочь, чѣмъ могутъ. Будьте увѣрены, просьба священника не останется безъ вниманія. Затѣмъ, пусть онъ помогаетъ учительницѣ, которая беретъ на себя завѣдываніе пріютомъ, помогаетъ въ устройствѣ „яслей“ особенно на первыхъ порахъ. Такъ, онъ долженъ ближе и обстоятельнѣе ознакомить крестьянскихъ матерей съ задачами вновь открываемаго учрежденія и, во что бы то ни стало, убѣдить ихъ отдавать въ него своихъ ребятишекъ. Впрочемъ не долженъ священникъ оставлять „ясли“ безъ своего присмотра и во все послѣдующее время.

Знаю, что за предлагаемый проэктъ на меня градомъ посыпятся упреки и возраженія. Скажутъ, напримѣръ, что не во всякомъ приходѣ есть помѣщикъ, не вездѣ найдутся сочувствующіе люди. А тогда гдѣ взять помѣщеніе, средства и проч.? Но позвольте: „ясли“ слѣдуетъ на первый разъ затѣвать небольшія, соображаясь со средствами, которыя у васъ въ рукахъ. Вы говорите: никакихъ нѣтъ средствъ? Неправда. Помѣщеніе, во-первыхъ, вы всегда можете найти, потому что имъ, если въ селѣ нѣтъ даже школьнаго зданія можетъ служить любая крестьянская изба, ежедневно пустующая во время страдной поры. Найдутся и 5—6 руб., которыя вамъ нужно будетъ заплатить двумъ старшимъ нянькамъ (стряпухѣ и прачкѣ; если ясли на 15—20 человѣкъ,

*) Опытъ Маровскихъ „яслей“ показалъ, что лучшимъ мѣстомъ для помѣщенія „яслей“ можетъ служить зданіе школы, какъ зданіе для села центральное, съ достаточнымъ воздухомъ и просторомъ, и во время страды совершенно свободное отъ жильцовъ.

обойдется и одна),—найдутся или въ видѣ частныхъ пожертвованій, или въ видѣ пособій отъ благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и др. учрежденій, имѣющихся въ наше время въ каждомъ губернскомъ городѣ. Не найдете нигдѣ этихъ рублей? Убѣдите тогда матерей заплатить нянькамъ по 15—20 коп. съ ребенка. Открывши пріютъ на 20 человѣкъ, вы имѣете уже въ своемъ распоряженіи 3—4 руб. свободныхъ денегъ. Этихъ рублей, повѣрьте, будетъ вполнѣ достаточно для вознагражденія двухъ взрослыхъ нянекъ (онѣ же теперь—стряпуха и прачка), если вы, тѣмъ болѣе, возьмете ихъ изъ тѣхъ семей, гдѣ онѣ и безъ того сидятъ дома всю страду съ 4—5 племянниками или внучатами каждая. Возьмите этихъ женщинъ вмѣстѣ съ ихъ племянниками и внучатами, прибавьте на каждую еще по 5 чел. Старухамъ одинаково хлопотать, что съ 5-ю, что съ 10-ю ребятами, и онѣ очень рады будутъ получить по 1—2 руб. въ мѣсяцъ каждая за этихъ добавочныхъ. Продовольствіе дѣтямъ должны дать матери. Возражать противъ этого матери не будутъ,—дѣтей надо же кормить, куда бы ихъ ни помѣстили. И посмотрите: одна принесетъ молока, другая пшена, третья крупъ, и т. д. Итакъ, въ вашемъ распоряженіи: квартира, прислуга, содержаніе, т.-е. цѣлые капиталы, или, другими словами, все то, чѣмъ живутъ „ясли“.

Еще одно слово. Есть пословица: „поспѣшишь, людей насмѣшишь“. При открытіи „яслей“ нужно крѣпко помнить эту пословицу и приступать къ дѣлу, предварительно обсудивши и точно опредѣливши планъ компаніи. А учительница, кромѣ того, должна, при полномъ сочувствіи дѣлу, заручиться терпѣніемъ и кротостію... Кромѣ физическаго труда

и усталости, ее ждутъ въ „ясляхъ“ очень возможныя огорченія и неудачи моральнаго свойства. Будьте готовы къ этому и съ Богомъ за работу!

XI.

Дѣтскіе пріюты.

(Докладъ, читанный въ собраніи Совѣта XI участковаго Пензен. город. попечительства о бѣдныхъ, 20 Апрѣля 1901 года).

За послѣднее время, когда дѣло общественной благотворительности принимаетъ въ русской землѣ широкое распространеніе, особый интересъ наблюдателя народной жизни невольно останавливается на дѣтскихъ пріютахъ. Въ учрежденіяхъ этого рода большинство дѣятелей общественной благотворительности полагаютъ даже главную суть своей работы; пріюты, въ силу этого, плодятся, какъ грибы: Открываются: и пріюты—ясли (по деревнямъ, въ страдную пору), и однодневные пріюты-убѣжища для безпризорныхъ дѣтей (по городамъ), и временные пріюты—общежитія (при сельскихъ школахъ, на случай непогоды и весенней распутицы), и постоянные (закрытые) пріюты, и т. д. Благовременно и весьма интересно рѣшить вопросъ: какъ должно ставиться дѣло пріютовъ въ воспитательномъ отношеніи, если хотятъ, чтобъ пріюты являлись учрежденіями дѣйствительно заслуживающими вниманія и уваженія *).

Нужно замѣтить, что всѣ наши пріюты—и дневные и постоянные—имѣютъ ярыхъ противниковъ,—и противниковъ, къ сожалѣнію, иногда совершенно

*) Въ статьѣ главнымъ образомъ имѣются въ виду дневные пріюты-убѣжища для безпризорныхъ дѣтей и временные пріюты...

правыхъ въ своихъ нападкахъ на пріюты. Вотъ что пишетъ поэтому вопросу авторъ, весьма свѣдующій въ вопросахъ начальнаго воспитанія. „О дѣтскихъ пріютахъ можно бы сдѣлать слѣдующіе вопросы и замѣчанія. Не обольщаются ли наружнымъ порядкомъ и благовидностью этихъ заведеній, не вникая въ истину вещей? Учредители ихъ желаютъ, какъ они говорятъ, этимъ помочь бѣднымъ поденщицамъ и поденьщикамъ, которые на цѣлые дни должны отлучаться изъ своихъ жилищъ, чтобъ выработать себѣ пропитаніе, и потому оставляютъ маленькихъ дѣтей дома, тѣмъ подвергая ихъ разнымъ бѣдственнымъ случайностямъ. Это, конечно, самая разумная сторона пріютовъ, но для Россіи она едва ли нужна. У насъ еще мало поденщиковъ и особенно поденщицъ *) и тѣ, которымъ приходится оставлять маленькихъ дѣтей дома, почти всегда находятъ добрыхъ людей, ихъ призирающихъ. У насъ еще не развитъ такъ сильно эгоизмъ, чтобъ всякій жилъ только для себя, не думая о нуждахъ ближняго; развѣ, можетъ быть, разовьется онъ подъ вліяніемъ этихъ самыхъ пріютовъ, отлучающихъ маленькихъ дѣтей отъ жилища ихъ родителей, гдѣ каждый изъ нихъ по своей силѣ былъ не безполезенъ и гдѣ, вмѣсто общественныхъ наставительныхъ игръ, онъ пользовался уроками житейскихъ нуждъ. Да и суровость нашего климата неблагопріятствуетъ далекому хожденію въ пріютъ этихъ крошекъ. Но спросятъ: для чего же родители съ охотою отдаютъ туда своихъ дѣтей? вѣдь ихъ никто къ этому не принуждаетъ? А развѣ не знаете, какъ охотно бѣдные желаютъ избавиться отъ заботъ и семейныхъ обязанностей и что чѣмъ обезпеченнѣе родители, тѣмъ они

*) Авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду сельскіе пріюты...

охотнѣе разстаются съ своими дѣтьми; должно ли ихъ освобождать отъ этихъ святыхъ обязанностей? Иногда одинъ видъ невиннаго ребенка удерживаетъ отъ порока или отчаянія и миритъ ссорящихся.

„Но, говорятъ еще, мы хотѣли спасти младенцевъ отъ дурныхъ примѣровъ развратной жизни ихъ родителей“,—такъ зачѣмъ же берете ихъ отъ родителей только въ будничные дни, когда всякій болѣе или менѣе занятъ работою, а представляете ихъ на произволъ судьбы въ воскресные и праздничные дни, въ которые народъ нашъ привыкъ предаваться пьянству и разгулу? Да и спасая однихъ, не заражаете ли вы многихъ, сходящихся вмѣстѣ? Маленькій ребенокъ безсознательно передаетъ другому, что онъ видѣлъ дома. „Но тоже можно сказать и о школахъ для отрочества“,—возразите вы? О школахъ тутъ не можетъ быть рѣчи: школа есть необходимость, а пріютъ роскошь филантропіи. Въ школу ходятъ дѣти, уже привыкшія къ своей семейной средѣ, ходятъ потому, что каждому человѣку необходимо получить первоначальное образованіе, и это сознаетъ каждый человѣкъ.

Знаютъ ли, кто первый изобрѣтатель дѣтскихъ пріютовъ? Платонъ-философъ выдумалъ ихъ для своей республики и съ какою цѣлію самъ объясняетъ: чтобы отъ самой груди матери внушить дѣтямъ понятіе, что они принадлежатъ не семейству, а республикѣ, чтобъ въ пріютѣ они пріучались равенству и коммунизму, чтобъ они почитали все общимъ отъ имущества до женъ, чтобъ въ будущее время нельзя было даже знать, кому, кромѣ республики, принадлежатъ дѣти. Тутъ по крайней мѣрѣ все послѣдовательно.

Я не говорю, что въ нашихъ дѣтскихъ пріютахъ научаются чему-нибудь такому, кромѣ отчужденія

отъ семейства и негодованія на свою судьбу, когда пробывъ день въ чистой, теплой и хорошей комнатѣ, за веселыми занятіями, дѣти вечеромъ возвращаются въ скудное и даже неопрятное жилище родителей своихъ, которые, томимые гнетомъ обстоятельствъ, обходятся съ ними грубо. Тутъ представляется мнѣ рядъ грустныхъ послѣдствій, о которыхъ не хочется и говорить.

Я не предрѣшаю даже въ собственномъ умѣ вопроса о пріютахъ, я представляю только на судъ читателей свои сомнѣнія" *).

Оставляя на совѣсти автора его идиллическую увѣренность, что въ русской землѣ течетъ медъ и млеко и что наши поденщики и поденщицы „почти всегда находятъ добрыхъ людей, призирающихъ ихъ дѣтей".. мы должны признать многое изъ сказаннаго вполнѣ справедливымъ и заслуживающимъ вниманія съ нашей стороны.

Вообще главныя возраженія противъ пріютовъ сводятся, въ сущности, къ слѣдующимъ тремъ статьямъ:

1) „Ужаснѣе всего,—говорятъ,—въ вашихъ пріютахъ—тотъ казарменный духъ, которымъ, кажется, пропитаны даже стѣны заведенія. Вставайте по звонку, къ молитвѣ по звонку, къ обѣду и ужину—звонки... вездѣ и всюду звонки и команда. Смотрительница или смотритель пріюта—человѣкъ нанятой, слѣдовательно, тоже въ своемъ родѣ казенный господинъ: и гдѣ, говорятъ, найдете вы, въ лицѣ этихъ людей, душу живую, для которой интересы пріюта были бы ихъ собственнымъ жизненнымъ успѣхомъ? А барыни-

*) Выдержка взята изъ книги: „Постепенное воспитаніе или изученіе цѣлой жизни", соч. Неккеръ-де-Соссюръ. перев. съ франц. 1865 г. Слова принадлежатъ переводчику.

патронессы?!.. Большая часть изъ нихъ ходятъ въ прiюты изъ моды, чрезъ силу скрывая свою брезгливость къ грязнымъ ребятишкамъ, а остальныя, если онѣ и идутъ къ дѣтямъ дѣйствительно изъ чувства состраданiя, опять таки не вносятъ съ собою жизни и сердца... Что же выходитъ? Выходитъ одно, а именно: ваши прiюты—голое фарисейство. Вы лишаете дѣтей ласки матери и благотворнаго воздѣйствiя семьи, вы отнимаете у ребенка необходимыя условiя развитiя и укрѣпленiя сыновнихъ и родственныхъ чувствъ и если утѣшаетесь тѣмъ, что, въ замѣнъ ихъ, знакомите ребенка съ отношенiями человѣка въ обществѣ, то помните, что дѣлаете это и преждевременно и насильственно, а потому искусственно и фальшиво. Всякому возрасту, говорятъ, свое: ребенку—улыбка и заботы матери, охрана и радости семьи,—взрослому человѣку—обязанности гражданина. Не калѣчьте же ребенка, не дѣлайте изъ него преждевременнаго старика, не обращайте его въ машину, не дѣлайте его сыномъ казармы, человѣкомъ безъ души и сердца, безъ всего того, чѣмъ красна юность, чѣмъ она такъ ярко свѣтитъ даже во дни одинокой, дряхлѣющей старости!"..

Мнѣ кажется, одно только можно возразить противъ сказаннаго, а именно: быть не можетъ, чтобъ не встрѣчались люди, преданныя дѣлу прiютовъ! Если же это бываетъ весьма рѣдко, тѣмъ болѣе должно считаться явленiемъ знаменательнымъ и быть отмѣчено для общаго назиданiя. Въ остальномъ сказанное—рѣчь истина святая. Такъ пока мы и запишемъ.

2) „Ваши прiюты,—говорятъ дальше противники ихъ,—разобщаютъ дѣтей съ ихъ семьями и родной средой. Сынъ крестьянина, дочь мѣщанки, дѣти

цеховаго—всѣ у васъ вмѣстѣ, вы хотите изъ нихъ сдѣлать,—и надо вамъ отдать справедливость, вы умѣете это дѣлать,—какихъ то интернаціоналовъ. А изъ вашихъ пріютовъ дѣти опять пойдутъ по роднымъ гнѣздамъ; сыну мѣщанина придется тянуть лямку отца и приблизительно при такихъ же условіяхъ, въ какихъ жилъ отецъ; сынъ крестьянина будетъ ходить по полямъ съ кривой сохой; сынъ цеховаго—отравляться ртутью при золоченіи разныхъ вещей, или мало-по-малу терять силы и наживать туберкулезъ въ вѣчномъ сидѣніи за иглой, и т. д. Итакъ, вмѣсто того, чтобъ постепенно приготовлять ребенка къ тому занятію, которое его ожидаетъ въ жизни,—вмѣсто того, чтобъ представить ребенку поэзію и здоровыя стороны предлежащаго ему труда, вы заставляете его клеить какія-то коробочки, да складывать кубики,—слѣдовательно, отрываете отъ дѣйствительности, дѣлаете переходъ отъ дѣтства къ жизненной борьбѣ болѣе труднымъ и неестественнымъ. И если вы скажете, что упрекъ нашъ мы должны отнести также къ современнымъ школамъ, мы отвѣтимъ: да, разобщенность со средою, игнорированіе интересовъ послѣдней, казарменный духъ, сухой формализмъ и пр.,—явленія въ высшей степени нежелательныя, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣтили; тѣмъ болѣе нежелательны и прямо таки убійственны они въ такомъ живомъ и святомъ дѣлѣ, какъ дѣло начальнаго воспитанія нашего юношества!"

И это примемъ къ свѣдѣнію.

3) „Пріюты ваши портятъ дѣтей бѣднаго человѣка еще тѣмъ,—продолжаютъ возражать противники,—что дѣлаютъ изъ нихъ баричей какихъ-то: дѣтей одѣваете вы куколками, кормите изысканными кушаньями, доставляете такія удовольствія, о кото-

рыхъ ни прежде, до пріюта, ни по выходѣ изъ него, понятія не будетъ имѣть бѣдный ребенокъ. Къ чему все это? Къ тому, чтобъ поселить въ ребенкѣ раздоръ съ окружающей его обыденной обстановкой, чтобъ развивать въ немъ аппетиты къ вольной веселой жизни, къ легко достающимся удовольствіямъ? Пробудетъ ребенокъ въ пріютѣ два—три года, потомъ вернется къ сѣрой домашней жизни. Что онъ будетъ чувствовать, бѣдный, въ своей конурѣ теперь, послѣ веселой и довольной жизни въ пріютѣ? О, какою жалкою и мрачною покажется ему родная хатка послѣ пріютскихъ просторныхъ хоромъ! Какъ нищенски бѣденъ будетъ казаться въ его глазахъ скромный обѣдъ честнаго труженика—отца, послѣ сытныхъ пріютскихъ трапезъ съ пирогами по праздникамъ, съ постояннымъ мясомъ и разными приправами!.. Остается,—говорятъ,—лишь любоваться тѣми результатами, къ которымъ вы пришли въ своей дѣятельности! И любуйтесь, если угодно, но насъ оставьте въ покоѣ!..“

Примѣры того, какъ интернаты и разные пріюты разобщаютъ и отдаляютъ дѣтей отъ той среды, обстановки, интересовъ и пр., въ которыхъ родился и выросъ ребенокъ и въ атмосферѣ которыхъ будетъ, по достиженіи совершеннаго возраста, дѣйствовать, въ качествѣ полноправнаго члена, мнѣ кажется, прежде всего можно видѣть въ общежитіяхъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Вотъ несчастная вдова сельскаго дьячка, оставшаяся послѣ смерти мужа съ шестью сиротами на рукахъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, и только благодаря неустаннымъ трудамъ, помощи родственниковъ и вниманію начальства, коекакъ питающая и одѣвающая свою семью, привозитъ своего первенца—подростка въ городъ, чтобъ вклю-

чить въ духовное училище и помѣстить на казенное содержаніе. Слава Богу, ей удается сдѣлать то и другое. Мальчикъ поступаетъ въ училище. Онъ получаетъ хорошее, свѣтлое, просторное помѣщеніе, отдѣльную койку съ чистымъ бѣльемъ, хорошій столъ въ нѣсколько блюдъ, чай и утромъ и вечеромъ, пирогъ по праздникамъ и пр. Поймите же, какую ломку въ его понятіяхъ и привычкахъ произведетъ такая перемѣна. Вѣдь онъ изъ землянки попалъ въ стотысячныя хоромы, отъ прежняго куска чернаго хлѣба къ сытному и сравнительно роскошному столу; вмѣсто того, чтобъ валяться по лавкамъ въ избѣ, спитъ на матрацѣ подъ тканьевымъ одѣяломъ! Невольно закрадывается въ душу ребенка горечь несправедливой обиды, которую уже задала ему судьба, невольно,—постепенно и, конечно, незамѣтно для него самого,—будетъ возрастать въ немъ вражда и озлобленіе къ сиротской долѣ; невольно будетъ прогрессивно усиливаться привычка къ жизни довольной и обезпеченной. Правда, на первыхъ порахъ разладъ этотъ будетъ почти не замѣтенъ. Тѣмъ болѣе, на каждыя каникулы ребенокъ еще съ радостію собирается на родину, готовъ пѣшкомъ идти цѣлые десятки верстъ, лишь бы видѣть маму, родную деревню, знакомыя лица, сельскій храмъ и пр. Но, пришедши домой, ребенокъ тотчасъ же замѣтитъ, какъ убого и бѣдно живетъ его семья. Это горькое чувство на слѣдующій годъ натолкнетъ его на мысль: ужъ нужно ли ему и ѣхать-то на каникулы? не лучше ли остаться въ общежитіи? Конечно, онъ опять поѣдетъ, и будетъ ѣздить на каникулы еще нѣсколько лѣтъ, а въ концѣ-то концовъ, въ 17—18 лѣтъ, и застрянетъ въ городѣ. Если спросите его: зачѣмъ онъ остался, почему не поѣхалъ?—

очень можетъ быть, что услышите такой отвѣтъ: „а чтожъ мнѣ тамъ дѣлать?“ Но... какъ бы то ни было сирота кончаетъ курсъ семинаріи и, чтобъ какъ-нибудь пристроить себя, ему нужно идти на два—на три года въ псаломщики или діакона. Положимъ, что опредѣлился онъ псаломщикомъ. Помѣщенія церковнаго нѣтъ, доходы маленькіе,—что дѣлать тутъ человѣку, привыкшему къ жизни въ хорошей обстановкѣ? Идти на хлѣба къ мужику и валяться вмѣстѣ съ телятами и поросятами въ курной избѣ? Да, много нужно имѣть характера и самообладанія, чтобъ равнодушно встрѣтить такіе „маленькіе“ уколы сѣрой дѣйствительности! Еще хуже дѣло обстоитъ у молодыхъ діаконовъ. Въ курной избѣ приходится ютиться уже не одному, а цѣлой семьѣ. И вотъ, чтобъ немного поддержать себя, получше обставить, проживается маленькое приданое жены и, какъ бы взамѣнъ этого, легко наживаются болѣзни, ослабляется духъ начинающихъ работниковъ. Положимъ, черезъ 2—3 года этотъ діаконъ дѣлается священникомъ, но къ тому времени его довольно таки помнетъ судьба,—его, ожидающаго болѣе порядочной и обезпеченной жизни. Очень можетъ быть, что онъ вступитъ въ новую должность уже разочарованный, безъ гроша отъ приданаго жены, имѣя 2—3 дѣтей... И что же въ перспективѣ? Малодушное бѣганье изъ прихода въ приходъ? нежеланье заняться дѣломъ? неумѣнье найти подходящую работу?..

„А ты, милый, пріѣзжай на пасху-то“... упрашивала на моихъ глазахъ любящая мать—діаконица своего сынка, шестоклассника—семинариста. „Вотъ кончишь курсъ, и поминай тебя, какъ звали. А я становлюсь старухой: хоть послѣднюю пасху вмѣстѣ проведемъ“. Что же отвѣтилъ сынъ?—„Нѣтъ, мама,

я лучше ужъ не пріѣду... не буду васъ стѣснять; вѣдь у васъ ни поспать, ни поѣсть порядочно нельзя, да и скучно... Лучше пришлите въ городъ деньжонокъ"... Замѣтьте, дѣйствіе происходитъ въ сравнительно зажиточной семьѣ, при болѣе или менѣе нормальныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми.

Старую бурсу упрекали въ излишней суровости, помяловскихъ бурсаковъ Писаревъ ставилъ, по ихъ долготерпѣнію, выше каторжниковъ Достоевскаго; но, право, не все плохо, что было въ старину, и старая бурса была ближе къ низшему тогдашнему духовенству по своему духу и простотѣ отношеній и обстановки; она не возбуждала разлада со средой, не воспитывала въ бурсакѣ несбытотныхъ надеждъ и ожиданій. Люди знали, куда они пойдутъ и что ихъ ждетъ въ будущемъ. Благодаря этому, изъ питомцевъ бурсы выходили натуры цѣлостныя, готовыя на всякіе подвиги и лишенія: они шли работать самую чёрную работу, до заступа и сохи включительно, и, какъ показываетъ исторія, изъ прихода въ приходъ не бѣгали, приходами, какъ вещами, не мѣнялись. Конечно, не въ одной бурсѣ тутъ дѣло, но что она сыграла здѣсь свою, хотя бы и совсѣмъ маленькую, роль—это фактъ, отрицать его не посмѣетъ ни одинъ ярый врагъ всего стараго. И добрымъ словомъ мы должны помянуть за это almam matrem нашихъ отцовъ.

Но то,—скажутъ,—общежитіе при закрытомъ заведеніи? Позвольте, а развѣ вы не знаете (по крайней мѣрѣ, читали можетъ быть) такихъ роскошныхъ пріютовъ—яслей, гдѣ содержаніе ребенка, взятаго на день отъ бѣдной поденщицы—матери, обходится

около рубля ежедневно *)? Развѣ нѣтъ у насъ пріютовъ, гдѣ желаютъ изъ сиротъ приготовить хорошую прислугу, а между тѣмъ эти сироты изображаютъ изъ себя барышенъ послѣдняго фасона, танцуютъ венгерки, лезгинки и менуэты, носятъ завитушки и пр.

Удивительно ли, послѣ всего этого, что, несмотря на всѣ наши старанія, изъ пріютскихъ воспитанниковъ и воспитанницъ, въ концѣ концовъ, выходятъ люди какого-то неопредѣленнаго типа: отъ старой жизни они отстали, да и ни къ какой новой не пристали. Я никогда не забуду слѣдующаго, жестокаго урока суровой дѣйствительности, даннаго мнѣ на первыхъ порахъ моей жизненной дѣятельности, когда человѣкъ обычно видитъ вокругъ себя лишь жизнерадостныя перспективы и такъ легко вѣритъ въ успѣхъ и смыслъ своей работы. Одного очень даровитаго мальчика, окончившаго сельскую школу, мы, учащіе этой школы, рѣшились, съ согласія родителей, подготовить и помѣстить въ низшую сельско-хозяйственную школу, провозились, подготовляя его къ экзамену, цѣлый годъ, затѣмъ собрали между себя сумму, необходимую для проѣзда, а семья, бѣдная, перебивающаяся, какъ говорится, съ хлѣба на воду, собрала его, какъ могла, и... ученикъ отправленъ въ школу, сдалъ успѣшно экзаменъ и принятъ на казенную стипендію. Конечно, не мало было пролито слезъ при разставаніи съ семейными. Мать, въ утѣшеніе сына, говорила при проводахъ

*) Особенно справедливо это касательно столичныхъ пріютовъ, гдѣ для 8—10 дѣтей снимаются квартиры по 700—800 р. и пр... Въ отчетѣ Московскаго Общества призрѣнія слѣпыхъ дѣтей значатся такія рубрики: жалованья служащимъ 9527 р. 28 к., на содержаніе дѣтей—4807 р. 50 к. „Какъ будто несообразно!“—восклицаетъ московская газета „Курьеръ“ (1901 г. № 205-й).

„недѣльки черезъ три напиши мнѣ, какъ устроился, а я и приду къ тебѣ побывать!“ Что же вышло? Сынъ, дѣйствительно, прислалъ черезъ мѣсяцъ письмо, но какое замѣчательное письмо! Привожу изъ него выдержку: „ты обѣщалась, мама, придти ко мнѣ; прошу тебя, не приходи. Мы живемъ, какъ настоящіе господа: ходимъ въ калошахъ, одежда чистая; у каждаго своя койка, байковое и тканьевое одѣяло, ѣдимъ изъ отдѣльныхъ тарелокъ. А ты, мама, придешь въ лаптяхъ и черныхъ онучахъ. Какъ мнѣ встрѣчать тебя предъ товарищами? Лучше подожди. Вотъ скоро Рождество, присылайте денегъ, я самъ пріѣду повидаться“... Мать, конечно, не пошла послѣ такого афронта, но денегъ послали. На второй день Рождества сынокъ „какъ настоящій баринъ“, пріѣхалъ на почтовыхъ, истративъ на это послѣднюю трешницу, съ величайшимъ трудомъ оторванную отъ нуждающейся семьи! Мы, учащіе, такъ были поражены описанными событіями, что я, съ общаго согласія, писалъ даже къ одному изъ учителей школы по этому поводу, по долгу товарищества указывая въ письмѣ, что въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ ихъ заведеніи есть такая большая прорѣха, зашить которую они должны немедленно и безотлагательно, а „иначе, писалъ я, все дѣло вашей школы выѣденнаго яйца не будетъ стоить.“—Къ сожалѣнію, я не удостоился получить отвѣта и не знаю, какое впечатлѣніе произвело мое письмо на двигателей сельско-хозяйственнаго образованія и что сдѣлано (и сдѣлано ли?) по его содержанію!..

Но чтобы ни говорили противники, пріюты, при благоразумной постановкѣ дѣла, имѣютъ громадное значеніе. Достаточно вспомнить одно то, что дѣти

набираются въ пріюты прямо отъ сумы, чтобъ сразу понять великую христіанскую сторону этого дѣла, которую какъ то забываютъ противники пріютовъ. Не говоримъ уже про облагораживающее вліяніе этихъ учрежденій не только на призираемыхъ дѣтей, но и на ихъ родителей, родственниковъ, на всю бѣдную среду *). Вся бѣда, какъ кажется, заключается въ томъ, что исторія пріютовъ имѣетъ печальные примѣры и неудачные опыты въ своей практикѣ. Чтожъ изъ того? Развѣ быль—укоръ молодцу? Развѣ не чрезъ ошибки человѣкъ шелъ и идетъ къ истинѣ?!

Итакъ, какъ же нужно ставить въ пріютахъ дѣло воспитанія вообще и воспитанія религіозно-нравственнаго въ частности, чтобъ избѣжать указанныхъ ошибокъ въ текущей практикѣ пріютской жизни и поставить пріюты на надлежащую высоту? Принимая во вниманіе справедливость приводимыхъ противъ пріютовъ упрековъ и даже поставивъ ихъ исходнымъ пунктомъ для разсужденій о раціональной постановкѣ дѣла, мы должны придти къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Всякая казенщина и казарменный духъ должны быть изгнаны изъ пріютовъ разъ навсегда; дѣло воспитанія, въ особенности воспитанія религіозно-нравственнаго, равно какъ вся жизнь пріюта должна носить чисто семейный характеръ.

Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Швейцарія. Мы сдѣлаемъ нѣсколько эскурсій по школамъ и пріютамъ Швейцаріи, для насъ весьма полезныхъ въ смыслѣ интересующаго вопроса. Больше всего намъ нужно будетъ остано-

*) Объ этомъ предметѣ я имѣлъ случай говорить особо. См. мою статью „о Маровскихъ ясляхъ", въ журн. „Народное Образованіе" за 1896-й годъ.

виться на постановкѣ дѣла въ Песталоцціевскомъ домѣ, открытомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ г. Цюрихѣ, въ память великаго педагога, именемъ котораго и названъ домъ.

Народная школа въ Швейцаріи образовалась лишь съ 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Не смотря на такой сравнительно короткій періодъ своего существованія, она, по общему отзыву компетентныхъ лицъ, къ нашему времени достигла положительно цвѣтущаго состоянія. Конечно, этому способствовали главнымъ образомъ условія жизни страны. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать и того, что жизнеспособность швейцарской школы обязана также тѣмъ великимъ принципамъ, которые, по завѣту знаменитыхъ швейцарскихъ педагоговъ, положены въ основу народнаго просвѣщенія. Общество, всецѣло завѣдующее народной школой, давно уже прониклось убѣжденіемъ, что однѣ лишь истины христіанства и разума имѣютъ право войти въ народную школу. Кромѣ того, всѣ также убѣждены, что задача народной школы состоитъ не въ томъ, чтобъ сообщить дѣтямъ возможно большее число знаній, которыя они, быть можетъ, скоро позабудутъ, или сообщить имъ техническій навыкъ письма и чтенія, которыми они тоже, быть можетъ, и не воспользуются, но задача школы—въ томъ, чтобы школьными занятіями раскрыть дѣтямъ разумный взглядъ на окружающую ихъ природу и общественныя отношенія, и развить въ дѣтяхъ способность разумной, самостоятельной трудовой жизни и дѣятельности. Вообще нужно особенно отмѣтить, что эта страна, издавна извѣстная педагогическими теоріями и системами, дѣлу воспитанія отводитъ въ народной школѣ громадное мѣсто. На особую школьную коммиссію возлагается обязанность

слѣдить за поведеніемъ учащихся внѣ школы и семьи, и въ случаѣ, если дѣти будутъ совершать проступки, привлекать ихъ и родителей къ отвѣтственности.. Опытъ однако показалъ, что многія дѣти, выходя изъ безпорядочныхъ или разстроенныхъ семей, пріобрѣтаютъ съ ранняго возраста привычку къ бродяжничеству, а шатаясь по опаснымъ улицамъ города, они близко знакомятся съ разными пороками, заражаются ими и проявляютъ свои порочныя наклонности на 8—10 году. Привлеченіе этихъ несчастныхъ, выбившихся изъ колеи дѣтей къ отвѣтственности не приводитъ къ желаемымъ результатамъ исправленія. Цюрихскіе педагоги пришли къ заключенію, что не наказывать, а лѣчить надо этихъ „соціально отягченныхъ" дѣтей; надо вести серьезную борьбу со зломъ, выработать изъ этихъ дѣтей нравственно хорошихъ и граждански воспитанныхъ людей. При этомъ, чѣмъ раньше будетъ начато лѣченіе, тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ. И если почему либо домашнее воспитаніе недостаточно, чтобъ направить и удержать ребенка на надлежащей дорогѣ, то на помощь должно явиться общество, такъ какъ, оставаясь безъ лѣченія, ребенокъ все болѣе погружается въ порокъ и становится преступникомъ. Кромѣ того, педагоги убѣдились, что порою бываетъ необходимо немедленно удалить порочнаго ребенка изъ класса, чтобъ онъ дурными своими поступками не заражалъ товарищей, которые по своей дѣтской воспріимчивой, впечатлительной натурѣ, извѣстно, весьма легко перенимаютъ дурные примѣры. Такой ребенокъ можетъ сдѣлать много вреда, и какъ это всѣмъ извѣстно, много дѣтей гибнетъ, благодаря дурному товариществу. Считая народную школу фундаментомъ народнаго образованія, въ основу воспи-

танія цюрихскіе педагоги полагаютъ честную, хорошую семью, и потому естественно было бы у нихъ въ подобныхъ случаяхъ отдавать порочнаго ребенка въ хорошую семью. Но число семей, желающихъ принять на исправленіе порочнаго ребенка, весьма не велико, а число такихъ желающихъ, которые могли бы вести это дѣло надлежащимъ образомъ, и того меньше. Явилась, поэтому, настоятельная потребность имѣть учрежденіе съ особыми воспитательно-образовательными задачами на началахъ частной, хорошей семьи. Ясно, что пріюты и др. подобныя учрежденія, имѣя казенный характеръ, не достигаютъ желаемыхъ результатовъ.

Цюрихскіе педагоги, желая достойно почтить 150-лѣтнюю годовщину дня рожденія Песталоцци, рѣшили учредить, въ память его, воспитательно-образовательный домъ, на семейныхъ началахъ, для призрѣнія духовно-слабыхъ дѣтей школьнаго возраста. При изысканіи средствъ, инціаторы обратились къ помощи лишь частной благотворительности (концерты, засѣданія, празднества и пр.), которая и дала, въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 12 Января 1896 г., дня памяти рожденія Песталоцци, до начала 1898 г.), въ фондъ Песталоцціевскаго дома 130.000 франковъ. Тогда были выработаны правила, подыскана подходящая семейная чета и необходимое помѣщеніе и 15 Февраля 1898 года, безъ особой торжественности во избѣжаніе расходовъ, былъ открытъ домъ для пріема дѣтей. Въ теченіе одного года было принято двѣ дѣвочки и 23 мальчика, въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ. Воспитателей и смотрителей въ этомъ домѣ нѣтъ, а есть отецъ и мать дома. Жизнь дома представляетъ жизнь большой семьи. Отецъ и мать находятся при дѣтяхъ постоянно. Они съ дѣтьми спятъ,

обѣдаютъ, гуляютъ, работаютъ. Учрежденіе раздѣлено на два отдѣленія: младшее—учебно-воспитательное и старшее—учебно-ремесленно-воспитательное, въ надеждѣ, что подъ морализующимъ вліяніемъ науки и труда въ семейной обстановкѣ дѣти лучше и скорѣе исправятся. Кромѣ того, дѣти старшаго возраста являются уже болѣе зараженными пороками и могли бы дурно влiять на своихъ младшихъ братьевъ. Лишь тогда, когда старшіе исправятся и не будутъ представлять опасности для младшихъ, оба отдѣленія соединяются.

Для занятій научными предметами приглашены учитель и учительница. Чета гг. Мюллеръ отлично выполняетъ свою трудную задачу. Они являются истинными отцомъ и матерію этимъ несчастнымъ дѣтямъ. Принимая во вниманіе, что многіе изъ нихъ, съ ранняго возраста, познакомились съ горькой нуждой и не знали счастливой поры золотого дѣтства, они стараются возвратить эту священную пору своей родительской любовью, лаской и заботами. Они установили, напримѣръ, празднованіе дней рожденія каждаго ребенка, приглашая всѣхъ собратьевъ сдѣлать хотя бы незначительный подарокъ своей же работы виновнику торжества. Однимъ словомъ, воспитатели вносятъ тѣ семейныя начала, которыя такъ сближаютъ семью, зарождаютъ искры теплаго участія и заботы о своихъ ближнихъ.

Рабочая жизнь начинается въ этомъ домѣ, какъ и вездѣ въ школахъ Цюриха, въ 7 ч. утра; 4—5 часовъ отводятся на занятія учебными предметами, остальное время посвящается работѣ въ саду и огородѣ, прогулкамъ, занятію ремеслами.

Наказанія въ этомъ домѣ почти не примѣняются, развѣ только нравственныя для непослушныхъ

и неисправныхъ дѣтей. Главная задача родителей состоитъ въ изученіи индивидуальныхъ наклонностей ребенка.

Цюрихское школьное попечительство осталось весьма довольно трудами Мюллеръ, и такъ какъ учительскій союзъ за ихъ полезную педагогическую дѣятельность принялъ ихъ въ число своихъ членовъ, то оно назначило имъ жалованье и пенсію на правахъ учителей народныхъ школъ, причемъ школьное попечительство признало, что такое учрежденіе не должно состоять больше, какъ изъ 25 дѣтей; и что придется въ случаѣ надобности открывать еще подобныя учрежденія, дающія, какъ показалъ опытъ, блестящіе результаты. Содержаніе этого дома стоитъ 40.620 фр. въ годъ.

Нельзя не согласиться, послѣ всего сказаннаго, съ справедливымъ замѣчаніемъ очевидца, что цюрихскіе граждане, на счетъ школъ и пріютовъ, вполнѣ оправдываютъ великое изреченіе: „открывайте школы и вы закроете тюрьмы" *).

Насколько извѣстно, у насъ, русскихъ, нѣтъ еще заведеній послѣдняго типа, хотя они весьма и весьма желательны. И намъ кажется, что къ осуществленію, проведенію въ жизнь такихъ учрежденій въ русской современной дѣйствительности особыхъ препятствій не имѣется. Мы и теперь знаемъ пріюты, гдѣ въ лицѣ завѣдующей является мать, живущая въ пріютѣ съ своими дѣтьми. Слѣдовательно, дѣло только затѣмъ, чтобъ немедленно же приступить къ дѣлу и провести принципъ семейнаго воспитанія въ жизнь пріюта, хотя бы на подобіе Песталоцціевскаго дома. Къ великому сожалѣнію, если

*) Свѣдѣнія о Песталоцціевскомъ домѣ заимствованы изъ журнала „Педагогическій Листокъ", за 1901 г. № 4-й.

и являются среди такихъ завѣдующихъ матери семействъ, то матерями (и вѣроятно, незавидными) онѣ бываютъ лишь для своихъ дѣтей, но не для бѣдныхъ пріютантовъ и пріютантокъ. Для послѣднихъ такія смотрительницы, по временамъ, бываютъ хуже мачехи и до малѣйшихъ деталей повторяютъ, на счетъ своихъ отношеній къ родному дѣтищу и пріютанткамъ, народную сказку, помѣщенную въ „Родномъ Словѣ“ Ушинскаго, подъ заглавіемъ: „не плюй въ колодезь, годится воды напиться“. Свои дѣти у такой смотрительницы „барышни“, а тѣ, пріютантки—простыя дѣвочки, готовящіяся въ прислуги. Поэтому, первыя должны распоряжаться и могутъ требовать услугъ, а вторыя—только повиноваться. Проку отъ такихъ воспитательницъ много ждать, конечно, не приходится и чета гг. Мюллеръ имъ, разумѣется, не по плечу.

Итакъ, отецъ и мать съ своими дѣтьми во главѣ и центрѣ пріюта, а пріютскія дѣти—равноправные члены ихъ семьи—явленіе въ высшей степени желательное и я опять повторяю, что не считаю непреоборимою трудностью поставить на такую ногу хотя бы одинъ пріютъ, для примѣра. Но еслибы къ осуществленію этого и встрѣтили мы какія либо серьезныя препятствія, то, во всякомъ случаѣ и при какой-бы то ни было организаціи пріютской жизни, семейное начало должно быть поставлено во главу всего зданія. Безъ элемента семейственности дѣло не пойдетъ, хотя бы каждый часъ мы присылали въ пріюты по 3—4 лектора для чтеній по разнымъ отраслямъ знанія, хотя бы мы каждую минуту окружали пріютантовъ цѣлой фалангой смѣнныхъ воспитателей и надзирателей. Какъ вы не бейтесь, не уничтожите вы при такомъ положеніи вещей за-

паха казармы, не вложите живую душу въ ваше созданіе. Въ концѣ концовъ, разойдутся ваши дежурныя лекторши и барыни-завѣдующія. и бѣдныя дѣти— въ полной власти смотрительницы. И бѣда, бѣда, если смотрительница—безсердечный человѣкъ! У насъ еще свѣжа въ памяти катастрофа въ одномъ изъ уѣздныхъ пріютовъ, когда, вечеромъ, и смотрительница ушла въ гости, а дѣтей для вѣрности приперла на замочекъ. Пріютъ загорѣлся и бѣдныя, спящія дѣти... сдѣлались жертвою пламени!..

2) Пріютъ долженъ идти рука объ руку съ той средой, изъ которой онъ вербуетъ себѣ кліентовъ.

Какъ бы ни была бѣдна, жалка, неприглядна обстановка семьи, изъ которой мы беремъ ребенка въ свой пріютъ или ясли, въ жизни этой семьи обязательно есть двѣ стороны: сторона нежелательная, пошлая, и сторона благородная. Лица, вѣдающія дѣло пріюта, должны со всею тщательностію и всесторонне изучить жизненные уклады той семьи, изъ которой они взяли ребенка. Помните, ребенокъ, побывши около васъ сравнительно недолгій срокъ, уйдетъ опять въ ту же семью. И будетъ весьма прискорбно, если мы сыну портного не откроемъ ничего, что относится къ достоинствамъ и недостаткамъ занятія его отца, или сыну крестьянина не выяснимъ поэзіи земледҍльческаго труда и не сообщимъ, въ самой осторожной впрочемъ формѣ, пороковъ крестьянскаго люда. Правда, сообщая общечеловѣческія знанія, мы, тѣмъ самымъ даемъ своему питомцу возможность знать, что хорошо, и что дурно, въ извѣстной мѣрѣ уже воспитываемъ его. „Выучите, говоритъ Брайтъ,—англійскій государственный дѣятель (1811—89 гг.),—мальчика основательно ариѳметикѣ, и вы сдѣлаете изъ него человѣка. А почему? Пото-

му, что ариѳметика пріучаетъ его къ аккуратности, точности, соразмѣрности и отношеніямъ". Но мнѣ кажется, что бѣда тутъ можетъ быть въ томъ, что, развивая ребенка, такъ сказать, теоретически, но не оттѣняя все хорошее, и все дурное именно въ жизни его семьи, мы, принимая во вниманіе возрастъ ребенка и короткое время пребыванія его въ нашемъ пріютѣ, можемъ рисковать развить въ ребенкѣ излишне-критическое отношеніе къ жизни простолюдина. Бѣда, если онъ потомъ не найдетъ въ ней привязывающихъ, симпатичныхъ сторонъ. Какую же роль съиграетъ тогда пріютъ? Не разовьетъ ли онъ еще больше и безъ того сильный въ русскомъ человѣкѣ духъ недовольства, безшабашности, шатанья по свѣту безъ цѣли и всякаго смысла,—короче, тотъ духъ босячества, который такъ хорошо рисуетъ Максимъ Горькій въ своихъ произведеніяхъ.

Къ прискорбію, нужно также замѣтить, что, въ погонѣ за просвѣтительными идеалами, мы иногда позволяемъ себѣ такіе широкіе розмахи, что, сами того не замѣчая, приносимъ больше вреда своимъ ученикамъ, чѣмъ пользы,—даже уничтожаемъ этимъ то, что сами хотѣли привить и насадить. Приведу примѣръ. Вотъ молодая, преданная дѣлу учительница хочетъ при всякомъ удобномъ случаѣ сказать правдивое слово о вредѣ пьянства. Въ погонѣ за тѣмъ, чтобъ рѣчь ея была и доступной, и понятной, и производила бы большее впечатлѣніе, она не щадитъ рѣзкихъ красокъ для выясненія вреда отъ пьянства, прибѣгаетъ къ карикатурѣ, громитъ порокъ даже въ лицахъ. И хорошо, если дѣти поймутъ ея благородное рвеніе во всей его цѣлости! Напротивъ, не грустьли одна получится, если дѣти изъ проповѣди ея вынесутъ единственное убѣжденіе, что „тятька ихъ

вотъ какъ безобразничаетъ, что и сказать нельзя"... Вѣдь пользы-то въ этомъ случаѣ еще не видно, ее надо искать, да ждать, а авторитетъ главы семейства уже подорванъ. Другой примѣръ. Коснувшись вопроса о суевѣріяхъ русскаго народа, можно столько поразсказать курьезнаго и смѣхотворнаго, что у ребенка поселится навѣки или вражда и озлобленіе къ учителю, если ребенокъ любитъ родной домъ, или недовѣріе, даже презрѣніе къ семьѣ; въ воспитательномъ отношеніи одинаково нежелательно то и другое. Еще примѣръ. Объясняя восьмую заповѣдь Закона Божія, можно такъ поставить дѣло: *Вопросъ*: Итакъ, красть запрещаетъ Слово Божіе? *Отвѣтъ*: Запрещаетъ. *Вопросъ*: А если отецъ посылаетъ тебя украсть, нужно его слушать? *Отвѣтъ*: Нѣтъ, не нужно". Если остановиться на этомъ и не дать дѣтямъ оправданія такого непослушанія и не показать формы его, то, во 1-ыхъ, у ребенка явится мысль, что 5 и 8-я заповѣди противорѣчатъ другъ другу, а во 2-хъ, непослушаніе въ данномъ случаѣ можетъ явиться совсѣмъ въ нежелательной формѣ: „ты, молъ, родитель, посылаешь воровать? ахъ, ты, такой-сякой!.. да какой же ты есть родитель?.. да я тебя поэтому, и понимать не должонъ и т. д."

Однимъ словомъ, пріютъ долженъ стать въ самыя близкія, сердечныя отношенія съ семьей ребенка и не только не имѣетъ права отрывать своего питомца отъ послѣдней, но всячески стараться заставить ребенка полюбить все хорошее въ его родной атмосферѣ. Пріютъ сдѣлаетъ свою культурную работу въ томъ только случаѣ, если вернетъ семьѣ не пасынка и безпочвенника, а преданнаго, честнаго и воспитаннаго юношу.

3) Пріютъ долженъ пріучать ребенка къ условіямъ трудовой и небогатой жизни, а потому ни въ

содержанiи воспитанниковъ, ни въ обстановкѣ своей не долженъ быть учрежденiемъ роскошнымъ. И въ этомъ отношенiи онъ долженъ представлять копiю порядочной семьи той среды, изъ которой вербуются ребята.

При вопросѣ объ одеждѣ и пищѣ прiютскихъ дѣтей, наши барыни всегда хватаютъ черезъ край: въ бѣдныхъ сиротахъ они желаютъ видѣть такихъ же нарядныхъ куколокъ, какъ ихъ собственныя бебе; при разсужденiи о пищѣ, прiискиваютъ самыя питательныя блюда и даже дебатируютъ о сравнительной питательности кофе, утренняго чая, молока и пр. Между тѣмъ, на счетъ одежды и пищи въ нашихъ прiютахъ, на мой взглядъ, должны практиковаться чисто спартанскiя правила. Вопросъ не въ томъ, въ какую форму и по какой модѣ одѣвать ребенка, а въ томъ, чтобъ одежда была крѣпка, опрятна и сообразна положенiю его семьи; не въ томъ, сколько кушанiй дать ребенку, а чтобъ пища была, по возможности, свѣжа и въ достаточномъ количествѣ... Вопросъ настолько простъ для своего разрѣшенiя, что я не считаю нужнымъ дальше останавливаться на немъ.

4) Въ частности, я желалъ бы, чтобъ и дѣло религiозно-нравственнаго воспитанiя въ прiютахъ ставилось также, какъ оно должно ставиться, по моему искреннему убѣжденiю, въ хорошей русской семьѣ. О начальномъ религiозно-нравственномъ семейномъ воспитанiи я подробно трактовалъ въ своей статьѣ по этому вопросу, готовящейся къ отдѣльному изданiю *) и опытѣ внѣбогослужебныхъ чтенiй на туже тему, когда-то печатавшемся въ приложенiи къ Пенз. Епарх. Вѣдомостямъ. Отсылая интересующихся къ

*) Статья составляетъ вторую часть этой книги.

этимъ статьямъ, здѣсь считаю нужнымъ сказать слѣдующее:

а) Я желалъ бы, чтобъ красные углы пріюта, по исконному обычаю русскаго православнаго человѣка, были украшены хорошими иконами, съ благолѣпною лампадою, которая и должна зажигаться во время утренней и вечерней молитвъ, а также по вечерамъ подъ праздники, и въ дни самыхъ праздниковъ.

б) Я желалъ бы, чтобъ утромъ и вечеромъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ, и послѣ нихъ, совершалась общая молитва. Хорошо, если бъ смотрительница могла пѣть молитву съ дѣтьми общимъ хоромъ.

в) Я желалъ бы, чтобъ пріютъ пріучалъ дѣтей къ посѣщенію храма Божія и благоговѣйному стоянію въ храмѣ. Принимая во вниманіе неудобства посѣщенія дѣтьми городскихъ храмовъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, такъ какъ храмы въ эти дни и безъ того бываютъ страшно переполнены молящимися, а маленькіе пріютанты, къ тому же, и не пріучены еще къ сохраненію надлежащей церковной дисциплины и несомнѣнно будутъ тяготиться продолжительностію службы *), я поставилъ бы правиломъ посѣщеніе дѣтьми воскресныхъ вечеренъ, когда храмы бываютъ сравнительно свободны отъ молящихся и дѣти не могутъ быть обременены продолжительностію службы, оставляя посѣщеніе дѣтьми литургій на обязанности матерей.

г) Я желалъ бы, чтобъ праздничные и воскресные дни обязательно отмѣчались въ пріютахъ праздничнымъ, христіански-радостнымъ настроеніемъ.

Къ несчастію, въ дневныхъ пріютахъ-убѣжищахъ очень часто на праздники и воскресные дни дѣти

*) Разумѣю пріюты для дѣтей до-школьнаго возраста, отъ 4 до 7—8-ми лѣтъ.

отпускаются по домамъ, начиная еще съ вечера подъ эти дни. Мотивомъ къ закрытію въ эти дни пріютовъ служатъ, главнымъ образомъ, два соображенія: желаютъ дать отдыхъ смотрительницѣ и возможность дѣтямъ пробыть съ матерями, которыя по праздникамъ не выходятъ на поденныя работы. Признавая (впрочемъ въ извѣстной только степени) справедливость того и другого соображенія, я согласился бы въ такомъ случаѣ на слѣдующій компромиссъ. Я собиралъ бы пріютскихъ дѣтей по воскресеньямъ лишь отъ 12 часовъ до 5 час. пополудни; смотрительница можетъ быть въ это время замѣнена, если хотите, другими лицами, въ которыхъ недостатка по праздникамъ, конечно, не будетъ. Это время должно быть занято такимъ образомъ. Тутъ должно, во 1-ыхъ, имѣть мѣсто посѣщеніе церкви, о которомъ я говорилъ. Во 2-ыхъ, весьма благовременны были бы также прогулки и путешествія, но не съ научной только цѣлью,—не все же наука, да наука: вѣдь можно чрезъ нее оскомину набить ребятамъ *),—а опять таки праздничнаго, такъ сказать, характера. Почему у насъ не практикуются путешествія по монастырямъ, по городскимъ кладбищамъ и проч.? Вѣдь хозяева монастырей у насъ, русскихъ, отличаются гостепріимствомъ и особеннымъ вниманіемъ и радушіемъ къ юному люду. Городскія же кладбища

*) Обрисовывая положеніе современной школы, извѣстный педагогъ Э. Демоленъ пишетъ: „нынѣ обученіе стало все болѣе усложняться и раздробляться. Учителя, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается и которые все болѣе распредѣляются по спеціальностямъ, только и думаютъ, какъ бы вбить въ головы несчастныхъ дѣтей то или другое отдѣльное знаніе, нисколько не заботясь о томъ, что вбиваютъ въ тѣ же головы другіе учителя. Можно ужаснуться при мысли о томъ состояніи, въ которое долженъ прійти человѣческій мозгъ, подвергнутый такимъ разнороднымъ и не связаннымъ между собою операціямъ. У насъ есть обученіе различнымъ предметамъ, но нѣтъ обученія вообще". („Новое воспитаніе", перев. Линда, стр. 171).

настолько поэтичны по мѣстоположенію, такъ полны христіанскихъ мыслей и впечатлѣній, что пренебрегать тѣми и другими (монастырями и кладбищами), какъ вспомогательными средствами религіознаго воспитанія, совсѣмъ не годится. Дѣти отъ такихъ прогулокъ и путешествій, тѣмъ болѣе если они совершаются при праздничной обстановкѣ, получатъ массу чудныхъ, жизнерадостныхъ, христіанскихъ настроеній. Въ 3-ихъ, по справедливому замѣчанію г-жи Неккеръ-де-Соссюръ, „воскресному или праздничному дню приличествуетъ главнымъ образомъ чувство мира и радости; но можетъ ли стоять какое-либо удовольствіе выше того, которое доставляется намъ чувствомъ, что мы сейчасъ содѣйствовали хотя сколько-нибудь чужому счастію. Правда, въ этомъ возрастѣ дитя само понимаетъ, что его благодѣяніе не имѣетъ еще особой цѣны; дадимъ же ему по крайней мѣрѣ узнать сладость этого чувства". Весьма прилично было бы для праздничнаго дня сходить съ дѣтьми къ больному и отнести ему лѣкарство, навѣстить скорбящую при потерѣ ребенка мать и принести ей букетъ съ дѣтской пріютской клумбы и пр. Наконецъ, эти воскресные вечера могутъ предназначаться для нравственныхъ и религіозныхъ бесѣдъ. „Мы должны убѣдиться въ той истинѣ, что религія играетъ не малую роль въ жизни, и что жизнь должна быть проникнута ею,—пишетъ тотъ же Демоленъ. Будемъ же представлять дѣтямъ религію не въ видѣ особой стороны жизни, но какъ составляющую съ жизнью одно органическое и согласное цѣлое, которое должно всецѣло владѣть личностью и управлять всѣми ея поступками. Такимъ образомъ школы (и пріюты) постараются поддерживать и продолжать вліяніе священно-служителей, которымъ

будетъ довѣрено религіозное обученіе дѣтей". („Новое воспитаніе", стр. 183).

д) Послѣ праздниковъ я желалъ бы обратить вниманіе на строгое исполненіе христіанскихъ постовъ.

Учредители, какъ святыней, должны дорожить вниманіемъ и довѣріемъ простого населенія къ ихъ дѣлу. И если отцы и матери видятъ, что дѣтей ихъ въ пріютѣ не только одѣваютъ и кормятъ, но и добру учатъ, да такому добру, выше котораго, по мнѣнію простолюдина, нѣтъ ничего въ мірѣ, именно: молитвѣ, соблюденію праздниковъ и постовъ, дѣламъ христіанской милости и пр.,—будьте увѣрены, авторитетъ вашего пріюта сразу упроченъ. Напротивъ, разъ поймутъ простые люди, что указанныя обязанности учредителями отводятся на второе мѣсто, дѣло проиграно и никакія лекціи горю не помогутъ.

5) За всѣмъ тѣмъ, я желалъ бы обратить вниманіе учредителей на тѣ стороны внѣшней жизни пріюта, которыя имѣютъ особенно важное значеніе на развитіе въ дѣтяхъ христіанскихъ чувствъ нравственной опрятности и аккуратности, любви къ животнымъ и растеніямъ, и пр. и пр. Въ самомъ дѣлѣ, если окружающая насъ домашняя обстановка имѣетъ на нашъ характеръ и на наше душевное настроеніе извѣстное вліяніе, если опрятность и присутствіе вкуса въ домашней обстановкѣ придаетъ блескъ и прелесть даже самому скромному жилищу, ведетъ къ смягченію нравовъ жильцовъ, порождаетъ доброжелательство и жизнерадостность, то пренебрегать этой стороной дѣла отнюдь не слѣдуетъ. И въ частности:

а) Я желалъ бы, чтобъ окна пріютовъ и даже особо устроенныя горки были сплошь уставлены цвѣтами; пусть дѣти сами и ухаживаютъ за ними.

Это несомнѣнно разовьетъ въ дѣтяхъ любовь къ цвѣтамъ и, если ребенокъ, по уходѣ изъ нашего пріюта, эту любовь перенесетъ въ свою хатку и заведетъ тамъ 3—4 банки цвѣтовъ, и въ этомъ будетъ уже не малое культурное завоеваніе пріюта. Не будемъ говорить, что обозначаютъ цвѣты въ палаццо какого-нибудь милліонера, но для комнатки рабочаго они несомнѣнно имѣютъ великое значеніе, ибо служатъ прекраснымъ показателемъ того, что у рабочаго проявился и развивается эстетическій вкусъ, и того, что послѣ дневныхъ тяжелыхъ трудовъ его не потянетъ въ трактиръ, но въ свой мирный, уютный, цвѣтущій уголокъ.

б) Я желалъ бы, чтобъ пріютъ имѣлъ въ достаточномъ количествѣ домашнихъ животныхъ: коровъ, куръ, собакъ, кошекъ и пр. Пусть сами дѣти и смотрятъ за ними и на дѣлѣ учатся любить этихъ друзей человѣка, ухаживать и кормить ихъ. Мало этого, пусть на самомъ дѣлѣ они впитываютъ въ себя убѣжденіе, какъ безнравственно, дико и несовмѣстимо съ человѣческимъ достоинствомъ жестокое обращеніе съ животными. Наконецъ, полное хозяйство пріюта пусть располагаетъ пріютантовъ къ тому, чтобъ въ послѣдующей жизни своей они стремились къ домовитости и хозяйственности, бѣжали бы одиночества, босячества, бездомовничества.

в) Отношеніе къ деревьямъ, садамъ и лѣсамъ у русскаго человѣка доселѣ еще хищническое, разбойническое. Школа твердитъ ребятамъ: не надо ломать деревья. Но когда-то еще она, неимѣющая при себѣ школьныхъ земельныхъ участковъ, вдолбитъ въ мозги русскихъ мальчиковъ такое простое правило благопристойности, неизвѣстно. Пріюты для своихъ питомцевъ могутъ сдѣлать это, какъ мнѣ кажется, и

легче и скорѣе. Пусть при пріютѣ обязательно будетъ заведенъ свой огородъ и, если можно, маленькій садикъ, причемъ ухаживаніе и обработка должны ложиться на обязанность пріютантовъ и производиться ими на кооперативныхъ началахъ.

г) Я не буду подробно говорить о характерѣ работъ, производящихся не на воздухѣ, именно о всѣхъ отросляхъ такъ называемаго рукодѣлья; коснусь вопроса лишь отчасти. Думаю, что нѣтъ нужды особо и подробно говорить по этому поводу потому, что польза и необходимость рукодѣлій такъ очевидны, что спорить, нужно ли въ извѣстномъ пріютѣ учить рукодѣлью или нѣтъ, едва ли возможно. Я желалъ бы указать лишь на то, какъ должны ставиться занятія по рукодѣлью. Въ погонѣ за модой, изъ желанія придать всякому ученью характеръ игры и забавы, наши учредители безбожно смѣшиваютъ, на счетъ рукодѣлья, дѣло съ бездѣльемъ: учатъ дѣтей клеить коробочки, вязать фуфайки изъ дорогой шерсти, шить изъ матеріи туфли и пр. И что же? переступитъ ребенокъ за порогъ пріюта, къ чему эти ему коробочки и туфли? Нѣтъ, вы научите дѣвочку зашить дыру на платьѣ, наложить рубецъ, заштопать чулокъ, ввязать пятку и пр., а мальчика научите сдѣлать линейку, напилить „чушки", сдѣлать палки для чушекъ; зашить и починить сапогъ, заплатить прорѣху и т. под. Вотъ такія занятія дѣтямъ пригодятся въ жизни, какой бы они профессіей не вздумали заниматься.

и д) Я желалъ бы также, чтобъ было обращено самое строгое вниманіе на гимнастическія упражненія и дѣтскія игры.

Ни въ семьѣ, ни въ интернатахъ разнаго рода, ни въ школѣ, у насъ доселѣ еще гимнастика не

получила подобающаго ей мѣста. Между тѣмъ, за границей, наприм. въ англійскихъ школахъ, физическія игры и упражненія входятъ въ программу обязательныхъ занятій и занимаютъ въ нѣкоторыхъ училищахъ новѣйшаго образца (Бидэльская школа и т. под.) ежедневно часть послѣполуденнато времени, особенно по средамъ, субботамъ и воскресеньямъ, когда эта часть дня предоставляется въ полное распоряженіе воспитанниковъ. Англія допускаетъ для своихъ школъ даже спортъ: плаванье, гонку на веслахъ и проч.

Мы не должны забывать старинной латинской пословицы: mens sana in corpore sano (здоровая мысль въ здоровомъ тѣлѣ). „Укрѣпляя наше тѣло, гимнастика есть въ тоже время самое надежное предохранительное средство отъ разныхъ болѣзней: отъ золотухи, чахотки, водянки, запоровъ, тучности, малокровія, нервности, подагры и т. д. Ея вліяніе на здоровье и долголѣтіе такъ сильно, что если бы можно было всю гигіену выразить въ одномъ правилѣ, то я сказалъ бы, пишетъ Монтегацца: дѣлайте побольше движеній и въ особенности на свободномъ воздухѣ" (Трудъ и счастье). „Какъ хотите, говоритъ Габріэли, а человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія стоитъ дороже человѣка тщедушнаго, если только физическая сила подчинена нравственной. Его открытое лицо, твердая поступь, крѣпкая шея, широкая грудь, мускулистыя руки точно сами говорятъ, что для такого человѣка не требуется поощреній со стороны и что онъ себя не дастъ въ обиду. А такъ какъ гимнастика, укрѣпляя тѣло, возбуждаетъ въ человѣкѣ увѣренность въ своихъ силахъ, значитъ чрезъ это она воспитываетъ его характеръ. Мало того, гигіенисты доказываютъ, что многіе изъ взрослыхъ бы-

ваютъ дурной нравственности отъ того, что въ дѣтствѣ ихъ не укрѣпляли и не выправляли цѣлесообразными гимнастическими упражненіями".

На гимнастику, въ силу высказанныхъ соображеній, школы и разные пріюты должны обратить строгое вниманіе.

Надлежащее мѣсто должны занимать и дѣтскія игры. Англійскія школы въ этомъ отношеніи тоже далеко ушли противъ нашихъ. А въ странѣ восходящаго солнца (Японіи) даже шахматная игра входитъ въ курсъ воспитанія молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ. Дѣло доходитъ даже до курьезовъ. По мнѣнію японцевъ, игра эта имѣетъ большое вліяніе на брачную жизнь, пріучая молодыхъ супруговъ къ терпѣнію, хладнокровію и умственной дѣятельности, а потому въ число непремѣнныхъ ежедневныхъ занятій мужа и жены входятъ обязательно двѣ или три партіи въ шахматы. Въ нашей школѣ и пріютахъ игры представляются на полное усмотрѣніе самихъ дѣтей и никакой организаціи, конечно, не имѣютъ. И мы видимъ, что такія полезныя занятія, какъ русская лапта, англійскіе крокетъ и лаунъ-теннисъ не имѣютъ мѣста въ нашихъ (особенно женскихъ) пріютахъ,—но за то процвѣтаютъ разные „колышки", „веревочка", „колдуны" и т. под.

Учредители и завѣдующіе дневными и постоянными пріютами для малолѣтнихъ дѣтей всегда теряются передъ вопросомъ: чѣмъ занять время у дѣтей? Больше всего налегаютъ на умственныя занятія: и пишутъ съ дѣтьми, и учатъ ихъ читать, и сами читаютъ,—безъ конца иногда читаютъ, даже лекціи преподносятъ; въ другой разъ цѣлый день читаютъ

да поучаютъ. Отчего же зависитъ такая странная растерянность интеллигентнаго русскаго человѣка и указанная односторонность въ постановкѣ дѣла? Конечно, отъ неумѣнья больше всего, а затѣмъ отъ узкости взгляда на дѣло. Еслибъ пріютскіе дѣятели обратили вниманіе на всѣ стороны учебно-воспитательной жизни пріюта, о которыхъ мы сейчасъ говорили, да серьезно постарались бы провести ихъ на дѣлѣ и поставить каждую на свое мѣсто; если бъ они прониклись убѣжденіемъ, что дѣтей воспитываютъ не отвлеченныя лекціи да сухое чтеніе морали, а больше всего жизнь и обстановка пріюта,—повѣрьте, не только не будетъ у нихъ „лишняго времени", а прямо таки не хватитъ его. Въ самомъ дѣлѣ, соберите дѣтей, приберите съ ними пріютъ, облагообразьте да вымойте ихъ самихъ; затѣмъ, проведите молитву, напоите чаемъ; посмотрите цвѣты и полейте ихъ, накормите птицу... вотъ вамъ и завтракъ на дворѣ. Послѣ завтрака часъ для умственныхъ занятій, часъ работы на дворѣ и огородѣ, часъ для игры... обѣдъ подошелъ. Послѣ обѣда часъ игры, часъ умственныхъ занятій, часъ рукодѣлья, часъ въ огородѣ... ночь на дворѣ. А тамъ еще прогулки и др. занятія, которыя, при благоразумной постановкѣ дѣла, явятся вамъ подъ руку сами собой.

Если же дѣтямъ только читать да разсказывать, конечно, другимъ тономъ заговоришь.

Въ заключеніе я желалъ бы сдѣлать еще два замѣчанія.

1) Я желалъ бы, чтобъ пріютъ былъ пріютомъ. Со школой пріютъ смѣшивать нельзя. Если бъ у насъ были пріюты-школы, въ родѣ Песталоцціев-

скаго дома, рѣчь была бы другая. Тогда на умственныя занятія съ дѣтьми можно было бъ удѣлять по 4—5 часовъ въ сутки. Но у насъ пріюты—заведенія не образовательныя, а только воспитательныя. Такъ и старайтесь больше о разумной постановкѣ воспитательнаго дѣла, а грамоту и науки оставьте школѣ, куда пойдутъ, непремѣнно должны ходить дѣти вашего пріюта. Мы должны помнить, что если мы не ладимъ съ однимъ дѣломъ, то, прибавивши къ задачамъ пріюта обязанности начальной школы, вовсе пропадемъ.

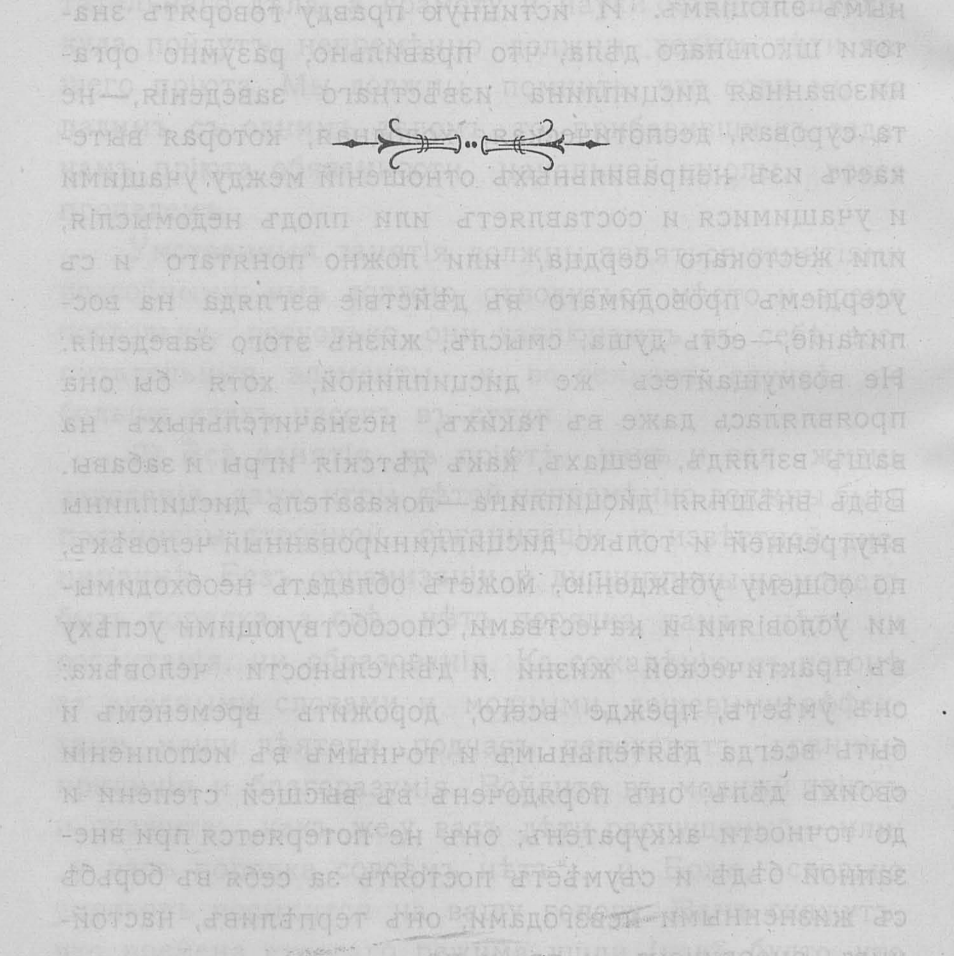
Умственныя занятія должны являться занятіями подсобными; имъ должно отводиться мѣсто и время постольку, поскольку они заключаютъ въ себѣ воспитательныя элементы, и во всякомъ случаѣ не больше двухъ часовъ въ сутки.

2) Всѣ занятія въ пріютѣ, какъ и вся жизнь заведенія, даже игры дѣтей непремѣнно должны быть подчинены стройной организаціи и извѣстной дисциплинѣ. Безъ организаціи и дисциплины не можетъ быть порядка, а гдѣ нѣтъ порядка, тамъ нѣтъ ни воспитанія, ни образованія. Къ сожалѣнію, въ погонѣ за красными словами и модными, дешевыми эффектами, наши дѣятели подчасъ переходятъ границы приличія и благоразумія. Войдите въ модный пріютъ и скажите: „какъ же у васъ дѣти распущены“,—или: „у васъ порядка совсѣмъ нѣтъ“... и, Боже, сколько упрековъ посыпится на вашу голову. Вамъ скажутъ, что времена строгаго режима ушли (какъ будто кто утверждаетъ, что нѣтъ) и что свобода для каждаго дороже всего (а какъ же иначе?). Свобода... великое это слово, но какъ еще мало понимается человѣчествомъ истинный смыслъ его! Свобода—не произволъ, а великая, драгоцѣннѣйшая, самимъ человѣ-

комъ вырабатываемая способность подчинять свои стремленія и желанія велѣніямъ долга и совѣсти. А ваша свобода—не свобода, а просто разнузданность, неряшество, неумѣнье управлять собою и подчинять низменныя движенія высшимъ, духовно-нравственнымъ элюціямъ. И истинную правду говорятъ знатоки школьнаго дѣла, что правильно, разумно организованная дисциплина извѣстнаго заведенія,—не та суровая, деспотическая, холодная, которая вытекаетъ изъ неправильныхъ отношеній между учащими и учащимися и составляетъ или плодъ недомыслія, или жестокаго сердца, или ложно понятаго и съ усердіемъ проводимаго въ дѣйствіе взгляда на воспитаніе,—есть душа, смыслъ, жизнь этого заведенія. Не возмущайтесь же дисциплиной, хотя бы она проявлялась даже въ такихъ, незначительныхъ на вашъ взглядъ, вещахъ, какъ дѣтскія игры и забавы. Вѣдь внѣшняя дисциплина—показатель дисциплины внутренней и только дисциплинированный человѣкъ, по общему убѣжденію, можетъ обладать необходимыми условіями и качествами, способствующими успѣху въ практической жизни и дѣятельности человѣка: онъ умѣетъ, прежде всего, дорожить временемъ и быть всегда дѣятельнымъ и точнымъ въ исполненіи своихъ дѣлъ; онъ порядоченъ въ высшей степени и до точности аккуратенъ; онъ не потеряется при внезапной бѣдѣ и съумѣетъ постоять за себя въ борьбѣ съ жизненными невзгодами; онъ терпѣливъ, настойчивъ, энергиченъ, и пр. и пр.

Отъ души желаю пріютамъ процвѣтанія! Вѣрю, что дѣло ихъ пойдетъ, какъ дѣло живое и въ высшей степени полезное. Но для этого пріютъ долженъ

быть не тепличнымъ и безпочвеннымъ растеніемъ, а учрежденіемъ, имѣющимъ глубокія связи и корни въ окружающей дѣйствительности; онъ долженъ учить трезвой, честной, трудовой жизни, а не отъучать отъ нея!

Часть вторая.

РЕЛИГІОЗНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

Вступленіе.

Прежде чѣмъ рѣшать вопросъ, какъ дѣлать извѣстное дѣло, необходимо точно опредѣлить, на сколько важно это дѣло. Простое, но въ высшей степени разумное требованіе это исполняется даже въ самыхъ элементарныхъ нашихъ предпріятіяхъ; тѣмъ болѣе, казалось бы, оно должно быть поставлено на первомъ планѣ въ такомъ отвѣтственномъ вопросѣ, какъ вопросъ о религіозномъ воспитаніи нашихъ дѣтей. Между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ не то. Каждый изъ современныхъ родителей, желающій поставить воспитаніе своихъ дѣтей на раціональныхъ началахъ, съ охотой пожалуй выслушаетъ васъ, какъ человѣка, изучающаго вопросъ на практикѣ два десятка лѣтъ, если вы коснетесь именно практической стороны дѣла. Но если вы вздумаете обосновать вопросъ съ философской точки зрѣнія, т. е. возьметесь предъ вашими слушателями-родителями изложить, кромѣ того, ваши соображенія не только о необходимости и важности религіознаго воспитанія въ жизни человѣка, но и о томъ мѣстѣ, какое оно должно занимать во всей системѣ начальнаго воспитанія, то бойтесь: вы можете остаться совсѣмъ безъ собесѣдниковъ. Очевидно, если образованные родители и слушали сейчасъ ваши рѣчи о практической постановкѣ религіознаго обученія (не воспитанія), то дѣ-

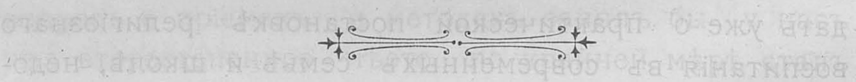
лали это не въ силу сознанной необходимости и важности предмета, а просто потому, что „надо же и Закону Божію учить, если безъ этого нельзя". Какъ это ни грустно, какъ ни поразительно подобное отношеніе къ религіозному воспитанію, но фактъ остается фактомъ. А въ жизни, вслѣдствіе этого, непремѣнно хроманіе на оба колѣна... Желаемъ знать, какъ воспитывать дѣтей въ религіозномъ отношеніи, а сами еще не рѣшили (да и рѣшали ли?) вопроса: нужно ли это религіозное воспитаніе, какая его цѣль, какое мѣсто оно должно занять въ цѣлой системѣ воспитанія и пр. Но переверните страницу и картина рѣзко измѣнится. Въ самомъ дѣлѣ, если бъ мы были убѣждены, что религіозное воспитаніе имѣетъ громадное значеніе въ жизни человѣка, что оно должно быть поставлено краеугольнымъ камнемъ всей системы начальнаго воспитанія и обученія, то вопросъ о пріемахъ и методахъ занялъ бы у насъ уже второстепенное мѣсто, по крайней мѣрѣ сталъ бы не такимъ страшнымъ, какимъ онъ намъ теперь кажется. Центръ тяжести сразу сказался бы не тамъ, гдѣ онъ казался намъ доселѣ. Навѣрное, мы вспомнили бы незабвенныя слова великаго Гладстона: „для того, чтобъ воспитывать, нужно самому быть воспитаннымъ"; вѣроятно, поняли бы ту простую истину, что для того, чтобъ учить, нужно, прежде всего, самому знать то, чему хотимъ учить другихъ. Тогда, въ вопросахъ религіознаго воспитанія, мы немедленно бросились бы къ самимъ себѣ: какъ у насъ-то, у воспитателей, обстоитъ дѣло съ религіозными обязанностями, какъ мы сами-то знаемъ то, чему собираемся учить другихъ? И больше чѣмъ вѣроятно, результаты, думаю, получатся неутѣшительные... Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что, въ

полномъ сознаніи великой отвѣтственности воспитателя предъ Богомъ, совѣстью и ближними, мы тотчасъ же обратили бы самое серьезное вниманіе на слабость нашихъ познаній въ области религіи и постарались бы пополнить замѣченные пробѣлы. Можетъ быть, много для того намъ предстояло бы труда, но мы постарались бы,—въ чемъ я опять таки отнюдь не сомнѣваюсь,—завоевать себѣ право „смѣть свое сужденье имѣть“ въ вопросахъ религіознаго воспитанія нашего юнаго поколѣнія.

Итакъ, вопросъ, поставленный мною въ заглавіе предлагаемой вниманію читателя работы, естественно распадается на двѣ части. Нужно сперва рѣшить, важно ли (и, если важно, насколько важно) религіозное воспитаніе и, сообразно своего значенія, какое мѣсто оно должно занимать въ жизни нашихъ дѣтей, а затѣмъ—во второй части—можно разсуждать уже о практической постановкѣ религіознаго воспитанія въ современныхъ семьѣ и школѣ, недостаткахъ этой постановки, о лучшихъ методахъ и пріемахъ, которые можно рекомендовать воспитателю, и т. д.

Первый вопросъ (самый главный въ нашемъ дѣлѣ)—въ высшей степени сложный вопросъ и я не беру на себя смѣлости рѣшить его здѣсь во всей полнотѣ его. О религіи вообще и о религіи, какъ основѣ нравственности, имѣются въ свѣтской и духовной литературѣ сотни капитальныхъ произведеній... Въ своей маленькой работѣ я желалъ бы коснуться этой части вопроса лишь съ двухъ сторонъ: а) какъ смотрятъ на вопросъ о необходимости религіознаго воспитанія наши лучшіе (свѣтскіе) писатели и какъ, во вторыхъ, необходимо такое воспитаніе въ видахъ прямо практическихъ запросовъ нашей русской современ-

ной дѣйствительности, именно въ тѣхъ видахъ, что, лишая ребенка необходимыхъ религіозныхъ познаній, тѣмъ самымъ мы ставимъ его въ такія убійственныя столкновенія съ окружающими людьми и нашей жизненной обстановкой, изъ которыхъ исходъ можетъ быть роковымъ для человѣка. А затѣмъ, я перейду къ главному содержанію настоящаго труда, именно къ изложенію практическихъ соображеній. При этомъ съ грустью долженъ сознаться, что и во второй части я столкнулся съ такимъ обиліемъ матеріала, что мнѣ въ своихъ разсужденіяхъ пришлось ограничиваться лишь общими набросками, не касаясь частностей и деталей. Разработку послѣднихъ, волей-неволей, приходится отложить до будущей, самостоятельной работы.

I.

Взглядъ нашихъ лучшихъ писателей на задачи религіознаго воспитанія.

Какъ смотрятъ наши лучшіе люди на значеніе религіознаго воспитанія для русскаго юношества *)?

Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ А. С. Пушкинъ. Онъ—нашъ геній, онъ проникъ до такой глубины душу и характеръ русскаго человѣка, что ему ли не знать, какъ важно религіозное образованіе для русскаго человѣка. Трудно было бы оспаривать необходимость религіознаго образованія по одному уже тому, еслибъ за него высказалъ свой авторитетный голосъ родоначальникъ, отецъ русской литературы...

Вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ А. С. Пушкина даже до послѣднихъ дней былъ предметомъ большихъ разногласій. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ и... религіозныя воззрѣнія! Пушкинъ, этотъ всегдашній вѣтренникъ и милый шалунъ по части запретнаго плода,—Пушкинъ, соловьиными пѣснями воспѣвшій въ честь извѣстной богини Киприды и ея культа,—Пушкинъ, мечтающій, такъ сказать, заснуть подъ убаюкиваніе самыхъ игривыхъ языческихъ божествъ Вакха и Аполлона, музъ и харитъ, Киприды, Венеры и Купидона,—Пушкинъ, противъ безвѣрія котораго долженъ былъ возвысить свой авторитетный

*) Настоящую работу, въ видѣ реферата, предполагалось прочитать въ свѣтскомъ обществѣ. Поэтому, въ этой главѣ приводятся мнѣнія лишь свѣтскихъ писателей.

голосъ знаменитый Филаретъ, — Пушкинъ, противъ котораго говорилъ въ день 50-ти лѣтія смерти его, при служеніи по немъ паннихиды въ церкви Новороссійскаго университета, другой знаменитый церковный ораторъ, преосвященный Никаноръ одесскій... нужно ли, можно ли говорить о религіозныхъ воззрѣніяхъ *такого* Пушкина?! Да, нужно, необходимо, ибо это въ высшей степени поучительно!

Пушкинъ былъ сыномъ своего времени и отдалъ должную дань волтеріанству конца XVIII-го и начала XIX вѣковъ; Пушкинъ — великой души и характера человѣкъ, но и для него, конечно, возможны были паденія, и у него были тяжелыя минуты тоски и отчаянія, даже безнадежнаго взгляда на жизнь.

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

(Изъ стих.: Даръ напрасный, даръ случайный...)

Это-то стихотвореніе, какъ извѣстно, вызвало знаменитую передѣлку митрополита Филарета: „не напрасно, не случайно жизнь отъ Бога мнѣ дана“... И что же? Голосъ, раздавшійся изъ устъ всѣми чтимаго святителя московскаго, тотчасъ же заставилъ зазвучать въ душѣ Пушкина самыя мощныя струны. Поэтъ отвѣчалъ вдохновенной рѣчью, исполненной пламеннаго признанія:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,

Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ!

Да, паденія Пушкина, если даже они были такъ глубоки, всегда носили временный случайный характеръ. Это совсѣмъ не тотъ путь (прямая даже противоположность послѣднему), который избралъ и которымъ пошелъ Л. Н. Толстой.

Къ историческимъ людямъ необходимо прилагать мѣрку исторической критики. Тогда многое въ ихъ жизни, прежде казавшееся для насъ необъяснимымъ, мы поймемъ, какъ говорится, съ перваго слова. По отношенію къ Пушкину это приложимо даже болѣе, чѣмъ къ какому либо другому историческому лицу. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли укорять Пушкина за то, что онъ, провелъ такую легкомысленную юность. Во 1-хъ, не всегда юность сообщаетъ основной тонъ жизни человѣка. Во 2-ыхъ, дѣтство и юность Пушкина, когда въ душу каждаго человѣка залагаются сѣмена всего добраго и прекраснаго, протекли у поэта въ такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ, которыя менѣе всего способствовали въ немъ развитію религіозныхъ навыковъ и убѣжденій. Мы знаемъ

эту обстановку и эти условія. Родители Пушкина, какъ дѣти своего вѣка, проводили пустую, свѣтскую жизнь; воспитаніе будущаго поэта ихъ почти не интересовало. Дѣло это, по тогдашнему дворянскому обычаю, было всецѣло передано въ руки французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ, для которыхъ „и вѣра, и языкъ, и старина святая“,—была малоинтересной terra incognita. Въ 3-ихъ, Пушкинъ въ дѣтствѣ плохо зналъ даже русскій языкъ; до 1825 года (когда Плетневъ выслалъ ему, въ село Михайловское, славянскую грамматику) совсѣмъ не зналъ славянскаго языка и не имѣлъ подъ руками ни евангелія, ни библіи (въ библіотекѣ отца были лишь сочиненія или легкаго содержанія, или модныхъ писателей-матеріалистовъ)... Какъ же, послѣ всего этого, еще удивляться, что юность Пушкина была легкомысленна. Нѣтъ, за счетъ Пушкина, повторяю, она не должна ставиться. Религіозныя взгляды рисуетъ намъ послѣдующая жизнь Пушкина, послѣ того, какъ вышелъ онъ изъ юношескаго возраста, рисуетъ тотъ дивный конецъ жизненной драмы, который такъ рано отнялъ у Россіи ея генія.

Литература о Пушкинѣ теперь настолько обширна, содержательна и хорошо обслѣдована, что для каждаго интересующагося поставленнымъ вопросомъ не составитъ большого труда самому сдѣлать весьма важныя и поучительныя извлеченія. Не представляется, поэтому, настоятельной потребности разбирать *подробно* религіозныя воззрѣнія Пушкина. Мнѣ кажется, для нашей цѣли вполнѣ достаточно знать, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на библію, евангеліе, православную церковь и духовенство, на задачи народнаго воспитанія, и т. под.

Душевный переворотъ въ положительную сторону дѣлается довольно замѣтнымъ у Пушкина на двадцатомъ году его жизни. Достовѣрно извѣстно, по крайней мѣрѣ, что во времена своей шестилѣтней ссылки (съ 1820 по 1826 г.) сначала на югѣ, а потомъ въ с. Михайловскомъ, Пушкинъ обращаетъ самое серьезное вниманіе на свое религіозное образованіе. Еще въ Одессѣ, запершись отъ друзей и знакомыхъ въ своемъ кабинетѣ, онъ начинаетъ читать и изучать Библію; чтеніе священныхъ книгъ производитъ на Пушкина огромное впечатлѣніе, дѣлается отселѣ насущною потребностію поэта и онъ не оставляетъ этого чтенія до конца своей жизни. Можно сказать, что отселѣ безъ Библіи Пушкинъ положительно не могъ обходиться. „Библію, Библію! и Французскую *) непремѣнно“,—умоляетъ онъ своего брата изъ сельскаго уединенія. И когда, черезъ мѣсяцъ, не находитъ въ числѣ присланныхъ книгъ просимаго, то съ огорченіемъ снова пишетъ брату: „Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина—тоже, что исторія для народа“.

Вмѣстѣ съ Библіей, Пушкинъ началъ читать житія святыхъ и точно также полюбилъ это чтеніе до увлеченія. Впослѣдствіи Пушкинъ даже удивлялся тому печальному равнодушію, какое замѣчается у многихъ къ знакомству съ чудными сказаніями церковныхъ четьи-миней. „Есть люди,—пишетъ Пушкинъ,—не имѣющіе никакого понятія о житіи того угодника,

*) Французскую потому, что русскаго изданія въ то время не было, а славянскаго языка, на которомъ единственно можно было читать свящ. Писаніе, Пушкинъ тогда еще не зналъ. Съ славянскимъ языкомъ поэтъ сталъ знакомиться съ конца 1825 г., когда другъ его, Плетневъ, высылаетъ Пушкину, по его же просьбѣ, славянскую грамматику.

чье имя носятъ отъ купели до могилы и чью память празднуютъ ежегодно".

Но ни одна изъ священныхъ книгъ не производила на Пушкина такого чарующаго впечатлѣнія, какъ св. евангеліе. „Есть книга,—говоритъ Пушкинъ,—коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; книга эта называется евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что, если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе" *).

Любилъ, до умиленія любилъ Пушкинъ вдохновенныя молитвы нашей церкви, особенно тѣ, въ которыхъ говорится о человѣческой грѣховности, христіанскомъ смиреніи, покорности Промыслу Божію и пр. И „ни одна изъ молитвъ,—говоритъ онъ,—такъ

*) Да проститъ мнѣ читатель маленькое отступленіе, но сопоставленіе невольно напрашивается на языкъ. Пушкина, съ такимъ восторженнымъ умиленіемъ относящагося къ евангелію, русское общество считало доселѣ (въ большинствѣ случаевъ) безбожниковъ. Толстого же, обрѣзывающаго евангеліе и искажающаго послѣднее, провозглашаетъ истиннымъ и даже величайшимъ христіаниномъ,—гр. Л. Толстого, который на счетъ чтенія евангелія даетъ такой совѣтъ: „я такъ совѣтую молодымъ людямъ: если вы хотите познать истину, то возьмите евангеліе и два карандаша—черный и синій. Чернымъ зачеркните все, что вамъ кажется написаннымъ самими апостолами отъ себя, а синимъ все, чего вы не понимаете, да и читайте по бѣлому: тогда вы пріобрѣтете себѣ вѣрное и чистое понятіе о Христовой истинѣ. Каждому человѣку доступна эта работа". См. интересную статью: „заграничная печать о гр. Л. Н. Толстомъ", въ журналѣ „Миссіонерское Обозрѣніе" 1901 г. № 5-й.

…… меня не умиляетъ
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой.
„Владыка дней моихъ! Духъ праздности унылой
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи".
(Изъ стих: „Молитва". 1836 г.).

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ о себѣ:

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель,—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ,—
Взирали, кроткіе, во славѣ и лучахъ...
(„Мадонна", стих. 1830 г.).

Христіанинъ въ душѣ, Пушкинъ, съ дивною чуткостію понималъ историческое значеніе правосла-

вія для русскаго народа. Въ письмѣ къ П. Я. Чаадаеву отъ 19 Октября 1836 года, Пушкинъ пишетъ: „нѣтъ сомнѣнія, что „схизма“ насъ отдѣлила отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали. Но у насъ было наше собственное призваніе. Россія, ея громадныя пространства поглотили монгольское завоеваніе. Татары не посмѣли перейти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни и христіанское просвѣщеніе было спасено. Для этого намъ пришлось жить совершенно особою жизнію, которая оставила насъ христіанами, и между тѣмъ совершенно отчудила насъ отъ христіанскаго міра, такъ что, благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться. Вы говорите, что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія достойна была презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ Самъ Христосъ не родился евреемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ грековъ евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи никогда не были нравами Кіева“.

Признавалъ Пушкинъ историческую заслугу и за русскимъ духовенствомъ. Въ томъ же письмѣ къ Чаадаеву читаемъ: „русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не оскорбляло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало бы реформаціи, когда человѣчество болѣе всего нуждалось въ единствѣ. Я соглашаюсь, что нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите знать причину? Оно носитъ бороду, вотъ и все. Оно не принадлежитъ къ

хорошему обществу“. Впрочемъ въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“ Пушкинъ указываетъ другую, настоящую причину упадка духовенства на Руси. Въ упадкѣ онъ винитъ императрицу Екатерину Великую. „Екатерина,—говоритъ Пушкинъ,—явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностью. Отъ этого происходитъ въ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно русскихъ почитаютъ суевѣрными: можетъ быть, нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно столько насмѣшекъ на счетъ церковнаго. Жаль! ибо греческое исповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ. даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства было благотворно... Завися, какъ и всѣ прочія состоянія отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣд., и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это, но имѣла свои виды“.

Что касается народнаго воспитанія, то Пушкинъ страстно желалъ, чтобъ оно совершалось въ духѣ евангелія. Извѣстны его мысли объ обращеніи черкесовъ въ христіанскую вѣру (см. „путешествіе въ Арзрумъ“). Извѣстно также, что лучшимъ средствомъ

раціональнаго воспитанія русскаго человѣка онъ считалъ православные храмы и при нихъ школы. „Графа Румянцева,—писалъ Пушкинъ отъ 28 Ноября 1834 г.,—не хвалятъ за его памятникъ (въ память 1812 года) и увѣряютъ, что церковь была бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинной надписью, которую безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ". Не даромъ, Пушкинъ неоднократно выражалъ желаніе свое построить храмъ въ с. Михайловскомъ...

Но болѣе всего поразительна кончина Пушкина. Вѣдь такъ умереть, какъ умеръ Пушкинъ, могъ только истинный христіанинъ, какимъ безъ сомнѣнія, и былъ нашъ великій поэтъ! Что стоитъ, напримѣръ, одна эта минута, когда Данзасъ спросилъ умирающаго: не поручитъ ли онъ (Пушкинъ) ему чего-нибудь въ случаѣ своей смерти, касательно Гекерена, Пушкинъ отвѣчалъ: „требую, чтобъ ты не мстилъ и хочу умереть христіаниномъ!" И онъ умеръ въ полномъ примиреніи съ ближними, съ глубокой вѣрой въ милосердіе Творца и загробную жизнь, съ чистой умиротворенной совѣстью, напутствованный таинствами св. церкви. „Я старъ,—со слезами говорилъ принявшій отъ поэта послѣднюю исповѣдь старецъ-священникъ о. Петръ,—мнѣ уже не долго жить и на что обманывать? Вы можете мнѣ не вѣрить, когда я скажу, что для себя самого желаю такого конца, какой онъ имѣлъ". Вотъ какъ поразило старика то благочестіе, съ которымъ поэтъ исполнилъ долгъ исповѣди!... *).

---

*) См. подробнѣе въ брошюрѣ А. И. Троицкаго: „Религіозныя воззрѣнія А. С. Пушкина".

И называть Пушкина, послѣ всего этого, человѣкомъ нерелигіознымъ? Къ несчастію, по словамъ Гоголя, „свѣтъ остается навсегда (надолго?) при разъ установленномъ отъ него же названіи. Ему нѣтъ нужды, что у повѣсы была прекрасная душа, что въ минуты самыхъ повѣсничествъ сквозили ея благородныя движенія, что ни одного безчестнаго дѣла имъ не было сдѣлано, что бывшій повѣса давно уже умудренъ опытомъ и жизнію, что онъ уже не юноша, но отецъ семейства, выполняющій строго свои обязанности къ Богу и къ людямъ", и т. д. Въ силу разъ составленнаго взгляда, репутація вольнодумца и безбожника „въ глазахъ многихъ осталась за Пушкинымъ не только въ позднѣйшіе періоды его творчества, когда въ его образѣ жизни, въ его воззрѣніяхъ и въ общемъ направленіи его поэзіи совершился рѣшительный переворотъ, но, къ удивленію нашему, отчасти еще и теперь держится, по крайней мѣрѣ въ средѣ людей, которые никогда серьезно не изучали Пушкина". (Учебн. русск. словесности Верещагина, вторая часть, стр. 250).

Повторяемъ: Пушкинъ—нашъ русскій геній; силою своего духа онъ обнялъ всѣ стороны человѣческаго с щества; дошелъ въ изученіи человѣческой души и русской національной въ частности до такой глубины, до какой никто изъ нашихъ писателей не доходилъ ни до, ни послѣ Пушкина. И если геніальный Пушкинъ сіяетъ ореоломъ русской религіозности въ формѣ византійства, въ этомъ мы, русскіе, должны видѣть великій урокъ для себя. Мы ищемъ примѣровъ жизненныхъ, разрѣшенія вопросовъ религіозныхъ и нравственныхъ гдѣ-то тамъ, на сторонѣ, а подъ руками не видимъ великой сокровищницы, такъ сказать, фокуса русской національ-

ной жизни. Особенно повинны здѣсь всѣ берущіеся за сложное дѣло воспитанія народнаго. Мы сейчасъ видѣли религіозныя возрѣнія самого Пушкина и его взгляды на характеръ народнаго образованія. Стыдно и непростительно каждому изъ насъ, вѣдающихъ дѣло воспитанія, относиться къ нимъ легкомысленно, безъ должнаго вниманія!

Противъ намѣренія, мы такъ долго задержались на Пушкинѣ, что распространяться о взглядахъ послѣдующихъ (выдающихся) писателей на вопросы и задачи религіознаго воспитанія намъ не приходится, не смотря на высокій интересъ предмета. Я остановлюсь на двухъ, самыхъ видныхъ, писателяхъ: Достоевскомъ и Л. Толстомъ. Но и при этомъ постараюсь говорить, по возможности, кратко.

Достоевскій, въ смыслѣ самобытности и знанія русской національной души, есть непосредственный, самый близкій и самый вѣрный выученникъ Пушкина. Какъ извѣстно, въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ онъ доходилъ до такихъ предѣловъ, что, увѣряютъ, перегналъ въ этомъ отношеніи науку на цѣлые десятки лѣтъ: по крайней мѣрѣ, даже въ наше время наука, на основаніи новѣйшихъ открытій, устанавливаетъ такіе факты, которые давно открыты Достоевскимъ,—открыты силою одного художественнаго наблюденія *). Къ сожалѣнію, Достоев-

*) Вотъ что пишетъ по этому поводу К. Случевскій въ очеркѣ жизни и дѣятельности Достоевскаго (см. 4-е изд. полнаго собр. соч. Достоевскаго): „душевно больные—настоящая сфера Достоевскаго. Они, какъ замѣчаетъ докторъ В. Чижъ, составляютъ 1/4 часть его типовъ и доказываетъ, на основаніи наблюденій такихъ спеціалистовъ, какъ Пинель, Ламброзо, Крафтъ-Эбингъ и др., что покойный былъ великимъ, геніальнымъ психопатологомъ, что онъ, художественнымъ прозрѣніемъ, опередилъ даже точную науку и многое изъ него перейдетъ, несомнѣнно, въ учебники психіатріи... Въ другой отрасли знанія и сердцевѣдѣнія, въ юридической наукѣ, согласно очень

скій у насъ—а съ нашей легкой руки и въ западной Европѣ,—доселѣ обрѣтается въ нѣкоторомъ загонѣ. Онъ весьма худо изучается (Достоевскаго надо именно изучать, а „непочитывать“); онъ не такъ эффектенъ, въ его повѣствованіяхъ отсутствуетъ тотъ легкій, игривый характеръ, который такъ нравится нашей публикѣ въ поэтическихъ произведеніяхъ; „больной это талантъ“, тяжелъ онъ и по слогу и по богатству мыслей, а главное по предмету содержанія,—настолько тяжелъ, что своими надрывами, дѣйствительно, въ состояніи вымотать ваши жилы и, вмѣсто ожидаемаго отъ романа удовольствія, причинить глубокія раны. Недаромъ С. Андреевскій назвалъ Достоевскаго „виртуозомъ на развинченныхъ (имъ же самимъ) нервахъ публики“... Не такой участи заслуживаетъ Достоевскій,—эта, по выраженію В. Буренина, „великая нравственная сила, характеръ такой мощный и крѣпкій, какого еще въ нашей литературѣ не было“.—„Какъ бы я желалъ, пишетъ гр. Л. Толстой Н. Страхову, умѣть сказать все, что я чувствую о Достоевскомъ... Я никогда не видалъ этого человѣка и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный

вѣскому показанію А. Кони, Достоевскій имѣетъ тоже удивительное значеніе. Въ рѣчи своей, сказанной 2-го Февраля 1880 г. въ юридическомъ обществѣ, послѣ смерти Достоевскаго, А. Кони вспомнилъ о томъ, что подавляющій реализмъ подробностей въ „Преступленіи и Наказаніи“, получилъ „характеръ какого-то грустнаго и чуткаго предсказанія“ въ громкихъ процессахъ Данилова и Лансберга; что „тонкое изображеніе рядомъ двухъ видовъ убійства—предъумышленнаго и умышленнаго,—столь близкихъ по формѣ, столь различныхъ по внутренней структурѣ, по происхожденію“, что это ихъ разграниченіе „явилось подъ перомъ Достоевскаго за пять лѣтъ до того, какъ оно нашло себѣ, наконецъ, законное выраженіе въ вышедшемъ на время изъ своей летаргіи нашемъ „Уложеніи о Наказаніяхъ“... В. Чижъ замѣчаетъ, что и по вопросу о значеніи одиночнаго заключенія Достоевскій тоже опередилъ науку“... и т. д.

мнѣ человѣкъ. Все, что онъ дѣлалъ, было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше... и вдругъ читаю—умеръ. Опора какая-то отскочила отъ меня".

И вотъ,—думаю я, даже убѣжденъ въ томъ,—еслибъ русская публика отнеслась съ достойнымъ, священнымъ уваженіемъ къ твореніямъ Достоевскаго, то вопросы религіознаго воспитанія и образованія на почвѣ русской дѣйствительности сразу получили бы опредѣленное, положительное освѣщеніе. Мы не стали бы тогда ставить вопросы: нужно ли намъ религіозное воспитаніе и т. п., не стали бы за разрѣшеніемъ ихъ ходить „по заграницамъ"... Вѣдь отъ каждой строки Достоевскаго такъ и слышится его нервическій, наболѣвшій голосъ: „есть Богъ, есть личное безсмертіе, безусловно признаю св. евангеліе, вѣрю въ силу и жизнеспособность православной церкви, убѣжденъ въ великой будущности *православнаго* русскаго народа". „Вѣчевой человѣкъ и православный христіанинъ Достоевскій зналъ, какъ надо говорить обо всемъ этомъ и говорилъ... до разрыва сердца". (Случевскій).

Итакъ, въ интересахъ распознанія истинныхъ идеаловъ русскаго быта и, въ частности, правильнаго взгляда на характеръ того воспитанія, которое должно имѣть мѣсто въ русской семьѣ, пожелаемъ отъ души, чтобъ Достоевскій вышелъ изъ загона, чтобъ общество русское обратило на него, наконецъ, должное вниманіе; дай Богъ, чтобъ творенія Достоевскаго („Бѣсы", „Подростокъ", „Братья Карамазовы" и особенно „Дневникъ Писателя") стали нашими настольными книгами. Достоевскій имѣетъ на то полное право! А теперь, чтобъ все-таки составить маленькое понятіе о задачахъ „русскаго" воспитанія по Достоев-

скому, мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ полемики автора „Дневника Писателя" съ А. Градовскимъ по поводу „Рѣчи" на Пушкинскомъ праздникѣ, 1877 г. 8-го Іюня. „Подъ просвѣщеніемъ,—пишетъ Достоевскій,—я разумѣю (думаю, что и никто не можетъ разумѣть иначе) то, что буквально уже выражается въ самомъ словѣ „просвѣщеніе", т. е. свѣтъ духовный, озаряющій душу, просвѣщающій сердце, направляющій умъ и указывающій ему дорогу жизни. Если такъ, то позвольте вамъ замѣтить, что такое просвѣщеніе намъ нечего черпать изъ западно-европейскихъ источниковъ за полнѣйшимъ присутствіемъ (а не отсутствіемъ) русскихъ источниковъ. Вы удивляетесь? Видите ли: въ спорахъ я люблю начинать съ самой сути дѣла, съ самого спорнаго пункта разомъ. Я утверждаю, что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: онъ ученія Христова не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ, но это возраженіе—пустое: все знаетъ, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержитъ экзамена изъ катихизиса. Научился же въ храмахъ, гдѣ вѣками слышалъ молитвы и гимны, которые лучше проповѣдей. Повторялъ и самъ пѣлъ эти молитвы еще въ лѣсахъ, спасаясь отъ враговъ своихъ, въ Батыево нашествіе еще, можетъ быть, пѣлъ: „Господи силъ съ нами буди"! и тогда-то, можетъ быть, и заучилъ этотъ гимнъ, потому что, кромѣ Христа, у него тогда ничего не оставалось, а въ немъ, въ этомъ гимнѣ, уже въ одномъ вся правда Христова. И что въ томъ, что народу мало читаютъ проповѣдей, а дьячки читаютъ неразборчиво,—самое колоссальное обвиненіе на нашу церковь, придуманное либералами, вмѣстѣ съ неудобствомъ церковно-славянскаго языка, будто-бы

напонятнаго простолюдину. (А старообрядцы-то, Господи!). За то выйдетъ попъ и прочтетъ: „Господи и Владыко живота моего“,—а въ этой молитвѣ *вся суть христіанства*, весь его катихизисъ, а народъ знаетъ эту молитву наизусть. Знаетъ тоже онъ наизусть многія изъ житій святыхъ, пересказываетъ и слушаетъ ихъ съ умиленіемъ. Главная же школа христіанства, которую прошелъ онъ,—это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій, имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ, оставленный всѣми, попранный всѣми, работающій на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ—Утѣшителемъ, Котораго и принялъ тогда въ свою душу на вѣки и Который за то спасъ отъ отчаянія его душу... Тема эта важная, о ней надо особо и много еще сказать, и буду говорить, пока держу перо въ рукахъ, а теперь выражу мою мысль лишь въ основномъ положеніи: если нашъ народъ просвѣщенъ уже давно, принявъ въ свою суть Христа и Его ученіе, то вмѣстѣ съ Нимъ, съ Христомъ, ужъ, конечно, принялъ и *истинное* просвѣщеніе. При такомъ основномъ запасѣ просвѣщенія, науки Запада, конечно, обратятся для него лишь въ истинное благодѣяніе. Христосъ не померкнетъ отъ нихъ у насъ, какъ на западѣ, гдѣ, впрочемъ, не отъ наукъ онъ померкъ, какъ утверждаютъ либералы же, а еще прежде наукъ, когда сама церковь западная исказила образъ Христовъ, преобразившись изъ церкви въ Римское государство и воплотивъ его вновь въ видѣ папства. Да, на западѣ воистину уже нѣтъ христіанства и церкви, хотя и много еще есть христіанъ, да и никогда не исчезнутъ. Католичество воистину уже не христіанство и переходитъ въ идолопоклонство, а протестантизмъ исполинскими шагами переходитъ

въ атеизмъ, и въ зыбкое, текущее, измѣнчивое (а не вѣковѣчное) нравоученіе". (Сочин. 11 т. стр. 452—453).

Теперь нѣсколько словъ о знаменитомъ Л. Н. Толстомъ. Какъ онъ смотритъ на вопросы религіознаго воспитанія?

Вся литературная дѣятельность гр. Л. Толстого распадается, какъ извѣстно, на два періода: первый—когда онъ ходилъ, подобно Левину, въ простой народъ, чтобъ учиться у него вѣрѣ и терпѣнію; второй—когда великій писатель оказался, по выраженію (если не ошибаюсь) В. Соловьева, съ религіей безъ (живого) Бога и съ христіанствомъ безъ Христа. Въ первый періодъ Толстой не только не отрицалъ необходимости религіознаго (православнаго) воспитанія, но съ свойственною ему рѣшительностію подтверждаетъ общеизвѣстный въ исторіи народовъ фактъ, что „религія есть единственное, законное и разумное *основаніе* воспитанія" (изъ ст. „Воспитаніе и образованіе"). И въ Ясно-полянской школѣ обученіе Закону Божію занимаетъ очень видное мѣсто... Не исключаетъ Л. Н. Толстой религіознаго элемента изъ системы воспитанія и въ послѣдній періодъ своей дѣятельности. Напротивъ, нравственное совершенствованіе человѣка онъ полагаетъ исключительно въ перевоспитаніи его на евангельскихъ началахъ. Правда, отъ евангелія у Л. Толстого получается лишь произвольно имъ же самимъ оставленный (или составленный) кодексъ нравственныхъ сентенцій, но для насъ важна самая мысль писателя, который, отвергая значеніе даже современной науки, всю силу нравственнаго оздоровленія человѣчества видитъ въ мѣрѣ усвоенія требованій евангельской морали...

Я не буду говорить о воззрѣніяхъ на задачи религіознаго воспитанія нашихъ славянофиловъ (обоихъ Аксаковыхъ, А. С. Хомякова, Ю. Самарина и др.), боясь упрека въ искусственномъ подборѣ писателей, хотя смѣю увѣрить, что въ славянофильскихъ писаніяхъ такъ много указаній по нашему вопросу,— дѣльныхъ и жизненновѣрныхъ, что знакомство съ ними, кромѣ пользы, ничего не принесло бы нашей публикѣ. Не буду также касаться писаній нашихъ ученыхъ богослововъ. Нельзя только не пожалѣть, что послѣдніе, на счетъ своихъ твореній, всегда представляютъ изъ себя такую тяжелую артиллерію, что читателю, безъ спеціально-богословскаго образованія, ихъ творенія являются иногда положительно неудобоваримыми; да и печатаются эти авторы, по большей части, въ духовныхъ журналахъ, которые свѣтской публикой почти не читаются. Но, говоря о религіозномъ воспитаніи, никакимъ образомъ нельзя пройти молчаніемъ того факта, что всѣ наши спеціалисты-педагоги религіозное воспитаніе кладутъ во главу угла. Здѣсь мы должны остановиться на именахъ К. Д. Ушинскаго (болѣе подробно) и С. А. Рачинскаго (кратко).

Какъ смотрѣлъ на задачи религіознаго воспитанія отецъ русской педагогіи? А вотъ какъ: христіанская религія,—для русскаго человѣка непремѣнно въ формѣ православія,—по мнѣнію Ушинскаго, есть альфа и омега раціональнаго воспитанія. „Мы не ставимъ религіи сосредоточіемъ образованія,—говоритъ Ушинскій,—потому что она должна стоять во главѣ его“ (Собран. сочин. стр. 516). „Если же захотимъ отдѣлить непроходимою гранью преподаваніе Закона Божія отъ преподаванія другихъ предметовъ,

то хотя преподаваніе другихъ предметовъ останется, но воспитаніе исчезнетъ“. „Современная педагогика выросла исключительно на христіанской почвѣ и для насъ нехристіанская педагогика есть вещь немыслимая,—безголовый уродъ и дѣятельность безъ цѣли, предпріятіе безъ побужденій позади и безъ результатовъ впереди“ (стр. 244).

Полагая христіанскую религію, какъ единственно разумную и возможную основу нравственнаго воспитанія человѣка (стр. 195), Ушинскій выражаетъ желаніе, чтобы „наше свѣтское образованіе сблизилось съ религіознымъ, особенно, приступая къ дѣлу народнаго воспитанія, весьма полезно бы было, чтобы для свѣтскихъ лицъ была открыта возможность полнаго богословскаго образованія—въ семинаріяхъ ли или въ университетахъ, и чтобы для лицъ духовнаго званія сдѣлалось доступнымъ полное педагогическое образованіе. Тогда только мы вправѣ будемъ ожидать плодовитаго сближенія между двумя сторонами русской жизни: между образованіемъ и церковію. Если этого сближенія еще не произошло, то въ этомъ никакъ не виноваты основанія православной религіи, потому что православіе есть единственная религія для такого движенія. Оставляя въ сторонѣ чисто религіозное значеніе православія, и глядя на него только со стороны земной, общественной, мы видимъ въ немъ единственную религію, которая, сохраняя нерушимо не только общія, основныя истины христіанства, но и свои древнія формы, можетъ стать религіей великаго и образованнаго народа, быстро и неуклонно идущаго по пути общей европейской цивизаціи. Католицизмъ не истинами христіанства, а своею іерархіею поставилъ препону цивилизаціи народа. Земное владычество, а не поль-

за народная было главнымъ мотивомъ католическихъ прелатовъ. Характеръ протестантизма опредѣляется всего лучше его названіемъ, это—вѣчная протестація, вѣчное отрицаніе, которое не можетъ остановиться, не отказавшись отъ своего характера. Протестантизмъ силенъ лишь до тѣхъ поръ, пока протестуетъ; но какъ только захочетъ остановиться, превратиться въ ортодоксію, такъ и обнаружится неопредѣленность его границъ... Православная религія величественно идетъ по средней, истинной дорогѣ; она, свято сохраняя древнія формы христіанства и не объявляя римскихъ притязаній на земную власть, благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ. Сохраненныя православіемъ древнія, безконечно глубокія и полныя мысли формы христіанства открываютъ возможность безконечнаго, прогрессивнаго углубленія въ себя, какъ для младенчествующаго народа, такъ и для народа, обогатившагося всѣми плодами образованія. Церковь православная никогда не сдѣлается государствомъ и никогда не превратится въ школу; она останется всегда вѣчнымъ, неземнымъ учрежденіемъ. Не забудемъ, что величайшіе двигатели народнаго воспитанія: Франке, Песталоцци, Арнольдъ, именно въ христіанствѣ почерпали силы для своей плодовитой и энергической дѣятельности, пересоздавшей воспитаніе Европы". (Стр. 246—247).

Желая выяснить, какое значеніе имѣетъ православная вѣра въ жизни русскаго народа, Ушинскій, между прочимъ, разсуждаетъ такъ: „если русскій крестьянинъ отличается теперь отъ дикаря, то этимъ онъ почти единственно обязанъ своей все-таки европейской, славянской природѣ, а еще болѣе своему древнему христіанству. Загляните въ самую

глухую русскую деревню, отдѣленную отъ остального міра почти непроходимыми лѣсами и болотами, и вы не найдете тамъ почти никакихъ слѣдовъ европейской цивилизаціи, но тѣмъ не менѣе замѣтите въ характерѣ жителей много природнаго славянскаго ума и добродушія, и глубокіе слѣды христіанства, которые, можетъ быть, тѣмъ глубже, чѣмъ древнѣе. Это сильно образующее вліяніе христіанства идетъ, безъ сомнѣнія, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда наши первые святые подвижники христіанской истины, смѣло углубляясь съ своею могучею проповѣдію въ глушь болотъ и лѣсовъ, полагали въ души языческихъ племенъ святыя сѣмена. Подъ вліяніемъ этой личной, сильно говорящей сердцу проповѣди, выражавшейся не только въ словахъ, но и въ истинно подвижнической жизни, христіанскіе элементы совершенно срослись въ душѣ русскаго съ его славянскимъ характеромъ и навсегда извлекли его изъ дикой жизни, и такимъ образомъ внесли новый элементъ, славянскій, въ сферу европейской исторіи. Но впослѣдствіи это образовательное вліяніе религіи значительно ослабѣло и, такъ сказать, остановилось на одной точкѣ; такъ что въ настоящее время христіанскія правила жизни сдѣлались болѣе традиціонными и болѣе передаются, какъ святое преданіе, отъ отцовъ и дѣдовъ къ дѣтямъ и внукамъ, чѣмъ подновляются и возрождаются вновь изъ ихъ непосредственнаго источника... Христіанскія истины пріобрѣли у насъ особый патріархальный характеръ и, соединившись съ лучшими особенностями славянской природы, образовали тотъ патріархально-христіанскій характеръ, который и теперь еще можно встрѣтить нерѣдко во всемъ его маститомъ и добродушномъ величіи, какъ живой урокъ нашей, такъ часто встрѣчающейся

свѣтской мелочности, съ ея внѣшней только, поверхностной полировкой. Эта патріархальная нравственность, просвѣтленная древнимъ вліяніемъ христіанства, къ счастію, еще довольно сильна въ русскомъ народѣ. Но какъ всякое преданіе, сильно прочувствованное, но мало сознанное, и переходящее въ привычку, не переходя черезъ сознаніе, эта патріархальная нравственность подверглась вліянію вѣковъ, одѣвающихъ плесенью и твердую скалу, и не очищаемая огнемъ сознанія, несетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе не только истинно-нравственныя правила, но и предразсудки, суевѣрія, иногда вовсе не нравственные совѣты, и двусмысленнаго достоинства пословицы— эти совѣты практической мудрости давно отжившихъ поколѣній. Но это еще не большая бѣда и мы, помня басню Крылова „Червонецъ", не посовѣтовали бы слишкомъ торопливо стирать эти предразсудки, чтобъ не задѣть того драгоцѣннаго зерна, котораго мы дать не можемъ, и для котораго предразсудокъ служитъ иногда обороняющей скорлупою". (Стр. 225—227).

Что касается церкви и ея служителей, то въ дѣлѣ воспитанія К. Д. Ушинскій отводитъ имъ почетное мѣсто. „Высшая цѣль всякой народной школы,—пишетъ Ушинскій,—открыть въ церкви для человѣка источникъ духовнаго развитія и нравственныхъ убѣжденій" (стр. 169). Или: „дѣло народнаго воспитанія должно быть освящено церковію, а школа должна быть преддверіемъ храма". Вообще, отецъ русской педагогіи весьма рѣшительно заявлялъ о своемъ желаніи, чтобъ „ни одно русское дитя не было лишено святаго, отраднаго воспитательнаго вліянія православной церкви". (Стр. 268).

Не менѣе замѣчательны мысли Ушинскаго о русскомъ духовенствѣ. „По коренному смыслу хри-

стіанской религіи,—пишетъ онъ,—духовный пастырь долженъ быть не только служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ слова Божія, но наставникомъ и учителемъ. На обязанности его лежитъ не только принятіе въ нѣдра церкви новаго христіанина посредствомъ таинства крещенія, но и введеніе его въ смыслъ христіанскихъ истинъ и въ нравственный храмъ христіанства. Оставляя въ сторонѣ небесное значеніе религіи, какъ приготовительницы христіанина къ будущей жизни, мы полагаемъ, что христіанскій пастырь имѣетъ назначеніе умственно и нравственно возвышать людей и въ этой жизни и открывать источникъ того благодѣтельнаго вліянія, которое христіанская религія оказала на умственное и нравственное развитіе человѣческихъ обществъ; словомъ, что духовные пастыри наши должны приготовлять въ насъ не только членовъ церкви, но и дѣятельныхъ гражданъ христіанскаго государства. Педагогическая дѣятельность не только не противорѣчитъ характеру дѣятельности священнослужительской, но является самымъ необходимымъ ея дополненіемъ. Можетъ ли быть для служителя алтаря и проповѣдника слова Божія какая-нибудь дѣятельность приличнѣе воспитанія молодыхъ поколѣній? Какое общество можетъ быть приличнѣе для проповѣдника религіи Спасителя, какъ не общество дѣтей, которыми такъ любилъ Себя окружать Богочеловѣкъ и заботу о которыхъ Онъ такъ строго заповѣдалъ Своимъ ученикамъ?“ (Стр. 242—243).

Впрочемъ, надо замѣтить, что, признавая учительство необходимою принадлежностью православнаго пастырства, Ушинскій передачу народныхъ школъ въ руки духовенства признавалъ дѣломъ невозможнымъ, какъ въ виду безрезультатности быв-

шихъ до него попытокъ насадить народныя школы при монастыряхъ и церквахъ, такъ и въ силу физической невозможности для духовенства сладить съ этимъ дѣломъ. „Мы видимъ даже,—пишетъ Ушинскій,—что для преподаванія одного Закона Божія въ школахъ, преподаванія дѣйствительнаго и постояннаго, и особенно, если надъ этимъ преподаваніемъ есть зоркій надзоръ, не всегда можно найти преподавателей между приходскими священниками, такъ какъ они имѣютъ для этого очень мало времени“ *).

Къ К. Д. Ушинскому въ теченіе своей работы мы должны будемъ обращаться еще нѣсколько разъ. Теперь же я просилъ бы читателя и лицъ интересующихся вопросами воспитанія, а особенно лицъ, отрицающихъ значеніе религіознаго элемента въ системѣ послѣдняго, обратить вниманіе на взгляды Пушкина, Достоевскаго и Ушинскаго. Геніальный поэтъ; вѣчевой человѣкъ и православный христіанинъ; и отецъ русской педагогики во взглядахъ на православіе, церковь, духовенство, и особенно задачи религіознаго воспитанія доходятъ до полной солидарности, хотя работали они далеко не въ одно время, а были отдалены одинъ отъ другого на цѣлые десятки лѣтъ; работали при разныхъ условіяхъ и почти (можно такъ сказать) на разныхъ поприщахъ. Развѣ не достойно удивленія и уваженія такое сходство?!.

Теперь нѣсколько словъ о С. А. Рачинскомъ. Профессоръ университета, профессоръ—шестидесятникъ, онъ отказывается отъ заманчивой перспективы пожинанія ученыхъ лавровъ и идетъ въ народную, сельскую *церковную* школу, чтобъ пѣть съ ребятами

*) См. интересную статью К. Д. Ушинскаго въ Собр. сочиненій: „Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ“.

аллилую, читать псалтирь и часословъ, ходить по монастырямъ... И что же? Разочаровался онъ, что такъ переломилъ свою жизнь,—онъ, проводившій въ школѣ всѣ свои дни? Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ, говоря о себѣ, какъ учителѣ, въ третьемъ лицѣ: „зимою онъ, съ 8-ми час. утра до 8-ми часовъ вечера окруженъ семью—десятью крестьянскими ребятами, въ будни и праздники. Этотъ учитель—человѣкъ больной и старый, избалованный инымъ образомъ жизни. Физическое утомленіе, неизбѣжное при этомъ образѣ жизни, съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ душевнымъ отдыхомъ, который онъ нашелъ на склонѣ лѣтъ и силъ,—такъ близко, такъ легко“.

Да, Рачинскій,—въ наши дни разборки, провѣрки и сортировки умственнаго багажа и культурныхъ наслѣдій отъ недавняго прошлаго,—съ его глубокою вѣрою въ великую, безусловную необходимость религіознаго воспитанія,—явленіе, во всякомъ случаѣ, замѣчательное: молчаніемъ его обойти нельзя!

Итакъ, наши русскіе писатели, всю жизнь свою посвятившіе на изученіе души и быта русскаго человѣка, приходятъ къ согласному заключенію о великомъ значеніи для человѣка религіи вообще и въ дѣлѣ воспитанія, слѣд., въ особенности.

II.

Русская дѣйствительность требуетъ особеннаго вниманія къ дѣлу религіознаго воспитанія.

Изъ сказаннаго выше мы видѣли, между прочимъ, что русскіе писатели разныхъ направленій согласно указываютъ на важность и необходимость религіознаго воспитанія. И они не могли судить объ этомъ иначе, какъ великіе знатоки русской исторіи, русскаго быта... Страшно подумать, въ какія противорѣчія съ жизненными впечатлѣніями и требованіями поставили бы (и ставятъ нерѣдко) наши (русскіе) родители своихъ дѣтей, если бъ они безповоротно рѣшили воспитывать ихъ внѣ всякихъ религіозныхъ воздѣйствій.

Обратимъ вниманіе на нашъ языкъ. Слова: Богъ, ангелъ, душа, вѣчность, ради Христа... и тысячи подобныхъ выраженій въ общежитіи употребляются у насъ на каждомъ шагу. Языкъ свой ребенокъ перенимаетъ отъ родителей и близкихъ людей. По наслѣдству переходятъ къ ребенку и помянутыя сейчасъ выраженія. Трудно будетъ ему, бѣдному, справиться съ такимъ наслѣдствомъ, когда подоспѣетъ пора критической оцѣнки пріобрѣтенныхъ путемъ подражанія и привычки знаній. Очень трудно понять смыслъ этихъ словъ, частое ихъ употребленіе въ обиходѣ,—если не соединено съ ними никакихъ ясныхъ представленій, никакого содержанія. Любознательный ребенокъ замучаетъ тогда свою „просвѣщенную“ матушку разспросами, и въ концѣ концовъ

едва ли повѣритъ ей, если она, просвѣщенная мать, будетъ убѣждать ребенка, что все это „звуки пустые“. Тѣмъ болѣе, у ребенка будутъ въ это время сильные, по своему непосредственному влiянiю, союзники. Разумѣю, прежде всего, вѣрующихъ родственниковъ и, затѣмъ, прислугу.

Въ каждомъ домѣ *) всегда найдется какая-нибудь старенькая бабушка, или дальняя родственница какая-нибудь, которая такъ чудно умѣетъ разсказывать ребятамъ интересныя сказки. Эта бабушка, или тамъ тетушка, по мѣрѣ подрастанiя любимца-крошки, не преминетъ разсказать ему сказки помудренѣе; она сообщитъ своему касатику всѣ свѣдѣнiя изъ области религiи, которыя знакомы ей самой,— сообщитъ, можетъ быть, съ примѣсью разнаго рода вымышленныхъ и суевѣрныхъ сказанiй, но всегда въ такой привлекательной формѣ, съ такой глубокой вѣрой, что невольно заразитъ своими чувствами и ребенка. Вѣдь ничто такъ не захватываетъ и не увлекаетъ нашихъ юнцовъ, какъ непосредственная, простая вѣра разсказчика въ то, о чемъ намъ разсказываютъ. Даже пусть не всему повѣритъ ребенокъ, но черточку на его мягкую душу любящая бабушка положитъ несомнѣнно.

Къ ребенку очень близко стоитъ домашняя прислуга и, прежде всего, его няня. Если вы лишите ребенка разумнаго, правильнаго религiознаго воспитанiя, то не откроете ли чрезъ это свободный доступъ тому вредному влiянiю, какое оказываютъ на воображенiе и характеръ ребенка различные разсказы этого люда о привидѣнiяхъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ, объ убiйствахъ, звѣрствахъ, о всякихъ суевѣ-

*) Разумѣю, домъ средней руки.

ріяхъ и предразсудкахъ. Все это кладетъ свой слѣдъ на впечатлительную душу ребенка; и стереть, уничтожить этотъ слѣдъ не такъ легко и скоро, какъ это кажется. Подобныя вліянія остаются на всю жизнь; съ ними приходится считаться даже тогда, когда въ міръ фантазіи мы отправляемъ холодный разсудокъ. Вспомните свое дѣтство. Вѣроятно, каждый изъ насъ пережилъ что-нибудь подобное и окончательно не освободился еще отъ всѣхъ послѣдствій подобныхъ впечатлѣній доселѣ! *)

По мѣрѣ возраста у ребенка будетъ расширяться кругъ общенія съ окружающей средой. Ребенокъ узнаетъ, что у насъ есть храмъ, гдѣ люди молятся Богу и освящаются таинствами; есть праздники, посты; видитъ иконы, крестное знаменіе; замѣчаетъ, что родится ли новое живое существо,—его несутъ „въ церковь крестить“; свадьба въ домѣ,—женихъ и невѣста ѣдутъ въ церковь „вѣнчаться“; умираетъ человѣкъ,—его опять несутъ въ церковь. Вѣдь эта такая масса впечатлѣній, что она можетъ задавить ребенка, если вы оставите его безъ всякой помощи, когда онъ пожелаетъ знать, зачѣмъ все это? Или вы объясните ему, что „все это, дѣточка, люди выдумали“?.. Смотрите, не погубите вашего ребенка той непосильной ношей, которую вы дадите ему!..

Наступаетъ, наконецъ, школьный возрастъ. Разладъ долженъ обостриться еще больше. Тутъ това-

*) Нельзя не согласиться съ пожеланіемъ Н. Соловьева, заявленнымъ въ книжкѣ его: „Женщина и дѣти“. Указавши, какую важную роль играетъ нянька, ухаживающая за дѣтьми, въ дѣлѣ усвоенія ребенкомъ разныхъ свѣдѣній и пріобрѣтенія привычекъ, Н. Соловьевъ пишетъ: „нянька постоянно при дѣтяхъ; званіе няньки обусловливаетъ много свѣдѣній, потому что въ ухаживаніи за дѣтьми—основа ихъ будущаго развитія. По настоящему должны бы существовать школы для нянекъ, гдѣ бы онѣ, подобно акушеркамъ, обучающимся женскимъ болѣзнямъ, знакомились болѣе или менѣе съ дѣтскою гигіеною и основными правилами воспитанія“.

рищи, тутъ обязательное изученіе Закона Божія, обязательное посѣщеніе богослуженій, обязательное исполненіе таинствъ исповѣди и причащенія...

Для иллюстраціи моихъ мыслей я очень рекомендовалъ бы читателю прочитать изданную К. П. Побѣдоносцевымъ „повѣсть не для дѣтей“, подъ заглавіемъ: „Исторія дѣтской души“. Книжка эта есть собственно переводъ разсказа извѣстной англійской писательницы Маріи Корелли подъ названіемъ: „Могущественный атомъ“. Въ подлинникѣ разсказу предшествуетъ слѣдующее предисловіе автора: „книга эта надписывается: тѣмъ самоименнымъ прогрессистамъ, кои и ученіемъ своимъ и примѣромъ содѣйствуютъ безчестному дѣлу воспитанія дѣтей безъ вѣры, и кои, распространяя заимствованную изъ французскаго безбожія идею—устранять изъ дѣтской души, въ начальныхъ школахъ и всѣхъ прочихъ мѣстахъ обученія, познаніе Бога и любовь къ Богу, единыя истинныя основы доброй жизни, оказываются виновными въ страшномъ преступленіи, хуже убійства“. Книжка замѣчательна по яркой обрисовкѣ того ужаснаго противорѣчія и безсилія при столкновеніи съ вѣрующими людьми, въ которыя родители ставятъ неизбѣжно своихъ дѣтей, воспитывая ихъ внѣ всякихъ религіозныхъ вліяній.

Для лицъ, неимѣющихъ около себя помянутой книжки, мы приведемъ нѣсколько картинокъ.

Богатый М—ръ Джонъ Велискрутъ единственнаго сына своего, Ліонеля воспитывалъ „по послѣднему слову науки“! Религіозное образованіе, конечно, было совершенно незнакомо мальчику. Для ясности и послѣдовательности обученія, для Ліонеля былъ составленъ особый конспектъ, по которому исторія вѣрованій раздѣлялась на 12 группъ. 1) Фта и Еги-

петская миѳологія. 2) Брама, Вишну и Индусскіе миѳы. 3) Халдейскія и Финикійскія вѣрованія. 4) Греческіе и Римскіе боги. 5) Будда и Буддизмъ. 6) Конфуцій и Китайскія секты. 7) Мексиканская миѳологія. 8) Одинъ и Скандинавскія вѣрованія. 9) Магометанство и Коранъ. 10) Талмудъ и Еврейскія преданія. 11) Христосъ и постепенное развитіе христіанскаго миѳа на обломкахъ Греческаго и Римскаго язычества. 12) Позитивизмъ и чистый разумъ, съ доказательствами, что всѣ эти вѣрованія никакихъ положительныхъ основъ не имѣютъ, а только тормозятъ ходъ интеллектуальнаго развитія человѣчества. Этому конспекту было отведено самое первое мѣсто въ учебно-воспитательныхъ занятіяхъ Ліонеля. Ему тщательно изъясняли, что въ наше время лишь одно грубое невѣжество еще вѣритъ въ Божественное Начало, что люди интеллигентные давно пришли къ заключенію, что нѣтъ Бога, что первая причина есть Атомъ, порождающій другіе атомы, которые, вращаясь непрестанно, безсознательно, безъ мышленія, одной силой матеріи созидаютъ міръ, что въ Божество соціалиста-плотника Іисуса, который по ученію христіанскаго миѳа, своею жизнью и смертью указалъ вѣрующимъ путь въ царство небесное, могутъ вѣрить люди совсѣмъ простые, слабоумные...

Какъ видите, квинтъ-эссенція моднаго воспитанія! Но посмотримъ, какіе уроки давала Ліонелю дѣйствительность при первыхъ столкновеніяхъ съ нею.

Ліонель случайно зашелъ однажды на кладбище, гдѣ, конечно, онъ не былъ ни разу. Ліонель остановился около одного памятника и разбиралъ заинтересовавшую его надпись на немъ. Вдругъ передъ нимъ появилась, точно выходя прямо изъ подъ зем-

ли, красивая, сѣдая голова человѣка, который съ любопытствомъ смотрѣлъ на него.

— „Не бойтесь, маленькій баринъ“, сказала голова, „я только рою могилку для бабушки Твили“.

— „Вы меня совсѣмъ не испугали, сказалъ Ліонель... Какую большую яму вы роете“!

— „Да“, и человѣкъ ласково улыбнулся ясною, тихою улыбкою.—„Старая Твили любила просторъ! Царство ей небесное! Теперь, что ушла она отъ насъ, нѣтъ такого человѣка, кто бы могъ сказать о ней недоброе слово... не всегда-то такъ бываетъ и съ королями и съ королевами!“

— „Она умерла?“—тихо спросилъ Ліонель.

— „Да, если разумѣть жизнь земную, она умерла“, былъ отвѣтъ. „Но Боже! что такое земная жизнь! Ничего! *И духъ пройде, и не будетъ, и не познаетъ мѣста своего.* Царство небесное, вотъ къ чему мы всѣ должны стремиться, маленькій баринъ, должны работать днемъ и ночью, чтобъ удостоиться войти въ него“.

Не прерывая работы своей, онъ тихо запѣлъ густымъ мелодичнымъ баритономъ любимый свой гимнъ, въ которомъ воспѣвалась слава свѣтлыхъ ангеловъ небесныхъ.

Ліонель сѣлъ на сосѣднюю зеленую могилку и пристально, какъ бы испытующимъ взглядомъ, глядѣлъ на него.

— „Какъ можете вы вѣрить въ подобные пустяки?“—спросилъ онъ съ важной укоризной,—„а еще взрослый мущина!“

Тутъ могильщикъ прервалъ свою работу и, обернувшись, съ неописаннымъ изумленіемъ сталъ разсматривать маленькаго мальчика...

— „Какъ могу я вѣрить въ подобные пустяки?“..—повторилъ онъ медленно. „*Пустяки*“. Такъ на-

зывать нашу несокрушимую вѣру, нашу незыблемую надежду на жизнь вѣчную! Помилуй, Господи, бѣднаго малютку! Кто же могъ такъ воспитать тебя?"

Ліонель страшно покраснѣлъ—покраснѣлъ до слезъ: такимъ одинокимъ онъ себя чувствовалъ, и такъ ему пріятно было говорить съ этимъ жизнерадостнымъ человѣкомъ, у котораго былъ такой нѣжный, мелодичный голосъ...

„Меня зовутъ Ліонель, Ліонель Велискрутъ",—сказалъ онъ тихимъ, немного дрожащимъ голосомъ. „Я единственный сынъ м—ра Велискрута, который нанялъ на это лѣто вонъ тотъ большой домъ",—и онъ рукою указалъ на домъ, крыши котораго виднѣлись изъ-за деревьевъ,—„и у меня съ тѣхъ поръ, какъ минуло мнѣ шесть лѣтъ, всегда были очень умные воспитатели; теперь мнѣ скоро будетъ 11 лѣтъ. Они меня очень многому учили. И оттого я сказалъ, что будущая жизнь—пустяки, что мнѣ такъ всегда было говорено. Очень отрадно было бы думать, что *это* правда, но это неправда, это только мечта, что—то въ родѣ легенды. Мой отецъ говоритъ, что въ наше время уже никто этому не вѣритъ. Наукой доказано, что когда опускаютъ тебя въ такую могилу, ты умеръ навсегда, и никогда себя уже не узнаешь, для чего ты былъ созданъ,—по моему, это очень странно и очень, очень жестоко,—и черви съѣдятъ тебя. Ну, какъ же не пустяки думать, что можно жить послѣ того, какъ съѣдятъ тебя черви?"...

— „Такъ-то.. ты—сынъ м—ра Велискрута",—съ ясной улыбкой любви сказалъ старикъ. „А я—Рубенъ Дейль, псаломщикъ этой церкви, и пономарь, и землекопъ, и столяръ... всякую работу, посланную мнѣ Господомъ, я дѣлаю, только бы силъ хватило. Вотъ, видишь эти мои руки",—и онъ поднялъ одну

сильную, мускулистую руку,—„онѣ хорошо до сихъ поръ служили, онѣ давали хлѣбъ и кровъ, и одежду тѣмъ, кто дорогъ мнѣ, и, если Богъ дастъ, онѣ еще многіе годы мнѣ послужатъ, но я знаю, что придетъ пора, когда ихъ сложатъ на мнѣ... Ну, такъ что же?.. *тогда* онѣ уже не будутъ мнѣ нужны, я буду уже въ другомъ мірѣ, въ немъ буду жить и думать и, если угодно Господу, буду такъ же работать, потому что трудъ Господь благословилъ, и душа у меня будетъ таже, что теперь: только молю Господа моего до того времени очистить и освятить ее!“..

Онъ поднялъ свои ясные голубые глаза къ голубому ясному небу и такъ оставался нѣсколько минутъ, какъ бы въ созерцаніи чего-то...

— „М—ръ Дейль, *что* что вы разумѣете, когда говорите о своей душѣ?“—робко спросилъ Ліонель.

— „Что я разумѣю, мой милый?“—сказалъ онъ. „Я разумѣю то, что одно живо во мнѣ,—ту живую искру небеснаго огня, которую Самъ Господь даровалъ каждому изъ насъ... Вотъ что я разумѣю, и что ты долженъ будешь разумѣть, бѣдное дитя, когда подростешь и станешь вникать въ тайну милосердія Божьяго“.

— „А у вашего друга, у м—съ Твили“,—какъ то трепетно спросилъ Ліонель,—„тоже было то, что вы называете—душа?“

— „О, да, была! и великая, и вѣрная, и чистая это была душа!“

— „Но какъ можете вы это знать?“ настаивалъ Ліонель съ болѣзненнымъ любопытствомъ.

— „Милый мой, когда видишь бѣдную—бѣдную старушку, какъ она проживаетъ весь вѣкъ свой въ лишеніяхъ и трудахъ, какъ она безропотно и радостно переноситъ свою смиренную и тяжкую долю, и

ласковая улыбка не сходитъ съ устъ ея, и сердце открыто малымъ дѣтямъ, и прощеніе готово всѣмъ заблуждающимся, и любовь готова для всѣхъ; и она, оглядываясь назадъ на 80 лѣтъ своей жизни, говоритъ лишь одно: слава Богу за все!.. можно быть увѣреннымъ, что что-то *высшее*, что-то *лучшее*, нежели жалкая тѣлесная ея оболочка, даетъ ей силу быть вѣрной себѣ, вѣрной друзьямъ своимъ, вѣрной Господу своему... такова была бабушка Твили... Тѣло ея было одной тяготой—слабое, тучное, все искривленное ревматизмомъ,—но душа,—о, она была прямая, крѣпкая! Въ Коммортинѣ (гдѣ происходитъ дѣйствіе) всѣ такъ *знали* ея душу, что не помнили бѣдной оболочки, которая прикрывала ее; мнѣ кажется, что оболочки этой мы совсѣмъ даже не замѣчали! Наша плоть немощна, мой милый, и если бы не душа наша, какъ бы намъ справляться съ ней?"..

Въ этотъ же часъ состоялось знакомство Ліонеля со внучкой Дейля, маленькой Жесминой. Послѣ перваго знакомства, дѣвочка сказала Ліонелю: „пойдемъ въ церковь: въ церкви прохладно, мы сядемъ на кафедру, и ты мнѣ разскажешь что-нибудь про ангеловъ. Вѣдь ты знаешь, Божьи ангелы каждую ночь слетаютъ къ намъ съ неба. А ты своего ангела-хранителя видѣлъ?"

Трепетно забилось сердце у одинокаго мальчика. Какъ бы ему хотѣлось вѣрить въ близость небеснаго хранителя, но онъ не могъ... „Нѣтъ",—сказалъ онъ Жесминѣ.

— „А я думала, что ты ихъ видѣлъ",—сказала она, „вѣдь ты мальчикъ не дурной?"

— „Можетъ быть, и дурной",—съ грустной улыбкой отвѣтилъ Ліонель: „оттого ангелы и не прилетаютъ ко мнѣ".

— „Моя мама теперь ангелъ",—продолжала Жесмина. „Видишь, она не могла долго жить далеко отъ Бога и однажды ночью вдругъ улетѣла къ Нему. Папа говоритъ, что теперь она часто на минутку слетаетъ къ намъ, поцѣлуетъ его, меня поцѣлуетъ, взмахнетъ своими бѣлыми крыльями и улетитъ назадъ".

— „Значитъ, она умерла?"—спросилъ Ліонель.

— „Да нѣтъ",—спокойно отвѣтила Жесмина: „вѣдь я говорю тебѣ, что она—ангелъ!"

— „А ты видѣла ее съ тѣхъ поръ, какъ она стала ангеломъ?"

— „Нѣтъ",—грустно вздыхая, отвѣтила дѣвочка. „Я слишкомъ мала и часто бываю дурная... но я, навѣрно, еще увижу ее"...

... Но вотъ Ліонель и Жесмина въ церкви. Древніе своды, съ ихъ затѣйливой рѣзьбой изъ темнаго дуба, умѣряли дневной свѣтъ; таинственный полумракъ и та особая тишина, которая присуща мѣсту, освященному молитвами, производили на Ліонеля впечатлѣніе неизъяснимо сладостное, ему совершенно незнакомое.

Жесмина крѣпко сжала ему руку.

„Пойдемъ",—шопотомъ проговорила она,—тамъ на каѳедрѣ большая—большая Библія, я тебѣ покажу картинку, *мою* картинку, мою самую, самую дорогую картинку.

.. „Вотъ она!"—съ трепетнымъ восторгомъ указала Жесмина на отысканную въ Библіи картину. „Смотри! Видишь этого хорошенькаго Мальчика? А вонъ тутъ эти противные старики. Вотъ они всѣ думаютъ, что они очень, очень умные! И хорошенькій Мальчикъ имъ говоритъ, какіе они всѣ глупые, что они ничего не смыслятъ въ своихъ книгахъ, и

что Богъ мудрѣе ихъ, и милосердый, и добрый... И они, видишь, сердятся; и имъ такъ удивительно, что Онъ съ ними *такъ* говоритъ, когда Онъ еще такой маленькій мальчикъ. А Онъ-то знаетъ *все*, что эти дурные, злые люди знать не могутъ; и это оттого, что Онъ—маленькій—Іисусъ?"..

Картинка изображала Христа передъ законниками во храмѣ. Ліонель смотрѣлъ на нее съ какимъ-то страстнымъ вниманіемъ.

... Жесмина, облокотясь на Ліонеля, заснула въ церкви. Ліонель сидѣлъ не шевелясь, бережно поддерживая ее своей рукой и задумчиво озираясь. Прямо передъ нимъ виднѣлся иконостасъ, на которомъ были изображены лики двѣнадцати апостоловъ; онъ смотрѣлъ на нихъ какимъ-то испытующимъ взглядомъ. Конечно, онъ зналъ ихъ исторію,—зналъ, что всѣ они были простые рыбари съ береговъ Галилейскаго озера, что ихъ призвалъ Іисусъ, сынъ Іосифа плотника, и что они слѣдовали за Нимъ всюду, когда Онъ проповѣдывалъ новое, странное ученіе любви, которое казалось безуміемъ для міра, погрязшаго въ злобѣ и во лжи. Они были люди бѣдные, самые обыкновенные, не было между ними ни царей, ни полководцевъ, ни героевъ, и не отличались они ни знатностью, ни ученостью, и однако въ исторіи человѣчества они имѣютъ значеніе, какого не имѣли и самые великіе цари! Какъ было это странно, очень, очень странно,—думалъ Ліонель,—но всего изумительнѣе, что простой человѣкъ, сынъ плотника, могъ заставить увѣровать въ Себя, какъ въ Бога, и что вѣра въ Него стоитъ незыблемая всѣ эти тысячу девятьсотъ лѣтъ! Что же сдѣлалъ Онъ? Ничего,—кромѣ добра. Чему училъ Онъ? Только самоотверженію и любви. Всѣ воспитатели Ліонеля,

которые, каждый по-своему, вытачивали его дѣтскій умъ, сходились въ томъ, что признавали въ Іисусѣ Назарянинѣ высокій образъ мудрости, чистоты и доброты. Обо всѣхъ самыхъ великихъ философахъ, мыслителяхъ, ученыхъ,—даже о Сократѣ и о Платонѣ, найдется что сказать въ обличеніе и порицаніе. О Христѣ сказать нечего... подобнаго Ему никогда никого не было"...

Солнце свѣтило на обоихъ дѣтей золотистымъ ровнымъ свѣтомъ и казалось, что золотистые его лучи суть проводники любви Христовой къ малымъ и безпомощнымъ, что они безъ словъ вѣщаютъ Слово святое: „Пустите дѣтей приходитъ ко Мнѣ, и не возбраняйте имъ, ибо таковыхъ есть царствіе Божіе".

Наконецъ, старикъ Дейль пришелъ за дѣтьми въ церковь. Съ нимъ пришелъ органистъ; онъ направился къ хорамъ, гдѣ помѣщался органъ. Вскорѣ могучая волна звуковъ поколебала воздухъ... подъ умѣлыми руками органиста гармонія росла и развивалась... Ліонель вздрогнулъ и стоялъ очарованный...

Вотъ сколько сильнѣйшихъ ощущеній для ребенка въ теченіе одного дня, даже нѣсколькихъ часовъ!.. Вѣдь они могутъ прямо ошеломить, раздавить человѣка! Посмотрите на Ліонеля:

„Чудные звуки лились съ вышины и будили въ немъ странныя, дотолѣ ему невѣдомыя чувства. Ему хотѣлось остаться одному въ церкви, стараться понять, что таили въ себѣ эти звуки, что безъ словъ говорили... не казалось ли что слышится пѣніе ангеловъ,—но ангеловъ, вѣдь, нѣтъ; не казалось ли, что отверзаются врата царствія небеснаго,—но царствія небеснаго нѣтъ!.. Въ этихъ дивныхъ звукахъ не слышался ли голосъ Самого Бога,—но онъ зналъ, что Бога нѣтъ... Онъ тяжело вздохнулъ... двѣ круп-

ныя слезы скатились у него съ глазъ, капая на его шерстяную курточку"...

Итакъ, разладъ былъ положенъ,—разладъ страшный, приведшій ребенка къ роковому концу: не видя и не получая ни отъ кого помощи и поддержки, Ліонель не выдержалъ и покончилъ самоубійствомъ!..

Даже для сильныхъ характеровъ намѣченныя столкновенія и (иногда) борьба съ окружающей обстановкой бываютъ нерѣдко пагубными и всегда тяжелыми. „Спросите фанатиковъ всѣхъ вѣрованій, говоритъ Некеръ-де-Соссюръ, гдѣ они находятъ для себя самыхъ пламенныхъ послѣдователей? въ тѣхъ ли благочестивыхъ и правильно устроенныхъ семействахъ, гдѣ богопочитаніе христіанское сдѣлалось привычкою съ колыбели? Конечно, нѣтъ. Они наполняются тѣми существами, которыя долго оставались чуждыми религіи. Отвращены ли мысли человѣка пагубными страстями, или *суетнымъ свѣтскимъ* воспитаніемъ отъ великихъ истинъ загробной жизни, какъ скоро достояніе его въ вѣчности представится ему ясно, когда онъ, какъ должно, взглянетъ на опредѣленіе безсмертной души,—нельзя отвѣчать за то направленіе, которое приметъ его воображеніе. Оставлять до самого опаснаго возраста новость впечатлѣній, всегда поразительныхъ и страшныхъ, значитъ повергать воспитанника нравственному перелому, слишкомъ сильному для человѣческой слабости. Обращеніе внезапное часто бываетъ счастливо, сознаюсь въ этомъ; все таки это такой переломъ, отъ котораго благоразумное воспитаніе можетъ и должно избавить человѣка. Такое воззрѣніе не ускользнуло отъ нѣкоторыхъ писателей. Иные очень равнодушные къ дѣлу религіи, совѣтовали (я говорю это съ отвращеніемъ,—прибавляетъ авторъ) произвести надъ

воспитанникомъ родъ прививанія религіозныхъ идей, чтобъ умѣрить ихъ дѣйствіе впослѣдствіи *). Есть доля истины въ наблюденіи, на которомъ основывается этотъ совѣтъ; но предполагаемая тутъ цѣль не достигнется, если изъ предосторожности ограничатся преподаваніемъ сухого ученія, христіанства только по имени. Если когда-нибудь въ такой душѣ воспрянетъ какая-нибудь живая религія, ей предстанетъ та же опасность, которую хотѣли отвратить. Чтобъ управлять движеніемъ, надобно, чтобъ была жизнь. Ничтожество ничему не можетъ воспрепятствовать. Богопочитаніе, не наполняющее сердце, не есть богопочитаніе; оно столь же мало приноситъ пользы, сколько мало предупреждаетъ вредъ". („Постепенное воспитаніе или изученіе цѣлой жизни". Москва. 1865 г. т. 1-й, стр. 318).

„И бросивъ сребренники въ храмѣ, Іуда вышелъ; пошелъ и удавился" (Мѳ. 27, 5),—вотъ великій историческій примѣръ, дивно иллюстрирующій наши мысли. Если бъ Іуда, сознавши мерзость своего поступка, убѣдился и въ ошибочности своихъ мыслей объ Іисусѣ,—если бы видя во Христѣ праведника, онъ призналъ бы въ Немъ и Сына Божія, отчаяніе было бы поправимо; онъ пошелъ бы къ Господу Іисусу Христу, упалъ бы къ ногамъ Его, пролилъ слезы покаянія и... жизнь его была бы спасена. Но Іуда *не вѣрилъ*, не хотѣлъ вѣрить въ Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка; поэтому онъ не могъ принести покаянія и... остался съ своимъ отчаяніемъ одинъ. И, не будучи въ состояніи заглушить въ себѣ голосъ человѣческой совѣсти, найти въ себѣ самомъ какую-нибудь нравственную опору, онъ прибѣгъ къ самоубійству: *пошелъ и удавился*...

Авторъ разумѣетъ здѣсь извѣстнаго Ж. Руссо.

Новѣйшее невѣріе очень часто приводитъ къ такимъ же грустнымъ послѣдствіямъ. И это справедливо не только въ отношеніи къ одному человѣку, но даже цѣлымъ обществамъ. Да, въ наше время,—время положительнаго знанія, считающаго пустою мечтою, фантазіею все сверхчувственное, безнадежно-мрачное настроеніе сдѣлалось самою характерною чертою современнаго общества. По словамъ Кавелина († 1885 г.), „посреди небывалыхъ богатствъ матеріальныхъ и духовныхъ, тосклива и безотрадна, скучна и безцвѣтна становится жизнь человѣка (пожелавшаго остаться безъ Христа).

Жаръ любви изчезъ...

Вселенную мы знаньемъ побѣдили,—

А въ сердцѣ... въ сердцѣ мрачно, какъ въ могилѣ...

„И люди тысячами спѣшатъ насильственно прекратить свою жизнь, и эти тысячи ростутъ въ ужасающей, зловѣщей пропорціи, а живущіе, при внутренней разорванности, мало по малу впадаютъ въ равнодушіе и апатію". („Злоба дня". Русская мысль, 1888 г.).

Справедливо сказалъ историкъ-мыслитель Лекки: „кто вселяетъ въ нашу душу сомнѣніе, тотъ осуждаетъ какъ себя, такъ и другихъ на мученія, которыя на долго переживутъ моментъ кризиса". (Русская Мысль, 1889 г.: „Англійскіе историки"). У насъ подъ руками безчисленные примѣры, подтверждающіе истинность этихъ словъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Одинъ молодой человѣкъ, урожденецъ Юры, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ философомъ Жуфруа (1806—1862 гг.) былъ воспитанъ въ благочестивомъ семействѣ, но затѣмъ, отправленный въ Парижъ для поступленія въ нормальную школу,

подпадаетъ тамъ подъ вліяніе господствовавшаго тогда духа разнузданнаго отрицанія и вскорѣ разрываетъ съ своей дѣтской вѣрой во Христа. И какъ тяжелъ былъ этотъ разрывъ! „Никогда не забуду я,—говоритъ самъ Жуфруа,—этого дня. Моментъ былъ ужасенъ,—и когда измученный я бросился къ утру на постель, я почувствовалъ, что моя прежняя жизнь, столь радостная и полная, угасаетъ, и предо мною открывается другая жизнь—мрачная и безлюдная,—въ которой съ этихъ поръ я долженъ жить одинокимъ съ моей роковой мыслью, которая удалила меня отъ прежней жизни и которую я готовъ былъ проклясть“. (Навиль Э. „Христосъ“).

Раціоналистъ Де-Ветте, послѣ того какъ онъ впалъ въ атеизмъ, написалъ слѣдующія строки. „Нѣкоторое время я былъ счастливъ въ этомъ заблужденіи. *Я довѣрялъ мысли о возможности быть добродѣтельнымъ, не принадлежа ни къ какой вѣрѣ. Но скоро эта иллюзія изчезла и я почувствовалъ себя жалкимъ*. Лишенный всякой вѣры въ міръ не матеріальный, я видѣлъ себя одинокимъ, предоставленнымъ самому себѣ и со всѣмъ человѣчествомъ безцѣльно заброшеннымъ въ мірѣ. Моя душа переполнилась противорѣчіями и неувѣренными представленіями, никакого дыханія жизни не являлось согрѣть холодъ моего сердца, и смерть, какъ злой геній, овладѣвала всѣмъ моимъ существомъ. Никакое разсужденіе не могло мнѣ доставить мира; мои чувства возставали противъ убѣжденій моего разума“. (Лопухинъ: „Библейскій раціонализмъ“).

Самъ Ренанъ, этотъ жизнерадостный скептикъ, составившій себѣ даже славу упорнымъ невѣріемъ,—даже онъ не могъ освободиться отъ извѣстной, много говорящей сердцу, нотки тоски и отчаянія. „Мы

двигаемся,—говоритъ онъ,—не зная сами, куда идти. Никто не знаетъ относительно общественнаго порядка, въ чемъ состоитъ благо... Если вслѣдствіе неутомимыхъ трудовъ XIX вѣка познаніе фактовъ удивительно, то назначеніе человѣка покрыто мракомъ болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Ничто намъ не указываетъ, какова воля природы, или въ чемъ цѣль мірозданія". (Страховъ Н.: „Итоги современнаго знанія").

„Хотите-ли",—спрашиваетъ выше цитированный авторъ „Изученія цѣлой жизни",—избавить вашего ребенка отъ заблужденій фанатизма, или отъ горести безнадежнаго существованія,—для всего этого одинъ только путь: внушите ему чувство кроткаго благочестія (т. е. путь религіознаго воспитанія). Образованіе умственное и религіозное, идя рука объ руку, слѣдуютъ одному направленію и сообщаютъ другъ другу печать благоразумія и святости (т. 1-й, стр. 319).

Итакъ, вотъ почему такъ страстно К. Д. Ушинскій желаетъ окружить ребенка благочестивыми, религіозными вліяніями! Вспомните одни дѣтскія воспоминанія его въ „Родномъ Словѣ". Что можетъ быть выше, красивѣе, поэтичнѣй этихъ статеекъ и какъ охотно, съ какою жаждою зазубриваются они малышами,—зазубриваются такъ, чтобъ остаться въ памяти на всю жизнь. И онъ, творецъ этихъ благородныхъ воспоминаній дѣтства, далъ самъ же слѣдующее классическое объясненіе имъ.

„Перечисляя прекрасныя, отрадныя черты въ семейномъ воспитаніи нашего дворянскаго класса, мы, конечно, не можемъ пропустить той простой, теплой религіозности, которую и теперь еще можно встрѣтить въ большей части нашихъ дворянскихъ

семействъ, за исключеніемъ немногихъ, ударившихся или въ модное невѣріе, или въ гнусное ханжество. Эта религіозность рѣдко, правда, бываетъ вполнѣ сознательна, часто слишкомъ придерживается формы, но тѣмъ не менѣе глубоко западаетъ въ дѣтское сердце и иногда пролежавъ въ немъ долго подъ разными туманными и блестящими фразами и теоріями, пробуждается потомъ вновь съ необыкновенною силою. Понятно, что религія дѣйствуетъ на ребенка, равно какъ и на младенчествующій народъ, болѣе своими формами, чѣмъ высокимъ внутреннимъ содержаніемъ. Но если эти *формы созданы во времена высочайшаго христіанскаго одушевленія*, то понятно также, что онѣ не могутъ остаться безъ нравственнаго вліянія на душу человѣка. Всякій, получившій чисто русское воспитаніе, непремѣнно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсенъ и священнодѣйствій, службы великаго поста и страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго праздника, Рождества, Крещенія и всѣхъ тѣхъ годичныхъ торжествъ и службъ, которыя составляютъ эпохи въ годовой жизни каждаго чисто русскаго семейства.

Чтобы понять значеніе этихъ воспоминаній, попробуйте насильно вычеркнуть ихъ изъ исторіи вашего дѣтства, и вы увидите, какъ потускнѣетъ эта свѣтлая, отрадная исторія. Наши писатели, посвящавшіе перо свое описанію быта русскаго семейства, именно потому не достигали своей цѣли, что по большей части пропускали этотъ религіозный элементъ. Но даже, описывая бытъ англійскаго семейства, лучшіе романисты Англіи, оставаясь вѣрными жизни, нерѣдко заходятъ въ церковь, на паперть, на погостъ; тогда какъ въ торжествахъ англійской

церкви далеко нѣтъ той глубины и полноты, какая есть въ торжествахъ нашей. Вспоминая встрѣчу новаго года, Диккенсъ рисуетъ привлекательную семейную картину; но развѣ въ этой встрѣчѣ условнаго гражданскаго праздника есть что-нибудь подобное тѣмъ воспоминаніямъ, которыя остаются въ душѣ каждаго русскаго человѣка, умѣющаго помнить и любить свое дѣтство, отъ встрѣчи Свѣтлаго Христова Воскресенія? Недавно намъ случилось впрочемъ читать въ какой-то очень пошлой повѣстцѣ насмѣшливое описаніе встрѣчи этого праздника. Писатель хотѣлъ быть острымъ, хотѣлъ смѣшить, но показалъ только, что умъ его совершенно лишенъ юмора, а сердце чувства, и что грязный цинизмъ кажется ему остроуміемъ. Странное дѣло. Такія повѣстцы появляются у насъ нерѣдко рядомъ съ теплыми разсказами Диккенса, и тутъ-то выходитъ наружу тотъ безобразный хаосъ, который часто царствуетъ въ нашихъ убѣжденіяхъ!

Знаемъ, что ни одни подобные остряки заходятъ съ циническимъ сарказмомъ даже въ эту отдаленную область дѣтства,—знаемъ и жалѣемъ о подобныхъ людяхъ: жалѣемъ потому, что всѣ удовольствія удовлетвореннаго мелочного самолюбія не могутъ замѣнить для нихъ тѣхъ наслажденій, которыя испытываетъ всякій человѣкъ, воспитанный въ религіозной семьѣ и имѣющій способность возвращаться съ любовью къ воспоминаніямъ дѣтства. Но если такія лица, разорвавшія всякую связь и съ своимъ дѣтствомъ, и съ жизнью народа, вносятъ свои искуственныя, узкія убѣжденія и въ жизнь основанныхъ ими новыхъ семействъ, то мы еще болѣе жалѣемъ объ ихъ дѣтяхъ: печально и холодно будетъ ихъ дѣтство и когда, быть можетъ, охваченные холо-

домъ жизни, захотятъ они отогрѣться у воспоминаній родимаго очага, то не найдутъ тамъ ни тепла, ни свѣта.

Крестьянинъ не живетъ воспоминаніями, потому, что въ его жизни нѣтъ крутыхъ переломовъ; но посмотрите, какъ иной бѣдный петербургскій чиновникъ, занесенный въ столицу изъ деревенской глуши, сидя въ своей бѣдной квартирѣ наканунѣ какого-нибудь большого праздника и прислушиваясь къ однообразному, безучастному гулу европейскаго города, переносится мысленно въ свою тихую отдаленную родину и вспоминаетъ, какъ измѣнилось и оживилось тамъ все близостью великаго дня. Болью и счастьемъ сжимается его сердце отъ этихъ воспоминаній, и часто онъ спѣшитъ въ храмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, на чуждыхъ ему лицахъ и въ церковномъ пѣніи увидать оттѣнокъ и услыхать отголосокъ далекаго, невозвратно минувшаго дѣтства.

Мы сохраняемъ отрадную увѣренность, что многіе изъ насъ и теперь не могутъ безъ глубочайшаго душевнаго удовольствія вспомнить о тѣхъ мирныхъ, сіяющихъ торжествахъ, о тѣхъ, то грустныхъ, то торжественныхъ мотивахъ, которые православная церковь вносила въ нашу родимую семью, *и мы желали бы, чтобы ни одно русское дитя не было лишено святого, отраднаго, воспитательнаго вліянія православной церкви*. Повѣрьте, что никакими эгоистическими разсчетами не исчерпать потребностей души человѣческой, что много еще есть въ ней непостигнутыхъ вліяній и не вполнѣ раскрытыхъ чувствъ, которыя долго ни одному психологу не удастся замкнуть въ тѣсную рамку системы, и что именно изъ этихъ-то непостижимо глубокихъ тайниковъ души человѣче-

ской рождаются и лучшія ея побужденія, и величайшіе ея помыслы, и благороднѣйшія дѣянія, и тѣ произведенія искусства и поэзіи, которымъ дивится свѣтъ, не понимая, откуда они могли родиться. Какъ часто мы встрѣчали безумныя усилія завалить эти живительные родники, встрѣчали рядомъ съ удивленіемъ къ тѣмъ произведеніямъ, которыя изъ нихъ произошли. Посмотрите, откуда почерпнуты самыя теплыя, самыя лучшія страницы нашихъ замѣчательнѣйшихъ писателей; откуда вылились самыя задушевныя и трогательныя страницы въ произведеніяхъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Аксакова? Неужели изъ ихъ общеевропейской, безличной образованности? („Собр. педаг. сочин.", стр. 266—269).

Вообще нужно помнить, что,—какъ это говоритъ профессоръ Юркевичъ въ своей книгѣ: „Курсъ общей педагогики",—главные факторы воспитанія суть: семья, общество, церковь и государство. Воспитатель долженъ тщательно изучить содержаніе и схватить національный смыслъ этихъ факторовъ, и вести воспитаніе своего ребенка въ духѣ и характерѣ этихъ факторовъ. И если русскій человѣкъ родился въ православно-христіанской семьѣ и жилъ среди обстановки и уклада съ религіознымъ, опять таки православно-христіанскимъ характеромъ; если общество и государство русскія имѣютъ и основы свои, и характеръ, и силу свою въ христіанствѣ, какъ понимаетъ и выражаетъ его православіе; если церковь наша—православно-христіанская, пришедшая къ намъ изъ Византіи,—то никоимъ образомъ нельзя сдѣлать счастливымъ русскаго человѣка, изгнавши изъ его воспитанія тѣ существенныя, національныя черты, которыя носятъ на себѣ наши (русскія) семьи, рус-

ское общество, русское государство, русская церковь. „Русская семья со всѣми своими элементами, добрыми и дурными,—говоритъ Ушинскій,—со всею своею внутреннею жизнью, дающею и цѣлебные и ядовитые плоды, есть созданіе исторіи, которое нельзя замѣнить никакою искусственною постройкою. Напрасно мы хотимъ *выдумать* воспитаніе: воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько же вѣковъ, сколько существуетъ самъ народъ,—съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выростали новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, принаровившись къ ней же самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ, но пересоздать ее невозможно... Знаемъ, что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ (и даже отсталымъ?), но, считая это святою обязанностію каждаго въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково народное воспитаніе, мы скажемъ, что по одной уже народности этой религіи не только всякій воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякій, кто не хочетъ показать, что онъ не любитъ и не уважаетъ своего народа, долженъ, если уже не съ любовью, то, по крайней мѣрѣ, съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги, и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ" („Собр. соч." стр. 274).

Лишая русскаго ребенка религіознаго воспитанія въ духѣ православія, или, какъ выражается Ушинскій, выдумывая воспитаніе, воспитатели берутъ великій грѣхъ на свою душу. Они не только не

сдѣлаютъ своего воспитанника счастливымъ, но прямо таки искалѣчатъ его *).

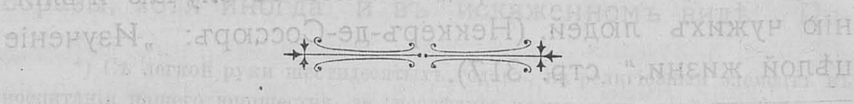
„Какъ устраните вы сына вашего отъ всемогущества религіи? Богопочитаніе не заключено только въ храмахъ; все человѣчество такъ сложено, что голосъ его слышится отвсюду. Поэзія, художества, и самыя театральныя зрѣлища воспроизводятъ его образы, хотя иногда и въ искаженномъ видѣ. По-

*) Съ легкой руки шестидесятыхъ годовъ, на религіозный элементъ въ воспитаніи нашего юношества за послѣднее время, какъ извѣстно, обращалось весьма мало вниманія. Результаты сказались немедленно; они у насъ во множествѣ передъ глазами. Приведу нѣкоторые, особенно мнѣ запомнившіеся. Недавно, я читалъ въ одномъ свѣтскомъ обществѣ свою статью о дѣтскихъ пріютахъ (помѣщена выше). Когда я выразилъ свое пожеланіе, что „красные" углы пріютскихъ комнатъ должны быть, по исконному обычаю русскаго человѣка, украшены иконами,—одинъ студентъ и двѣ барышни довольно таки демонстративно встали и вышли изъ комнаты, желая, вѣроятно, показать мою отсталось и недомысліе... „Прошлымъ лѣтомъ,— разсказываетъ г. Сигма въ „Новомъ Времени" (№ 9053),— я встрѣтилъ въ Парижѣ одного русскаго юношу, который, какъ большинство нашихъ юношей, имѣлъ прекрасную чуткую душу, горѣлъ самыми благими желаніями и былъ готовъ облагодѣтельствовать не только свою страну, но все человѣчество, весь міръ, и искоренить все зло, которое только существуетъ на землѣ. Юноша этотъ былъ неизмѣримо счастливъ и гордъ, что за эти высокія стремленія ему пришлось въ жизни своей жестоко „пострадать". Жизненный формуляръ его, не смотря на его 25 лѣтъ, былъ уже довольно богатъ и содержателенъ. Онъ дважды былъ исключенъ изъ русскихъ университетовъ, дважды, будучи сосланъ въ Сибирь, бѣжалъ изъ нея и теперь онъ—свободный гражданинъ Швейцарской республики!" Это была несомнѣнно, больная, мятущаяся душа, сбитая съ толку бѣдная русская мысль, жертва оторванности отъ родной почвы... „Осматривая Парижъ,—разсказываетъ г. Сигма,—были мы съ нимъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ, между прочимъ, показывается старая—престарая церковь, построенная Медичи. Насъ, осматривающихъ, кромѣ 3—4 русскихъ, было всего до 100 человѣкъ, почти исключительно иностранцевъ, больше всего англичанъ и нѣмцевъ, но были и французы. Проходя по корридору, многіе были въ шапкахъ, а когда вступили въ церковь, всѣ ихъ сняли, за исключеніемъ юноши, который не снялъ ее и проходя мимо алтаря и чуть ли даже неумышленно задѣвъ его. Присутствующіе бросали на него взоры удивленія, нѣкоторые—негодованія, мнѣ же пришлось густо покраснѣть за него, тѣмъ болѣе, что и видъ у него былъ болѣе чѣмъ небрежный и даже нѣсколько диковатый. Уже потомъ, выйдя изъ церкви, я его спро-

всюду угнетенное безсиліе взываетъ къ Богу, оклеветанная невинность призываетъ Его во свидѣтеля, огорченные въ слезахъ молятъ Его о помощи. Куда укроете вы своего ребенка, чтобы такія всепроникающія чувства не взволновали его сердца? Самыя сильныя впечатлѣнія происходятъ отъ внезапныхъ ударовъ, поражающихъ душу неожиданно. Не принять въ надлежащее время подъ свое распоряженіе такую силу, значитъ предоставить ее случаю и вліянію чужихъ людей. (Неккеръ-де-Соссюръ: „Изученіе цѣлой жизни." стр. 317).

силъ, почему онъ поступилъ такъ?—„Потому, что все это—ерунда",—отвѣчалъ онъ съ обычною русскою рѣзкостью.—„Пусть будетъ даже такъ",—возразилъ я,—но вѣдь здѣсь вѣрованія и вѣка цѣлаго народа, сюда люди шли съ своею любовью и страданіями. Какъ же не отдать дани своего уваженія хоть этому? Да наконецъ, между присутствующими есть французы, хозяева страны; между ними, да и среди другихъ, есть люди вѣрующіе: вы оскорбляете ихъ чувства."—„Мало ли на свѣтѣ есть дураковъ?"—категорически рѣшилъ юноша.. Вскорѣ намъ пришлось быть съ нимъ въ институтѣ Пастера. Пастеръ, какъ извѣстно, похороненъ въ стѣнахъ самого института. Вступивъ въ полутемный склепъ, юноша обнажилъ голову, но каково же было его удивленіе, когда вдали склепа, за гробницей, онъ увидалъ католическое распятіе!—„Съ какой стати здѣсь крестъ?"—спросилъ юноша, дабы никто изъ присутствующихъ неподумалъ, что онъ снялъ шляпу изъ уваженія къ кресту, а не къ могилѣ Пастера. „Вѣроятно, потому, что Пастеръ былъ вѣрующій человѣкъ. Здѣсь страна свободная, а даже и у насъ насильно не поставятъ крестъ на могилѣ того, кто этого не хочетъ".—„Не можетъ этого быть!"—„Отчего же? Вѣдь знаніе не мѣшаетъ вѣрѣ. Сколько бы человѣкъ не пріобрѣлъ знаній, всегда останется область неизвѣданнаго, того X, которое и составляетъ основаніе всѣхъ религій". Спросили нашего путеводителя по институту,—перваго, кому была сдѣлана прививка бѣшенства, тогда мальчика—пастуха, оставшагося потомъ въ качествѣ лабораторнаго слуги Пастера, теперь же человѣка солиднаго возраста.—„Да,—отвѣчалъ онъ убѣжденно,—Пастеръ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ!"—И вотъ Пастеръ, этотъ гигантъ мысли и знанія, человѣкъ тонкаго и величайшаго ума, проникшій въ сокровеннѣйшіе тайники природы и съумѣвшій постичь не одну частицу ея тайнъ, человѣкъ, облагодѣтельствовавшій человѣчество, открывшій невѣдомый до него міръ бактерій, научившій лечить водобоязнь, сибирскую язву, дифтеритъ, понимать и сдѣлать нестрашными холеру и чуму, и еще болѣе того—указавшій путь для дальнѣйшаго безконечнаго совершенствованія въ этой области,—этотъ-то человѣкъ, по умозаключеніямъ нашего юноши, долженъ былъ быть величайшимъ дуракомъ"... И все это наше золотое юношество, надежда нашего общества!... Куда же мы идемъ, наконецъ?!...

„Имѣетъ ли кто-нибудь право", — съ рѣшительностію спрашиваетъ Ушинскій, — „лишить дитя христіанскаго образованія? („Собр. сочин." стр. 143). Развѣ только какой-нибудь окончательно обезумѣвшій отецъ станетъ разрушать въ своихъ дѣтяхъ религію!" (Стр. 565).

III.

Нѣсколько предварительныхъ оговорокъ.

Перехожу теперь къ практической части вопроса: какъ же нужно вести религіозное воспитаніе дѣтей, —разъ оно есть такое необходимое дѣло въ области всесторонняго правильнаго развитія человѣка?

Прежде всего, считаю нужнымъ сговориться на счетъ слѣдующихъ пунктовъ:

1) Съ какого времени должно начинаться религіозное воспитаніе ребенка?

2) Возможно ли вообще говорить съ ребенкомъ о такихъ высокихъ предметахъ, какъ Богъ, ангелъ, безсмертіе и т. под., когда они, въ сущности, непонятны и для взрослаго человѣка?

3) Какъ (въ частности) отвѣтить ребенку, если онъ спроситъ воспитателя: „кто Богъ?“

1) Съ какого момента должно начинаться религіозное воспитаніе ребенка?

Приведенный вопросъ прямо таки поражаетъ неумѣлостью въ своей постановкѣ. Не понятны мнѣ эти рамки, въ которые суемудріе воспитателя желало бы уложить каждаго ребенка, не взирая на индивидуальныя свойства его природы,—на то, что ребенокъ на ребенка положительно не приходитъ. Не могу я также объяснить себѣ ту ошибку, которую позволяютъ себѣ дѣлающіе подобный вопросъ: вѣдь они смѣшиваютъ воспитаніе и обученіе,—до полнаго

ихъ безразличія!.. Спросите интеллигентную мать съ какого момента она начинаетъ воспитывать своего ребенка, и она—я увѣренъ въ этомъ,—не затрудняясь, отвѣтитъ вамъ: „да съ перваго момента появленія его на свѣтъ". И она совершенно права въ этомъ. Конечно, она не лекцію будетъ читать ребенку, но, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ мы услышимъ отъ ребенка первое слово, мать сообщитъ ему уже не мало добрыхъ привычекъ и навыковъ, даже понятій, при помощи того всесильнаго вліянія, которое исходитъ изъ материнской любви. Въ самомъ дѣлѣ, на нашъ взглядъ ребенокъ еще ничего не понимаетъ, а мать объ этомъ слышать не хочетъ; она увѣряетъ, что ребенокъ уже давно и улыбается ей, и понимаетъ ее.... Итакъ, начальные элементы воспитанія вообще и, слѣдовательно, религіознаго въ частности, должны полагаться въ душу ребенка съ первыхъ дней его жизни. Какъ это дѣлается, увидимъ ниже.

2) Что касается второго вопроса: возможно ли вообще говорить съ ребенкомъ о такихъ высокихъ предметахъ, какъ Богъ, душа, ангелъ и т. п., то онъ, въ существѣ дѣла, составляетъ продолженіе перваго, такъ какъ выходитъ изъ того же положенія о непреодолимой якобы трудности ранняго ознакомленія ребенка съ религіозными истинами. И собственно не слѣдуетъ даже раздѣлять эти вопросы, такъ какъ: говоря объ одномъ, вы непремѣнно должны будете коснуться и другого. Такъ мы и сдѣлаемъ.

Итакъ, можно ли говорить съ ребенкомъ о Богѣ, душѣ, вѣчномъ спасеніи?

Если взглянуть на предметъ съ подобающей серьезностью, то всякая разница между возрастами положительно изчезаетъ: въ присутствіи Безпредѣль-

ности, Непостижимости, Всемогущества Творца развѣ не въ той же степени ничтоженъ и великій Ньютонъ, который, открывши законъ всемірнаго тяготѣнія, какъ извѣстно, проникся такимъ благовѣніемъ къ Творцу этихъ безчисленныхъ міровъ, что обнажалъ голову всякій разъ, когда при немъ произносили великое имя Господне,—и, съ другой стороны, только что начинающій мыслить ребенокъ. „Понять Бога!—восклицаетъ Неккеръ-де-Соссюръ,—кто можетъ сдѣлать это, кромѣ Самого Бога! Младенецъ, мужъ, ангелъ—всѣ могутъ только покланяться Ему!" (Стр. 306-я). Вся бѣда въ томъ, что намъ нужно все понять, да доказать. А вѣдь задача религіознаго воспитанія совсѣмъ не та: мы должны развить въ ребенкѣ природное влеченіе души его къ Богу, воспитать въ немъ благородныя чувства любви и сыновней преданности къ Отцу Небесному и пр. Гдѣ же человѣку понять Непонятное, постигнуть Непостижимое! Его удѣлъ—„любить и благословлять Бога, повиноваться Его св. закону, покоряться Его неисповѣдимымъ судьбамъ, проникать въ Его совершенства, не постигая полнаго сіянія ихъ!" (Неккеръ-де-Соссюръ, стр. 306-я). Кромѣ того, мысль что нельзя говорить съ ребенкомъ о томъ, чего мы даже сами не понимаемъ, несправедлива и съ формальной стороны. Вѣдь вы не преминете, конечно, объяснять ребенку явленія электричества? А развѣ не рискуете вы каждую минуту услышать отъ него вопросъ: „а что же такое, молъ, это за электричество?" И между тѣмъ, вы не задавали себѣ вопроса, возможно ли говорить съ ребенкомъ о явленіяхъ электричества, разъ вы сами не понимаете, что такое электричество само по себѣ? Да если бъ и задавали, то послѣднее удержитъ васъ отъ бесѣдъ объ

электричествѣ? Думаю, что нѣтъ.—Подобныхъ примѣровъ можно подыскать не мало.

„Какъ передаете вы ребенку,—спрашиваетъ Неккеръ-де-Соссюръ, всѣ другія науки? Вы говорите ему, что земля кругла, прежде нежели можете доказать это. Вы заставляете его затверживать исторію прошедшихъ вѣковъ, не вдаваясь въ разсужденія о большей или меньшей точности повѣствователей. Вы излагаете событія, просто какъ событія, а критику оставляете до другого возраста. Почему же не поступать такимъ же образомъ въ отношеніи къ религіи? Предлагая какъ бы на судъ ребенка вопросы, ему недоступные, вы обманываете его на счетъ его умственныхъ способностей; предоставляя ему сказать свое мнѣніе, когда онъ не имѣетъ нужныхъ для сего свѣдѣній, вы гораздо болѣе искажаете его разсудокъ, нежели когда передаете ему собственное свое убѣжденіе. Что бы вы ни дѣлали, онъ всегда будетъ только вѣрить вамъ" „(Постеп. изученія жизни", т. 1-й. Стр. 323).

И вообще-то холодный умъ, не согрѣтый теплотою чувства,—еще по замѣчанію Пушкина,—не жизнь, а могила для религіи; не принесетъ онъ никакой пользы и въ смыслѣ развитія и утвержденія въ ребенкѣ нравственныхъ понятій и навыковъ. Не даромъ прошлый вѣкъ,—знаменитый просвѣщенный вѣкъ, не однимъ добромъ поминаютъ, а говорятъ, что это былъ вѣкъ сухой, черствый, невѣрующій. А почему? Не потому ли, что онъ исключительно развивалъ интеллектъ человѣка и забылъ о воспитаніи чувства. Не умъ двигаетъ нашими благородными, самоотверженными поступками, а здравые нравственные инстинкты, благородныя, воспитанныя на христіанскихъ началахъ чувства. Вы видите ребенка въ

пламени; его можно спасти лишь съ большою опасностью для собственной жизни. И разъ вы не поддались непосредственному сердечному порыву, но пустили въ ходъ анализъ предложенія: должны ли вы, имѣете ли право рисковать своею жизнію, чтобъ спасти этого ребенка,—будьте увѣрены, вы никогда не броситесь въ огонь; ребенокъ на вашихъ глазахъ сгоритъ... а вы будете потомъ и себя и другихъ увѣрять, что вы, какъ благоразумный человѣкъ, и не могли-де поступить иначе! Хорошее, выгодное благоразуміе, нечего сказать!

„Конечно, образованіе ума и обогащеніе его познаніями много принесетъ пользы,—пишетъ К. Д. Ушинскій,—но, увы, я никакъ не полагаю, чтобы ботаническія или зоологическія познанія, или даже ближайшее знакомство съ глубокомысленными твореніями Фогта и Молешота, могли сдѣлать гоголевскаго городничаго честнымъ чиновникомъ и совершенно убѣжденъ, что будь Павелъ Ивановичъ Чичиковъ посвященъ во всѣ тайны органической химіи, или политической экономіи, онъ останется тѣмъ же, весьма вреднымъ для общества, пронырой. Перемѣнится нѣсколько его внѣшность, перестанетъ онъ подкатываться къ людямъ съ ловкостью почти военнаго человѣка, приметъ другія манеры, другой тонъ, замаскируется еще больше, такъ что проведетъ кого-нибудь и поумнѣе генерала Бодрищева; но останется все тѣмъ же вреднымъ членомъ общества, даже сдѣлается еще вреднѣе, еще неуловимѣе. Посмотрите біографію Гегеля, и если справедлива десятая доля того, что разсказываетъ Геймъ (біографъ), а мы думаемъ, что и половины опровергнуть невозможно, то нѣтъ ли въ величайшемъ, необъятнѣйшемъ, глубочайшемъ философѣ всѣхъ временъ очень и очень

порядочной доли чичиковщины? а ужъ онъ ли не былъ уменъ, развитъ, глубокомысленъ и ученъ? Гегель ли не понималъ важности, истины, красоты непоколебимаго нравственнаго достоинства?

Этотъ величественный примѣръ избавляетъ насъ отъ необходимости имѣть другіе примѣры, хотя бы мы могли указать ихъ много, начиная съ безсмертнаго Бэкона, берущаго взятки, и великаго Мальборуга, обкрадывающаго своихъ солдатъ, и до умницы Сквозника-Дмухановскаго. И хотя мы не думаемъ, вслѣдъ за Грибоѣдовымъ, что *умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ*, но убѣждены, что очень умный человѣкъ можетъ быть и очень большимъ плутомъ. Нѣтъ, одного ума и однихъ познаній еще недостаточно для укорененія въ насъ того нравственнаго чувства, того общественнаго цемента, который иногда согласно съ разсудкомъ, а часто и въ противорѣчіи съ нимъ, связываетъ людей въ честное, дружное общество...

Вліяніе нравственное составляетъ гораздо болѣе важную задачу воспитанія, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ". „(Собран. педагог. соч." стр. 223—225).

Затѣмъ, не смотря на всю трудность религіознаго образованія, дѣтскій возрастъ, по мнѣнію всѣхъ лучшихъ педагоговъ, есть все таки самое удобное время для религіозныхъ впечатлѣній. „Душа наша—по природѣ христіанка",—сказалъ знаменитый учитель церкви Тертулліанъ (пресвит. карѳаг. † 211 г.) Божественный учитель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ, дѣтскій возрастъ выставляетъ намъ самымъ удобнымъ и благопріятнымъ временемъ для усвоенія истинъ небеснаго царствія: „пустите дѣтей прихо-

дить ко Мнѣ, и не препятствуйте имъ, ибо таковыхъ есть царство Божіе; истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него (Мар. 10, 14—15)". Слѣдовательно, чѣмъ раньше начинать религіозное воспитаніе ребенка, тѣмъ лучше.

Здѣсь я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести довольно большую выдержку изъ стариннаго сочиненія, которымъ я неоднократно уже пользовался. Сочиненіе это называется: „Постепенное воспитаніе или изученіе цѣлой жизни" и принадлежитъ перу женщины, г-жи Неккеръ-де-Соссюръ. Замѣчательно, что написана эта книга еще въ 20-хъ г. текущаго столѣтія и, не смотря на это, свѣжесть мыслей и положеній своихъ сохранила до настоящаго времени. Къ сожалѣнію я имѣлъ подъ руками переводъ и изданіе еще 1865 года,—переводъ, правда, своеобразный и въ нѣкоторомъ родѣ интересный, но... все таки для нашего времени довольно тяжелый. Я ужасно боюсь, какъ бы неясный слогъ перевода не отразился на ясности тѣхъ мыслей, которыя я хочу развить и подтвердить нижеслѣдующей выпиской *).

„Душа наша, по существу своему, религіозна,— пишетъ г-жа Неккеръ-де-Соссюръ... Развивать благороднѣйшій инстинктъ человѣчества, давъ ему спасительное направленіе, предлагать постепенно младенцу пищу религіозную, сообразно съ его силами и съ его развитіемъ,—вотъ нашъ долгъ; и заботы эти, сами по себѣ пріятныя, будутъ непремѣнно увѣнчаны успѣхомъ. Но чѣмъ болѣе будемъ мы медлить, тѣмъ болѣе этотъ успѣхъ, иначе несомнѣнный, сдѣлается менѣе вѣрнымъ и къ достиженію труднымъ.

*) Имѣются-ли другіе переводы и изданія названнаго сочиненія,—не знаю.

Иногда кажется, что благоговѣніе къ святынѣ не допускаетъ родителей сообщать понятіе о ней дѣтямъ, прежде достиженія ими разумнаго возраста. Такая мнительность какъ будто извинительна; но почему тѣ, которые ею одержимы, не имѣютъ ея, когда говорятъ съ дѣтьми о другихъ предметахъ, ими весьма уважаемыхъ? Находятъ ли на нихъ такія сомнѣнія, когда они хотятъ возбудить какое-либо другое чувство, необходимое или только похвальное? Чтобы пріучить дѣтей любить и почитать земного отца, будутъ ли ждать того времени, когда дѣти поймутъ, что такое званіе отца? Не говорятъ ли они имъ съ любовію объ ихъ земной отчизнѣ, прежде нежели они могутъ понять отношенія согражданъ между собою?

Ребенокъ не есть невѣрующій, котораго нужно убѣдить. Если вы преждевременно изберете путь разсужденій, вы дадите воспитаннику своему ложное знаніе. Я хочу сказать, что оно будетъ ложно въ отношеніи къ нему, хотя бы само по себѣ и было истинно, потому что ребенокъ не въ состояніи оцѣнить твердости началъ, служащихъ ему основаніемъ.

Въ доказательство, что не слѣдуетъ выжидать разумнаго возраста для внушенія богопочитанія ребенку, скажу еще, что, и по достиженіи сего возраста, начинать надо не съ разсужденій. Представленныя юному уму, какъ событія, и возвѣщенныя съ благоговѣніемъ и въ простотѣ сердца, основныя истины религіи могутъ быть предоставлены внутренней ихъ силѣ; они сами выработаютъ убѣжденіе. Но если мы захотимъ провести ихъ въ умъ чрезъ разсужденія, если мы предположимъ отрицанія, чтобъ послѣ опровергать эти отрицанія, то мы дадимъ мыслямъ нашего воспитанника пагубное направле-

ніе, мѣшающее развитію настоящаго религіознаго чувства,—направленіе слишкомъ часто являющееся, очень упорное и превращающее въ упражненіе ума то, что должно быть святынею души.

Безъ сомнѣнія, религія, въ общемъ объемѣ своемъ, не можетъ быть постигнута умомъ ребенка; величественная послѣдовательность истинъ, ее составляющихъ или ей свойственныхъ, не развивается предъ его взоромъ; но все, что есть въ ней любовь и утѣшеніе,—все, что поддерживаетъ, подъемлетъ, оживляетъ, воспламеняетъ наши души и можетъ согрѣвать ихъ на холодномъ порогѣ гроба,—все то, говорю я, первобытно и должно начинаться въ насъ съ нашею жизнію.

Если отличительный духъ христіанскаго ученія и просвѣщеніе почерпаемое изъ книгъ священнаго Писанія, даютъ возможность внушить дѣтямъ нашимъ любовь къ Богу, то какъ не воспользоваться этимъ преимуществомъ? Какъ не понять, что это чувство укоренится глубже, если раньше зачнется въ сердцѣ? *Если началу религіи можно указать въ душѣ день и часъ, если рожденіе ея не теряется въ облакахъ дѣтства, если есть воспоминанія ей предшествующія, то она никогда не будетъ неразлучною спутницею жизни*.. Въ эпоху, когда вся природа намъ улыбается, когда всѣ люди насъ любятъ и берегутъ, понятіе о Богѣ любящемъ и покровительствующемъ легче овладѣваетъ нашею душею. Сколько благословеній въ этомъ понятіи! Нѣтъ болѣе одиночества, нѣтъ изгнанія, ни страха, нѣтъ смерти: съ нами Богъ! Онъ нашъ помощникъ, Онъ слышитъ насъ, Онъ бесѣдуетъ съ нами, Онъ укрѣпляетъ насъ! Какой то тихій и пріятный свѣтъ озаряетъ всѣ предметы, атмосфера любви окружаетъ всю природу;

люди, всѣ животныя; растенія, ручьи, горы, все обнимается любовью. Все это есть твореніе Божіе, все есть глаголъ, возвѣщающій намъ, что Онъ нашъ Отецъ; миръ и счастіе, которыми Онъ наполняетъ душу, еще яснѣе говорятъ намъ объ этомъ.

Какое время лучше счастливаго дѣтства изберемъ мы для образованія такихъ впечатлѣній? Для того, чтобъ религія была радость, надобно, чтобъ жизнь была въ цвѣтѣ.

Религія должна быть въ душѣ нашей главнымъ побужденіемъ,—вотъ точка зрѣнія, съ которой не надобно сходить. Смотря такъ на религію, мы убѣждаемся, что необходимо какъ можно раньше предотвратить сложеніе побужденій, враждебно ей противодѣйствующихъ, и подчинить этому главному побужденію всѣ тѣ, которыя могутъ дѣйствовать въ одномъ съ нимъ смыслѣ". (Т. 1-й, стр. 310—315).

„Какъ человѣческій родъ,—говоритъ профессоръ Юркевичъ,—имѣлъ вѣру въ Бога прежде, чѣмъ обогатилъ себя полезными для общежитія свѣдѣніями и научился различнымъ искусствамъ, такъ и дитя должно принять въ свое сердце зачатки вѣры ранѣе другихъ зачатковъ образованія. Мысль о Богѣ, Его милости и любви къ человѣку должна быть въ его душѣ самая древнѣйшая".

За всѣмъ тѣмъ, не слѣдуетъ забывать и того, что наши дѣти, по своей любознательности и смѣтливости, иногда замѣчаютъ и понимаютъ больше и скорѣе, чѣмъ мы взрослые.

Вотъ примѣръ тонкости пониманія ребенка, записанный нашимъ извѣстнымъ педагогическимъ дѣятелемъ Шестаковымъ. Ходитъ маленькая дѣвочка съ своимъ отцомъ рука въ руку по саду и осыпаетъ отца вопросами: то (указывая на дерево) откуда? то

(указывая на цвѣтокъ) откуда? то (указывая на траву) откуда? и т. д. На всѣ вопросы получается одинъ отвѣтъ: „отъ Бога; Богъ создалъ“.—„Все создалъ Богъ?“—спрашиваетъ дѣвочка.—„Все“.—„А свѣтъ кто?“ „а солнце?“—„И свѣтъ, и солнце Богъ создалъ“.—„А было когда-нибудь, что свѣта не было, солнца не было?“—„Да, было и такое время“. Дѣвочка вдругъ блѣднѣетъ и съ ужасомъ вскрикиваетъ: „папа, да что жъ это такое было тогда—мракъ, ужасъ?“

Вотъ до какой мысли, до мысли о томъ неустройствѣ, которое предшествовало, согласно библейскому повѣствованію, шестидневному творенію міра, можетъ додуматься ребенокъ!

Что касается непосильности и величія для дѣтскаго разума мысли о Богѣ, то тотъ же педагогъ восклицаетъ: „неужели ребенку недоступно понятіе о живомъ, всевѣдующемъ и всемогущемъ Богѣ, если образъ Божій съ раннихъ дней поставятъ предъ нимъ, если каждое утро и каждый вечеръ ребенокъ видитъ, какъ отецъ и мать съ сердечною молитвою благоговѣйно обращаются къ Богу, если каждое утро и каждый вечеръ его учатъ складывать ручонки и молиться этому всемогущему Богу, Который все создалъ, все подаетъ, безъ творческой силы Котораго не было бы ни этихъ свѣтлыхъ звѣздъ съ луною, ни этого яснаго голубого, безоблачнаго неба, ни этого ярко блестящаго солнца, ни этихъ привлекающихъ взоры зеленыхъ деревьевъ и травъ, ни этихъ пестрыхъ, красивыхъ благоуханныхъ цвѣтовъ, а былъ бы только „мракъ и ужасъ“. Ни одна мысль не близка такъ сердцу ребенка, какъ мысль о Богѣ Творцѣ, все сотворившемъ и все въ Своей рукѣ содержащемъ“.

Говорятъ: „прошедшее время никогда не возвращается“. Въ дѣлѣ религіознаго воспитанія это мудрое изреченіе должно всегда держать на первомъ планѣ.

Вернемся нѣсколько назадъ. Мнѣ кажется, что мнимыя трудности поставленнаго вопроса проистекаютъ, главнымъ образомъ, изъ нашего горькаго, такъ часто встрѣчающагося въ жизни русской, обыкновенія—смѣшивать между собою совершенно различныя мысли, слова, термины и т. д. Въ данномъ случаѣ, повторяю, смѣшиваются, до полной подстановки одной на мѣсто другой, двѣ далеко неодинаковыя по своему проявленію среды—религіозное воспитаніе и обученіе Закону Божію.

Но развѣ есть какія-либо данныя для такого смѣшенія? Конечно, нѣтъ. Что такое религіозное воспитаніе? „Подъ именемъ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей нужно разумѣть возбужденіе религіозно-нравственныхъ чувствованій, влеченій, настроеній (напримѣръ: любви и благодарности къ Богу, любви къ ближнимъ) и благочестивыхъ навыковъ, служащихъ источникомъ и производящею силою въ сферѣ религіозной жизни каждаго христіанина, сообщающихъ теплоту и силу всякому доброму дѣлу человѣка“. Что такое обученіе Закону Божію? Ничто иное, какъ правильное сообщеніе дѣтямъ извѣстныхъ религіозныхъ знаній. Итакъ, уже этихъ краткихъ опредѣленій достаточно, чтобъ видѣть различіе между религіозныхъ воспитаніемъ и религіознымъ обученіемъ, и опредѣлить въ жизни ребенка мѣсто тому и другому.

Въ педагогикѣ вообще обученіе мыслится, какъ моментъ позднѣйшій, слѣдующій за другимъ, который прежде его и шире его,—именно за воспи-

таніемъ; такъ и въ нашемъ вопросѣ: только подъ условіемъ религіознаго воспитанія возможно обученіе, только тамъ и умѣстны и будутъ имѣть жизнеспособность уроки Закона Божія, гдѣ уже существуютъ элементарныя формы религіи, какъ живыя ощущенія; слѣдовательно, законоучитель есть продолжатель чужого дѣла, прежде него сдѣланнаго, и школа съ своимъ преподаваніемъ Закона Божія, какъ школьнаго предмета обученія, есть только помощница главнымъ факторамъ религіознаго развитія—семьѣ и церкви, на которыхъ лежитъ педагогическая миссія сдѣлать дѣтей религіозными (См. „Правосл. Собесѣдникъ", 1873 г. т. 3. Стр. 561). Слѣдовательно, если обученіе дѣтей Закону Божію должно начинаться съ 5—6 лѣтъ, такъ какъ въ семь лѣтъ ребенокъ, по правиламъ нашей церкви, долженъ уже явиться на исповѣдь, т. е. долженъ знать въ болѣе или менѣе систематическомъ видѣ истины вѣро-и-нравоученія христіанскаго, то религіозное воспитаніе должно начинаться положительно съ первыхъ проблесковъ сознанія. Лучшіе педагоги понимаютъ воспитаніе въ томъ смыслѣ, словно къ первому слогу прибавлено словечко: *само* („Русск. школа", 1900 г. № 12-й, стр. 96). А самовоспитывать, или, еще лучше, впитывать въ себя изъ окружающей среды и благочестивой обстановки религіозные навыки ребенокъ можетъ, конечно, даже тогда, когда о какомъ бы то ни было обученіи, въ смыслѣ словесной передачи знаній, не можетъ быть еще и рѣчи.

Итакъ, всѣ упреки, направленные противъ возможности и разумности ранняго религіознаго воспитанія падаютъ сами собой, если они будутъ сняты съ воспитанія и обращены на обученіе; въ существѣ дѣла

къ послѣднему они и имѣютъ отношеніе, къ нему они и направляются.

3) Теперь перехожу къ послѣднему, частному вопросу: „какъ отвѣтить ребенку, если онъ спроситъ: кто Богъ? Разскажи мнѣ, мама, о Немъ?“

И на основаніи мнѣній педагоговъ, мнѣ извѣстныхъ, и по опыту съ собственными и чужими дѣтьми, я положительно могу утверждать, что ребенокъ, спрашивая: „кто Богъ?“—отнюдь не хочетъ сказать: „есть ли Богъ?“—а желаетъ знать: „какой это Богъ?“ „Поэтому, не нужно съ нимъ,—говоритъ Неккеръ-де-Соссюръ,—поднимать вопроса о существѣ Божіемъ: нужно говорить о Его свойствахъ.“ О какихъ?—спросите вы. Скажите, что Богъ есть Духъ. И не думайте, не страшитесь, что ребенокъ не пойметъ васъ. Фантазія его сильна: онъ въ каждомъ явленіи, въ каждой игрушкѣ своей видитъ непремѣнно живое существо. Для него, слѣдовательно, страннаго въ томъ, что Богъ есть Духъ Живой, не будетъ ничего. Напротивъ, скажите-ка, что „Бога люди выдумали,“ или что „Богъ есть матерія,“ или „вѣчное движеніе,“—пойметъ васъ ребенокъ, желалъ бы я посмотрѣть?.. Затѣмъ, говорите о прочихъ свойствахъ Существа Божія; говорите, что все сотворено Богомъ (о всемогуществѣ), что Онъ всегда былъ и всегда будетъ (о вѣчности), что Онъ все видитъ и все знаетъ (о всевѣдѣніи), что Онъ всѣхъ и все любитъ (о благости) и пр. и пр. Старайтесь при этомъ объ одномъ,—говорите, какъ можно проще, и съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ того, что говорите; не старайтесь доказать по пальцамъ, разъяснить. Ребенокъ безъ доказательствъ, повѣрьте, пойметъ лучше и скорѣе. Вѣдь почва у него для этого уже давно готова. Онъ уже знаетъ, что такое отецъ; у ребенка съ этимъ

именемъ уже непремѣнно связано понятіе о существѣ его любящемъ, знающемъ, почти все могущемъ сдѣлать и т. д. Однимъ словомъ, вамъ осталось только перенести землю и семейныя отношенія на небо; отношенія дитяти къ родному отцу развить въ отношенія человѣка къ Богу. И ребенокъ, повторяю, повѣритъ вамъ всѣмъ существомъ своимъ, безъ всякихъ сомнѣній, колебаній, возраженій. Вѣдь если мать говоритъ о постороннемъ человѣкѣ, котораго дитя никогда не видало: „это хорошій человѣкъ, онъ тебя любитъ,—хлопни его ручкой"!—ребенокъ съ улыбкой протягиваетъ свою руку, чтобъ сдѣлать то, что предлагаетъ ему мать. Если мать скажетъ: „тамъ далеко у тебя есть дѣдъ, который тебя любитъ; онъ славный, милый добрый дѣдушка,"—ребенокъ вѣритъ этой любви и начинаетъ уже любить отсутствующаго дѣда. Мать скажетъ своему любимцу; „у насъ, милое дитя, есть съ тобой на небѣ Отецъ, Который любитъ насъ, заботится о насъ, даетъ намъ все необходимое,"—дитя совершенно вѣритъ въ этого небеснаго Отца и, вмѣстѣ съ матерью, будетъ любить Его и охотно молиться Ему!..

IV.

Значеніе семьи въ дѣлѣ воспитанія.

Переходимъ къ первоначальному *семейному* религіозному воспитанію.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что семья есть основа, фундаментъ нашей жизни личной, церковной, школьной, общественной, государственной.

Семья для каждаго человѣка въ отдѣльности есть первое состояніе, въ которое онъ вступаетъ тотчасъ по рожденіи. Здѣсь душевныя и тѣлесныя силы человѣка получаютъ первое свое развитие и укрѣпленіе. Здѣсь мы получаемъ первое представленіе о томъ, что такое человѣкъ и каковы его отношенія къ другимъ людямъ, къ Богу, и природѣ. Здѣсь научаемся порядку, трудолюбію, покорности, чистотѣ нравовъ, благочестію. Въ семьѣ мы находимъ успокоеніе, утѣшеніе, радости, счастье и пр., даже когда становимся уже взрослыми и правоспособными гражданами родной земли.

Въ отношеніи къ церкви, благочестивыя семейства составляютъ необходимое условіе ея благостоянія. Древняя христіанская церковь процвѣтала особенною внутреннею славою именно потому, что тогда каждый домъ, по словамъ Златоуста, составлялъ церковь, каждый отецъ семейства былъ у себя, какъ бы домашній пастырь, который управлялъ молитвою и чтеніемъ писанія, и былъ образцомъ христіанской жизни для домашнихъ.

По отношенію къ школѣ значеніе семьи и семейнаго воспитанія тоже внѣ всякихъ сомнѣній. Только тогда школы наши будутъ достигать вполнѣ плодо-

творныхъ результатовъ, когда пойдутъ рука объ руку съ семьей, когда будутъ изучать обстановку семейную, прислушиваться къ требованіямь и желаніямъ семьи, вообще сообразоваться въ своихъ педагогическихъ и дидактическихъ опытахъ съ требованіями семейнаго воспитанія. Къ несчастію, современныя русскія школы еще очень далеки отъ этихъ вождельній. Мы, родители, доселѣ почти совершенно лишены возможности знать, что педагоги совершаютъ въ школахъ съ нашими дѣтьми; мы привыкли смотрѣть на учебныя заведенія, какъ на такія учрежденія, въ которыхъ намъ дѣлать нечего, да и мѣста для насъ нѣтъ; мы заходимъ туда лишь тогда, когда въ дѣлахъ сына или дочери является какая-нибудь неустойка, въ родѣ неудовлетворительной отмѣтки... Педагоги же,—думается невольно,—совершенно забыли, что у дѣтей, ввѣренныхъ ихъ водительству, вѣроятно есть родители, которые могли бы быть для учителей прекрасными помощниками и союзниками въ ихъ многотрудномъ дѣлѣ. Сказанное сейчасъ, конечно, относится къ нашей средней школѣ,—этому учрежденію, болѣе другихъ оторванному не только отъ семьи, но и вообще отъ русской дѣйствительности. Въ начальной школѣ замѣчаются явленія обратнаго характера. Начальная школа, какъ учрежденіе болѣе живое и близкое къ русской жизни, сама желала бы видѣть въ родителяхъ учениковъ своихъ помощниковъ, но, къ сожалѣнію, семейная среда подчасъ разрушаетъ даже то, что дѣлаетъ школа. Школа, напримѣръ, борется съ сквернословіемъ и воровствомъ, пороками весьма распространенными въ средѣ простого народа. Но что она сдѣлаетъ капитальнаго въ этомъ отношеніи, если невѣжественная домашняя среда ученика свободно и спокойно уживается съ этими пороками, даже пристанодержательствуетъ имъ?!.

Не менѣе громадно значеніе семьи для общества и государства. Человѣкъ, прежде чѣмъ вступить въ многосложныя обязанности и отношенія общественной и государственной жизни, получаетъ понятіе объ этихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ въ кругу домашнихъ. Въ семьѣ онъ научается повиноваться старшимъ, уважать равныхъ себѣ, понимать цѣну взаимной помощи, уважать сѣдину мудрости, преклоняться предъ силой ума и энергіей воли. Такимъ образомъ, въ своей родной семьѣ маленькій гражданинъ, въ самой доступной для него формѣ, знакомится съ тѣми сложными отношеніями общественными и государственными, которыя задавили бы человѣка своею тяжестію, если бъ онъ, какими либо судьбами, не прошелъ хорошей подготовительной школы среди родной семьи!

Итакъ, значеніе семьи въ жизни человѣка громадно. Отсюда открывается великое значеніе для насъ правильнаго семейнаго воспитанія вообще, и правильнаго семейнаго религіознаго воспитанія въ особенности. Какъ же должно начинаться и идти это первоначальное семейное религіозное воспитаніе нашихъ дѣтей?

Понимая воспитаніе, особенно первоначальное, какъ самовоспитаніе, мы должны стремиться къ тому, чтобы семья была со всѣхъ сторонъ объята и проникнута благочестивою, религіозною атмосферою, и обязательно (для русскаго человѣка) въ духѣ христіанства, какъ понимаетъ и выражаетъ его русская православная церковь. Дѣло должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы ребенокъ могъ, съ перваго проблеска сознанія, *впитывать* въ себя изъ окружающей обстановки воздухъ благочестивой религіозной настроенности. Примѣръ нашей православной церкви

въ этомъ случаѣ весьма поучителенъ. Она не ждетъ, когда у ребенка пробудится вполнѣ сознательное отношеніе къ окружающему, но спѣшитъ навстрѣчу новому гостю земли, въ первые же дни его жизни, съ своими священнодѣйствіями. Слѣдовательно, религіозное воспитаніе церковь начинаетъ съ первыхъ дней жизни ребенка. Прежде всего, является ея пастырь въ домъ матери ребенка, чтобъ освятить того и другого молитвою и дать новорожденному христіанское имя. Затѣмъ, совершаетъ надъ ребенкомъ св. таинства крещенія, миропомазанія и причащенія. Итакъ, начало религіознаго воспитанія положено. Мать младенца, по указанію церкви, продолжаетъ его. И если первыми впечатлѣніями ребенка будутъ кроткіе лики Пречистой Дѣвы и Божественнаго Ея Младенца съ горящими предъ ними лампадами и колѣнопреклоненною матерію, мать, значитъ, оправдала оказываемое ей св. церковію довѣріе. А затѣмъ, пусть мать же, по мѣрѣ возраста ребенка, пріучаетъ его къ благочестивымъ упражненіямъ. Пусть она своимъ примѣромъ учитъ дитя молиться Богу, осѣняя его въ извѣстныя времена крестнымъ знаменіемъ; пусть учитъ складывать маленькіе пальчики своего крошки для того, чтобъ и самъ онъ умѣлъ полагать на себѣ крестъ... Вообще мать молящаяся и учащая молитвѣ—самый лучшій наставникъ ребенка; ея примѣръ и уроки, безъ сомнѣнія, глубоко западутъ въ сердце дитяти. Научая слагать пальчики для крестнаго знаменія, пусть мать учитъ своего младенца повторять слова молитвы его, хотя бы еще едва лепечущимъ языкомъ. Само собою разумѣется, молитва должна быть краткая, не формальная: „Господи помилуй! Господи! спаси папу и маму“,—и т. под. Что можетъ быть величественнѣй

этой картины, прекраснѣе этого ребенка, стоящаго на колѣнахъ въ своей кроваткѣ и, вслѣдъ за колѣнопреклоненной матерію лепечущаго: „Господи, спаси папу и маму!“ Весьма понятно, почему Спаситель такъ любилъ дѣтей и съ такимъ величайшимъ вниманіемъ принималъ хвалу изъ устъ младенцевъ! Одинъ духовный писатель пишетъ: „дитя имѣетъ, напримѣръ, два—три года. Пробуждаясь по утру, засыпая вечеромъ, оно останавливаетъ свой первый или послѣдній взглядъ на самомъ пріятномъ зрѣлищѣ: его мать близъ него, на колѣнахъ, съ глазами поднятыми къ небу или къ св. иконѣ, возноситъ свою усердную молитву къ Господу. Она молится съ умиленіемъ, горячо, потому что душа ея переполнена мыслями и чувствованіями о своемъ младенцѣ и она выражаетъ ихъ милосердому Богу. Съ одной стороны, она благодаритъ Бога за жизнь своего младенца,—этого дорогого и прекраснѣйшаго для нея существа, на которомъ покоятся самыя прекрасныя надежды ея. Съ другой стороны, заботы о будущности младенца заставляютъ ее о многомъ просить Бога. „Боже мой! Сохрани здоровье младенца; Боже мой! удали отъ него всѣ роды зла, которое угрожаетъ дѣтству, всѣ тѣ болѣзни, которымъ подвержены дѣти; Боже мой! возрасти его въ добрѣ, силѣ и красотѣ; Боже мой! дай ему любить меня, какъ я люблю его, любить своего отца, своего брата, свою сестру, но паче всѣхъ и всего на свѣтѣ Тебя, Который безконечно великъ и безконечно милосердъ“. Такова, приблизительно, молитва матери дитяти; таковы желанія ея сердца. Если онѣ не выразятся въ словахъ, то онѣ обнаружатся въ ея лицѣ, во взглядѣ, во всей фигурѣ. Трогательная фигура матери и въ особенности ея глаза, съ глубокою вѣрою

и любовію устремленные горѣ, приковываютъ вниманіе ребенка. Дитя смотритъ на мать и понимаетъ ее по своему: въ глубинѣ его души пробуждается чувство, сродное чувствованіямъ молящейся матери. Это и есть религіозное чувство, или влеченіе къ Богу, присущее каждому человѣку отъ рожденія. При видѣ своей матери благоговѣйно бесѣдующей съ Богомъ, дитя *угадываетъ*, такъ сказать, Бога. Оно не знаетъ еще, Кто Онъ, но его сердце и его душа смутно, но сладостно уже стремятся къ Нему; дитя чувствуетъ, что тамъ въ Богѣ—источникъ всякаго блага и защита отъ всякаго зла. Послѣ этого матери остается только указать дитяти на небо и сказать голосомъ, полнымъ благоговѣнія и убѣжденія: „тамъ Богъ—отецъ нашъ небесный". Дитя узнаетъ Бога, потому что Богъ уже обитаетъ въ его сердцѣ; узнаетъ и никогда не забудетъ, что тамъ, на небѣ, бодрствуетъ надъ нимъ Отецъ,—Отецъ его отца, матери, братьевъ, всѣхъ людей".

Пусть, дальше, дитя, съ первыхъ лѣтъ своей жизни, вслѣдъ за матерью, пріучается въ дни великихъ праздниковъ съ любовію встрѣчать въ своемъ домѣ служителей церкви; когда можно, пусть идетъ—тоже съ матерью—въ домъ Божій, чтобъ участвовать въ общей молитвѣ церковной и пр. Но это далеко еще не все. „И нравственности никто не можетъ научить лучше, какъ мать" (Иннокентій, митроп. московскій). И сѣмена христіанской любви къ Богу и ближнимъ должны быть заложены въ семьѣ непремѣнно съ первыхъ проявленій сознанія ребенка; заложены опять таки больше и ближе всего матерью. Въ этомъ отношеніи не только окружающая семейная обстановка съ любящими и готовыми на всякую помощь своему ребенку отцомъ и матерію, но и по-

степенное знакомство ребенка съ предметами и явленіями видимаго міра и міра духовнаго должно развивать въ ребенкѣ любовь къ Богу, какъ Творцу, Промыслителю и Искупителю,—преданность волѣ Божіей, покорность судьбѣ, бодрость духа при житейскихъ невзгодахъ. И чего въ этомъ отношеніи не можетъ сдѣлать и достигнуть любящая, вѣрующая мать—христіанка, говоря съ ребенкомъ о такихъ возвышенныхъ предметахъ тѣмъ дѣтскимъ языкомъ, которымъ умѣютъ говорить только матери съ своими крошками. Вотъ самый простой примѣръ такого разговора. Дитя бѣгаетъ по саду; вдругъ ребенокъ останавливается: его вниманіе устремлено на цвѣтокъ, блестящій среди зелени. Дитя залюбовалось. Подходитъ мать. Невольно и она любуется и цвѣткомъ, и своимъ первенцемъ. „Какіе прекрасные листики! Съ какимъ искусствомъ они расположены! И пахнутъ чудно и какъ пріятно вдыхать этотъ ароматъ! Кто же сотворилъ этотъ цвѣтокъ? Кто его такъ убралъ, нарядилъ, украсилъ? Только всемогущій и всещедрый Богъ могъ это сдѣлать! Онъ произрастилъ всѣ цвѣты; Онъ сотворилъ всѣ эти маленькія растенія, которыя боязливо скрываются въ муравѣ. Онъ же сотворилъ и всѣ большія деревья, которыя гордо возносятся къ небу и покрываютъ своими вѣтвями большое пространство, даютъ тѣнь, подъ которою такъ пріятно отдохнуть въ лѣтній жаркій день!“

Подобно этому, должны получить начало и наши братскія, всецѣло основанныя на законѣ евангельской любви и взаимопомощи, отношенія къ людямъ. Христіанскія отношенія родителей между собою, къ другимъ членамъ семьи, а главное къ прислугѣ, къ бѣднымъ, больнымъ, нищимъ,—дѣятельное участіе въ этихъ братскихъ отношеніяхъ самого ре-

бенка,—вотъ тотъ разсадникъ, изъ котораго развиваются пышные цвѣты евангельскихъ добродѣтелей.

Итакъ, вездѣ, на каждомъ шагу семья и семья... въ религіозно-нравственномъ воспитаніи больше всего. Семья—альфа и омега нашего счастливаго жизненнаго пути, нашей честной жизни, плодотворной работы; семья—наше спасеніе...

„Домашній бытъ,—говоритъ Бостремъ (шведскій философъ, живш. 1797—1866 г.г.),—формулируетъ людей; человѣкъ дѣлается развратнымъ, пустымъ, грубымъ, чувственнымъ и, наоборотъ, добродѣтельнымъ, кроткимъ и цѣломудреннымъ, смотря по обстановкѣ, въ которой онъ выросъ... Нѣтъ никакой возможности воспитать честнаго, правдиваго, скромнаго молодого человѣка въ пьяной, безпутной семьѣ, живущей въ затхлой, сырой, темной конурѣ."—„Поставьте,—говоритъ Смайльсъ,—даже глубокомысленнаго философа среди ежедневной, безнравственной, низкой обстановки,—и онъ будетъ незамѣтно тяготѣть къ одичанію. Въ семьѣ главнымъ образомъ развивается сердце, создаются привычки, пробуждается умъ и образуется хорошій или дурной складъ характера. Какъ бы не были, повидимому, ничтожны и маловажны впечатлѣнія, способствующія образованію характера ребенка, они остаются въ немъ въ теченіе всей его жизни. Характеръ ребенка—ядро характера взрослаго; все послѣдующее воспитаніе не болѣе, какъ наслоенія; первоначальная форма кристалла остается неизмѣнною. Хотя въ послѣдующей жизни характеръ человѣка и измѣняется, но эти измѣненія идутъ уже подобно тому, какъ изъ березки выростаетъ стройная береза, изъ дубочка—могучій дубъ." Отсюда ясно, какое важное значеніе имѣетъ первоначальный складъ—дѣтскаго характера, формировка котораго, на-

чинающаяся съ самой колыбели, находится подъ сильнымъ и всецѣлымъ вліяніемъ окружающей среды. „Ребенокъ не можетъ не подражать тому, что видитъ, для него все образецъ: и манеры, и движенія, и языкъ, и привычки, и характеръ. Тамъ, гдѣ домъ проникнутъ духомъ любви, гдѣ повседневная жизнь чиста и добродѣтельна, гдѣ управленіе отличается чуткостью, добротою и любовью, тамъ можно ожидать, что выйдутъ здоровые, полезные и счастливые люди,—способные, когда достигнутъ нужной силы, поступать всегда честно, управлять собою благоразумно, способствовать благосостоянію ближнихъ. Съ другой стороны, если дѣти окружены невѣжествомъ, грубостью и себялюбіемъ, они безсознательно усваиваютъ себѣ такой же характеръ и достигаютъ болѣе взрослыхъ лѣтъ грубыми. неразвитыми и даже опасными для общества.“ (Смайльсъ).

Конечно, говоря о семейномъ воспитаніи, нельзя не остановиться на душѣ и красѣ домашняго очага—матери. Ей по всей справедливости принадлежитъ главное значеніе въ воспитаніи юнаго поколѣнія и чего только, повторяемъ, не можетъ сдѣлать для своего ребенка просвѣщенная, добрая, самоотверженная мать-христіанка. Въ виду важности этого вопроса, выясненію его мы посвящаемъ отдѣльную (слѣдующую) главу.

V.

Значеніе матери.

Рѣшительное вліяніе матери засвидѣтельствовано многими мыслителями. По изслѣдованіямъ Бокля, большинство знаменитыхъ людей имѣло выдающихся матерей. Милль говоритъ, что культура народа познается по тому положенію, которое занимаетъ у него женщина. Спенсеръ утверждаетъ, что отъ развитія женщины зависитъ ходъ мірового прогресса. (Новое Время, № 9223). „Одна хорошая мать,—говоритъ онъ—стоитъ сотни хорошихъ учителей. Ея привычки становятся привычками дѣтей, ея характеръ видимо воспроизводится". „Самое бѣдное жилище, въ которомъ распоряжается и руководитъ воспитаніемъ дѣтей добродѣтельная, заботливая, веселая и умная женщина, можетъ сдѣлаться уголкомъ, полнымъ добродѣтели, счастія и радости; оно можетъ служить ареною всякихъ облагораживающихъ отношеній дѣтей другъ къ другу и къ прочимъ членамъ семьи. Домашній кругъ служитъ для дѣтей лучшею школою мягкаго обращенія, гуманности, той вѣжливости, которой женщина бываетъ всегда самымъ лучшимъ наставникомъ". (Смайльсъ).

Я въ жизни своей никогда не забуду слѣдующаго случая. Однажды мнѣ пришлось совершать бракъ „раскольника", рѣшившаго бросить старую вѣру (онъ былъ „уклонившимся" въ расколъ) и возвратиться въ православіе. Передъ вѣнчаніемъ онъ говѣлъ и пріоб-

щался св. Таинъ, далъ положенную закономъ подписку; словомъ,—сдѣлалъ все, что требуется церковными правилами въ такихъ случаяхъ. Больше всего я, какъ священникъ, хотѣлъ убѣдиться, насколько чистосердечно его обращеніе и съ этою цѣлью предлагалъ ему разные вопросы. И вотъ на вопросъ: „какимъ крестомъ крестишься?“—онъ, показывая большой (двуперстный) крестъ, со слезами на глазахъ сказалъ: „только этого не могу оставить, что хотите: сама мать научила и дала завѣтъ хранить до могилы.“ И я съ благоговѣніемъ остановился въ сознаніи той силы, какую имѣютъ завѣты матери. И замѣтьте, это сдѣлала невѣжественная, необразованная мать—христіанка! Что же стало быть, можетъ сдѣлать—повторимъ опять,—просвѣщенная мать—христіанка! Чистая, самоотверженная любовь ея къ ребенку создастъ такой вѣрный оплотъ для него, который не разобьется никакими жизненными бурями и невзгодами. „Я никогда не забуду своей матери,—говорилъ о себѣ Кантъ. Она насадила и взлелѣяла во мнѣ первый зародышъ добра. Ея поученія оказывали непрерывное спасительное вліяніе на всю мою жизнь“.

Исторія представляетъ намъ тысячи примѣровъ великихъ матерей, по справедливости достойныхъ признательной памяти потомства за самоотверженное воспитаніе своихъ, не менѣе великихъ дѣтей. На нѣкоторыхъ именахъ мы и остановимся,—остановимся съ особою любовію и тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что подробное описаніе ихъ жизни, какъ мнѣ думается, въ значительной мѣрѣ разсѣетъ опасенія нашихъ матерей, желающихъ воспитывать дѣтей, какъ слѣдуетъ, но страшащихся отвѣтственности и не знающихъ, какъ приступить къ дѣлу.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ исторически-извѣстныхъ великихъ матерей принадлежитъ, несомнѣнно, св. Моникѣ, матери блаженнаго Августина. Съ нея мы и начнемъ.

Отецъ блаженнаго Августина былъ язычникъ, мать христіанка. Не трудно сразу догадаться, подъ чьимъ вліяніемъ находился сынъ, удостоившійся впослѣдствіи быть епископомъ и сдѣлавшійся знаменитымъ учителемъ церкви и духовнымъ писателемъ, произведенія котораго имѣли въ средніе вѣка (особенно во времена пелагіанскихъ споровъ) громадное вліяніе на весь образованный міръ того времени. Неудивительно также, что сынъ сталъ такимъ, когда прослѣдишь, насколько съ первыхъ лѣтъ жизни мать его была благочестива, отличалась самообладаніемъ, силой и искренностію вѣры,—добродѣтелями, которыя она старалась передать сыну, воспитанію котораго всецѣло посвятила себя. Дочь родителей—христіанъ, Моника, будучи еще ребенкомъ, бѣгала отъ подругъ, бросала даже игры, чтобы стать подъ деревомъ на молитву. Иной разъ она забывала, что пора вернуться въ родительскій домъ, за что терпѣла побои и наказанія, но въ вину ей ставилось не то, что она, увлекшись игрой со сверстницами, пропускала часъ ужина, а то, что запаздывала въ пустой церкви, стоя на молитвѣ въ дальнемъ углу. Нерѣдко, проснувшись среди ночи, она становилась на колѣна и уносилась мыслью къ Богу. Въ это время Монику особенно занимали бесѣды съ дѣдомъ, повѣствовавшемъ о христіанскихъ мученикахъ. Бесѣды эти усиливали и укрѣпляли религіозныя чувства Моники. Самъ блаж. Августинъ говоритъ съ трогательной похвалой о своей благочестивой и святой матери. Онъ утверждаетъ, что она щедра была

на милостыню, прилежно посѣщала церковь, проводила долгіе часы на молитвѣ, не пропускала ни одного дня, чтобъ не пожертвовать чего-либо на нужды храма. Можно себѣ представить, какое воспитаніе могла дать такая мать своему сыну и какія чувства она могла возбудить въ его душѣ. „Главныя сокровища,—свидѣтельствуетъ о себѣ самъ блаж. Августинъ,—я почерпалъ въ душѣ моей матери". Держа сына на колѣнахъ и ежечасно бесѣдуя съ нимъ, она пробуждала его сознаніе, внушала любовь къ Богу, презрѣніе ко всему земному, отвращеніе къ пороку. Какой учитель найдетъ въ себѣ столько силы, рвенія и убѣжденія, сколько благочестивая Моника вложила въ свои бесѣды съ сыномъ? И какой ученикъ выкажетъ столько кротости, послушанія и вниманія, сколько выказалъ ребенокъ къ матери, державшей его на колѣнахъ и покрывавшей поцѣлуями? Изъ слѣдующаго событія можно заключить, насколько глубоко было вліяніе ея на ребенка. Когда Августину было восемь лѣтъ, то онъ заболѣлъ; у него сдѣлались такія боли желудка, что окружающіе думали, что онъ непремѣнно умретъ. Въ то время, какъ всѣ предавались отчаянію, ребенокъ, не смотря на страданія, думалъ лишь о спасеніи души, и о Богѣ!..

Для того, чтобъ продолжать образованіе, Августинъ долженъ былъ разстаться съ отцомъ и матерью и поселиться вдали отъ родины. Извѣстно, что это была грустная пора въ жизни Августина. Чтеніе свѣтскихъ книгъ, нескромныя игры, разсѣянное языческое общество,—произвели на юношу такое вліяніе, что Августинъ—одно время—не только поддался соблазнамъ молодости, но даже впалъ въ ересь. И что же? Кому онъ обязанъ возвращеніемъ на путь истины? Конечно матери. „Всемогущій Господь,—

благоговѣйно восклицаетъ Августинъ,—тѣмъ, что Ты меня не покинулъ въ трудную минуту жизни, я обязанъ матери моей, день и ночь плакавшей обо мнѣ и надрывавшей свое сердце отъ горя!"—„Она молила,—говоритъ онъ,—не о золотѣ, не о богатствѣ, а лишь о спасеніи моей души." Она обращалась къ епископу, со слезами умоляя его вернуть сына на путь истины. „Полноте,—отвѣчалъ епископъ,—я не вѣрю, чтобъ могъ погибнуть сынъ, о которомъ мать плачетъ такими горькими слезами." Трогательна была минута, когда св. Моника узнала, что сынъ ея, бывшій въ Карѳагенѣ, собирается ѣхать въ Римъ. Она прибѣжала на пристань и, рыдая, умоляла не покидать ея. Сынъ уѣхалъ. Оставшись одна, мать положительно обезумѣла отъ горя. Она рѣшилась сама отправиться къ сыну, чтобъ продолжать воспитаніе мальчика, на котораго, будучи теперь уже вдовою, возлагала всѣ свои надежды. Мать и сынъ свидѣлись въ Миланѣ и тамъ поселились на время. Въ Миланѣ тогда жилъ и проповѣдывалъ знаменитый учитель церкви, св. Амвросій Медіоланскій. Св. Моника и Августинъ сдѣлались самыми ревностными слушателями проповѣдника. Проповѣди св. Амвросія такъ подѣйствовали на юношу, что вскорѣ, благодаря имъ, а главное нѣжной, самоотверженной опекѣ матери, онъ окончательно обратился на путь истины. Такова мать, которую блаж. Августинъ дѣлаетъ постоянной сообщницей своихъ бесѣдъ. Самыя прекрасныя и возвышенныя страницы въ сочиненіяхъ блаж. Августина касаются разговора его съ матерью. Собираясь вернуться въ Африку, онъ сидѣлъ съ ней темнымъ осеннимъ вечеромъ, на берегу моря. Небо было усѣяно звѣздами, а море, на которое устремились ихъ взоры, катило спокойно и беззвучно свои

темныя волны. Кругомъ царила святая тишина. Эта чудная картина такъ вдохновила ихъ, что, позабывъ прошлое и настоящее, они увлеклись мыслью въ будущее и начали бесѣду о жизни вѣчной! Трудно найти что-либо болѣе возвышенное, чѣмъ эта бесѣда матери съ сыномъ. Вскорѣ послѣ этого св. Моника скончалась. Послѣднія слова ея были обращены къ сыну. „Ничто болѣе не привязываетъ меня къ жизни",—говорила она. „Мнѣ хотѣлось жить затѣмъ, чтобъ, прежде чѣмъ наступитъ смерть, увидѣть тебя истиннымъ христіаниномъ. Господь услышалъ мою молитву. Теперь мнѣ больше нечего дѣлать на землѣ"... Въ заключеніе, кстати припомнимъ, что св. Моника совершила еще одно благое дѣло, доставившее ей не мало радости. Мужъ ея былъ, какъ сказано, язычникомъ. Впослѣдствіи онъ внялъ увѣщаніямъ жены и принялъ христіанство. Въ былые же годы, напротивъ, всѣми силами старался отвратить сына отъ вѣры, въ которой св. Моника съ первыхъ лѣтъ старательно воспитывала ребенка. „Но отецъ,—говоритъ о себѣ блаж. Августинъ,—никогда не могъ уничтожить вліянія, которое имѣла на меня мать. Какъ ни привлекателенъ былъ его примѣръ, онъ не могъ отвратить меня отъ Христа, въ Котораго не вѣровалъ самъ".

Имя св. Моники пережило многіе вѣка. Св. церковь сохранила воспоминаніе о всѣхъ ея добродѣтеляхъ и увѣковѣчила память о ней, какъ одной изъ лучшихъ матерей, въ назиданіе будущихъ поколѣній. Дай Богъ, чтобъ и современныя матери, при воспитаніи своихъ дѣтей, горѣли бы къ нимъ такою же любовію, какъ св. Моника къ блаж. Августину. Эта любовь сама научитъ каждую мать, что дѣлать ей и какъ поступать съ дѣтьми, чтобъ изъ нихъ вышли добрые христіане и хорошіе люди.

Впрочемъ еще раньше христіанской эры, еще ветхозавѣтныя времена великое значеніе матери въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей полагали внѣ всякаго сомнѣнія. Достаточно припомнить, что великіе дѣятели еврейской исторіи были воспитаны въ духѣ вѣры и національности своими матерями (Моисей, Самуилъ и др.) Мужественная Соломія, въ ожиданіи своей смерти и жестокаго мученичества своихъ семи сыновей, стояла у жертвенника... но для чего? Чтобъ утѣшить и поддержать дѣтей въ эти страшно-тяжелыя для нихъ минуты! И историкъ, разсказывая о мученіяхъ св. братьевъ, припоминая даже каждаго по одиночкѣ, замѣчаетъ: „наиболѣе же достойна удивленія и славной памяти мать, которая, видя, какъ семь ея сыновей умерщвлены въ теченіи одного дня, благодушно переносила это въ надеждѣ на Господа“ (2 Мак. 7 гл.). Какъ поучительны, дальше, слѣдующія краткія, но много говорящія сердцу записи, встрѣчающіяся въ исторіи іудейскихъ царей: воцарился Амассія... имя матери его Іегоаддань и дѣлалъ онъ угодное въ очахъ Божіихъ (4 Цар. 14, 1—3); или: воцарился Езекія, имя матери его Ави, и дѣлалъ онъ угодное въ очахъ Господнихъ (4 Цар. 18, 1—3),

Безчисленны также примѣры великихъ матерей, представляемые новѣйшей исторіей. Конечно, нѣтъ возможности даже только перечислить списокъ этихъ благородныхъ женщинъ: и для этого потребовались бы цѣлые томы. Для нашей цѣли мы считаемъ достаточнымъ остановиться лишь на двухъ именахъ: матери нѣмецкаго поэта Шиллера (1759—1805 г.г.) и матери автора „Генія христіанства“, Шатобріана (1768—1848 г.г.).

Въ Некарскомъ округѣ герцогства виртембергскаго находится небольшое селеніе, по имени Кле-

верзульцбахъ. Если вы посѣтите скромное кладбище его, то увидите, подъ сѣнью сливы, каменный крестъ съ простой надписью: „матери Шиллера.“ Только два слова, но какъ краснорѣчиво говорятъ они о величіи матери и сына! Да, Шиллеръ имѣлъ замѣчательную мать! Не наше дѣло говорить о томъ, какое вліяніе имѣла мать на развитіе поэтическихъ дарованій сына,—а вліяніе это было по истинѣ громадно,—мы скажемъ лишь о вліяніи матери въ религіозно-нравственномъ отношеніи!

Бѣлокурый, голубоглазый Фридрихъ, говорятъ, былъ портретомъ матери, онъ отличался любознательностью, яснымъ умомъ, добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ. Мальчикъ началъ лепетать первыя слова на колѣнахъ матери, которая, какъ женщина бѣдная, не могла имѣть для сына особыхъ воспитателей, да какъ любящая мать и не желала этого; она же научила его читать и писать; она же самоотверженно слѣдила за воспитаніемъ сына и тогда, когда отдала его на обученіе пастору. Къ чести матери нужно замѣтить, что она обладала даромъ, составляющимъ цѣль и стремленія многихъ знаменитыхъ педагоговъ, а именно даромъ заинтересовывать, увлекать, передавать знанія, какъ бы шутя. Иногда она разсказывала ребенку библейскую исторію,—эту исторію ребенокъ выслушивалъ съ вниманіемъ и даже замѣтнымъ волненіемъ; въ другой разъ—умѣла развлечь его однимъ изъ наивныхъ, чудныхъ преданій, съ древнихъ временъ сохранившихся въ воспоминаніяхъ германскаго народа; или—заставляла читать вслухъ лучшія мѣста изъ твореній ея любимыхъ авторовъ и поэтовъ. Конечно, такого рода ученье не имѣло въ себѣ ничего скучнаго, методичнаго, что такъ часто отбиваетъ у дѣтей охоту учиться. Чтобъ достигать большей нагляд-

ности и картинности, великая мать въ совершенствѣ умѣла пользоваться моментомъ и обстановкой. Однажды, разсматривая развалины замка, она разсказала сыну фантастическую легенду, относившуюся къ той самой мѣстности, которую мальчикъ могъ созерцать воочію. Въ другой разъ, великая женщина шла чуднымъ лѣтнимъ утромъ съ своимъ ребенкомъ и объясняла маленькому Фридриху и его сестрамъ воскресное евангеліе, читанное въ тотъ день въ церкви. Чтобъ убѣдиться въ томъ, какое впечатлѣніе производитъ на дѣтскіе умы этотъ способъ преподаванія, слѣдуетъ послушать самого Шиллера. Вотъ что говоритъ онъ: „однажды, когда мы шли съ матерью къ бабушкѣ съ дѣдушкой, она повела насъ чрезъ горы. Это было въ понедѣльникъ на святой. Во время прогулки она разсказала намъ исторію двухъ учениковъ, встрѣтившихъ Воскресшаго Господа Іисуса Христа по дорогѣ въ Еммаусъ. Рѣчь ея съ каждой минутой дѣлалась все оживленнѣе и когда мы взошли на вершину горы, волненіе наше достигло такихъ размѣровъ, что мы упали на колѣни и стали молиться Богу.“ Не мудрено, что такое воспитаніе на религіозный складъ ребенка имѣло громадное вліяніе. Въ жизни Шиллера-ребенка можно указать два случая, которые краснорѣчивѣе всякихъ фразъ говорятъ о силѣ этого вліянія. Извѣстно, напримѣръ, что религіозныя чувства, которыя мать Шиллера старалась развить въ душѣ своего сына, играли роль даже въ играхъ и забавахъ ребенка. Маленькій Фридрихъ нерѣдко надѣвалъ на себя черный фартукъ, замѣняющій ему мантію, дѣлалъ изъ лоскутка подобіе брыжжей и, взобравшись на стулъ, изумлялъ всѣхъ домашнихъ изрѣченіями изъ слышанныхъ имъ проповѣдей или библейскими цитатами. При этомъ малень-

кій проповѣдникъ имѣлъ серьезный видъ и не допускалъ, во время своихъ обращеній къ публикѣ, никакихъ разговоровъ. Другой случай. Одною изъ главнѣйшихъ чертъ характера мальчика, сложившагося подъ неослабнымъ вліяніемъ такой матери, была доброта, желаніе помогать ближнимъ, услуживать имъ. Маленькій Шиллеръ любилъ раздавать неимущимъ свое имущество, не исключая книгъ и одежды. Однажды отецъ замѣтилъ, что, вмѣсто застежекъ, которыя сынъ обыкновенно носилъ на башмакахъ, у него были простые шнуры. Отецъ спросилъ о причинѣ такой перемѣны. „Я отдалъ мои будничныя застежки бѣдному мальчику,—отвѣчалъ Фридрихъ; онъ будетъ надѣвать ихъ по праздникамъ, а у меня есть другая пара застежекъ, для воскресныхъ дней“.

Не мудрено послѣ всего этого, что изъ Шиллера вышелъ сынъ, достойный своей матери,—сынъ, о которомъ нѣкто г-жа де-Стааль очень мѣтко замѣчаетъ: „Шиллеръ былъ восхитителенъ не только своими дарованіями, но также и добродѣтелями“. О томъ же свидѣтельствовала и сама незабвенная мать его, въ послѣднюю минуту жизни, когда съ волненіемъ говорила сыну: „такого другого сына, какъ ты, нѣтъ на свѣтѣ“. Къ нему же достойная мать обратила свое послѣднее прости, сказавъ: „Богъ да благословитъ тебя, мой сынъ!“

— „Я обязанъ моей матери славой и счастьемъ жизни, такъ какъ она вдохнула въ меня вѣру“,— говорилъ о себѣ Шатобріанъ. Чѣмъ же вдохнула мать эту вѣру? Прежде всего, своимъ добрымъ примѣромъ. Какъ видно изъ біографіи Шатобріана, на умъ писателя произвели глубокое впечатлѣніе семейныя религіозныя празднества и первая его исповѣдь, когда онъ видѣлъ колѣнопреклоненную мать, стра-

стно просившую у Бога благословенія своему обожаемому сыну. А затѣмъ, послѣднимъ завѣщаніемъ, такъ страстно высказаннымъ любящею матерію своему сыну. „Мать моя,—пишетъ самъ Шатобріанъ,—брошенная въ тюрьму, когда ей было уже семьдесятъ два года, испустила послѣдній вздохъ на жесткой кровати. Умирая, она поручила одной изъ сестеръ напомнить мнѣ о религіи, въ которой я былъ воспитанъ, но въ то время, какъ до меня дошло письмо сестры, ея самой уже не было въ живыхъ. Эти два голоса, какъ бы вырвавшіеся изъ могилы,—говоритъ Шатобріанъ,—страшно поразили меня!“

Счастливы дѣти, имѣющія любящую ихъ христіански—просвѣщенную мать. Сожалѣнія достойны дѣти, лишенныя материнской ласки и ухода. Положительно несчастны дѣти, у которыхъ мать—невѣжественная, злая, порочная женщина.

„Поручите ребенка попеченіямъ недостойной, невѣжественной и безтактной женщины, и никакое развитіе въ послѣдующей жизни не въ состояніи будетъ исцѣлить сдѣланнаго зла“,—говоритъ Смайльсъ. „И какія громадныя,—продолжаетъ онъ же,—нравственныя страданія и боль подготовляются для послѣдующей жизни человѣка неразумными матерями и воспитательницами, благодаря ихъ безтактности и непослѣдовательности!“ —„Слабая мать,—пишетъ Спенсеръ,—которая постоянно грозитъ ребенку то тѣмъ, то другимъ наказаніемъ, и рѣдко исполняетъ свои угрозы, второпяхъ отдаетъ приказанія и, опомнившись, тотчасъ отмѣняетъ ихъ; къ одному и тому же проступку относится сегодня строго, а завтра снисходительно, смотря по расположенію духа,—такая мать готовитъ много бѣдствій, какъ для себя,

такъ и для дѣтей. Она заставляетъ ихъ относиться къ ней съ неуваженіемъ, подаетъ имъ примѣръ несдержанности, поощряетъ ихъ дурно вести себя, возбуждая въ нихъ надежду, что все имъ сойдетъ съ рукъ безнаказанно; она завязываетъ безконечныя ссоры съ дѣтьми, портитъ ихъ характеръ и свой собственный; она производитъ въ ихъ мысляхъ и чувствахъ полнѣйшій хаосъ, который, въ послѣдствіи, если и приведется въ нѣкоторый порядокъ, то не иначе, какъ съ помощью горькаго опыта".

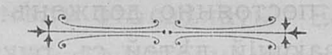
Есть пословица: „если женщина захочетъ, такъ поставитъ на своемъ". И чего, въ самомъ дѣлѣ, не достигнетъ женщина, одушевленная святыми идеалами и дѣйствующая во имя сознаннаго ею и проводимаго въ жизнь съ подобающими безкорыстіемъ, энергіей, беззавѣтностію великаго долга материнства!

Нельзя не пожелать отъ всего сердца, чтобъ наша русская женщина не забывала своего главнаго назначенія—быть хорошей женой и доброй матерью. И если русскія женщины XIX столѣтія, въ качествѣ сестеръ милосердія, такъ самоотверженно посвящали себя на служеніе страждущему человѣчеству, во время русско-турецкой или китайской войнъ, если непривыкшія къ черному труду русскія интеллигентныя женщины самоотверженно и безкорыстно свершили свою высокую, всѣмъ извѣстную миссію въ голодный и въ холерный годы..., то неужели онѣ остановятся и признаютъ себя безсильными предъ подвигами разумнаго христіанскаго воспитанія своихъ дѣтей! Не можетъ этого быть! У русской матери все потребное для этого подвига есть на лицо: и самоотверженная любовь, и беззавѣтная энергія, до готовности положить свою душу. Можетъ быть не достаетъ ей толь-

ко нужнаго для этого основательнаго религіознаго развитія? Лишь бы сознали это матери,—и онѣ, несомнѣнно, сами же постараются тогда восполнить этотъ пробѣлъ.

Во всякомъ случаѣ, каждая женщина должна помнить, что обязанности материнства, свято исполненныя, составляютъ для человѣка такую награду, возлагаютъ на его голову такой вѣнокъ, какого міръ ни разу еще не возлагалъ на голову величайшихъ побѣдителей и завоевателей! Съ этими обязанностями ни стремленія къ равноправности, ни мечты о свободѣ отношеній между полами и государственномъ воспитаніи дѣтей, по образцу Платоновской республики,–даже и сравниваться-то, по своему значенію, не могутъ! Въ основательномъ религіозно-нравственномъ воспитаніи нашего юношества–спасеніе и будущность нашего отечества.

Пойми же это, русская мать... иди и спасай!

VI.

Значеніе остальныхъ членовъ семейства.

Приписывая матери такое громадное значеніе въ дѣлѣ начальнаго религіознаго воспитанія, мы, тѣмъ не менѣе, отнюдь не хотѣли этимъ сказать, что отъ обязанностей воспитанія юнаго поколѣнія освобождаются и отецъ, и прочіе члены семейства. Участіе отца въ домашнемъ воспитаніи дѣтей, само собою разумѣется, такъ же необходимо, какъ и попеченія матери; это ихъ общая и совмѣстная работа, естественно раздѣляемая ими *почти* на равныя части.

„Нѣкоторые отцы,—пишетъ Габріэли въ своей книгѣ: „Воспитаніе характера,“—возлагаютъ воспитаніе дѣтей всецѣло на попеченіе одной матери. Но жалка эта метода; вѣдь не справиться одной матери, отцовскій глазъ постоянно долженъ слѣдить за дѣтьми. Отецъ, сбывающій дѣтей съ рукъ, теряетъ не одно только время. Хорошо воспитанный сынъ несравненно дороже прибавки годового дохода въ десять, двадцать тысячъ. Воспитаніе есть неисчерпаемый капиталъ и дастъ тысячу на тысячу. Это не понятно для отцовъ семейства, которые до того увлекаются мыслію оставить дѣтямъ порядочное денежное наслѣдство, что самихъ дѣтей оставляютъ совсѣмъ безъ воспитанія. Невѣжество хуже всякихъ долговъ. Воспитаніе погашаетъ долги, невѣжество дѣлаетъ ихъ. Воспитанный бѣднякъ можетъ разбогатѣть отъ труда, а невѣжественный богачъ рано или поздно впадетъ въ нищету“.

Цѣли религіозно-нравственнаго воспитанія только тогда достигаются успѣшно, когда семья, въ лицѣ отца и матери, а вслѣдъ за ними, и всѣхъ остальныхъ членовъ, представляетъ единицу сплоченую, согласную, религіозно-настроенную; все въ ней должно дѣлаться искренно, честно, нелицемѣрно. Напротивъ, если члены семьи, какъ говорится, тянутъ въ разную, то на душѣ ребенка этотъ разладъ не можетъ не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ. Какъ ни закрывай отецъ или мать личиной благочестія отсутствіе искренняго убѣжденія въ томъ, *что они должны*, хотя бы и скрѣпя сердце, *дѣлать для дѣтей* (обычная отговорка современныхъ „просвѣщенныхъ" родителей: „мы дѣлаемъ это для дѣтей"), послѣднія всегда подмѣтятъ эту двуличность и съумѣютъ по своему оцѣнить ее. Вообще нерадѣніе, неряшество, небрежность въ дѣлѣ воспитанія хуже всего,—особенно въ лицѣ отца или матери. Въ разсказѣ А. Чехова: „Три года" есть такое мѣсто: „мы часто наказываемъ ребенка за проступки и спрашиваемъ: „какъ ты смѣлъ это сдѣлать?" Если-бъ ребенокъ могъ отвѣтить намъ, то непремѣнно сказалъ бы намъ: „это подмѣтилъ я у тебя, отецъ. Ты это сдѣлалъ самъ когда-то и забылъ, а я наблюдалъ тебя, подмѣтилъ и повторилъ, не зная, что это дурно."—Нерадиво, во исполненіе только привычнаго обряда, помолилась мать,—говоритъ одинъ изъ нашихъ духовныхъ писателей,—также нерадиво, небрежно и ребенокъ ея повертитъ рукою около лица, ляжетъ на полъ для поклона и тотчасъ же перейдетъ въ игривую жалость".

Профессоръ Ковалевскій пишетъ: „мы заставляемъ дѣтей нашихъ учить молитвы „для батюшки," но стыдимся перекрестить лобъ передъ завтракомъ, или обѣдомъ. Мы часто ложимся спать не только

безъ молитвы, но и не крестясь. Дѣти все это видятъ, все понимаютъ, и тоже творятъ молитву для формы. Желаете вы имѣть дѣтей нравственными,—будьте имъ примѣромъ. Не стыдитесь открыто призывать имя Божіе, чтите безъ лицемѣрія своего царя, не стѣсняйтесь открыто исповѣдывать, что вы—русскій и любите свою родину, будьте истиннымъ отцомъ и мужемъ, уважайте себя и другихъ, исполняйте вашъ долгъ: и ваши дѣти станутъ высоконравственными людьми." (Изъ книги: „Возрожденіе и вырожденіе".).

Еще рѣшительнѣе высказался недавно проосвященныйИриней, епископъ екатеринбургскій. „Общая жалоба,—пишетъ онъ,—въ наше время на то, что большая часть нашихъ дѣтей, не говоря уже о юношествѣ, плохо воспитывается; сами родители много и часто жалуются на это. И жалобы эти, къ сожалѣнію, вполнѣ основательны. Недомоганіе, болѣзненность въ нашемъ воспитаніи выше всякаго сомнѣнія. Болѣзнь же не слѣдуетъ запускать, болѣзнь нужно лечить. А когда хотятъ лечить больного, то прежде всего спрашиваютъ у него: что болитъ, гдѣ болитъ? Спросимъ и мы: что болитъ въ воспитаніи дѣтей?

Кому приходится обращаться съ дѣтьми, тѣ скажутъ намъ, если будутъ добросовѣстны, что въ нашемъ юношествѣ прежде всего бросается въ глаза *запущенность въ религіозномъ отношеніи*. Законоучители учебныхъ заведеній повѣдаютъ намъ, что въ школу часто поступаютъ такія дѣти, для религіознаго развитія коихъ въ семьѣ почти ничего не сдѣлано; нѣтъ въ дѣтяхъ страха Божія, нѣтъ у нихъ религіозныхъ навыковъ и привычекъ. Спросишь иногда дитя: „молишься ты Богу?"—и получаешь отвѣтъ: „никто до-

ма со мной не молится.“ Уроки законоучителя въ школѣ не встрѣчаютъ содѣйствія въ семьѣ родителей. Нѣтъ почти возможности устроить правильное посѣщеніе дѣтьми церковнаго богослуженія. Уже въ дѣтяхъ замѣчается равнодушіе, неохота къ молитвѣ и хожденію въ церковь. Нерѣдко можно слышать изъ устъ дѣтей старшаго возраста, обучающихся въ школахъ, дерзкія рѣчи о предметахъ вѣры, божбу, ложь, непристойныя ругательства и даже проявленія невѣрія; въ дѣтяхъ, напротивъ, замѣчается недостатокъ тѣхъ добрыхъ качествъ, которыя должны украшать дѣтскій возрастъ.“

„Но кто же,—спрашиваетъ преосвященный,—виноватъ во всемъ этомъ?“ И тутъ же отвѣчаетъ: „вѣрный и короткій отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ такой: если дѣти дурно воспитаны, то большая часть вины падаетъ на родителей... Если отецъ изъ числа такъ называемыхъ либераловъ и прогрессистовъ или эволюціонистовъ, если онъ не обращаетъ на религіозныя свои обязанности никакого вниманія, церкви почти никогда не посѣщаетъ, презрительно или иронически, даже въ присутствіи дѣтей, отзывается о религіозныхъ предметахъ; если родители, въ присутствіи дѣтей, глумятся надъ существующими церковными и христіанскими порядками, поносятъ духовную и свѣтскую власть, то... зачѣмъ и спрашивать, откуда невоспитанность въ нашихъ дѣтяхъ? Поэтому, если хотите, чтобы пагубный духъ времени (невѣрія и нравственной распущенности) не заражалъ вашихъ дѣтей, то не допускайте его прежде въ самихъ себѣ, держась закона Христова и ученія православной церкви.“

„Что я говорю,—продолжаетъ дальше архипастырь,—подтверждается и словомъ Божіимъ, ибо въ немъ говоритъ Духъ Святый: *„не хвали человѣка*

прежде смерти его, такъ какъ человѣкъ узнается по дѣтямъ своимъ". По образу жизни дѣтей, значитъ, узнаются родители, а также и ихъ дѣятельность въ воспитаніи дѣтей. И въ языческомъ мірѣ родители были отвѣтственны за проступки дѣтей своихъ. Спартанскій законодатель Ликургъ постановилъ, чтобы за извѣстные проступки сыновей и дочерей были наказываемы отцы и матери. Почему? Потому что родители добрымъ воспитаніемъ могли и должны были предотвратить проступки дѣтей своихъ. Философъ Діогенъ ударилъ по щекѣ отца, сынъ котораго говорилъ въ присутствіи его безпутныя рѣчи. За что? За то, что отецъ не воспиталъ своего сына такъ, чтобъ онъ стыдился произносить подобныя рѣчи". (Пастыр. Собес. за 1901 г. № 18).

Вообще хорошая семья и добрая мать въ дѣлѣ начальнаго религіознаго воспитанія имѣютъ такое значеніе, такую силу, что ихъ не могутъ замѣнить ни искусственныя школы для маленькихъ людей, хотя бы онѣ были созданы по послѣднему слову педагогической науки и съ соблюденіемъ всякихъ фребелевскихъ или лесгафтовскихъ рецептовъ,—ни даже пріюты для дѣтей бѣдныхъ и неимущихъ родителей,—хотя, на видъ, и можно было бы, кажется, думать, что, въ послѣднемъ случаѣ, лицо, завѣдующее пріютомъ, какъ болѣе опытное и, можетъ быть, получившее даже спеціальное педагогическое образованіе, должно принести больше пользы этому ребенку, чѣмъ его необразованная мать,—ни приглашенные—иногда за большія деньги—разные гувернеры и ученые воспитатели. Нѣтъ, господа, улыбки и ласки матери никто намъ не замѣнитъ, противъ силы и чутья материнскаго инстинкта природа не знаетъ еще другой равной силы. И я съ своей стороны (и

прежде всего для своихъ дѣтей) желалъ бы одного: не только не отрывать дѣтей отъ матери и съ малыхъ лѣтъ отдавать ихъ въ пропитанные духомъ казармы наши интернаты,—но оставлять дѣтей подъ материнскимъ вліяніемъ, по возможности, даже на всю жизнь. „Нѣтъ дружка милѣй родной матушки",—убѣжденно и въ высшей степени справедливо говоритъ русскій человѣкъ. Поэтому, ни ссылки на недосугъ и общественныя служебныя занятія со стороны отцовъ, ни указанія на хлопоты и обязанности благотворительной дѣятельности, на обязательные выѣзды въ свѣтъ и балы, на незнаніе правилъ педагогики и свою малоопытность—со стороны нашихъ „просвѣщенныхъ и эмансипированныхъ матерей-барынь,—въ дѣлѣ воспитанія нашихъ дѣтей не должны имѣть мѣста и не заслуживаютъ ни малѣйшаго снисхожденія и извиненія. Нѣтъ отцы и матери, вы бодро взяли на себя супружескія обязанности,—взяли добровольно, такъ какъ никто васъ не принуждалъ къ этому: будьте же мужественны до конца! Съумѣйте, какъ должно, и воспитать своихъ дѣтей; сдѣлайте изъ нихъ достойныхъ носителей высшей правды, честныхъ работниковъ на благо дорогой родины!.. Это священная и неукоснительная обязанность каждаго родителя!

VII.

Обученіе Закону Божію; нѣсколько общихъ замѣчаній.

Начиная съ 5—6—7-ми-лѣтняго возраста, смотря по способностямъ ребенка, должно,—въ помощь, такъ сказать, непосредственному религіозно-нравственному воспитанію,—явиться систематическое обученіе Закону Божію. Цѣль этого обученія состоитъ въ томъ, чтобъ сообщить ребенку болѣе или менѣе связное и отчетливое, сообразно возрасту и силамъ учащагося, знаніе истинъ христіанской религіи и нравственности.

Такъ какъ опредѣленными годами нельзя ограничить разбираемый періодъ и такъ какъ, съ другой стороны, начальное обученіе Закону Божію въ среднихъ семьяхъ, въ большинствѣ случаевъ, замѣняетъ у насъ (или, по крайней мѣрѣ, хотятъ, чтобъ замѣняло) начальную школу, то все, о чемъ и что мы будемъ говорить ниже, отчасти относится и къ нашей начальной школѣ. Равно какъ, нельзя говорить о начальномъ религіозно-нравственномъ воспитаніи, включая сюда и обученіе Закону Божію, и при этомъ оставить безъ всякаго вниманія выработанной длиннымъ и, можно смѣло сказать, плодотворнымъ опытомъ постановки начальнаго обученія Закону Божію въ народной школѣ. Какъ извѣстно, на московскомъ съѣздѣ дѣятелей народнаго образованія (1901 г.), программы по предметамъ обученія Закону Божію единогласно признаны удовлетворительными. Одно

это составляетъ уже большую драгоцѣнность; нельзя, неразумно не воспользоваться этимъ драгоцѣннымъ опытомъ народной школы при рѣшеніи вопросовъ начальнаго религіознаго воспитанія. Но снова прошу извиненія у читателя. Приходится опять сдѣлать нѣсколько *общихъ* замѣчаній на счетъ преподаванія Закона Божія.

1) Нужна ли вообще какая либо система обученія Закону Божію въ сферѣ семейнаго религіознаго воспитанія? Не лучше ли вести съ ребенкомъ „простыя бесѣды о великихъ предметахъ", или, впослѣдствіи, прочитывать, время отъ времени, одну—двѣ главы изъ евангелія; систематическое же обученіе всецѣло отложить до школы? Вѣдь всякая систематизація, говорятъ защитники этого положенія, неизбѣжно приводитъ съ собою духъ канцеляризма, убиваетъ свободу мысли, понижаетъ даже самодѣятельность,—а все это въ высшей степени нежелательно въ такомъ великомъ и святомъ дѣлѣ, какъ изученіе христіанской религіи.

При обученіи ребенка Закону Божію, хотя бы оно производилось и въ семьѣ, обязательно слѣдуетъ держаться строго выработанной системы, или программы. Преподавать Законъ Божій не значитъ ли сообщать извѣстныя знанія? А если такъ, то что это за знаніе, не имѣющее никакой системы, т. е. проще говоря, ни общей единой идеи, ни соотношенія частей и под.? Такое знаніе не будетъ имѣть ни силы, ни значенія. Напротивъ, преподаваніе Закона Божія, проведенное въ строгой системѣ, дастъ ребенку не только осмысленное формальное знаніе, но и поможетъ сдѣлать это знаніе основнымъ фундаментомъ его нравственной дѣятельности. „Выучите,—говоритъ Брайтъ (англ. госуд. дѣятель,—1811—1889 гг.) маль-

чика основательно ариѳметикѣ, и вы сдѣлаете изъ него человѣка. А почему? Потому, что ариѳметика пріучаетъ его къ аккуратности, точности, соразмѣрности и отношеніямъ.“ Если сказанное справедливо по отношенію даже къ такой чисто отвлеченной наукѣ, какъ ариѳметика, тѣмъ болѣе оно должно быть приложимо къ преподаванію Закона Божія... Безпринципность и безъидейность въ области мысли и дѣла, право же, и безъ того достаточно уже понабили оскомину человѣку послѣдняго времени! И не отсутствіемъ ли системы въ нашихъ познаніяхъ („мы учились кое-чему и кое-какъ“) объясняются наши,— „упрощенныя“ до наивности или глупости, не знаю, что будетъ вѣрнѣе,—шатанія изъ одного лагеря въ другой: отъ базаровщины въ толстовщину, изъ толстовщины въ марксизмъ, изъ марксизма опять въ толстовщину и т. д.

Что касается опасеній, какъ бы систематизація знаній по предметамъ Закона Божія не привела съ собою рутину, сухость, формализмъ, то опасенія эти, правда, имѣли бы основаніе, еслибъ, въ погонѣ за системой, преподаватель сдѣлалъ ее цѣлью науки, а не средствомъ лучшаго и болѣе прочнаго усвоенія предмета. И вообще система не всегда ведетъ за собой сухость и формализмъ преподаванія. Собственно система-то тутъ даже не причемъ. Напротивъ, замѣчено, что формалистами чистѣйшей пробы являются преподаватели, не постигшіе главной идеи своей науки, но съ страшнымъ рвеніемъ гоняющіеся за частностями предмета, которыя сами-то по себѣ, безъ подчиненія основной идеѣ, не имѣютъ никакого значенія!...

2) При преподаваніи Закона Божія нужно съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностію останавли-

вать мысль ребенка на главномъ, а не разбиваться, въ ущербъ дѣлу, по частностямъ.

Н. Шелгуновъ насчетъ свѣтскаго образованія писалъ: „настоящее, солидное, основательное образованіе должно обозначать главнымъ образомъ не пріобрѣтеніе извѣстной суммы знаній или всѣхъ знаній, что совершенно недостижимо, а такое подготовленіе человѣка, при которомъ онъ впослѣдствіи не могъ бы растеряться въ разнообразныхъ случайностяхъ жизни. Человѣкъ долженъ имѣть подготовленными свои способности къ тому, чтобы во всякой новой сферѣ, въ которой ему придется дѣйствовать, какъ человѣку и гражданину, онъ могъ бы найтись и дѣйствовать съ увѣренностію. Въ противоположность настоящему образованію, полуобразованіе есть поверхностное ознакомленіе съ предметомъ, отсутствіе правильнаго его усвоенія и правильнаго пониманія. Человѣкъ полуобразованный (даже при массѣ свѣдѣній), очутившись въ иной сферѣ, не можетъ въ ней оріентироваться, не въ силахъ справиться съ обстоятельствами; онъ теряется, запутывается, терпитъ фіаско и дѣлается игрушкою окружающихъ и рабомъ обстоятельствъ. А человѣкъ дѣйствительно образованный (не по количеству матеріала знаній, а по качеству способности справиться съ этимъ матеріаломъ) пріобрѣтаетъ энергію, рѣшимость, вѣру въ свои силы, умѣлость, находчивость во всѣхъ положеніяхъ; онъ менѣе способенъ теряться при неудачахъ, чѣмъ человѣкъ слабо и неразносторонне развитой.—Такимъ образомъ цѣль образованія и обученія молодого поколѣнія должна, главнымъ образомъ, состоять въ томъ, чтобы развить, при сообщеніи и переработкѣ свѣдѣній, возможно больше способности человѣка, дать ему средства спра-

виться съ получаемыми знаніями, а не имѣть въ виду одну массу свѣдѣній. Только это дастъ молодому человѣку истинное образованіе".

Прилагая сказанное къ изученію предметовъ Закона Божія, преподаватель, какъ было выше указано, долженъ, во все время курса, останавливаться и, такъ сказать, выдвигать главную идею христіанскаго домостроительства, изъ нея онъ долженъ выводить и къ ней долженъ приводить всѣ знанія и по свящ. исторіи, и по изученію молитвъ, и по объясненію богослуженія, и православному катихизису *).

3) Въ чемъ состоитъ главная цѣль изученія Закона Божія? Конечно, не въ томъ, чтобъ только набрать, какъ можно больше, свѣдѣній, хотя бы даже систематизированныхъ и подчиненныхъ одной главной христіанской идеѣ. Главная цѣль преподаванія и изученія Закона Божія должна поставляться въ воздѣйствіи на чувство ребенка. Слѣдовательно, изученіе Закона Божія въ особенности должно отличаться воспитывающимъ характеромъ. Правда, по требованію педагогики, обученіе и всякому другому предмету должно быть воспитывающимъ, но въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду и существеннаго различія между обученіемъ Закону Божію и обученіемъ другимъ предметамъ.

„Религія обнимаетъ собою все существо человѣка и требуетъ, поэтому, гармоническаго развитія ума, сердца и воли. Если же принять во вниманіе, что,

*) Справедливость требуетъ замѣтить, что наши (особенно свѣтскія) учебныя заведенія страдаютъ крупными недочетами на этотъ счетъ. Какъ увидимъ ниже, программы по предметамъ Закона Божія, особенно по свящ. исторіи ветхаго завѣта и объясненію богослуженія, въ нашихъ гимназіяхъ, напримѣръ, дотого разбиваются по частностямъ, что, кажется, совершенно забываютъ ту душу живую, которая должна осмысливать и оживлять изученіе Закона Божія.

по ученію Слова Божія, сердце признается центромъ духовной жизни, а цѣль обученія Закону Божію состоитъ въ воспитаніи живыхъ и дѣятельныхъ послѣдователей вѣры Христа, то и главное вниманіе при этомъ обученіи должно быть обращаемо на воспитаніе чувствованій; при изученіи же другихъ предметовъ главнымъ центромъ тяжести обыкновенно служитъ умственное развитіе человѣка“ (Вержбиловичъ. „Народное Образованіе“, 1898 г. № 2-й, стр. 16).

4) Если же цѣль обученія Закону Божію состоитъ въ томъ, чтобъ воспитать религіозныя чувствованія человѣка,—воспитать такъ, чтобъ они были руководственными двигателями послѣдующей жизни человѣка, то, само собою понятно, такая обширная цѣль никогда не достигается одними лекціями по исторіи христіанской вѣры. Въ извѣстномъ произведеніи Яна Амоса Коменскаго „Міръ въ картинкахъ“, рисуется такое положеніе. Въ креслѣ сидитъ учитель, передъ нимъ въ почтительномъ положеніи стоитъ мальчикъ—будущій ученикъ. Между тѣмъ и другимъ, какъ видно изъ подписи подъ картиной, происходитъ слѣдующій разговоръ: „поди сюда, дитя, учись быть мудрымъ“,—на что тотъ возражаетъ: „что значитъ быть мудрымъ?“—„Значитъ хорошо знать, хорошо дѣлать, хорошо высказывать все, что нужно!“—„Кто же меня этому научитъ?“—„Я“.—„Какимъ образомъ?“ „Я поведу тебя всюду, покажу тебѣ все, назову тебѣ все“... При взглядѣ на эту картину, невольно приходитъ въ голову: „бѣдное дитя! мудрости тебя хотятъ учить... Какъ она не идетъ къ твоему, доселѣ безпечному, беззаботному личику!.. Указывать все будутъ, называть... Каково-то будетъ запоминать все названное! Неужели ты долженъ навсегда отказаться отъ радостей и удовольствій къ которымъ ты такъ

привыкъ во время игръ и забавъ (См. „Вѣстникъ воспитанія“ 1893 г. кн. 7, стр. 9).

Если такая картина даже тогда, когда рѣчь идетъ о житейской наукѣ, не можетъ не рѣзать нашего глаза и болѣзненно не сжимать сердца, тѣмъ болѣе фальшива, нежизненна она будетъ въ области религіозно-нравственнаго обученія.

Къ сожалѣнію, у насъ на практикѣ—и это еще такъ недавно—ставилось дѣло почти что такъ и при обученіи Закону Божію. У насъ все надо было первымъ дѣломъ понять, да доказать. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите учебники по Закону Божію и даже программы (прежнія) по этому предмету и на первомъ планѣ увидите: изъясненіе понятія о бытіи Бога и Его свойствахъ; понятіе объ ангелахъ; душа человѣческая и пр. и пр. Все-то изъясненія, да объясненія. Слава Богу, что въ примѣрныхъ программахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, утвержденныхъ 7 Февраля 1897 г. и въ нынѣ дѣйствующихъ программахъ учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ такихъ мудростей нѣтъ и дѣло прямо начинается исторіей о сотвореніи міра. Возьмите, дальше, для примѣра любую методику по Закону Божію,—ну, хоть составленную Аѳ. Соколовымъ. Прочитайте планы первыхъ уроковъ по Закону Божію. Вотъ ужъ именно учитель ведетъ ученика, все ему показываетъ, все называетъ,—хотя, сказать правду, показываетъ и называетъ безъ нужды растянуто, а потому, по временамъ, прямо таки снотворно, а иногда даже неправильно называетъ... *). Лично я

*) Такъ, например̃ѣръ, отъ отца, строившаго домъ, Аѳ. Соколовъ хочетъ возвести умъ ученика къ Богу, какъ Творцу міра... Но строить и творить... какая же тутъ аналогія?!.

знаю одного доморощеннаго педагога, человѣка съ высшимъ образованіемъ, который взялся преподавать Законъ Божій въ домашней школкѣ, въ которую ходили его собственныя дѣти и дѣти его знакомыхъ. Отбросивъ историческую часть христіанскаго вѣроученія, онъ началъ прямо съ нагорной проповѣди, причемъ, какъ почитатель графа Л. Н. Толстого, съ особенною любовію остановился, конечно, на ученіи о непротивленіи злу... „Разобравши нагорную проповѣдь,—разсказывалъ онъ мнѣ,—я, кажется, съумѣлъ очень ясно доказать ребятамъ, что Христосъ—самый необыкновенный человѣкъ“... Вотъ вамъ и педагогъ во вкусѣ „Міра въ картинкахъ!“ Спаси, Господи, и моихъ и вашихъ, читатель, дѣтей и отъ такихъ законоучителей, и отъ такихъ жестокихъ экспериментовъ!.. Нѣтъ, господа педагоги, религія никогда не представится дѣтямъ во всемъ своемъ священномъ значеніи, если обученіе ей не будетъ составлять своего рода священнодѣйствія. И какую силу могутъ имѣть человѣческіе уроки и своеволіе въ выборѣ матеріала тамъ, гдѣ мы имѣемъ уроки Самого Бога? Итакъ, не мудрствуя лукаво, слѣдуйте, господа-педагоги, той системѣ преподаванія, давайте ему такой смыслъ, какъ все это указываетъ св. Библія. „Священное Писаніе,—пишетъ г-жа Неккеръ-де-Соссюръ, дышетъ могущественнымъ краснорѣчіемъ, то кроткимъ и убѣдительнымъ, то высокимъ и трогательнымъ; въ немъ ясно чувствуется божественное дыханіе; тотъ вдохновляющій духъ, который водилъ перомъ писавшихъ эти книги, даетъ всегда чувствовать свое присутствіе; атмосфера живительной благодати окружаетъ, согрѣваетъ и умягчаетъ души, подчиняющіяся ея вліянію. Можно ли поставить рядомъ съ этимъ божественнымъ обученіемъ обученіе по-

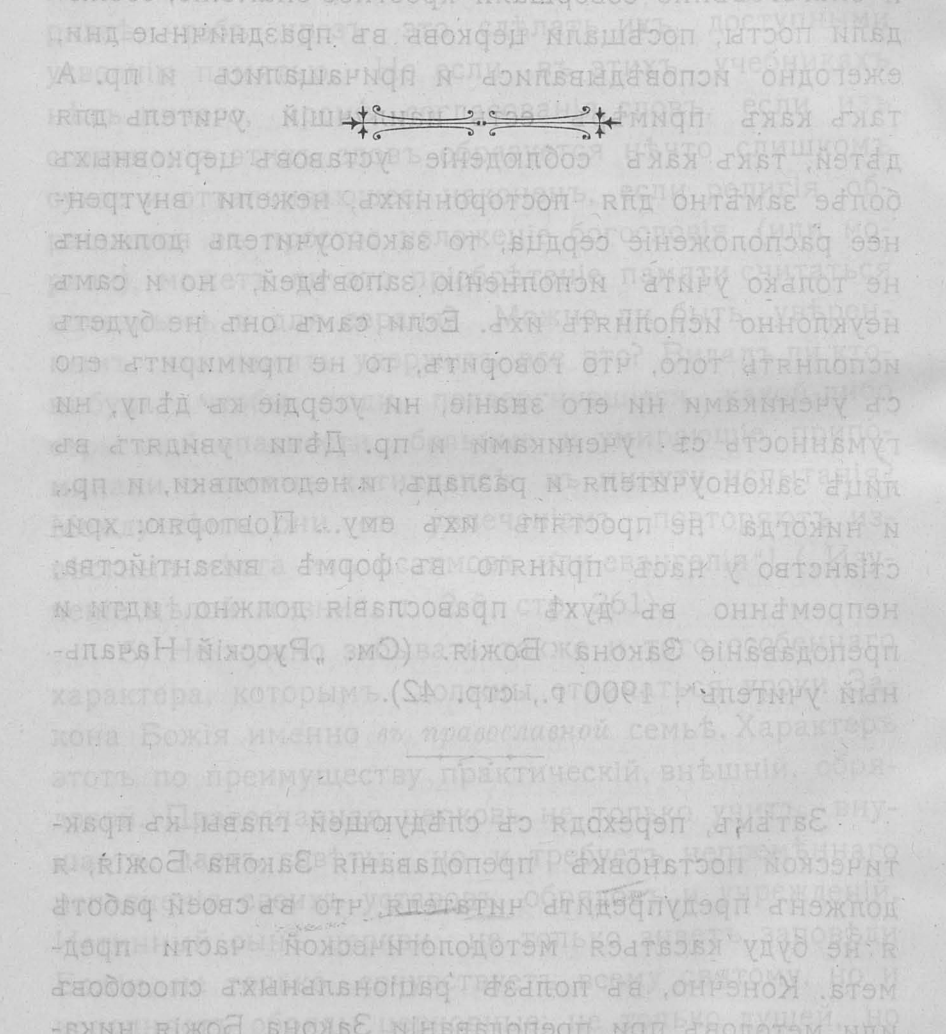
средствомъ катихизисовъ (и сухого чтенія морали)? Можно ли лишать эти начала ихъ силы, лишать ихъ всякой жизни, такъ какъ здѣсь они становятся неузнаваемыми! Говорятъ, что этотъ трудъ предпринимается для собранія важнѣйшихъ истинъ въ одно цѣлое и для ихъ расположенія въ правильномъ порядкѣ, чтобъ чрезъ это сдѣлать ихъ доступными усвоенію памятью. Но если въ этихъ учебникахъ нѣтъ ничего, кромѣ согласованія словъ, если изъ соединенія этихъ словъ образуется нѣчто слишкомъ сухое и отталкивающее; наконецъ, если религія обращается въ простое изложеніе богословія (или морали), можетъ ли это пріобрѣтеніе памяти считаться полезнымъ и для сердца? Можно ли быть увѣреннымъ, что память удержитъ все это? Видалъ ли кто-нибудь, чтобы люди, подвергнувшіеся какой-либо серьезной опасности, больные и умирающіе, припоминали о своемъ катихизисѣ въ минуту испытанія? Между тѣмъ, они съ увлеченіемъ повторяютъ извѣстныя мѣста изъ псалмовъ или евангелія"! („Изученіе цѣлой жизни", т. 2-й, стр. 261).

5) Не нужно забывать также и того особеннаго характера, которымъ должны отличаться уроки Закона Божія именно *въ православной* семьѣ. Характеръ этотъ по преимуществу практическій, внѣшній, обрядовой. Православная церковь не только учитъ, внушаетъ, даетъ совѣты, но и требуетъ непремѣннаго исполненія своихъ уставовъ, обрядовъ и учрежденій. Истинный сынъ церкви не только знаетъ заповѣди Божіи, не только сочувствуетъ всему святому, но и исполняетъ обряды церковные; не только душей, но и тѣломъ служитъ Господу и своему спасенію. Объ этомъ практическомъ характерѣ церковнаго воспитанія постоянно долженъ помнить преподаватель

Закона Божія. Объясняя дѣтямъ догматы вѣры, заповѣди, молитвы, передавая факты свящ. исторіи, преподаватель долженъ пріучать дѣтей къ соблюденію уставовъ и обрядовъ церковныхъ,—требовать, чтобъ они молились утромъ и вечеромъ, правильно и благоговѣйно совершали крестное знаменіе, соблюдали посты, посѣщали церковь въ праздничные дни, ежегодно исповѣдывались и причащались и пр. А такъ какъ примѣръ есть наилучшій учитель для дѣтей, такъ какъ соблюденіе уставовъ церковныхъ болѣе замѣтно для постороннихъ, нежели внутреннее расположеніе сердца, то законоучитель долженъ не только учить исполненію заповѣдей, но и самъ неуклонно исполнять ихъ. Если самъ онъ не будетъ исполнять того, что говоритъ, то не примиритъ его съ учениками ни его знаніе, ни усердіе къ дѣлу, ни гуманность съ учениками и пр. Дѣти увидятъ въ лицѣ законоучителя и разладъ, и недомолвки, и пр., и никогда не простятъ ихъ ему... Повторяю: христіанство у насъ принято въ формѣ византійства; непремѣнно въ духѣ православія должно идти и преподаваніе Закона Божія. (См. „Русскій Начальный учитель", 1900 г., стр. 42).

Затѣмъ, переходя съ слѣдующей главы къ практической постановкѣ преподаванія Закона Божія, я долженъ предупредить читателя, что въ своей работѣ я не буду касаться методологической части предмета. Конечно, въ пользѣ раціональныхъ способовъ или методовъ при преподаваніи Закона Божія никакихъ сомнѣній быть не можетъ. Но въ виду того, что разсмотрѣніе ихъ завело бы насъ очень далеко, а затѣмъ, въ методикахъ по преподаванію Закона

Божія вопросъ о лучшихъ методахъ разобранъ такъ основательно *), что я считаю достаточнымъ лишь посовѣтывать интересующимся лицамъ обратиться къ нашимъ лучшимъ методикамъ: Аѳ. Соколова, С. Ширскаго, Страхова и др.

*) Впрочемъ, больше касательно критической оцѣнки методовъ существовавшихъ и существующихъ, но не выработки новыхъ, болѣе раціональныхъ.

VIII.

Свящ. исторія ветхаго и новаго завѣта.

„Преподаваніе Закона Божія въ естественномъ порядкѣ постепенности начинается съ священной исторіи ветхаго завѣта. Это—исторія дѣтства человѣческаго рода, въ особенности близкая сердцу дѣтей и для нихъ назидательная. Здѣсь они изъ живыхъ примѣровъ должны получить первыя понятія о главныхъ обязанностяхъ, какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ... Въ жизни избранниковъ Божіихъ и вообще богоизбраннаго еврейскаго народа въ особенности ясно и наглядно представляются пути Божія Промысла... Эта особенная очевидность путей промысла Божія въ событіяхъ священной исторіи воспитываетъ и утверждаетъ въ сердцахъ дѣтей живую и твердую вѣру, что всѣмъ въ мірѣ правитъ воля Всевышняго. Вмѣстѣ съ симъ наставникъ неуклонно долженъ обращать вниманіе дѣтей ко временамъ Мессіи: 1) по возможности твердо усвоять ихъ вниманію и памяти важнѣйшіе ветхозавѣтные прообразы и пророчества (жертвоприношеніе Исаака, таинственная лѣствица, судьба Іосифа, неопалимая купина, мѣдный змій, спасеніе пророка Іоны, предсказаніе пророковъ Моисея, Давида, Исаіи и Даніила) и 2) уяснить имъ, сколько возможно, ту народную среду, въ которой явился Спаситель міра". (Изъ „Сборника правилъ и программъ для церковно-приходскихъ школъ", сост. Д. Тихомировымъ, изд. 3-е, стр. 133).

„Знаменитый" писатель земли русской, когда-то самъ непосредственно занимавшійся съ крестьянски-

ми ребятами въ яснополянской школѣ, гр. Л. Н. Толстой, отвѣчая на вопросъ: почему въ его школѣ выбранъ былъ первоначально ветхій завѣтъ, пишетъ: „не говоря о томъ, что знаніе свящ. исторіи требовалось какъ самими учениками, такъ и ихъ родителями, изъ всѣхъ изустныхъ передачъ, которыя я пробовалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, ничто такъ не приходилось по понятіямъ и складу ума мальчиковъ, какъ Библія. Тоже самое повторилось во всѣхъ другихъ школахъ, которыя мнѣ случалось наблюдать вначалѣ. Я пробовалъ новый завѣтъ, пробовалъ русскую исторію и географію; пробовалъ столь любимыя въ наше время объясненія явленій природы, но все это забывалось и слушалось неохотно. Ветхій же завѣтъ запоминался и разсказывался страстно, съ восторгомъ и въ классѣ, и дома и запоминался такъ, что черезъ два мѣсяца послѣ разсказа дѣти изъ головы писали священную исторію въ тетрадкахъ съ весьма незначительными пропусками.

Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгою дѣтства всякаго человѣка. Замѣнить эту книгу мнѣ кажется невозможнымъ. Измѣнять, сокращать Библію, какъ это дѣлаютъ въ учебникахъ Зонтагъ и т. под., мнѣ кажется вреднымъ. Все, каждое слово въ ней справедливо, какъ откровеніе, и спреведливо, какъ художество. Прочтите по Библіи о сотвореніи міра и по краткой священной исторіи, и передѣлка Библіи въ свящ. исторіи представится вамъ совершенно не понятною: по священной исторіи нельзя иначе, какъ заучивать наизусть; по Библіи ребенку представляется живая и величественная картина, которую онъ никогда не забудетъ. Выпуски въ свящ. исторіи совершенно непонятны и только нарушаютъ характеръ

и красоту священнаго писанія. Зачѣмъ, напримѣръ, во всѣхъ священныхъ исторіяхъ выпущено, что, когда не было ничего, Духъ Божій носился надъ бездной, что Богъ сотворивъ, оглядываетъ свое твореніе и видитъ, что оно хорошо, и что тогда становится и утро и вечеръ дня такого-то? Зачѣмъ выпущено то, что Богъ вдунулъ въ ноздри душу безсмертную, что, вынувъ у Адама ребро, заложилъ мѣсто мясомъ и т. д. Надобно читать библію неиспорченнымъ дѣтямъ, чтобы понять, до какой степени все это необходимо и истинно. Можетъ быть испорченнымъ барышнямъ нельзя давать Библіи въ руки, но, читая ее крестьянскимъ дѣтямъ, я не измѣнялъ и не выпускалъ ни одного слова. И никто не хихикалъ за спиной другъ друга, и всѣ слушали ее съ замираніемъ сердца и естественнымъ благоговѣніемъ. Исторія Лота и его дочерей, исторія сына Іуды возбуждаетъ ужасъ, а не смѣхъ...

Пускай тѣ, которые отрицаютъ воспитательное значеніе Библіи, которые говорятъ, что Библія отжила,—пускай они выдумаютъ такую книгу, такіе разсказы, объясняющіе явленія природы, или изъ общей исторіи или изъ воображенія, которые воспринимались бы также, какъ библейскіе, и тогда мы согласимся, что Библія отжила.

Матеріализмъ тогда только будетъ имѣть право объявить себя побѣдителемъ, когда будетъ написана Библія матеріализма, и дѣтство будетъ воспитываться по этой Библіи. Попытка Овэна не можетъ служить доказательствомъ такой возможности, какъ произрастаніе лимоннаго дерева въ московской теплицѣ не есть доказательство того, что деревья могутъ рости безъ открытаго неба и солнца. Безъ Библіи немыслимо въ нашемъ обществѣ, такъ же какъ не мог-

ло быть мыслимо безъ Гомера въ греческомъ обществѣ, развитіе ребенка и человѣка. Библія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, должна служить образцомъ всѣхъ дѣтскихъ руководствъ и книгъ для чтенія.

Я преподавалъ и преподаю священную исторію только по Библіи, и всякое другое преподаваніе считаю вреднымъ".

Такъ говоритъ Л. Н. Толстой. (См. „Сочиненія гр. Л. Н. Толстого", ч. 4-я, изд. 8-е, стр. 318-я). Замѣчательно, что и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, гр. Толстой оригиналенъ, какъ-то по своему. Конечно, сказанное о томъ значеніи, которое имѣетъ Библія (по Толстому, собственно ветхій завѣтъ) въ системѣ начальнаго обученія, въ высшей степени справедливо. Но нельзя при это не замѣтить съ перваго же взгляда, что чтеніе Библіи подрядъ и невозможно для начальнаго семейнаго или школьнаго образованія по своей обширности и, не всегда полезно *), а иногда просто таки вредно **).

Невозможно также, вслѣдъ за графомъ Л. Н. Толстымъ, признать между ветхимъ и новымъ завѣтами такого громаднаго различія, что одинъ слушается дѣтьми съ восторгомъ, страстно, другой—неохотно. „Чѣмъ возможно объяснить такую разницу? —спрашиваетъ Аѳ. Соколовъ въ своей „Методикѣ Закона Божія". Тѣмъ, что дѣти особенно любятъ разсказы о чудесномъ? Это правда, но чудеснаго еще болѣе находится въ новомъ завѣтѣ; онъ весь—

*) Будетъ ли полезно прочитать въ начальной школѣ отъ крышки до крышки историческія книги ветхаго завѣта? Сладите ли вы съ 8-ми лѣтними ребятами съ пророческими книгами?

**) Напримѣръ, исторія Лота съ дочерьми и сына Іуды, чтобъ возбудить ужасъ въ дѣтяхъ, должны предполагать въ нихъ такія знанія, которыхъ у 6, 7 и даже 8-ми лѣтнихъ ребятъ предполагать прямо невозможно.

рядъ чудесъ, начиная съ предсказанія о рожденіи Іоанна Предтечи и оканчивая вознесеніемъ Господа, сошествіемъ св. Духа на апостоловъ и всей жизнью и дѣятельностью ихъ; мы думаемъ, что съ этой стороны новый завѣтъ имѣетъ даже преимущество. О ветхомъ завѣтѣ должно сказать, что онъ изложенъ языкомъ, близкимъ къ пониманію дѣтскому, но вѣдь тоже можно сказать и о новомъ завѣтѣ". (Стр. 16-я).

Тѣмъ не менѣе, мысль Л. Н. Толстого, что преподаваніе Закона Божія слѣдуетъ начинать свящ. исторіей ветхаго завѣта и, если можно, прямо по Библіи, заслуживаетъ полнаго вниманія. Вопросъ, какъ кажется, лишь въ томъ, въ какомъ порядкѣ и объемѣ проходить курсъ ветхозавѣтной исторіи. Личный нашъ взглядъ отчасти уже высказанъ выше и намъ остается лишь точнѣе формулировать его: свящ. исторія ветхаго завѣта и въ семьѣ, и въ начальной школѣ должна проходиться а) въ томъ размѣрѣ и порядкѣ, какія указаны въ программахъ по Закону Божію для начальныхъ школъ министерства народнаго просвѣщенія, или, еще лучше, для церковно-приходскихъ школъ; и б) не по учебникамъ, а по возможности, прямо по Библіи.

Система, начинающая изученіе Закона Божія съ исторіи ветхаго завѣта, называется поступательной системой и имѣетъ въ нашей народной школѣ длинную уже исторію. Тѣмъ не менѣе, она имѣла и доселѣ имѣетъ много враговъ, особенно въ лицѣ защитниковъ концентрическаго метода преподаванія Закона Божія. Еще баронъ Корфъ писалъ: „вотъ чего у насъ до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, никакъ не хотятъ понять, считая чуть ли не еретикомъ того, кто осмѣлится доказывать, что разсказъ

о Рождествѣ Христовѣ гораздо доступнѣе дѣтямъ многихъ ветхозавѣтныхъ событій, что осмыслить чествованіе праздниковъ составляетъ болѣе насущную потребность, чѣмъ знакомство съ жизнью патріарховъ... До сихъ поръ, въ огромномъ большинствѣ школъ, законоучители дѣйствуютъ безъ заранѣе обдуманнаго плана, считая началомъ своего курса сотвореніе міра и никогда не добираясь до конца курса, который научилъ бы ученика сознательно взирать на плащаницу въ церкви". („Русская начальн. школа", изд. 6-е, стр. 140).

Преосвященный Викторинъ, епископъ полоцкій, пишетъ: „въ нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ дѣти, изучающія свящ. исторію, оказываются иногда не достаточно знающими исторію жизни Господа Іисуса Христа. Грустно мнѣ было слышать отъ одного изъ высшихъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства, ревизовавшаго училище въ г. Б—ку, въ которомъ учились мальчики изъ христіанъ, евреевъ и магометанъ. Спросилъ я,—говоритъ педагогъ,—магометанина о Магометѣ, и мальчикъ преподробно разсказалъ мнѣ жизнь своего лжепророка; спросилъ еврея о Моисеѣ, и тотъ также отчетливо разсказалъ жизнь пророка Божія—Моисея. Теперь ты,—обратился ревизоръ къ христіанскому мальчику,—разскажи мнѣ жизнь Господа нашего Іисуса Христа.—Мы объ этомъ еще не учили,—отвѣчалъ христіанскій мальчикъ:—мы учимъ о снахъ фараона. Потомъ мнѣ и самому пришлось испытывать христіанскихъ мальчиковъ въ одной изъ образцовыхъ инородческихъ школъ, въ К—ни. Спрашиваю: разскажите жизнь Іисуса Христа.—Мы этого не учили,—отвѣчали и эти ученики... Неоднократно также приходилось мнѣ бесѣдовать и не съ дѣтьми уже, со взрослыми христіанами и магометанами. По-

слѣдніе удивляли меня своимъ знаніемъ всѣхъ даже легендарныхъ сказаній о жизни своего лжепророка, и умѣньемъ говорить о немъ съ увлеченіемъ, что, конечно, и дѣлаетъ ихъ до фанатизма преданными исламу. А первые, большею частію, оказывались мало знающими своего Господа. Недавно былъ я въ г. В—жѣ, и, по обыкновенію своему, чтобъ благословить дѣтей, посѣтилъ всѣ тамошнія училища. Бывши въ уѣздномъ училищѣ, я и здѣсь предложилъ ученикамъ разсказать исторію земной жизни нашего Господа; но, къ сожалѣнію, никто изъ учениковъ не вызвался на это... Грустно, повторяю, видѣть, что христіанскія дѣти знаютъ о снахъ фараона, а не знаютъ о Рождествѣ Христовомъ". (Правосл. Обозр. № 6, стр. 371-я; за 1876 г.).

Защитниковъ концентрической системы, кромѣ вышесказаннаго, безпокоитъ то обстоятельство, что громадное большинство учениковъ народныхъ школъ не оканчиваютъ трехлѣтняго курса и выходятъ, поэтому, изъ школы только съ кое-какими обрывками знаній по Закону Божію. „Не будь этихъ причинъ,—говоритъ Аѳ. Соколовъ,—можно было пожалуй избрать для Закона Божія систему строго поступательную" (—стр. 34).

Что сказать противъ этихъ возраженій? Во 1-ыхъ, то, что концентры—еще не ручательство, что дѣло съ ними пойдетъ лучше. Во 2-ыхъ, недостатки вездѣ могутъ быть и, если ихъ такъ раздувать, да придавать имъ общее значеніе, то право, и дѣлать ничего нельзя не будетъ. Въ 3-ихъ, г. Соколова безпокоятъ уходы учениковъ изъ школъ раньше трехлѣтняго срока, въ силу чего, подробно изучивъ первые отдѣлы ветхозавѣтной исторіи, ученики не могутъ разсказать о жизни Спасителя,—но если-бъ вы начали,

въ случаѣ ухода ученика изъ школы чрезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ нее, бросивъ даже ваши концентры, прямо съ Рождества Іисуса Христа, то и тогда едва ли бы этотъ ученикъ получилъ знаніе полное, осмысленное, могущее сохраниться на всю жизнь. Но главное дѣло, въ 4-ыхъ, въ томъ, что вопросъ о неоканчиваніи учениками полнаго курса и о выходѣ ихъ изъ школы безъ законченнаго религіознаго образованія (будто школа, одна только школа—начало и конецъ религіознаго воспитанія!) былъ вопросомъ большой важности, 20—30 лѣтъ тому назадъ, когда польза грамотности еще не была сознана простолюдиномъ. Въ наше время, въ хорошо устроенныхъ школахъ, такіе уходы—прямо исключеніе; напротивъ, ученики кончившіе курсъ и получившіе свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности, всегда просятся походить въ училище еще годокъ—другой, чтобъ получше „подъучиться"...

Наконецъ, чтобъ быть послѣдовательнымъ, концентристамъ придется тогда ломать и другіе предметы преподаванія. Иначе, что дѣлать, если, напримѣръ, ученикъ гимназіи, выучитъ первый отдѣлъ древней общей исторіи и, не зная смысла эпохи великихъ реформъ своего отечества, выйдетъ изъ гимназіи?...

Что касается семейнаго преподаванія Закона Божія, то поступательная система должна имѣть здѣсь исключительное положеніе и ни о какихъ концентрахъ тутъ и рѣчи не можетъ быть, такъ какъ въ семьѣ нѣтъ ни одного такого фактора, на которые концентристы любятъ строить защиту своей системы: семейный курсъ обученія не ограничивается извѣстными годами, такъ что нечего опасаться, что ребенокъ уйдетъ изъ семьи „безъ законченнаго религіознаго образованія," кромѣ того, при нормальной

постановкѣ религіознаго семейнаго воспитанія, ребенокъ, къ началу обученія Закону Божію непремѣнно будетъ уже знать многое о жизни нашего Спасителя, и пр.

Впрочемъ, за послѣднее время, гоненія на свящ. исторію ветхаго завѣта и поступательную систему преподаванія Закона Божія вообще значительно стихли. Теперь даже защитниками концентрической системы, по силѣ мудраго изреченія: suum cuique, свящ. исторіи ветхаго завѣта отводится видное мѣсто. Одно ихъ смущаетъ: какъ можно дѣтямъ разсказывать о сотвореніи міра, когда они не имѣютъ понятія ни о Существѣ Божіемъ, ни о Его свойствахъ. Но повторяю, едва ли основательны подобныя сомнѣнія, потому что гдѣ же тогда было и что дѣлало до 6-ти лѣтъ религіозное воспитаніе ребенка,—а затѣмъ, если ребенокъ приступаетъ, по какимъ-либо несчастнымъ обстоятельствамъ, къ изученію Закона Божія, не имѣя никакихъ представленій о Богѣ, тогда предварительно разсказа о сотвореніи міра слѣдуетъ сдѣлать съ нимъ нѣсколько вступительныхъ бесѣдъ, хотя бы по программѣ прот. Д. Соколова, изложенной въ его книгѣ: Бесѣды съ дѣтьми о вѣрѣ и нравственности христіанской".

Итакъ, будемъ начинать изученіе Закона Божія съ священной исторіи ветхаго завѣта.

Вслѣдъ за свящ. исторіей ветхаго завѣта должна слѣдовать исторія новозавѣтная.

„Новозавѣтная свящ. исторія,—говорится въ объяснительной запискѣ къ программѣ преподаванія Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ,—представляетъ исполненіе всѣхъ тѣхъ чаяній и надеждъ, которыми жили праведники ветхозавѣтные. Это исторія спасенія всѣхъ людей и каждаго чело-

вѣка въ особенности. Передавая дѣтямъ объ ученіи Господа Спасителя, наставникъ долженъ внушать имъ, что слово Господа не имѣетъ въ виду только лицъ, жившихъ во время Его земной жизни, а обращено къ каждому изъ насъ и есть для насъ непремѣнная заповѣдь. И всѣ праведные люди подаютъ намъ примѣръ добродѣтелей; но въ особенности въ сердцахъ дѣтей должны ясно и твердо напечатлѣться черты спасительной жизни Господа нашего Іисуса Христа (самоотверженіе, смиреніе, кротость, милосердіе, дружба, заботливость о Матери, повиновеніе Ей и мнимому отцу, любовь ко врагамъ и др.), какъ образецъ и правило жизни христіанской. Евангельскія повѣствованія о чудесахъ Господа Спасителя укрѣпляютъ въ сердцахъ дѣтей вѣру въ Его всемогущую силу и надежду на Его милосердіе. При изображеніи страданій Господа, наставникъ долженъ въ особенности возвышать въ мысли ихъ истину Его Божества, внушая имъ, что Онъ добровольно ради насъ смирилъ Себя и указывая, какъ Божественная слава Его сіяетъ среди самаго крайняго уничиженія. Наконецъ, свящ. новозавѣтная исторія должна объяснить дѣтямъ, сколько возможно, происхожденіе христ. церкви и божественное установленіе ея іерархіи, выяснить имъ содержаніе празднуемыхъ въ ней событій изъ исторіи спасенія, указать самое начало праздниковъ (въ исторіи Воскресенія Христова) и постовъ (примѣръ Господа Спасителя и ученіе Его о постѣ), ею наблюдаемыхъ, и такимъ образомъ предпослать нѣкоторыя данныя для изученія катихизиса и для объясненія богослуженія и въ особенности литургіи, которая совершается въ воспоминаніе Господа Спасителя“.

Такъ же какъ и въ ветхозавѣтной исторіи, въ исторіи новаго завѣта достаточно знакомства съ тѣ-

ми разсказами, которые указаны въ программѣ для церковно-приходскихъ школъ. Задаваться большимъ или читать „всю Библію“, какъ совѣтуетъ Л. Н. Толстой, нѣтъ необходимости. Лучше изучить меньше (выбравъ, конечно, самое существенное), да основательнѣе, чѣмъ много, да какъ нибудь. *) При этомъ, „принимая во вниманіе воспитательное значеніе священной исторіи, какъ ветхозавѣтной, такъ и въ особенности новозавѣтной, и также возрастъ дѣтей, наставникъ,—совѣтуетъ составитель объяснительной записки, изъ которой мы только что помѣстили выдержку,—долженъ стараться о живости и впечатлительности разсказа и избѣгать сухого перечня лицъ и событій“. При семъ самое лучшее,—говорится дальше,—„прочитывать дѣтямъ соотвѣтственныя мѣста изъ самыхъ священныхъ книгъ, которыя для сего указаны въ программѣ, а въ собственныхъ разсказахъ наставникъ долженъ, какъ можно ближе держаться не только духа, но и самаго текста священныхъ повѣствованій“.

При изученіи священной исторіи обоихъ завѣтовъ, съ великою пользою можно употреблять такъ

*) Въ послѣднемъ отношеніи очень грѣшатъ программы и учебники по Закону Божію для среднихъ учебныхъ заведеній. Такъ въ программахъ и учебникахъ по священной исторіи ветхаго завѣта, какъ мы выше указывали, введена масса такихъ разсказовъ, которые безъ всякаго ущерба могли бы быть опущены совсѣмъ (напримѣръ: подробная исторія царей и царствъ, разсказы о временахъ греко-македонскаго, сирійскаго и др. владычествъ надъ іудеями и под.). Или, напримѣръ, въ одномъ очень распространенномъ, выдержавшемъ уже 40 изданій, учебникѣ по свящ. исторіи новаго завѣта, при 115 страницахъ самой убористой печати не нашлось мѣстечка сказать хотя бы нѣсколько словъ объ учрежденіи христіанской церкви и богоучрежденности ея іерархіи... Невольно припоминаются сѣтованія друзей школы на то, что мы, хорошо изучая о снахъ и коровахъ фараона, рѣдко доходимъ до конца и не можемъ объяснить ученику, что такое плащаница, церковь, іерархія, таинства и пр.

называемыя наглядныя пособія, каковы: картины священныхъ событій, географическія карты и пр. Къ сожалѣнію, я не могу въ настоящій разъ остановиться на этомъ, весьма интересномъ вопросѣ, какъ потому, что теперь у меня нѣтъ ни времени, ни мѣста, такъ (отчасти) и потому, что если позволятъ обстоятельства, объ этомъ предметѣ я буду говорить въ особой статьѣ. Вопросъ о наглядныхъ пособіяхъ хорошо трактуется въ статьѣ Л. П. „о преподаваніи Закона Божія", помѣщенной въ журналѣ „Начальный учитель", 1900 года, а также въ методикѣ Аѳ. Соколова, куда я направляю интересующихся этимъ вопросомъ. Сейчасъ же я желалъ бы сказать о подсобныхъ занятіяхъ другого рода, именно о религіозно-нравственномъ чтеніи, особенно о чтеніи житій святыхъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу М. Вержболовичъ: „глубокое воспитательное значеніе чтенія житій святыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Будучи сами по себѣ въ высшей степени занимательны и доступны пониманію даже неразвитаго человѣка, они представляютъ собою краснорѣчивое изображеніе того, какъ практически осуществлялись въ жизни высокіе идеалы христіанства. При томъ, заключая въ себѣ полное и яркое изображеніе подвиговъ благочестія и какъ бы воплощеніе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей и святыхъ порывовъ къ постоянному религіозно-нравственному усовершенствованію, эти любимые народомъ разсказы о жизни святыхъ людей могутъ замѣнить собою систему нравственнаго богословія въ лицахъ и картинахъ. Служа, далѣе, живымъ и нагляднымъ выраженіемъ религіозно-нравственныхъ истинъ, они могутъ служить пособіемъ при теоретическомъ изъясненіи послѣднихъ. Нравственная истина, подтверждаемая

нагляднымъ примѣромъ, лучше западаетъ въ душу, яснѣе чувствуется, дольше помнится, чѣмъ истина, сообщенная въ формѣ отвлеченныхъ понятій. Кромѣ того, помогая дѣтямъ усвоять христіанское ученіе, житія святыхъ могутъ воспламенять въ нихъ и добрыя чувства: подъ вліяніемъ душеспасительныхъ разсказовъ въ дѣтской душѣ невольно появляется желаніе подражать тѣмъ угодникамъ Божіимъ, которые чрезъ вѣковую даль продолжаютъ сіять и донынѣ своею духовною красотою. Притомъ дѣти, испытывая истинное духовное наслажденіе при чтеніи житій святыхъ, пріобрѣтаютъ навыкъ къ доброму чтенію и назидательнымъ правдивымъ разсказамъ. Наконецъ, воспитательное значеніе житій святыхъ опредѣляется и тѣмъ, что чтеніе ихъ вполнѣ удовлетворяетъ народному русскому (неиспорченному) вкусу. Искони вѣковъ у русскаго грамотника любимымъ чтеніемъ было сказаніе про жизнь и подвиги святыхъ. Поэтому, весьма благоразумно дать этому источнику христіанскаго просвѣщенія возможно широкое примѣненіе и сдѣлать его непремѣннымъ спутникомъ подростающаго поколѣнія".

Съ грустью нужно только отмѣтить, что въ нашей дѣтской литературѣ, вообще-то очень бѣдной по содержанію, доселѣ почти совсѣмъ нѣтъ переложеній житій святыхъ примѣнительно къ запросамъ и пониманію дѣтскаго возраста. Извѣстные переводы и передѣлки житій святыхъ (хотя бы даже прославленныя „избранныя житія" Бахметьевой) названной цѣли не удовлетворяютъ... Житія святыхъ ждутъ болѣе талантливаго и понимающаго автора!..

IX.

Наученіе молитвамъ.

Священная исторія, поставленная во главу угла при изученіи Закона Божія и разумно переданная дѣтямъ, сообщитъ имъ не только историческія свѣдѣнія, но наглядно и просто поможетъ уяснить всѣ истины христіанскаго вѣро-и-нравоученія; слѣд., подготовитъ и значительно облегчитъ для нихъ изученіе молитвъ, объясненіе богослуженія и усвоеніе православнаго катихизиса. По какому-то недоразумѣнію, давно уже отмѣченному нашими лучшими педагогами, въ программахъ для начальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, наученіе молитвамъ отнесено къ первому году,—т. е. обученіе Закону Божію должно, въ силу этого, начинаться не съ священной исторіи ветхаго завѣта (отнесена на второй годъ), какъ бы это слѣдовало, въ силу педагогическаго требованія—начинать съ легчайшаго и постепенно идти къ болѣе трудному,—а съ молитвъ. И посмотрите, сразу получается что-то несообразное. Чувствуетъ это неладное и самъ составитель программы. Въ объяснительной запискѣ къ ней, онъ пишетъ: „При объясненіи молитвъ преподаватель сообщитъ дѣтямъ самыя общія понятія о Богѣ, Творцѣ міра, о Его вездѣсущіи, всемогуществѣ, премудрости и благости, объ Его любвеобильномъ Промыслѣ надъ всѣмъ сотвореннымъ, объ ангелахъ, душѣ человѣка, созданной по образу Божію, о совѣсти, грѣхопаденіи людей и ихъ погибели; скажетъ

имъ о Богѣ Сынѣ, Спасителѣ нашемъ, о Богѣ Духѣ Святомъ, освящающемъ душу людей, вѣрующихъ во Христа, о нашей потребности молиться Богу во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, о внѣшнихъ знакахъ молитвы, особенно о крестномъ знаменіи, о молитвѣ дома предъ иконами и въ храмѣ, о молитвахъ къ Богоматери и святымъ, о молитвѣ за живыхъ и умершихъ. Въ частности, каждой объясняемой молитвѣ должна предшествовать бесѣда преподавателя, которая вводила бы ребенка во внутреннее содержаніе молитвы, такъ, чтобъ объясняемая молитва вытекала изъ этой бесѣды, какъ естественное слѣдствіе. Предметомъ такой бесѣды можетъ служить или бытовой разсказъ изъ жизни дѣтей и семьи, или повѣствованіе изъ свящ. исторіи и жизни св. угодниковъ Божіихъ" *).

Къ несчастію, вслѣдъ за программой потянулись и творцы нашихъ методикъ по Закону Божію. Поставивъ исходнымъ пунктомъ молитву, т. е. самое трудное изъ всего курса Закона Божія, составители методикъ должны же были что-нибудь придумать для облегченія этой трудности. Къ сожалѣнію, дальше объяснительной записки составители ни на шагъ не подвинулись и въ данномъ отношеніи. Напротивъ, они расширили даже эти предварительныя бесѣды иногда прямо до безконечности. И конечно, этими потугами не облегчили дѣло изученія молитвъ, а лишь болѣе усложнили его.

Неугодно ли вамъ переварить такую примѣрную предварительную бесѣду, которую рекомендуетъ,—

---

*) Объяснит. записка къ программѣ по Закону Божію, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 7 Февраля 1897 г. Записка эта безъ всякихъ измѣненій внесена къ новымъ программамъ изъ прежде дѣйствовавшихъ программъ; она была утверждена Свят. Синодомъ еще въ 1880 г.

прошу замѣтить это,—педагогъ опытный и имѣющій здравый взглядъ на многіе вопросы начальнаго воспитанія. Онъ пишетъ: „вотъ, по моему, планъ этой бесѣды: прежде не существовало ни той деревни, въ которой мы живемъ, ни лѣсовъ, ни полей, ни домовъ, ни церкви; было время, когда не существовало ни этой земли, ни неба; не было ни людей, ни ангеловъ. Былъ только одинъ Богъ, вѣчный, всеправедный, премудрый, всеблагій, всеблаженный. По своей благости онъ захотѣлъ создать міръ, чтобъ здѣсь жили и блаженствовали люди и животныя *). Сперва Онъ создалъ небо и ангеловъ, потомъ создалъ землю **) и на ней произвелъ море и сушу, растенія, животныхъ, а послѣ всѣхъ, создалъ человѣка, которому далъ душу безсмертную, разумную и свободную. Чтобъ человѣкъ могъ на землѣ блаженствовать, Богъ поселилъ его въ раю, въ прекрасномъ саду (и только то?!.). А чтобы человѣкъ имѣлъ случай показать любовь и послушаніе къ Богу, Богъ далъ ему заповѣдь—не вкушать отъ древа познанія добра и зла. Человѣкъ никогда и не подумалъ бы нарушить эту заповѣдь ***), еслибъ не соблазнилъ его діаволъ, одинъ изъ высшихъ, созданныхъ Богомъ, духовъ, но потомъ возгордившійся своимъ величіемъ ****). Діаволъ позавидовалъ блаженству первыхъ людей, Адама и Евы, и склонилъ ихъ вкусить запрещеннаго плода. Богъ осудилъ Адама и Еву,

*) И животныя блаженствовали?!

**) „Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю“; при чемъ подъ небомъ разумѣется міръ невидимый, а у цитируемаго педагога Богъ сотворилъ, стало быть, небо, ангеловъ и землю. Что же онъ разумѣетъ подъ словомъ „небо?“

***) Откуда это извѣстно?

****) Не мѣшало бы добавить: и за то свергнутый съ неба и сдѣлавшійся злобнымъ духомъ.

изгналъ ихъ изъ рая и лишилъ блаженства. Но, не желая погибели людей, Богъ обѣщалъ послать на землю Спасителя, Своего Единороднаго Сына. Люди долго ждали обѣщаннаго Спасителя и когда они поняли, что безъ Божьей помощи спастись не могутъ, когда люди искренно почувствовали виновность, тогда пришелъ на землю обѣщанный Спаситель. Онъ принялъ плоть, родился отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи и, когда достигъ тридцатилѣтняго возраста, вышелъ на проповѣдь о царствіи Божіемъ. Почти четыре года воплотившійся Сынъ Божій проповѣдывалъ въ землѣ іудейской и положилъ начало христіанской церкви, т. е. обществу людей, желающихъ спастись чрезъ вѣру въ Него *). Изъ множества людей Онъ избралъ сперва двѣнадцать, а потомъ семьдесятъ апостоловъ, или посланниковъ, которыхъ посылалъ проповѣдывать сперва только къ іудеямъ. Многія тысячи изъ народа іудейскаго приняли Его ученіе и вошли въ общество вѣрующихъ. Но начальники и наставники народа іудейскаго возненавидѣли Іисуса Христа за то, что Онъ обличалъ ихъ ложное ученіе и беззаконную жизнь, и завидовали Ему, потому что народъ за Его ученіе и чудеса уважалъ Его болѣе, нежели ихъ. Тогда они взяли Его, неправедно осудили и предали мучительной смерти, распяли Его на крестѣ. Когда Онъ среди страшныхъ мученій испустилъ духъ, тогда ближніе къ Нему люди сняли Его тѣло со креста и похоронили. Но черезъ три дня Онъ воскресъ во славѣ, въ продолженіе сорока дней являлся ученикамъ Своимъ, убѣдилъ ихъ въ томъ, что Онъ дѣйствительно воскресъ. Въ 40-й день послѣ воскресенія, Онъ, въ послѣдній

*) Развѣ такъ опредѣляется понятіе о церкви?

разъ, явился ученикамъ на горѣ Елеонской, благословилъ ихъ и вознесся на небо. Черезъ 10 дней по вознесеніи Господнемъ, Духъ святый сошелъ на апостоловъ и они, исполнившись Св. Духа, получили способность говорить на разныхъ языкахъ, творить чудеса; они вполнѣ усвоили божественное ученіе и проповѣдь о царствіи Божіемъ пронесли по всѣмъ странамъ свѣта. Такъ основана была на землѣ христіанская церковь. Но такъ какъ многіе еще не понимали, какое благо приноситъ имъ Христово ученіе, то церковь долгое время терпѣла гоненія отъ іудеевъ и язычниковъ. Наконецъ, черезъ триста почти лѣтъ отъ вознесенія Господа на небо, греческій царь Константинъ Великій самъ сдѣлался христіаниномъ, и съ этого времени христіанская вѣра стала покорять себѣ цѣлые народы, царей и царства. Черезъ шестьсотъ лѣтъ послѣ Константина Великаго *), приняла христіанскую вѣру русская великая княгиня Ольга, а потомъ внукъ ея, св. Владиміръ, просвѣтилъ христіанскимъ ученіемъ всю землю русскую. И вотъ теперь у насъ по всѣмъ городамъ, во многихъ селахъ и деревняхъ стоятъ храмы Божіи, гдѣ мы научаемся вѣровать во Христа, вести добрую христіанскую жизнь и достигаемъ вѣчнаго спасенія. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ намъ пастыри церкви: архіереи, священники и діаконы. Они совершаютъ для насъ божественную службу, учатъ насъ вѣрѣ и благочестію, и сообщаютъ намъ благодать Св. Духа, которая освящаетъ насъ и помогаетъ намъ въ трудномъ дѣлѣ служенія Богу. Руководимые пастырями церкви, мы всѣ должны жить такъ, какъ научилъ насъ Іисусъ Христосъ въ Своемъ евангеліи, должны

*) Къ чему такая своеобразная хронологія?

познавать Христово ученіе, повиноваться церкви, соблюдать посты, въ праздники приходить въ храмъ Божій и здѣсь молиться о спасеніи нашемъ, о счастіи нашихъ родителей и родственниковъ, о Царѣ, о духовенствѣ, о благоденствіи нашего отечества *). Вмѣстѣ съ нами молятся за насъ и всѣ ближніе наши, молится за насъ и вся православная христіанская церковь. А когда Богу угодно будетъ взять насъ изъ этого міра, когда уже не будетъ насъ на свѣтѣ, тогда церковь будетъ молиться, чтобы Господь простилъ наши грѣхи и ввелъ насъ въ царство небесное. Этотъ міръ не будетъ стоять вѣчно. Онъ будетъ имѣть конецъ, и когда онъ окончится, тогда снова воскреснутъ всѣ люди, Господь придетъ судить всѣхъ; тѣхъ, которые вѣровали, въ Него и жили свято, Онъ введетъ въ Свое царство, а которые не хотѣли вѣровать въ Него и вели жизнь грѣшную, будутъ преданы вѣчному огню, вѣчному мученію, вмѣстѣ съ діаволами. Праведники будутъ вѣчно блаженствовать, а грѣшники вѣчно мучиться. Будемъ же стараться и молить Бога, чтобъ Онъ помогъ намъ жить свято и не лишилъ насъ своего небеснаго царствія"! (Начальный Учитель, 1900 г. стр. 131—133).

Вотъ ужъ именно дайте духъ перевести! Да развѣ это, господинъ педагогъ, бесѣда; это сжатый, сухой курсъ богословія догматическаго, нравственнаго, практическаго вкупѣ. Пожалѣйте дѣтей, пожалѣйте, наконецъ, законоучителя! Не даромъ какой-то шутникъ, разбирая примѣрные уроки объясненія молитвъ, рекомендуемые въ методикѣ Аѳ. Соколова (въ особенности молитвъ: „царю небесный", „отче нашъ", „утренней" и „ангелу-хранителю"), замѣчаетъ, что

*) Почему жъ о таинствахъ ни слова?

на усвоеніе однѣхъ предварительныхъ бесѣдъ, изготовленныхъ по рецепту автора, потребуется minimum три года... когда же собственно учиться-то?..

„Бесѣду,—совѣтуетъ авторъ,—можно предложить не въ одинъ (еще-бы въ одинъ!), а въ нѣсколько разъ, но такъ, чтобы каждая часть представляла нѣчто цѣлое, законченное“... и т. д. Часъ отъ часу не легче и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Въ концѣ концовъ, авторъ запутался совсѣмъ и совѣтуетъ „повторять эту бесѣду въ теченіе многихъ лѣтъ съ учениками нѣсколькихъ курсовъ“ (совершенно непонимаю, о чемъ идетъ рѣчь), потому что,—сознается онъ,—„бесѣда, предлагаемая мною, дѣло очень трудное (и вы даете его съ первыхъ же дней 8-ми лѣтнимъ ребятамъ?), требующее долгаго и серьезнаго приготовленія (съ чьей стороны?) и, все таки (къ чему это „все таки“?), въ первые годы она будетъ имѣть недостатки, будетъ неясна учащимся, можетъ быть утомительна для нихъ“ (См. тамъ же). Хороша же *предварительная* бесѣда, если ее самъ авторъ такъ престранно аттестуетъ. По русской пословицѣ, первый блинъ комомъ. Простонародная семья не знаетъ и, поэтому не научаетъ дѣтей разсказамъ изъ священной исторіи; тѣмъ болѣе, незнакома она съ велемудрыми „предварительными“ бесѣдами, — между тѣмъ, молитвамъ она старается научить ребенка. И посмотрите, что изъ этого получается? Спросите любого законоучителя и онъ вамъ разскажетъ, что за египетская казнь переучивать съ крестьянскими ребятами тѣ молитвы, которыя они выучили дома, со словъ родителей. Пресловутое „очи нашъ... жеси... небеси“... и т. д. положительно сидитъ на шеѣ у каждаго законоучителя. Да и въ однѣхъ ли крестьянскихъ семьяхъ встрѣчаются такія явленія? Прежде-

временное заучиваніе всегда ведетъ къ заучиванію безтолковому; даже „предварительныя“ бесѣды при этомъ едва ли много помогутъ. Мнѣ припоминается слѣдующій фактъ, разсказанный въ одномъ педагогическомъ журналѣ. Едва начавшій говорить мальчикъ выучилъ тверже сельскаго пономаря молитву Господню: вѣдь родители такъ любятъ хвастаться своими дѣтьми и ихъ способностями и часто четырехлѣтнихъ малютокъ заставляютъ выучивать даже символъ вѣры! И что же? Идётъ онъ разъ въ церковь съ своимъ воспитателемъ-отцомъ. „Что это папаша?“—спрашиваетъ онъ, указывая на икону Господа Саваоѳа.—„Это—Господь; Богъ Отецъ,—отвѣчаетъ ему родитель,—Тотъ Самый, Котораго ты называешь „Отче нашъ“... „Это—Отче нашъ“,—произноситъ какъ бы въ раздумьѣ (вѣрнѣе, ничего не понимая) дитя... А гдѣ же „Иже еси-то?“—продолжаетъ онъ свой допросъ, вызвавъ невольную улыбку на лицѣ поставленнаго этимъ вопросомъ въ великое затрудненіе отца. (Вѣстникъ воспитанія, за 1893 г. кн. 7-я, стр. 7-я).

Да, великія затрудненія ставитъ министерская программа для законоучителя, отводя наученію молитвѣ первое мѣсто въ системѣ обученія Закону Божію.

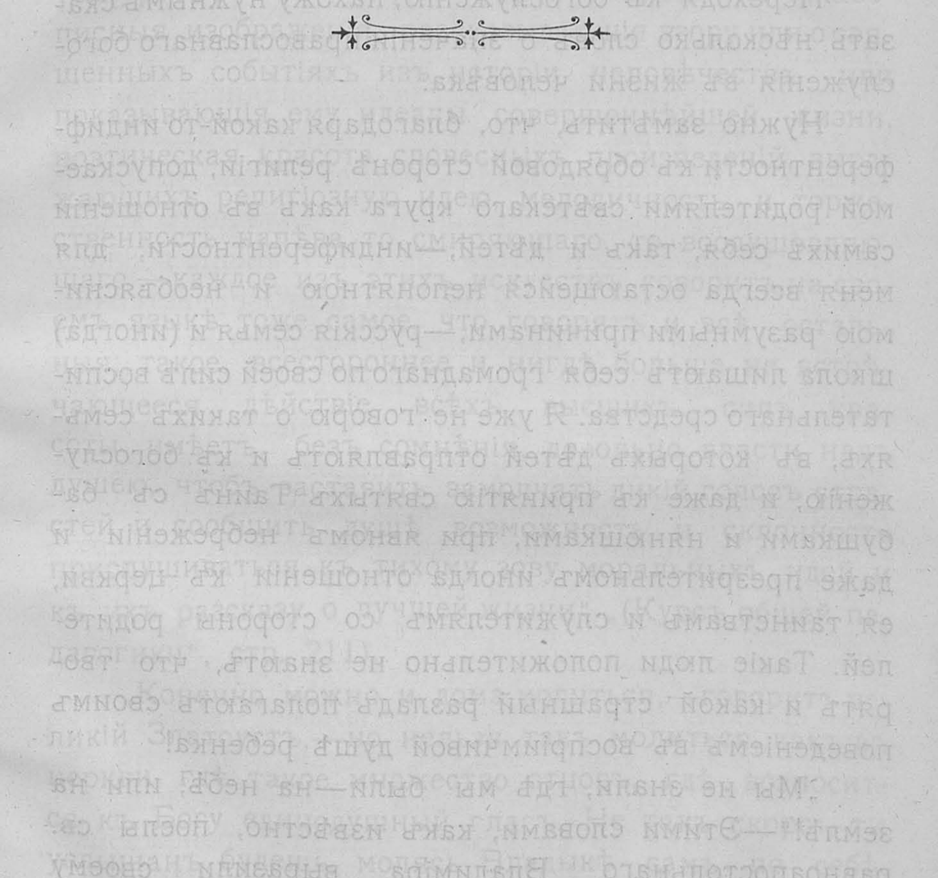
Ни этихъ трудностей, ни безплодныхъ натяжекъ въ видѣ „предварительныхъ“ бесѣдъ,—ничего не нужно было бы, если-бъ изученіе молитвамъ шло въ слѣдъ за изученіемъ свящ. исторіи обоихъ завѣтовъ. Если разсказы законоучителя просты и наглядны если догматическія и нравственныя истины, такъ сказать, „просвѣчиваютъ“ въ этихъ разсказахъ, то они (разсказы) приготовятъ такой вѣрный фундаментъ, такую благодарную почву для дальнѣйшаго

изученія молитвъ и катихизиса; дѣло это, безъ всякихъ предварительныхъ бесѣдъ, пойдетъ такъ легко и складно, что на изученіе молитвъ при такомъ порядкѣ вы затратите много-много 2—3 мѣсяца, тогда какъ при теперешнемъ положеніи мы, законоучители, тратимъ цѣлый годъ.

Итакъ, само дѣло рѣшительно говоритъ за слѣдующее распредѣленіе учебнаго матеріала по Закону Божію въ начальномъ обученіи: священная исторія ветхаго завѣта, священ. исторія новаго завѣта, наученіе молитвамъ, затѣмъ катихизисъ, но не въ видѣ книжки, а въ живой катихизаціи повторныхъ уроковъ по Закону Божію. Богослуженіе я ставлю, какъ будетъ указано ниже, особо отъ этого распредѣленія. Придерживаясь указаннаго распредѣленія въ своей 15-лѣтней законоучительской практикѣ по сельскимъ школамъ, въ изученіи молитвъ я достигалъ прекрасныхъ результатовъ и совершенно не зналъ, что за сизифова работа учить молитвы съ дѣтьми, не знающими священ. исторіи.

„Но какъ же—спросятъ—дѣтямъ молиться Богу, если они не знаютъ формальныхъ молитвъ?“ А какъ же они молились прежде-то, когда не поступали въ школу? Они могутъ, конечно, молиться молитвами и формальными, но только краткими и понятными для нихъ. Такихъ молитвъ они, вѣроятно, не мало знаютъ уже къ поступленію въ школу. Молитвы эти: „Господи благослови! Господи помилуй! Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго! Боже очисти мя грѣшнаго! Слава Отцу и Сыну и Св. Духу“... „Богородице Дѣво“ и даже „Отче нашъ“... Конечно, законоучитель не можетъ запрещать дѣтямъ учить молитвы и болѣе длинныя, по собственному желанію дѣтей,

вслѣдъ за старшими; но при этомъ онъ долженъ всемѣрно направлять дѣтей къ изученію молитвъ, подходящихъ къ ихъ возрасту, и стараться, чтобъ дѣти понимали все, что они заучиваютъ.

X.

Объясненіе богослуженія; катихизисъ.

Переходя къ богослуженію, нахожу нужнымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи православнаго богослуженія въ жизни человѣка.

Нужно замѣтить, что, благодаря какой-то индиферентности къ обрядовой сторонѣ религіи, допускаемой родителями свѣтскаго круга какъ въ отношеніи самихъ себя, такъ и дѣтей,—индиферентности, для меня всегда остающейся непонятною и необъяснимою разумными причинами,—русскія семья и (иногда) школа лишаютъ себя громаднаго по своей силѣ воспитательнаго средства. Я уже не говорю о такихъ семьяхъ, въ которыхъ дѣтей отправляютъ и къ богослуженію, и даже къ принятію святыхъ Таинъ съ бабушками и нянюшками, при явномъ небреженіи и даже презрительномъ иногда отношеніи къ церкви, ея таинствамъ и служителямъ со стороны родителей. Такіе люди положительно не знаютъ, что творятъ и какой страшный разладъ полагаютъ своимъ поведеніемъ въ воспріимчивой душѣ ребенка!

„Мы не знали, гдѣ мы были—на небѣ, или на землѣ!"—Этими словами, какъ извѣстно, послы св. равноапостольнаго Владиміра выразили своему князю впечатлѣніе, полученное ими отъ богослуженія въ константинопольскомъ храмѣ св. Софіи. И дѣйствительно, православный храмъ и православное богослуженіе по той силѣ, которая присуща имъ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны, дол-

жны имѣть громадное воспитывающее значеніе въ жизни человѣка, въ смыслѣ возбужденія и развитія его религіозныхъ чувствованій.

Прежде всего, уже внѣшняя обстановка храма и богослуженія не можетъ не оказать сильнаго вліянія на ребенка. „Величественный и строгій стиль архитектуры храма,—говоритъ проф. Юркевичъ,—живописныя изображенія, разсказывающія взору или о священныхъ событіяхъ изъ исторіи человѣчества, или показывающія ему идеалы совершеннѣйшей жизни, поэтическая красота словесныхъ произведеній, выражающихъ религіозную идею, мелодичность и торжественность напѣва, то смиряющаго, то воодушевляющаго,—каждое изъ этихъ искусствъ говоритъ на своемъ языкѣ тоже самое, что говорятъ и всѣ остальныя: такое всестороннее и нигдѣ больше не встрѣчающееся дѣйствіе всѣхъ высшихъ силъ красоты имѣетъ, безъ сомнѣнія, довольно власти надъ душею, чтобъ заставить замолчать дикій голосъ страстей и сообщить душѣ возможность и склонность прислушиваться къ тихому зову моральныхъ идей и къ ихъ разсказу о лучшей жизни“ „(Курсъ общей педагогики“, стр. 211).

„Конечно можно и дома молиться,—говоритъ великій Златоустъ,—но нельзя такъ молиться, какъ въ церкви, гдѣ такое множество отцовъ, гдѣ возносится къ Богу единодушный гласъ. Не такъ скоро ты услышанъ будешь, молясь Владыкѣ самъ по себѣ, какъ молясь вмѣстѣ съ братіями твоими, ибо здѣсь есть нѣчто болѣе: единомысліе, согласіе, союзъ любви, молитвы священниковъ“.

И кто не знаетъ по собственному опыту, какое высокое, священное и благодѣтельное учрежденіе составляетъ для насъ церковное православное бого-

служеніе? „Такими могущественными средствами воспитанія,—по словамъ Вержболовича,—какія заключены въ нашемъ богослуженіи, не обладаетъ ни одна научная система, ни одно человѣческое учрежденіе... Дитя, воспитанное въ духѣ церкви, всегда будетъ сознавать живую связь со Спасителемъ, какъ главою церкви, и съ членами церкви, какъ своими братьями". Съ другой стороны, исторія и опытъ „свидѣтельствуютъ, что за пренебреженіемъ къ общественному богослуженію всегда слѣдовали: ослабленіе и оскудѣніе вѣры, появленіе сомнѣній касательно самыхъ важнѣйшихъ задачъ человѣчества, извращеніе здравыхъ понятій, нерадѣніе о должномъ исполненіи своихъ обязанностей, распространеніе ложнаго знанія, умноженіе безсилия для всего нравственно-добраго и святого, наконецъ совершенный упадокъ добрыхъ нравовъ и общественныя бѣдствія".

Само собою понятно, что изученіе богослуженія должно вести къ тому, чтобъ церковь могла оказать на христіанина всю силу своего чарующаго, воспитывающаго вліянія. Оно должно объяснить смыслъ и значеніе каждаго явленія въ храмѣ, каждаго богослужебнаго дѣйствія и обряда; другими словами, должно раскрыть глубокій символическій смыслъ обрядовой стороны православно-христіанской вѣры. При этомъ, главная цѣль должна поставляться не въ томъ, чтобъ дѣти знали, какъ можно больше, но, чтобъ, понимая въ главныхъ чертахъ происходящія предъ нимъ дѣйствія, они научались любить храмъ Божій, чтобъ съ радостію спѣшили въ него, чтобъ стояли въ немъ съ благоговѣніемъ и поучались страху Господню, чтобъ выходили изъ церкви обновленными, чистыми, съ возвышенными чувствами и впечатлѣніями.

Изъ самого уже понятія о главной цѣли православнаго богослуженія открываются и характеръ изученія богослуженія и объемъ этого предмета. Сперва о послѣднемъ.

Въ изученіи о богослуженіи, особенно для начальнаго семейнаго обученія, главное мѣсто должно быть отведено только существеннымъ сторонамъ церковныхъ службъ. Знаніе подробностей богослужебнаго чина необходимо въ спеціальныхъ, духовно-учебныхъ заведеніяхъ и развитіе благочестія (что и составляетъ, какъ мы видѣли, главную задачу богослуженія) такимъ знаніемъ отнюдь не обезпечивается. Не только для ребенка, но и для мірянина (напр. взрослаго ученика воскресной школы) достаточно пройти „объясненіе богослуженія“ въ объемѣ программы для начальныхъ училищъ. Весь вопросъ въ томъ, *какъ пройти*.

Преподаваніе объясненія богослуженія должно быть обязательно демонстративнымъ.

„Положимъ.—пишетъ К. Д. Ушинскій.—что преподаватель хочетъ объяснить дѣтямъ главнѣйшія священнодѣйствія литургіи. Для этой цѣли онъ долженъ спросить учениковъ, что они сами замѣтили, присутствуя въ церкви во время обѣдни. Если преподаватель замѣтитъ, что ученики его, хотя и ходили въ церковь, и, можетъ быть, молились усердно, но мало обращали вниманія на то, что дѣлалось предъ ихъ глазами, мало вслушивались въ слова священно-служителей и пѣніе клира, такъ что не замѣтили даже порядка главнѣйшихъ дѣйствій, то пусть онъ самъ не излагаетъ этого порядка, а потребуетъ отъ учениковъ, чтобъ они передъ школою сходили къ обѣднѣ и замѣтили все, что дѣлалось въ церкви, а потомъ потребуетъ отчета въ томъ, что

они замѣтили. Это должно быть повторяемо до тѣхъ поръ, пока большинство учениковъ будетъ, наконецъ, въ состояніи разсказать въ порядкѣ весь ходъ литургіи. Тогда только наставникъ долженъ приступить къ объясненію значенія самыхъ священнодѣйствій и ихъ порядка. Отъ такого пріема преподаваніе пріобрѣтетъ не только наглядность, но высокое, торжественное, живое значеніе; кромѣ того, ученики пріобрѣтутъ привычку быть внимательными въ церкви. Открыть въ церкви для человѣка источникъ духовнаго развитія и нравственныхъ убѣжденій—высшая цѣль всякой народной школы: школа учитъ человѣка не многому и не долго,—церковь поддерживаетъ и наставляетъ его отъ колыбели до могилы; но необходимо нѣкоторое развитіе и нѣкоторое знаніе, чтобъ пользоваться этою поддержкою и этими наставленіями. Все это, кажется мнѣ, не трудно сдѣлать; но, конечно, во всемъ требуется обдуманность, постоянство и нѣкоторый навыкъ со стороны наставника". („Собр. педагог. сочин." стр. 195).

Если даже для толковаго усвоенія литургіи Ушинскій совѣтуетъ посылать дѣтей въ церковь, тѣмъ болѣе необходимо въ самомъ храмѣ изучить его обстановку, устройство и т. д. Только при такомъ способѣ преподаванія, изъясненіе богослуженія превращается въ радостное, желанное, а потому и весьма легкое занятіе; только при такихъ условіяхъ не потребуетъ оно особо продолжительнаго времени и не будетъ такимъ каторжнымъ трудомъ, какимъ оно является при изученіи по сухой и нерѣдко безтолковой книжкѣ,—какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ гимназіяхъ и др. (особенно женскихъ) среднихъ учебныхъ заведеніяхъ!..

Въ систему первоначальнаго обученія Закону Божію нами былъ введенъ катихизисъ, но о преподаваніи послѣдняго мы скажемъ и теперь только то, что сказали уже выше. Катихизисъ желательно вести не по книжкѣ, а при преподаваніи священной исторіи, въ видѣ живыхъ, обобщающихъ повторныхъ вопросовъ и выводовъ.

Вотъ тѣ начала, которыя мы отъ души желали бы дать въ руководство трудящимся въ дѣлѣ первоначальнаго религіознаго воспитанія дѣтей. Только при соблюденіи ихъ, мы можемъ отъ послѣдняго ждать добрыхъ результатовъ. Съ другой стороны, пренебреженіе ими не можетъ не отразиться въ жизни самыми нежелательными послѣдствіями. Нашъ собственный разбродъ и шатаніе, неустойчивость въ убѣжденіяхъ, отсутствіе солидарности въ общественныхъ вопросахъ и пр. и пр.; упреки по адресу нашей молодежи въ преждевременной разочарованности, въ отсутствіи здоровыхъ идеаловъ, въ преждевременной старости и одряхлѣлости и т. под.,—не имѣетъ ли все это,—въ извѣстной мѣрѣ, конечно,—своего основанія въ недостаткахъ учебно-воспитательной системы русскаго юношества вообще, и нераціональной постановкѣ религіознаго воспитанія въ особенности. Не даромъ психологъ Бинэ (директоръ психологической лабораторіи въ Сорбоннѣ) свидѣтельствуетъ, что „общество, которое не чувствуетъ своей религіи и не знаетъ своего языка, находится внѣ условій настоящаго просвѣщенія". Конечно, Законъ Божій у насъ проходится въ семьѣ и въ школѣ. Но какъ проходится? Не „для батюшки-ли?" Не для формы

ли? Не потому-ли, что „безъ этого нельзя?“ *). Если такъ, то толку, очевидно, отъ этого будетъ мало. Нѣтъ, дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія тогда только сдѣлаетъ свое дѣло, когда мы сознаемъ всю важность его и предоставимъ ему должное мѣсто и положеніе въ жизни нашихъ дѣтей. Точно также, тогда только и Законъ Божій, какъ предметъ обученія, будетъ оказывать надлежащее вліяніе на наше подростающее поколѣніе, когда перестанутъ смотрѣть на него, какъ только на предметъ обученія,—когда воздадутъ ему истинное его значеніе, когда будутъ изучать его, какъ слѣдуетъ, а не по книжкамъ, съ отмѣтками: „отъ сихъ и до сихъ“, когда въ преподаваніе этого предмета вложутъ живую душу...

*) Извѣстный дѣятель по народному образованію, К. П. Яновскій пишетъ: „Законъ Божій у насъ (т. е. въ гимназіяхъ) обыкновенно преподается такъ: законоучитель въ назначенный часъ является въ классъ, излагаетъ устно какой-нибудь разсказъ изъ Закона Божія, т. е. излагаетъ устно то, что содержится въ учебникѣ, а лучшіе преподаватели сопровождаютъ свой разсказъ и объясненіями; этотъ разсказъ ученики обязаны выучить наизусть дома, по книгѣ, къ слѣдующему уроку; по наступленіи сего урока законоучитель контролируетъ, насколько твердо ученики выучили назначенный отрывокъ по учебнику; за хорошіе отвѣты онъ выставляетъ имъ въ классномъ журналѣ отмѣтки 4 и 5, а не усвоившимъ наизусть урока—2, 1 или 0. Сверхъ того, послѣдніе иногда подвергаются различнымъ наказаніямъ, какъ-то: аресту, лишенію пищи на болѣе или менѣе продолжительное время; неуспѣвшимъ въ теченіе года назначается послѣ вакацій переэкзаменовка, а иногда оставленіе въ одномъ и томъ же классѣ на другой годъ и даже, хотя впрочемъ въ рѣдкихъ случаяхъ, неуспѣвающіе вовсе исключаются изъ заведенія“. Возставая противъ такой „отвлеченной, казенной“ постановки Закона Божія, Яновскій особенно негодуетъ противъ системы „отмѣтокъ“, которыя положительно не должны быть терпимы въ св. дѣлѣ религіи. „Подобныя наказанія,—пишетъ онъ далѣе,—вообще вредны въ воспитательномъ отношеніи, такъ какъ они портятъ характеръ учащихся; но они не только вредны, но даже пагубны для дѣтей и общества, когда виною ихъ являются законоучители, которые должны быть проводниками христіанской любви, а слѣд., должны быть исполнены кротости и снисходительности къ своимъ ученикамъ. Всякія аттестаціи, въ родѣ отмѣтокъ, выраженныхъ числами 2, 1 и 0, оказываютъ угнетающее вліяніе на юную душу питомцевъ и не ободряютъ къ сохраненію и развитію въ нихъ посильной дѣятельности. Если къ этому присоединить еще убѣжденіе учащихся въ несправедливости даже такихъ людей, которыхъ они должны считать близкими къ себѣ, т. е. учителей и особенно

„Желательно,—по справедливому замѣчанію объяснительной записки къ программѣ по Зак. Б. для нач. учил. министерства. нар. просв.,—чтобъ уроки Закона Божія не имѣли даже вида урока, а были пастырской бесѣдой съ дѣтьми о душевныхъ ихъ нуждахъ, стремленіяхъ, вѣрованіяхъ“ и т. д.

А вы всѣ, нарицающіеся учителями, должны одинаково свято блюсти завѣтъ апостола: *духа не угашайте*, ибо въ этомъ весь секретъ успѣшныхъ и живыхъ результатовъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Помните, что „учитель не есть какая либо принадлежность школы (хотя бы и семейной), которая при ней предполагается; это есть самая сущность школы... Учитель—ремесленникъ, учитель—чиновникъ не годятся для живого дѣла. Учитель долженъ быть подвижникомъ своего дѣла, полагающимъ душу свою въ

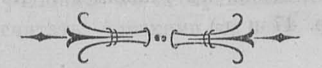
законоучителей, тогда мало по малу разливается въ нихъ не чувство христіанской любви, а чувство ожесточенія противъ своихъ учителей прежде всего, а потомъ—противъ людей вообще и противъ лицъ, стоящихъ выше ихъ по своему положенію въ особенности. Въ этомъ, мнѣ кажется, кроется одна изъ главныхъ причинъ той нравственной незрѣлости и уродливости со стороны молодыхъ людей, учащихся въ нашихъ заведеніяхъ, особенно высшихъ, которыя проявляются нерѣдко въ грубыхъ и ничѣмъ необъяснимыхъ ихъ выходкахъ, возмущающихъ въ послѣдніе годы наше общество. Руководясь сими соображеніями, я,—говоритъ Яновскій,—съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю, что отмѣтки за знанія или за незнанія христіанскихъ истинъ положительно должны быть исключены изъ употребленія, какъ несоотвѣтствующія тѣмъ отношеніямъ со стороны законоучителя къ ученикамъ, которыя должны вытекать изъ взаимной между ними христіанской любви. Награды за знанія по Закону Божію также не должны вестись въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ несоотвѣтствующія воспитательнымъ цѣлямъ. Ни Іисусъ Христосъ, ни апостолы ни кого не награждали и не наказывали за знанія, или незнанія проповѣдуемыхъ ими истинъ, которыя цѣнны не какъ знанія только, а какъ знанія, проникнутыя чувствомъ христіанской любви. По части же чувствъ еще ни одна школа не умѣетъ производить экзаменовъ и выставлять за различіе въ нихъ разнаго рода отмѣтки. Нашъ Божественный Учитель и Его ученики только учили съ любовью и желаньемъ добра людямъ, безъ всякихъ отмѣтокъ. Слѣдовало бы и намъ подражать этому высокому примѣру, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ христіанскаго обученія, долженствующаго быть связаннымъ съ чувствомъ любви къ учащимся“. (Изъ книги „Мысли о воспитаніи и обученіи“, стр. 47 и д.).

дѣло обученія и воспитанія“. (Изъ кн. „Ученье и Учитель“, изд. К. П. Побѣдоносцева).

Заключеніе.

По исконному, славяно-русскому, православно-народному міропониманію, Царь есть носитель высшей правды и наилучшій выразитель народныхъ идеальныхъ стремленій и воззрѣній. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 10-го Іюня 1902 года, Благополучно Царствующій Государь Императоръ выразилъ не только сущность разумнаго воспитанія современнаго русскаго юношества, но и указалъ дальнѣйшій путь, по которому отселѣ должно будетъ идти это воспитаніе. „Прежде всего,—вѣщаетъ Русскій Самодержецъ,—подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялись воспитаніе его въ духѣ вѣры, преданности Престолу и Отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиною и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубные для каждаго дѣла духъ своеволія и самомнѣніе“. Слова эти золотыми буквами впишутся въ исторію воспитанія русскихъ молодыхъ поколѣній!

... Ими мы заканчиваемъ свой трудъ...

Оглавленіе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О религіозномъ воспитаніи дѣтей.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к., можно наложеннымъ платежомъ. Складъ изданія у автора (Пенза, Тамбовская ул. собств. д.) и въ Губернской Типографіи. Иногороднія обращаются исключительно къ автору.

Тамъ же продается книга того же автора:

2. Простая рѣчь о важнѣйшемъ дѣлѣ.

(16-ть простонародныхъ бесѣдъ о воспитаніи дѣтей). Изданіе второе. Цѣна 20 к., съ перес. 30 к., можно наложеннымъ платежемъ.

Книгу того же автора

3. Бесѣды о разныхъ истинахъ православной вѣры противъ молоканъ и сродныхъ имъ сектантовъ: штундистовъ, баптистовъ и др. Пенза. 1889 года. Цѣна 85 коп. съ пер. 1 руб.

можно выписывать только чрезъ книжный магазинъ И. Л. Тузова (Петербургъ, Садовая, Гостинный дворъ, № 45-й.)

Книга удостоена лестныхъ отзывовъ духовной печати (См. „Церковныя Вѣдомости" за 1889 г. № 18-й; „Другъ истины" за 1889 г. № 16—17; „Екатеринославскія Епарх. Вѣдомости", за 1889 г. № 24-й и мн. др.), а 3-мъ Всероссійскимъ Миссіонерскимъ Съѣздомъ (въ г. Казани) внесена въ списокъ книгъ, рекомендуемыхъ Съѣздомъ для миссіонерскихъ противосектантскихъ библіотекъ. (См. „Дѣянія 3-го Всероссійскаго Миссіонерскаго Съѣзда въ Казани" В. М. Скворцова, стр. 278-я, и „Миссіонерскій Календарь" на 1902 г., сост. подъ его же редакціей, стр. 379-я.)

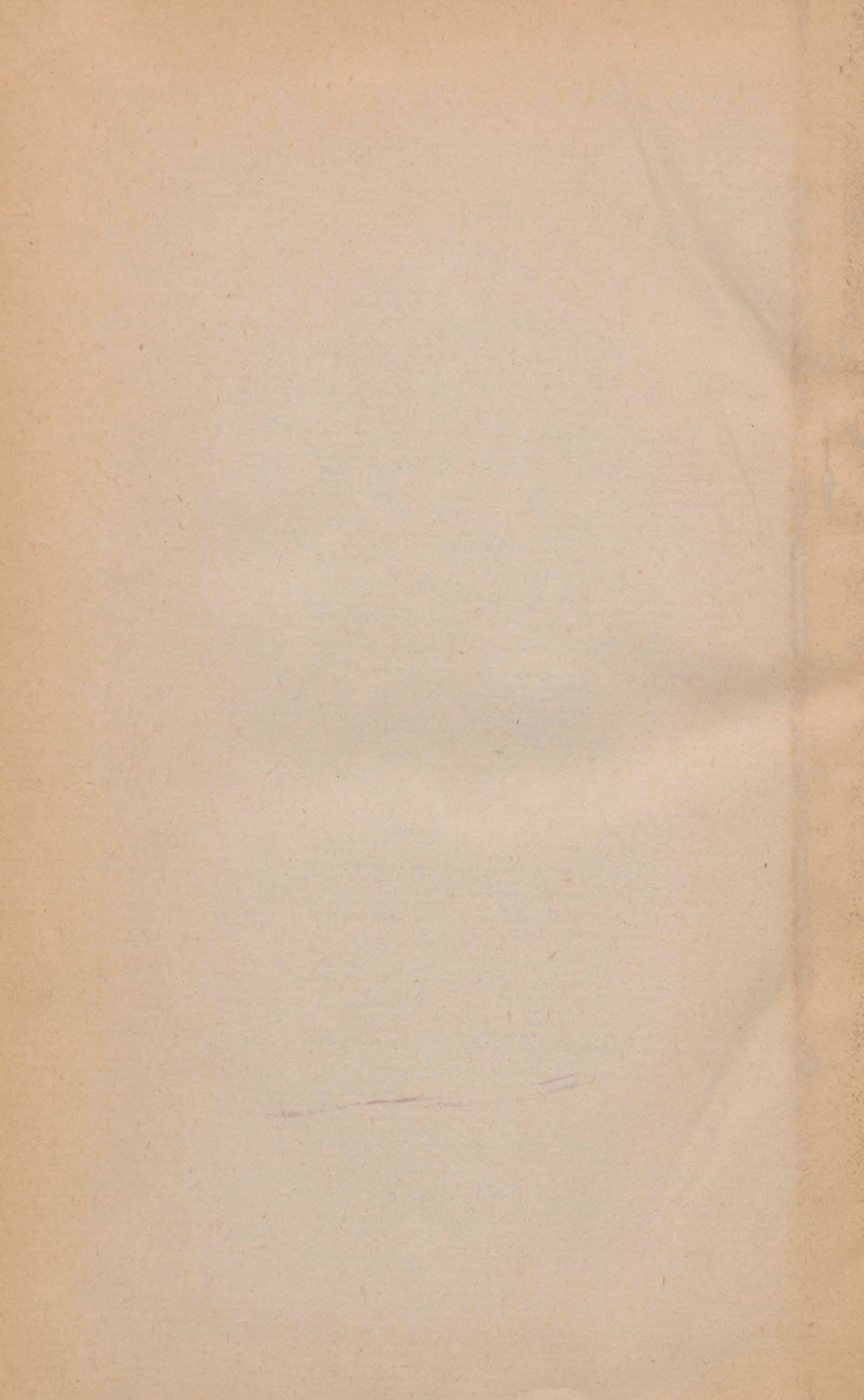
Кромѣ того, готовятся къ печати труды того же автора:

4. Внѣцерковныя чтенія для простого народа.

Большой томъ, содержащій разнообразныя статьи религіозно-нравственнаго содержанія, пригодныя для народныхъ чтеній.

5. Простонародныя поученія на воскресные и праздничные дни.

Въ сборникъ войдетъ до 200 поученій, составленныхъ примѣнительно къ пониманію простого народа.

2007097341